

Чарльз Тилли  
От мобилизации  
к революции



ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ  
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ  
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

СОЦИАЛЬНАЯ  
ТЕОРИЯ

УДК 321.7  
ББК 63.3(0)  
Т40

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ  
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ  
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Руководитель проекта АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

- Тилли, Ч.  
Т40 От мобилизации к революции [Текст] / пер. с англ. Д. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики», 2019. — 432 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1527-3 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-2027-7 (e-book).

Известный американский исторический социолог Чарльз Тилли рассматривает проблемы коллективного действия, иллюстрируя свои теоретические выкладки, концептуальный аппарат и модели разнообразными историческими и современными примерами. Выделяя четыре интеллектуальные традиции исследования коллективного действия, восходящие к Марксу, Веберу, Дюркгейму и Миллю, Тилли разрабатывает собственную традицию, синтезирующую Маркса, Милля и Вебера, каузальный и целевой подходы к объяснению коллективного действия, организационный и ресурсный подходы, модель политической системы и модель коллективного выбора. Он показывает, каким образом исторические макропроцессы — коммерциализация, урбанизация, индустриализация, государственное строительство, демократизация, развитие коммуникационных технологий — до неузнаваемости меняют репертуар и формы коллективного действия, трансформируя интересы и организационный потенциал его участников наряду с макроструктурами, дающими возможности и одновременно ограничивающими их. В книге также представлена оригинальная теория революции как особой формы насильственного коллективного действия.

Издание адресовано социологам, историкам, политологам, философам.

УДК 321.7  
ББК 63.3(0)

Перевод выполнен по изданию: *Charles Tilly. From Mobilization to Revolution*

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики  
<<http://id.hse.ru>>

doi: 10.17323/978-5-7598-1527-3

ISBN 978-5-7598-1527-3 (в пер.)  
ISBN 978-5-7598-2027-7 (e-book)  
ISBN 0-394-34941-5 (англ.)

Copyright © 1978 by Newbery Award Records, Inc.  
All rights reserved.

© Перевод на русский язык.  
Издательский дом Высшей школы  
экономики, 2019

# Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ . . . . .	9
ГЛАВА 1	
ВВОДНАЯ . . . . .	12
Природа коллективного действия . . . . .	12
Теория коллективного действия . . . . .	18
Компоненты коллективного действия . . . . .	20
Группы, события и движения. . . . .	23
О том, что вы найдете в этой книге . . . . .	25
ГЛАВА 2	
ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ И ПОДХОДЫ	
К КОЛЛЕКТИВНОМУ ДЕЙСТВИЮ . . . . .	27
Маркс о 1848 годе . . . . .	27
Дюркгейм. . . . .	32
Дюркгеймианская традиция . . . . .	37
Милль и утилитаристы. . . . .	42
Коллективный выбор . . . . .	45
Стратегическое взаимодействие. . . . .	50
Милль и псевдо-Милль. . . . .	56
Вебер . . . . .	59
Общественные движения . . . . .	62
Марксовский анализ после Маркса . . . . .	67
Коллективная история коллективного действия . . . . .	72
Наша задача . . . . .	76
ГЛАВА 3	
ИНТЕРЕСЫ, ОРГАНИЗАЦИЯ И МОБИЛИЗАЦИЯ. . . . .	80
Элементарные модели . . . . .	80
Простое описание коллективного действия . . . . .	84

Интересы . . . . .	89
Организация . . . . .	93
Мобилизация . . . . .	101
Измерение мобилизации . . . . .	115
Общие условия мобилизации. . . . .	118
От мобилизации к коллективному действию . . . . .	123
Выявление и измерение коллективного действия . . . . .	130
 ГЛАВА 4	
ВОЗМОЖНОСТЬ СОВМЕСТНОГО ДЕЙСТВИЯ . . . . .	140
От мобилизации к возможности . . . . .	140
Репрессия и помощь . . . . .	142
Репрессивные и толерантные правительства . . . . .	152
Власть . . . . .	162
Стороны . . . . .	165
Интересы . . . . .	166
Взаимодействия . . . . .	168
Измерение власти . . . . .	169
Власть и членство в политической системе . . . . .	175
Обнаружение изменений в членстве в политической системе . . . . .	177
Возможность/угроза . . . . .	187
Взаимодействие мобилизации и возможности . . . . .	193
 ГЛАВА 5	
ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМ КОЛЛЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ . . . . .	200
Формы борьбы . . . . .	200
Репертуары коллективного действия . . . . .	211
В качестве примера: забастовка . . . . .	221
Выборы, демонстрации и политические системы . . . . .	232
 ГЛАВА 6	
КОЛЛЕКТИВНОЕ НАСИЛИЕ . . . . .	239
Британские драки как коллективное насилие . . . . .	239
Насилие: понятие и реальность . . . . .	242
Некоторые очертания насилия . . . . .	246
Насилие в Америке . . . . .	247
Политическое действие и вовлеченность в насилие . . . . .	250

Изменение контекстов коллективного насилия . . . . .	.256
ГЛАВА 7	
РЕВОЛЮЦИЯ И ВОССТАНИЕ . . . . .	263
Революционные ситуации и результаты революции . . . . .	.263
Революционные ситуации. . . . .	.265
Результаты революции. . . . .	.268
Комбинация ситуаций и результатов . . . . .	.270
Непосредственные причины революционных ситуаций . . . . .	.277
Альтернативы существующей политической системы . . . . .	.280
Принятие альтернативных требований. . . . .	.283
Бездействие правительств . . . . .	.290
Непосредственные причины революционных результатов . . . . .	.294
Коалиции между членами политической системы и претендентами. . . . .	.295
Контроль над существенными силами . . . . .	.298
Революционные события и коллективное насилие . . . . .	.300
Революционные результаты и дальнейшие структурные изменения . . . . .	.305
ГЛАВА 8	
ЗАКЛЮЧЕНИЯ И НОВЫЕ НАЧИНАНИЯ . . . . .	309
Возвращаясь к XVIII веку . . . . .	.309
Теоретизирование о коллективных действиях . . . . .	.315
Важность истории . . . . .	.320
История коллективного действия в современной Франции . . . . .	.326
В качестве последнего примера: сельское коллективное действие в Бургундии . . . . .	.331
ПРИЛОЖЕНИЕ I	
ПРОЦЕДУРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАБАСТОВОК И КОЛЛЕКТИВНОГО НАСИЛИЯ ВО ФРАНЦИИ . . . . .	336
ПРИЛОЖЕНИЕ II	
МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО НАСИЛИЯ ВО ФРАНЦИИ . . . . .	349

ПРИЛОЖЕНИЕ III	
ПРОЦЕДУРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	
КОНКУРЕНТНЫХ СОБРАНИЙ	
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ . . . . .	370
ПРИЛОЖЕНИЕ IV	
МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	
КОНКУРЕНТНЫХ СОБРАНИЙ	
В ВЕЛИКОБРИТАНИИ . . . . .	388
БИБЛИОГРАФИЯ . . . . .	408

## Предисловие

**М**ои друзья распознали в этой книге именно то, чем она и является — кашу из топора. Подобно лукавому солдату из сказки я налил в котел воды, положил топор, а затем просил других положить любых ингредиентов, каких не жалко. И они много всего добавили в эту кашу. Более того, они сделали чудо — топор уварился и стал съедобным. Но вышла ли каша действительно вкусной, решать читателю.

Некоторые разделы этой книги были написаны как меморандум к довольно оживленному семинару, который в свое время проходил в Центре исследований разрешения конфликтов в Мичиганском университете. Клинт Финк, Боб Хефнер, Билл Гэмсон, Джоан Линд, Элизабет Конверс и Ди Вернетт внесли свой плодотворный вклад в книгу еще на стадии существования семинара. Другие разделы книги появились как письменные дополнения к дискуссиям с друзьями, студентами и коллегами (я рад, что эти три категории не являются взаимоисключающими) в Мичиганском центре исследований социальной организации. Гэмсон, Линд и Вернетт вновь не давали мне покоя, теперь к ним в разное время присоединялись Боб Коул, Макс Хейрих, Луиза Тилли, Дэвид Снайдер, Франк Манджер, Брюс Файрман, Бил Рой и Рон Аминзаде. Целые части книги базируются на материалах неопубликованных статей, которые годами ходили между моими коллегами и студентами под заголовком «От мобилизации к политическому конфликту» и «Революции и коллективное действие». (Одна из версий второй статьи даже была напечатана в третьем томе «Справочника по политологии» под редакцией Фреда И. Гринстейна и Нельсона Полсби, выпущенном в 1975 г. издательством «Addison-Wesley».) Любой, кто поближе при-

смотрится к сваренной каше, легко узнает ингредиенты. Гурман, который будет ею угощаться, также заметит, что я измельчил, смешал, уменьшил пропорции и приправил все перечисленные ингредиенты, так что лишь немногие из них остались в своем изначальном виде.

Несколько слов о восьми отзывах на первый вариант этой книги. Большинство, увы, были критическими, хотя они оправдывали свою критику тем, что похвала не принесет мне никакой пользы. Рон Аминзаде, Линн Иден, Брюс Файрман, Тони Обершаль, Билл Рой, Ян Смит и Майк Азем написали особенно глубокие рецензии. В итоге я переписал исходную рукопись и увеличил количество глав с четырех до восьми. Луиза Тилли, напротив, была настолько занята ее собственными проектами во время работы над этой книги, что не смогла выкроить время, чтобы написать собственную ей беспощадную рецензию, анализирующую рукопись строчка за строчкой. Пришлось согласиться на ее быстрые советы и безапелляционные замечания. Вероятно, это даже пошло мне на пользу. Я могу поблагодарить ее за то, что книга вышла на несколько месяцев раньше, и в шутку укорить за оставшиеся в ней ошибки и опiski.

Сандра Эренс, Энн Долинка, Маргарет Гриллот, Пэм Юм, Рут Льюис, Мери Ненсевиц, Роз Сири, Кэти Варго и Барбара Уайт помогли подготовить различные версии рукописи, а Марта Гест и Бобби Швайцер успешно поработали с библиографией. За помощь в изучении Франции и Британии, к примерам которых эта книга постоянно отсылает, я в особом долгу перед Присциллой Чивер, Лейлой Ал Имад, Элизабет МакДональд, Шанталь Бансильон, Майком Поленом и Бобби Швайцером.

И да, конечно же, отдельное спасибо за деньги. В последние годы Национальный научный фонд обеспечивал щедрую поддержку исследованиям, которые лежат в основе этой книги. Я также благодарен Дональду Плоху из упомянутого фонда за его поддержку. Стипендия Гуггенхайма и Гудзонская научно-исследовательская стипендия Мичиганского университета дали мне возможность написать первый черновик. Совместная поддержка Высшей школы социальных наук и фонда «Дом наук о человеке» дали огромный импульс моей работе во Франции.

И последнее о каше из топора — она далеко не обедение вплоть до последней ложки. На дне котла по-прежнему — топор.

Даже чудодейственная помощь и заклинания моих друзей не смогли до конца растворить топор, с которого я начинал. За этот топорный осадок я в ответе вдвойне: за то, что плохо ставил вопросы и отвечал на них; и хуже того за то, что зная это, оставлял плохие вопросы и плохие ответы. Почему я так поступал? Потому что, в энный раз переписывая книгу, я понял, что эта каша и есть моя жизнь. И есть будущее: раскладывать по тарелкам сваренную кашу, добавляя и топорный осадок, собирая в ответ рецепты и жалобы, стараясь улучшить вкус и питательную ценность, но никогда не снимать котел с огня. До тех пор, пока вокруг друзья и добрые люди, готовые поделиться ингредиентами, каши из топора хватит на всех.

*Чарльз Тилли*

Энн-Арбор, Мичиган,  
январь 1978 г.

# Глава 1

## Вводная

### ПРИРОДА КОЛЛЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

**1765** ГОД был оживленным годом как в Англии, так и в Америке. Новости, приходящие из американских колоний, описывали обычные конфликты: стычки между контрабандистами и таможенниками, индейцами и поселенцами, попытки приграничных жителей «взять власть в свои руки». По-настоящему большой новостью из Америки стало неподчинение британскому Акту о гербовом сборе<sup>1</sup>. Использование дорогостоящей гербовой бумаги для официальных сделок должно было вступить в силу с 1 ноября. Задолго до этого анонимные предупреждения и решительно настроенные толпы людей стали угрожать каждому, кто выказывал признаки готовности соблюдать закон о гербовом сборе. В Бостоне, как и в других городах, жители устраивали красочные уличные представления с самодельными виселицами, транспарантами и чучелами королевских чиновников. Иногда они громили и грабили здания, предназначенные для гербовых агентств и государственных служащих. Они успешно заблокировали применение акта в американских колониях. При помощи их союзников в Англии акт был отменен в марте 1766 г. С этого скоординированного сопротивления началась почти десятилетняя

---

<sup>1</sup> Акт о гербовом сборе (Stamp Act), принят в 1765 г. Посредством него британский парламент обложил прямым налогом американские колонии. Этот закон требовал, чтобы законодательные акты, журналы, газеты и многие другие издания выходили на гербовой бумаге, производимой в Лондоне. Закон встретил сильное сопротивление в колониях и внес вклад в формирование американского освободительного движения. — *Примеч. пер.*

борьба внутри американских колоний, которая в итоге вылилась в великое противостояние между колониями и Англией. Америка была уже на пути к революции.

В Англии к американским событиям отнеслись с пониманием. Например, в начале марта 1766 г. «...свыше двух сотен членов палаты представителей внесли в палату лордов законопроект об отмене Акта о гербовом сборе; примеров такого единогласия по поводу одного-единственного акта нет в памяти старшего поколения» (Annual Register, 1766, p. 72). Тем не менее большинство заметных конфликтов в Англии 1765–1766 гг. было связаны с внутренними проблемами. Портные начали забастовку, ткачи двинулись на парламент с требованием недопущения иностранной конкуренции, шерифы Лондона устроили шествие с петицией о государственных действиях по снижению цен на продовольствие, сельчане захватывали продовольствие и продавали его по собственным ценам, горожане атаковали сборщиков, назначенных для реализации предназначенной для Англии версии Акта о гербовом сборе. И это было еще не все. 12 августа, недалеко от Ипсвича:

Нарушая общественное спокойствие, группа людей собралась, чтобы сровнять с землей дом трудолюбия, недавно возведенный в Нектоне <...> их смелость доходила до такой степени, что ни увещевания должностных лиц о незаконности их намерений, каковую они открыто признавали, ни зачитанные и объясненные им последствия Закона о бунтах<sup>2</sup>, ни появление регулярных конных и пеших отрядов графства, по-видимому, не произвели на них ни малейшего впечатления; более того, хотя прокламация была оглашена им громким голосом и они, казалось, слушали ее внимательно, ни один человек не сдвинулся с места (Annual Register, 1765, p. 116–117).

Напротив, пока войска готовились к атаке, толпа из 100 человек или около того, «вооруженная чем попало: орудиями для уборки гороха, кольями, дубинами, обрушилась на конницу и пехоту, но дело было окончено в пять минут». В назидание другим солдаты арестовали семерых и разогнали остальных.

---

<sup>2</sup> Закон о бунтах (Riot Act) — так называемый Закон об охране общественного спокойствия и порядка, вступивший в силу в 1715 г. в Англии. Давал полномочия местным властям применить силу для разгона незаконно собравшейся группы из 12 человек или более, в случае если они не разойдутся сами в течение часа после прочтения им соответствующего закона. — *Примеч. пер.*

Был ли это бунт? В формально-юридическом смысле это было так: 12 человек или более того в действительности собрались с явными намерениями, которые местные власти могли обосновано рассматривать как незаконные, собравшиеся не разошлись в течение часа — т.е. того времени, которое закон предоставлял после оглашения им представителями власти законодательства о бунтах. Однако в более слабом смысле неистовства, неразберихи или бессмысленного разрушения это событие не может быть квалифицировано как бунт. Обе стороны явно знали, что делают, и делали это как только могли. В этом правда о многих «беспорядках», о которых свидетельствует «Annual Register» за 1765 г.

«Домом трудолюбия» в Нектоне, который намеревалась уничтожить толпа, был недавно построенный работный дом. Бедные английские селяне долгое время получали пособие от прихода, проживая у себя дома. Эти пособия были жалкими, однако обеспечивали выживание. Пособия были правом бедняков. Это была «помощь извне». Теперь «помощь изнутри» угрожала вытеснением старой системы. Начиная с 1730-х годов многие местные власти Англии пытались справиться с растущим числом бедных посредством двух нововведений: помещения бедных в закрытые учреждения, где они работали под надзором государства, и объединения усилий нескольких близлежащих приходов по помощи бедным в рамках единого ведомства. Парламент легализовал оба нововведения. Строительство работных домов для нескольких приходов, таким образом, объединило обе меры. Это также позволило некоторым приходам уменьшить выплаты пособий и перенаправить своих бедняков куда-либо еще. Бедняки боролись за «внутренние пособия» во имя уже имеющихся прав.

В 1750-х годах лихорадку реформ подхватили и лендлорды с приходскими священниками недалеко от Ипсвича в графстве Саффолк. Адмирал Вернон пожертвовал землю в Нектон Хит для строительства нового работного дома. Строительством заведовала «комиссия синих лент»<sup>3</sup>. Дом трудолюбия Нектона стал своего рода прообразом остальных работных домов, начав в 1758 г. принимать

---

<sup>3</sup> «Комиссия синих лент» (blue-ribbon committee) — неформальный термин, обычно используется для обозначения группы исключительных лиц, экспертов, специалистов, назначаемых для решения или расследования конкретно

нищих из соседних приходов. Тут приходских бедняков отправляли на работу: ткать мешки, вязать снасти, прясть шерсть [Webb, Webb, 1963, p. 127]. Однако к 1765 г. элитный надзор «синих лент» ослаб. Оказалось, что для заключенных в работные дома бедняков найти прибыльную работу довольно трудно. Более того, скооперировавшиеся приходы посылали в работные дома старых и молодых, здоровых и больных независимо от их трудоспособности. Неудивительно, что бедняки графства Саффолк сопротивлялись расширению подобной системы.

Движение против работного дома Нектона было одним из многих подобных конфликтов в 1765 г. За неделю до конфликта в работном доме Нектона «The Gentleman's Magazine» сообщал следующее:

Несколько тысяч бунтовщиков собрались неподалеку от Саксмандхем в графстве Саффолк и уничтожили работный дом, в котором были трудоустроены бедняки. Они действовали под предлогом освобождения бедняков для помощи в сборке урожая, но на самом деле выступления были направлены против последнего акта парламента, недавно принятого для помощи беднякам округов Уилфорда и Лоеса и т.д. В подавлении бунта была задействована армия, несколько солдат лишились жизни, прежде чем бунтовщики были рассеяны (The Gentlemen's Magazine, 1765, p. 392).

В Саксмандхеме не только бедняки, но и многие из их менее обделенных соседей также считали новый институт работных домов неуместным и недопустимым.

Вот что на самом деле происходило во вторую неделю августа 1765 г.: большая часть Саффолка была охвачена восстанием. Большая толпа сначала собралась в Викхем Маркет, когда там попечители бедняков из округов Уилфорда и Лоеса обсуждали план строительства нового работного дома. В результате толпа принудила попечителей подписать отказ от своего плана. Далее в течение недели мятежники двигались от одного работного дома к другому, круша здания и требуя от попечителей взять на себя обязательство не восстанавливать их. Они требовали, «чтобы с бедняками обращались как обычно, чтобы бедняки могли свободно располагаться

---

го дела. Этим термином, как правило, подчеркивается независимость от влияния политических или иных властей. — *Примеч. пер.*

и быть сами себе хозяевами» [Webb, Webb, 1963, p. 141–142]. В формально-юридическом смысле слова это были бунты. Но они явно были и чем-то бóльшим.

В столкновениях в Нектоне и Саксмандхеме проявились распространённые характеристики социальных конфликтов в Британии XVIII в. в целом. В то время как Давид Юм и Адам Смит разрабатывали соответствующие теории, обычные британцы боролись за право распоряжаться землей, трудом, капиталом и товарами. Нападения на работные дома, скоординированные сопротивления огораживаниям, голодные бунты и ряд других распространенных форм конфликта XVIII в. — все они постулировали имплицитную двухчастную теорию: во-первых, что члены данного локального сообщества обладают приоритетным правом на использование ресурсов, производимых или имеющихся в данном сообществе; во-вторых, что сообщество как таковое имеет своим приоритетным обязательством помощь слабым и лишенным ресурсов членам данного сообщества. И эти право и обязанность должны непременно обладать приоритетом как по отношению к любому индивидуальному интересу, так и по отношению к любому интересу за пределами сообщества. Эти право и обязанность должны даже иметь приоритет над интересами короны или страны в целом. Это было, в терминологии Э.П. Томпсона, плохо артикулированной, но влиятельной теорией «моральной экономики».

Тем не менее многие торговцы, промышленники, землевладельцы и местные власти предпочли бы другой, более современный вариант теории, состоящей из четырех частей: во-первых, все товары, включая рабочую силу, должны быть реализуемой собственностью; во-вторых, каждый собственник имеет право и даже в какой-то степени обязанность использовать собственность для своей выгоды; в-третьих, коллективный интерес, артикулируемый государством, имеет приоритет над местными интересами; в-четвертых, в целом коллективному интересу лучше всего служит рациональная, неограниченная погоня за личными интересами. К.Б. Макферсон назвал это теорией «собственнического индивидуализма». Эта четырехчастная теория куда более известна в наши дни. Она выражает некоторые основополагающие принципы современности. Но в XVIII в. теория собственнического индивидуализма была еще чем-то новым и спорным. Для того чтобы стать

доминирующей, она должна была вытеснить соперничающую теорию «моральной экономии». И хотя противоборствующие стороны в конфликтах при Нектоне и Саксмандхеме, как, собственно, и во многих других конфликтах Британии XVIII в., даже не мечтали выразить это в таких терминах, но их борьба была именно борьбой, в которой потерпела поражение моральная экономия и победил собственнический индивидуализм.

Не то чтобы бойцы с обеих сторон были всего лишь теоретиками, просто идеологами или несчастными жертвами общих заблуждений. Нет, на карту были поставлены реальные интересы. И участники видели их более или менее ясно. Конечно, на расстоянии двух столетий, мы можем найти некоторые из их заявлений причудливыми, непонятными или безнадежно романтичными. С удобством оглядываясь назад, мы можем поставить под сомнение средства реализации их интереса: смеяться над разрушением рабочих домов, негодовать по поводу использования войск против безоружной толпы. Но в ретроспективе мы также видим, что их действия следуют некой фундаментальной, видимой логике. И чем больше мы узнаем об изменениях в Великобритании XVIII в., тем более ясной и убедительной становится для нас эта логика.

Эта борьба не просто противопоставила друг другу два различных мировоззрения. Два способа социальной организации сцепились в смертельной схватке. Старый черпал силу в земле и локальности. Новый способ соединил экспансию капиталистических отношений собственности с подъемом национального государства. Многие другие изменения также берут свое начало в этой роковой комбинации: крупномасштабные организации, растущая коммерциализация, расширение коммуникаций, рост пролетариата, трансформация ткани повседневной жизни. Новый способ социальной организации победил. Мир моральной экономии распался. Но когда простые британцы XVIII в. вообще принимали участие в коллективном действии, они действовали против той или иной черты этого нового мира. В целом они выступали в защиту специфических черт моральной экономии.

Таким образом, попытки понять события 1765 г. идут по нескольким совершенно различным направлениям. Во-первых, необходимо некоторое знание конкретных обстоятельств, в которых участники оказались: проблем, с которыми они сталкивались;

врагов, стоявших перед ними; средств, находившихся в их распоряжении; их понимания того, что происходит. В Великобритании XVIII в. усилия магистратов по улучшению администрирования законодательства о бедняках, уязвимость безземельных бедняков перед колебаниями цен, сила традиции местного прямого действия против злоумышленников — все эти обстоятельства имеют решающее значение. Понимание 1765 г. также требует анализа крупномасштабных изменений, которые последовали за конфликтами; мы мало что сможем понять в характеристиках конфликтов XVIII в., пока не обнаружим совместную экспансию капитализма и рост государства. В итоге это приводит нас к обобщенному рассмотрению способов совместного действия людей, преследующих общие интересы, к изучению коллективного действия.

## ТЕОРИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

Третья и основная проблема книги — изучение коллективного действия. В дальнейшем я нередко буду приводить исторические примеры специфических обстоятельств и часто буду предлагать объяснения, включающие государственное строительство, экспансию капитализма, индустриализацию или другие крупномасштабные структурные изменения. Однако ближайшие страницы будут посвящены исключительно общетеоретическому анализу коллективного действия.

Анализ коллективного действия — рискованное предприятие. В первую очередь потому, что слишком многие считают себя экспертами в этой области. Это немного напоминает пищу или секс, или речь. Почти каждый из нас знает о пище, сексе или речи достаточно для выживания в собственной среде, и никто из нас не любит, когда ему говорят, что он ничего не смыслит в какой-либо из этих трех областей. Но с точки зрения науки нам многому стоит научиться относительно всех трех. То же относится и к коллективному действию. Мы, как и люди XVIII столетия в Нектоне, опираемся на богатый, конкретный опыт действия в общих интересах. Более того, среди нас всегда есть опытные организаторы, готовые поделиться с нами и даже преподать нам уроки их практического опыта. Как и в изучении пищи, секса или речи, в изучении коллективного действия всегда существует риск либо отмечать очевидное, либо выдвигать гипотезы, противоречащие здравому смыслу.

Здесь все куда тоньше. В глубине каждой дискуссии о коллективном действии бурлит лава вулканических извержений: коллективное действие затрагивает вопросы власти и политики; оно неминуемо поднимает вопросы о правильном и неправильном, справедливом и несправедливом, надежде и безнадежности; сама постановка проблемы часто будет включать суждения о том, кто имеет право действовать и что хорошего принесут с собой эти действия. Обратите внимание на то, что по этому поводу говорит редакция газеты «Detroit Free Press» (October 15, 1975):

Современный либерализм уходит своими корнями в свойственную XX в. веру в идею прогресса человечества, в то, что жизнь людей можно сделать лучше при помощи коллективного действия. В своей крайней форме это всегда была наивная вера, основанная на наивном взгляде на человеческую природу.

XX век стал более бурным временем и принес с собой разочарование в идее изменения условий человеческого бытия. И вот его многочисленные трагедии: две мировые войны, Великая депрессия, часто парадоксальное воздействие технологии на человека, последствия колониализма и институционализированного расизма, рост и концентрация богатства и влияния, водородная бомба, «холодная война», плачевное положение многих городов.

(«Тяжелая штука, это ваше коллективное действие!» — написал кто-то на этой редакционной статье, прикрепленной на доску объявлений нашей исследовательской группы.) В каком-то смысле, *каждая* позиция, которая занимается относительно желательности, осуществимости или эффективности коллективного действия, является политической позицией. Тон дискуссии, которая впоследствии будет развернута на страницах книги, в основном негативный по отношению к коллективным действиям правительств и позитивный по отношению к коллективным действиям обычных людей — также является политической позицией.

В числе связанных с этой проблематикой рисков, увы, всегда присутствует искушение обсуждать ее, используя причудливую, непонятную терминологию и пугающие абстрактные модели. Однако прямое и открытое обсуждение темы также имеет свои недостатки: люди часто больше реагируют на намеки и полутона, чем на надежную информацию. Без некоторой стандартизации терминов и усилий по абстрагированию мы рискуем вовсе погрязнуть во

все более и более скрупулезном описании деталей конкретных действий. Необходимым видится поиск баланса между неточностью и терминологическим «мракобесием».

Другой риск является следствием того факта, что коллективное действие перекрывает разделение между двумя основными видами социального анализа. Речь идет о разделении каузального и целевого объяснения [Coleman, 1973, р. 1–5]. Действие индивида или группы можно рассматривать как результат воздействия внешних по отношению к индивиду или группе сил; эти внешние силы, как предполагается, *являются причиной* поведения. В этом случае мы склонны думать, что имеем хорошее объяснение тогда, когда тщательное рассмотрение положения актора позволяет более или менее точно заключить, как он будет вести себя.

Или же мы можем полагать, что индивид или группа осуществляют выбор в соответствии с некоторым набором правил, имплицитных или эксплицитных; это — *целевой* подход. В этом случае мы склонны думать, что имеем надежное объяснение тогда, когда можем приписать актору следование некоторому правилу, которое логически ведет к большинству или всем его наблюдаемым актам выбора. В сфере коллективного действия трудно строить каузальные модели, которые уделяли бы серьезное внимание интересам, недовольствам и устремлениям акторов. Так же трудно строить и целевые модели, выделяющие факторы, ограничивающие реализацию интересов, недовольств и устремлений.

Так почему бы не попытаться синтезировать эти подходы? Почему бы не совместить каузальные модели ограничений с целевыми моделями выбора из возможных курсов действия? Этот синтез на удивление трудно осуществить. Прежде чем закончить эту книгу, было потрачено немало времени на колебания между этими двумя альтернативами и на попытки их объединить.

## КОМПОНЕНТЫ КОЛЛЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

В рамках анализа коллективного действия выделяют пять больших компонентов: интересы, организация, мобилизация, возможность и само коллективное действие. *Интересы*, которые занимают нас здесь больше всего, это приобретения и потери, возникающие как результат взаимодействия группы с другими группами. Далее речь

пойдет о том, что составляет соответствующую группу, а также о том, как определить или измерить реальные устойчивые интересы.

*Организация*, которая является предметом нашего наибольшего внимания, есть тот аспект групповой структуры, который самым непосредственным образом влияет на способность группы действовать ради достижения своих интересов. Совершенно очевидно, что одной из основных проблем является определение того, какие характеристики организации *действительно* существенны для анализа действия. Можно ли, например, сказать, что степень приверженности членов организации в значительной мере определяет форму и интенсивность их коллективного действия? Можно ли сказать, что четкость разделения труда в организации имеет большое значение?

*Мобилизация* — это процесс, при помощи которого группа добивается коллективного контроля над ресурсами, необходимыми для действия. В качестве этих ресурсов могут выступать рабочая сила, товары, оружие, голоса и прочие вещи, в том случае, если они используются для достижения общих интересов. Иногда группа (например, такая как община) отличается сложной внутренней структурой, но обладает малым количеством совместных ресурсов. Иногда она богата ресурсами, но все они находятся под контролем индивида. Анализ мобилизации сосредоточен на способах, которыми группы получают ресурсы и делают их доступными для коллективного действия.

*Возможность* касается взаимоотношений между группой и миром вокруг нее. Изменения в этих взаимоотношениях иногда угрожают интересам группы. А иногда, напротив, создают новые возможности для действия в ее интересах. Проблема в изучении возможности состоит в том, что трудно реконструировать те возможности, которые реально были доступны группе в данное время. Знание последующих событий делает предвидение групповых действий или бездействий слишком легким. Этот эффект можно минимизировать, обращаясь только к современным коллективным действиям или концентрируясь на ситуациях, в которых возможности жестко определены и строго ограничены. Однако в этом случае мы теряем способность проследивать крупномасштабные изменения в их реальной сложности в течение значительных временных периодов.

*Коллективное действие* состоит из действий отдельных людей в погоне за общими интересами. Коллективное действие является результатом меняющихся сочетаний интересов, организации, мобилизации и возможностей. Постоянной проблемой, с которой сталкивается анализ коллективного действия, выступает отсутствие четких границ: люди всегда различаются от активно вовлеченных до податливо следующих, интересы варьируют от совершенно индивидуальных до почти всеобщих. Ближе к концу книги мы будем рассматривать указанную сложность при анализе революционных процессов. В этом свете нашей основной задачей будет следовать в анализе указанному маршруту: от организации к мобилизации, к коллективному действию и к революции. Особенно от мобилизации к революции.

При рассмотрении каждой из этих проблем в ходе последующего анализа осуществляется серьезный и спорный выбор. Что касается интересов, то речь идет прежде всего об экономических и политических интересах. Предпочтение отдается артикуляции интересов самой группой, а не предположениям наблюдателей-современников и нашим собственным ретроспективным суждениям о том, что было бы лучше всего для группы. Что касается организаций, то в центре внимания находятся относительно четко очерченные группы. Тем самым мы пренебрегаем двумя захватывающими группами вопросов: как возникают новые группы, ориентирующиеся на новые мировоззрения, и при каких условиях расплывчатые множества людей, такие как сети прохожих или друзей, становятся значимыми коллективными акторами. В связи с мобилизацией нас особенно интересуют факторы производства — земля, капитал, труд, техника, и мы пренебрегаем возможностью того, что установки являются для коллективного действия более значимым фактором, нежели любой из перечисленных выше. Что касается возможностей, в этой книге подчеркиваются политические возможности, коалиции, репрессии, отношения между государствами и четко очерченными соперниками в борьбе за власть над этими государствами. Что касается коллективного действия как такового, большая часть его конкретного рассмотрения имеет дело с конкурентными собраниями: речь о публично наблюдаемых собраниях, в которых конфликт интересов налицо.

## ГРУППЫ, СОБЫТИЯ И ДВИЖЕНИЯ

Предмет нашего обсуждения находится на пересечении трех совмещающихся областей. Иногда нас интересует какая-то общность сама по себе. Например, мы хотим знать, что происходит с бедняками в Саффолке XVIII в. Иногда в центре нашего внимания набор представлений. К примеру, мы изучаем трансформацию идеи о надлежащем обращении со слабыми и бедными. Иногда конкретные виды действий привлекают наше внимание; мы хотели бы понять условия, при которых люди бунтуют (берут власть в свои руки). Обычно изучение коллективных действий требует, чтобы мы имели дело по меньшей мере с двумя из этих областей одновременно. Мы могли бы изобразить данную ситуацию при помощи следующей диаграммы (рис. 1.1).

В качестве основных единиц исследования коллективного действия могут быть приняты группы. Обычно мы начинаем с некоей общности людей, в которой имеется структура и члены которой разделяют общие представления. Далее мы делаем акцент на тех действиях, которые, по нашему мнению, являются результатом этого наложения структуры и представлений. Мы уделяем сравнительно мало значения другим версиям тех же представлений или другим действиям того же рода. История рабочего класса часто выражается в следующем: в большом внимании к изменениям условий жизни, работы и внутренней организации; множестве материалов, посвященных представлениям и мировоззрению; анализу тех действий, которые представляются выражением характера рабочего класса и его убеждений.

В качестве исходной точки анализа можно также принять и события. В этом случае необходимо начать с конкретной революции, церемонии или конфронтации. Или с целого класса событий: нападений на рабочие дома, демонстрации, революции в целом. В любом случае население и представления волнуют нас лишь в той степени, в какой они непосредственно включены в события. Исследователи «коллективного поведения» часто пользуются такой тактикой. В своем экстремальном стремлении к абстрактности такие исследователи выводят общие закономерности, объясняющие все действия определенных групп населения: например, больших толп или людей, пострадавших от катастроф.

Понятие «движение» является более сложным по сравнению с идеями групп и событий. Под общественным движением часто

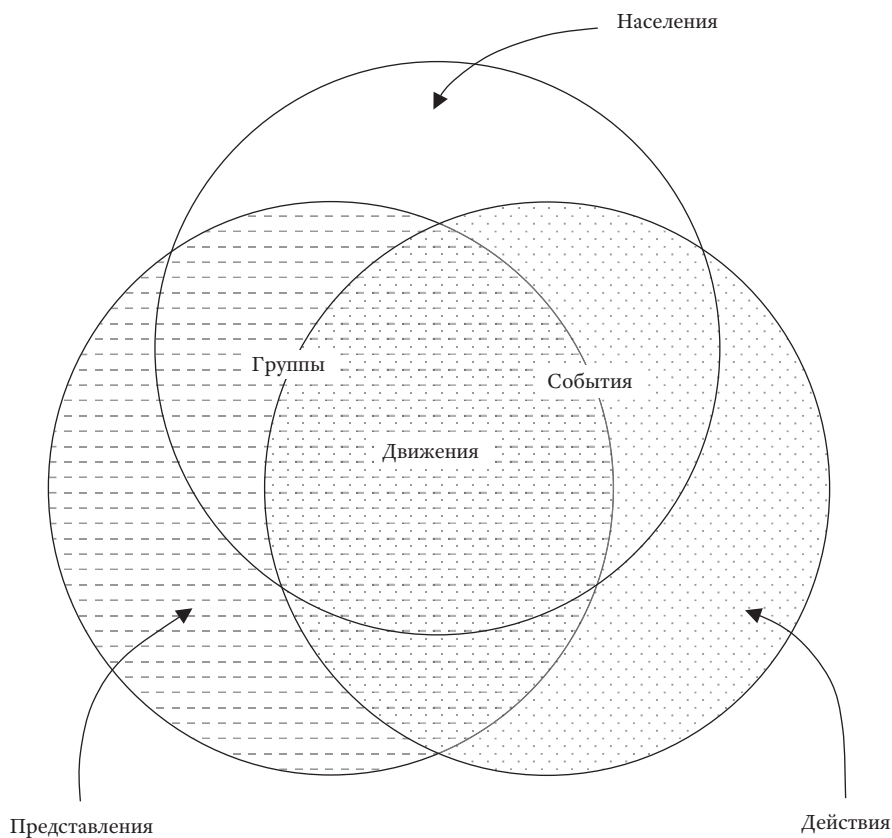


РИС. 1.1. Единицы исследования коллективного действия

понимают группу людей, выделяемую на основе их приверженности набору тех или иных представлений. В этом случае состав общности может меняться радикально, но до тех пор, пока некоторая группа людей оперирует теми же представлениями, мы рассматриваем движение как существующее. Именно таким образом женское движение переживает серьезные изменения во внутреннем составе и организации, оставаясь все тем же движением. Но движение также означает действие. Люди, которые пишут историю женского движения, вполне вероятно, уделяют много внимания героиням прошлого, которые в своих представлениях и личностных характеристиках заметно отличались от современных активисток — глав-

ное, чтобы действовали они в рамках движения сходным образом, или чтобы эффекты их действия были подобными. Тот факт, что состав, представления и действия не всегда изменяются вместе, постоянно создает проблемы для тех, кто занимается общественными движениями. Когда они все же расходятся, нужно ли следовать представлениям, с которыми ассоциируется движение, вне зависимости от его состава и действий? Или же необходимо следовать представителям движения, какие представления они ни усваивали бы и какие действия ни предпринимали бы? Или же правильным будет, следовать соответствующим действиям, вне зависимости от того, кто и во имя чего их совершает?

## О ТОМ, ЧТО ВЫ НАЙДЕТЕ В ЭТОЙ КНИГЕ

В этой книге в целом мы постараемся избежать анализа общественных движений как таковых. Тем не менее многое из того, что другие исследовали в связи с общественными движениями, здесь рассматривается. Мы будем поочередно использовать группы и события в качестве оснований для анализа коллективного действия и начинать с вопроса: чего хотят крестьяне и как это может помочь нам понять сельское коллективное действие? Иногда с того, что такое продовольственный (голодный) бунт и какой вклад он вносит в понимание коллективного действия бедняков? Будем стремиться объединить эти основания, в попытке выяснить, какая связь между продовольственными бунтами и общественной жизнью крестьян, или будем пытаться связать иные виды событий с другими социальными группами.

Книга «От мобилизации к революции» сочетает как частичный синтез в качестве метода, так и наброски для дальнейших изысканий. В результате она не содержит продолжительного исследования одного и того же массива данных. Иллюстрации и примеры различаются по своим масштабам от драк к демонстрациям и революциям. В те или иные моменты обсуждение затрагивает значительную часть всего мира. Тем не менее основной материал книги касается европейского и североамериканского опыта нескольких последних столетий. Такой фокус дает нам возможность сосредоточиться на государственном строительстве, экспансии капитализма, индустриализации, урбанизации, электоральной политике и формально-организованных группах интересов. Все эти вещи

имели огромное значение для коллективного действия в Европе и Америке эпохи модерна.

Однако за фокусировку исключительно на современном Западе приходится платить свою цену. Это оставляет нам мало шансов задуматься о том, каким было бы коллективное действие при отсутствии сильного государства, о людях, чьи социальные отношения организованы в основном вокруг родства, об экзотических социальных движениях, таких как меланезийские карго-культы. Выводы, сделанные в этой книге, будут применимы в лучшем случае только для современных урбанизированных индустриальных обществ. Хотя осмысление коллективного действия для подобных обществ является само по себе достаточно амбициозной задачей для одной книги.

Остальные главы следуют простому плану. В главе 2 перечисляются соперничающие теории коллективного действия. Цель главы в том, чтобы проиллюстрировать возможности выбора, стоящего перед нами, а также основные расхождения и проблемы этих теорий. В главе 3 представлен и проиллюстрирован простой набор понятий и моделей для анализа коллективного действия. Далее разрабатываются их последствия для понимания того, каким образом группы приобретают способность к действию; эта глава посвящена интересам, организации и мобилизации. Глава 4 добавляет анализ возможностей; в этой главе анализируются конфликт, репрессии и борьба за власть. Глава 5 посвящена анализу специфических форм коллективного действия: как они варьируют, как соотносятся между собой и как изменяются под воздействием индустриализации, государственного строительства и других больших социальных трансформаций. В главе 6 рассматриваются насильственные коллективные действия, в то время как в главе 7 основная линия рассуждения применяется к восстаниям и революциям. В главе 8 резюмируются основные выводы, а также новые проблемы, возникшие в ходе исследования.

## Глава 2

# Основные теории и подходы к коллективному действию

МАРКС О 1848 ГОДЕ

БОЛЕЕ века тому назад Карл Маркс изложил свой анализ Французской революции 1848 г., а также той внутренней борьбы, продолжавшейся в течение четырех лет, которая за ней последовала [Marx, 1958; Маркс, 1960]. По мнению Маркса, эта революция была осуществлена временной коалицией парижского пролетариата, мелкой буржуазии и просвещенной части буржуазии. Среди многих слоев населения, сильно недовольных существующим положением дел, они были теми, кто сочетал высокую степень внутренней коммуникации, осознание общих интересов и коллективное (хотя и мимолетное, как оказалось впоследствии) видение будущих трансформаций, которые улучшили бы их положение.

И хотя каждая из групп имела свою структуру коммуникации, обладала собственными интересами и имела свое видение ситуации, по мнению Маркса, кризис 1846–1847 гг. сплотил их воедино и сделал правящий режим уязвимым. Поэтому они объединили свои усилия по свержению режима, тогда как несчастное, но разрозненное крестьянство стояло в стороне, финансовая буржуазия и крупные промышленники заламывали руки, а крупные землевладельцы искали возможностей получить выгоду от уничтожения режима, который их оттолкнул.

Классовая база каждого из участников ограничивала его революционное видение ситуации и сдерживала его действия. Классовые базы революционной коалиции в целом, по мнению Маркса, обрекли ее на невыполнение своих обещаний весны 1848 г. Несмо-

тря на расширение революционной коалиции, включившей пролетариев и буржуа в нескольких развитых центрах за пределами Парижа, революционное руководство пошло на компромисс. Оно не сумело расширить ни свою программу, ни власть. Коалиция начала распадаться, поскольку рабочие и буржуа, возглавляющие ее, двигались разными путями. Сформировалась консервативная коалиция землевладельцев и буржуа при пассивной поддержке более богатых слоев крестьянства. Так начался процесс, приведший к перевороту Луи Бонапарта и установлению империи — империи, приверженной уничтожению завоеваний революции и обеспечению гарантий от ее повторения. Произведение Маркса конечно содержат гораздо больше — не в последнюю очередь он неустанно тренирует свое остроумие на некоторых персоналиях 1848 г. — но в целом основные направления его анализа изложены выше.

Исторические исследования в течение 120 лет выявили некоторые пробелы и ошибки в анализе Маркса. Например, Маркс не видел, что многие французские рабочие уже симпатизировали Бонапарту в 1848 г. Кроме того, он недооценил масштабы вооруженного сопротивления перевороту 1851 г., а также не увидел значительного участия владеющих землей крестьян в этом восстании. Тем не менее аргументы, которые Маркс использует в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» [Маркс, 1957] и «Классовой борьбе во Франции», довольно хорошо выдержали испытание временем. В своей книге, посвященной сопоставлению позиции Маркса и того, к чему пришли исследователи истории Второй республики, Роджер Прайс находит у Маркса много недостатков и указывает на множество нюансов, но тем не менее заканчивает согласием с Марксом в основных вопросах. Основы марксистского анализа этих событий выдержали более 100 лет исторической критики<sup>1</sup>.

Лишь немногие интерпретации исторических событий существуют целый век. Одни остаются потому, что ученые вовсе теряют интерес к данным событиям, другие сохраняются потому, что соответствуют преобладающим доктринам и предрассудкам, и лишь немногие потому, что объясняют случившиеся лучше, чем конкурирующие интерпретации. И хотя подъем марксистской доктрины

---

<sup>1</sup> Попытку дать обзор марксистской аргументации по поводу детерминант воинственности рабочих и пересмотреть ее более подробно, чем это находит необходимым для 1848 г. Прайс, см.: [Banks, 1970].

и политических движений, несомненно, способствовал принятию исторического анализа, предпринятого Марксом, он также способствовал критике и новым исследованиям его основных аргументов. И то, что они выжили, свидетельствует об их объяснительной силе.

Если это так, то стоит уделить внимание марксистской разновидности анализа коллективного действия. Маркс имплицитно разделял все население на социальные классы, на основе их отношения к основным средствам производства. Эксплицитно он выделял главных, явных в то время акторов политики на основе их классовой базы, высказывая суждения об их сущностных интересах, осознанных устремлениях, артикуляции недовольства и готовности к коллективному действию. Классы либо действуют, либо неспособны к действию. В целом индивиды и институты действуют от имени тех или иных общественных классов. (Здесь есть одно важное исключение: анализируя захват власти Луи Наполеоном, Маркс допускал, что те, кто управляют государством, могут, по крайней мере в течение некоторого времени, действовать в собственных политических интересах, не представляя интересы своей классовой базы.) Анализируя готовность к действию, Маркс придавал большое значение легкости и прочности коммуникации внутри класса, а также тому, насколько четко присутствует классовый враг. Когда, по Марксу, политические акторы действовали, они делали это, исходя из общих интересов, совместной осведомленности и внутренней организации.

По сравнению с другими аналитиками тех же событий, Маркс придавал меньшее значение состоянию общего напряжения, молниеносным импульсам или персональной дезорганизации (человеческому фактору). Хотя он видел, что люмпен-пролетариат склонен к преступлениям и беспорядкам, он также видел и огромную разницу между уличными драками и осуществлением революции. Маркс, как бы говорит нам: если вы хотите анализировать значительные конфликты, то необходимо определить основные классы и интересы, которые проистекают из организации производства. Типологизируйте возникающие в итоге конфликты интересов. Исследуйте каждый из перечисленных вами классов в аспекте их готовности действовать для достижения своих интересов. Вычлните классовую базу главных институтов и лидеров, вовлеченных в конфликт. Отыщите кризисы, которые делают господствующие классы уязвимыми, и ожидайте забастовки организованных низ-

ших классов. Марксистский анализ представляет собой, конечно, гораздо большее, но основные рекомендации были бы такими.

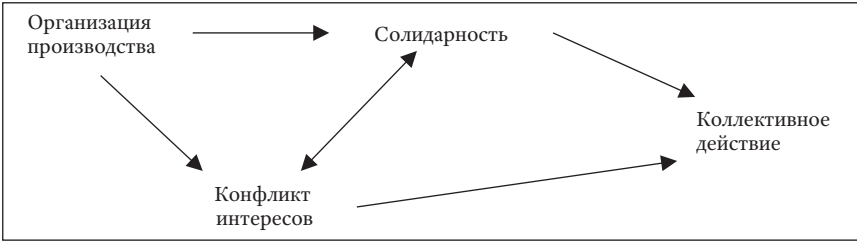
Мы имеем дело с теорией коллективного действия: с условиями, в которых люди действуют совместно ради достижения общих целей. Теория коллективного действия, принадлежащая Марксу, является спорной. Совершенно не очевидно, что общественные классы и их представители являются главными политическими акторами. Не всегда верно и то, что предварительная организация в значительной степени влияет на групповую готовность к действию. Вполне можно утверждать, в противоположность Марксу, что участники массовых движений склонны игнорировать свои подлинные интересы. А теория Маркса подчеркивает коллективную рациональность политического действия.

В наши дни теория Маркса звучит очень знакомо. В некоторых отношениях она даже кажется чем-то очевидным. Тем не менее в XIX в. его теория решительным образом шла вразрез с доминирующими пониманиями действия масс. Другие теории рассматривали «народ» как неспособный к последовательному, расчетливому преследованию своих коллективных интересов, как действующий в основном в соответствии с импульсами — хорошими или плохими, и являющийся объектом манипуляции со стороны элит. Сегодня у точки зрения Маркса вновь появились влиятельные конкуренты. Снисходительная точка зрения XIX в. на коллективное действие остается популярной среди критиков демократии. Она закрепились в рамках академических исследований «массового общества». И эта разновидность теорий также имеет своих конкурентов.

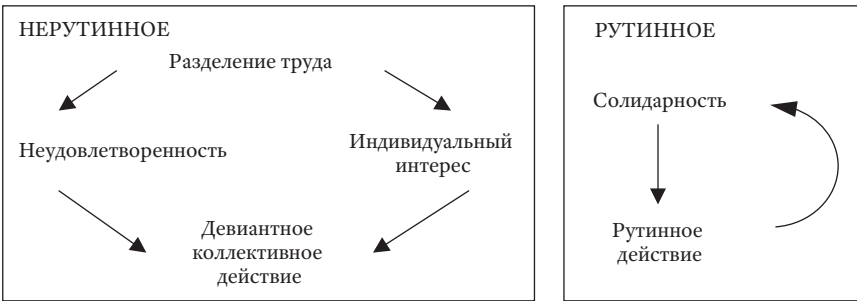
Среди профессиональных исследователей политики по крайней мере три дополнительные линии аргументации приобрели красноречивых сторонников. Эти линии связаны с тремя другими крупными фигурами конца XIX — начала XX в.: Эмилем Дюркгеймом, Джоном Стюартом Миллем и Максом Вебером. На рис. 2.1 в общем виде изображены логики анализа Маркса, Дюркгейма, Милля и Вебера.

Маркс, как было показано ранее, усматривал основу коллективного действия в солидарности внутри групп и конфликтах интересов между группами. Он также считал, что солидарность и конфликты интересов усиливают друг друга и основываются на организации производства. Дюркгейм рассматривает коллективное действие как относительно прямой ответ на процессы интеграции

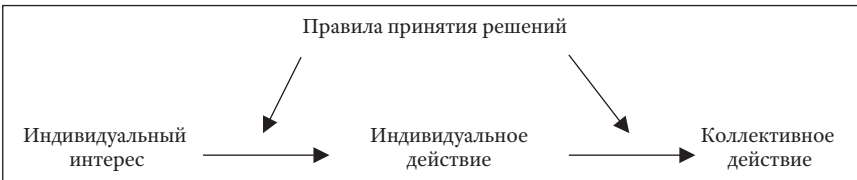
Марксовская традиция



Дюркгеймианская традиция



Миллевская традиция



Веберианская традиция



РИС. 2.1. Конкурирующие виды анализа коллективного действия

и дезинтеграции общества в целом. Как показано на схеме, его последователи разработали несколько иное объяснение рутинных и нерутинных коллективных действий. Нерутинные формы действий, согласно школе Дюркгейма, происходят из недовольства и погони за индивидуальными интересами, в качестве продуктов дезинтеграции разделения труда. Тогда как в условиях рутинной интеграции солидарность приводит к коллективным действиям, которые, в свою очередь, усиливают солидарность. Милль видит причины коллективных действий в строго расчетливом преследовании индивидуальных интересов. Отличительная черта подхода его сторонников, как это показано на схеме, в анализе различных правил решений, при помощи которых индивидуальные интересы трансформируются в индивидуальные действия, а индивидуальные действия агрегируются в коллективное действие. Наконец, Макс Вебер изображает коллективное действие как следствие приверженности определенным системам представлений. Веберианцы, как и последователи Дюркгейма, зачастую предлагают различные объяснения для рутинных и нерутинных коллективных действий. В нерутинных действиях общегрупповые представления имеют сильное и прямое влияние на коллективное действие группы, тогда как по мере рутинизации действия происходят две вещи: вырастает организация, для того чтобы играть посредническую роль между представлениями и действиями, а также групповые интересы начинают играть большую и более непосредственную роль в коллективном действии.

Маркс, Дюркгейм, Милль и Вебер обладали разным видением мира и завещали своим последователям существенно различающиеся виды анализа коллективного действия. Рассмотрим характерные черты анализа коллективного действия в традициях Дюркгейма, Милля и Вебера, прежде чем снова вернуться к линии аргументации Маркса.

## ДЮРКГЕЙМ

Дюркгейм кристаллизовал в своем творчестве широко распространенную в XIX в. точку зрения по поводу того, как индустриализация меняет мир. Он оформил ее в систему аргументов, которые доминируют в социологии, особенно в американской, вплоть до настоящего времени. Как выразил это Т. Парсонс:

...Именно проблема интеграции социальных систем, того, что делает общества сплоченными, была центральной и наиболее животрепещущей темой для Дюркгейма на протяжении всей его исследовательской карьеры. В обстоятельствах того времени едва ли можно было избрать более стратегическую фокусировку для того, чтобы внести вклад в социологическую теорию. Более того, можно сказать, что работы Дюркгейма в этой области стали не менее чем эпохальными. Он не был единственным, кто занимался проблемами социальной солидарности, но его работы отличались гораздо большей направленностью и глубиной, по сравнению с прочими авторами его времени [Parsons, 1960, p. 118].

В книгах «О разделении общественного труда» и «Самоубийство» Дюркгейм излагает свою точку зрения по поводу того, что он называет «обществом», осуществляющим неустойчивую дифференциацию в ответ на разнообразные воздействия. В абстрактном плане Дюркгейм обобщает эти воздействия как рост объема и плотности общества. В более конкретном плане, он говорит о профессиональных изменениях.

Подобные воздействия, несомненно, включают внутреннюю логику индустриализации. На самой первой странице «О разделении общественного труда» Дюркгейм пишет:

Не существует больше иллюзий относительно тенденций нашей современной промышленности; она все более тяготеет к могучим механизмам, к крупным группировкам сил и капиталов и, следовательно, к максимальному разделению труда. Не только внутри фабрик занятия обособлены и специализированы до бесконечности, но и всякая мануфактура сама по себе представляет специальность, предполагающую другие специальности [Durkheim, 1933, p. 39; Дюркгейм, 1996, с. 46].

«Общество», согласно Дюркгейму, осуществляет свой контроль над индивидами через их включенность в общественное сознание. Дюркгейм пишет так: «Совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества, образует определенную систему, имеющую собственную жизнь; ее можно назвать коллективным или общим сознанием» [Ibid., p. 79; Там же, с. 87]. Прогрессирующее разделение труда, по словам Дюркгейма, угрожает общественному сознанию, основанному на сущностном сходстве индивидов и, тем самым, ставит под угрозу приоритет нужд и тре-

бований всего общества над импульсами и потребностями индивида. Появление нового сознания на основе взаимозависимости и общей судьбы — процесс медленный и проблематичный. Разрыв между уровнем дифференциации и уровнем общественного сознания заполнен аномией.

Чтобы быть точным, аномия — это понятие, которым Дюркгейм обозначает разрыв между степенью социальной дифференциации и степенью регуляции общественных отношений; этот разрыв является причиной следующих негативных последствий: индивидуальная дезориентация, разрушение общественной жизни, масштабные конфликты. Его конкретные примеры вновь почти полностью взяты из индустриального мира. Это экономический кризис, конфликт между трудом и менеджментом, отделение труда от семейной жизни и прочие проблемы, обычно заботившие реформаторов XIX в.

В «Самоубийстве» Дюркгейм описывает последствия быстрого роста власти и богатства:

Для того чтобы люди и вещи заняли в общественном сознании подобающее им место, нужен большой промежуток времени. Пока социальные силы, предоставленные самим себе, не придут в состояние равновесия, относительная ценность их не поддается учету и, следовательно, на некоторое время всякая регламентация оказывается несостоятельной... [индивидуальные аппетиты] не знают более такой границы, перед которой они вынуждены были бы остановиться... Вполне естественно, что вместе с увеличением благосостояния растут и человеческие желания; на жизненном пиру их ждет более богатая добыча, и под влиянием этого люди становятся требовательнее, нетерпеливее, не мирятся больше с теми рамками, которые им ставил ныне ослабевший авторитет традиции. Общее состояние дезорганизации, или аномии, усугубляется тем фактом, что страсти менее всего согласны подчиниться дисциплине именно в тот момент, когда это всего нужнее [Durkheim, 1951, p. 253; Дюркгейм, 1998, с. 295–296].

Становится явственным, что Дюркгейм предложил не только теорию социального изменения, но и теорию коллективного действия.

На самом деле он предложил две или три разновидности каждого вида теорий. Когда мы изучаем связь между крупномасштабными социальными изменениями и коллективным действием, то

обнаруживаем, что Дюркгейм проводит четкое различие между упорядоченным достижением общих интересов, когда разделение труда не опережает общественное сознание, и неупорядоченным (free-for-all) их достижением, как результатом аномии. Позднее, в «Элементарных формах религиозной жизни», мы находим анализ солидарности, основанной на ритуализованных, принятых формах коллективного действия. В одном поразительно антропоморфном пассаже, он пишет:

Когда общество переживает обстоятельства, которые печалят его, сбивают с толку или раздражают, оно оказывает давление на своих членов с тем, чтобы заставить их засвидетельствовать значимыми действиями их печаль, недоумение или гнев. Это накладывает на них обязательство плакать, стонать или наносить раны себе или другим, ибо эти коллективные манифестации и нравственная общность, которую они демонстрируют и укрепляют, восстанавливают энергию группы, которую угрожают отнять обстоятельства и, тем самым, позволяют ей стать прочной [Durkheim, 1961, p. 459].

Основная идея Дюркгейма — представить общество испытывающим напряжение от непрерывной борьбы между силами дезинтеграции (особенно быстрой дифференциации) и силами интеграции (особенно приверженности новым или обновленным общим верованиям). Из основных идей Дюркгейма вытекают три модели трех различных видов коллективного действия: назовем их рутинное, аномическое и реставрационное (реинтегрирующее).

Подвести итог анализу коллективного действия у Дюркгейма можно при помощи простой схемы, представленной на рис. 2.2.

Область над диагональю безопасна; там общие представления развиты в большей степени или соответствуют стрессам, которые создает дифференциация или другие бедствия. Область ниже диагонали опасна; там дифференциация опережает распространение общеразделяемых представлений. Рутинное коллективное действие происходит в безопасной области и рутинно обновляет общие представления. Аномическое коллективное действие нарастает по мере того, как общество соскальзывает ниже диагонали и увековечивает себя, сотрясая общие представления еще более, чем они ранее уже были поколеблены. Реставрационное коллективное действие происходит вблизи диагонали и направляет общество об-

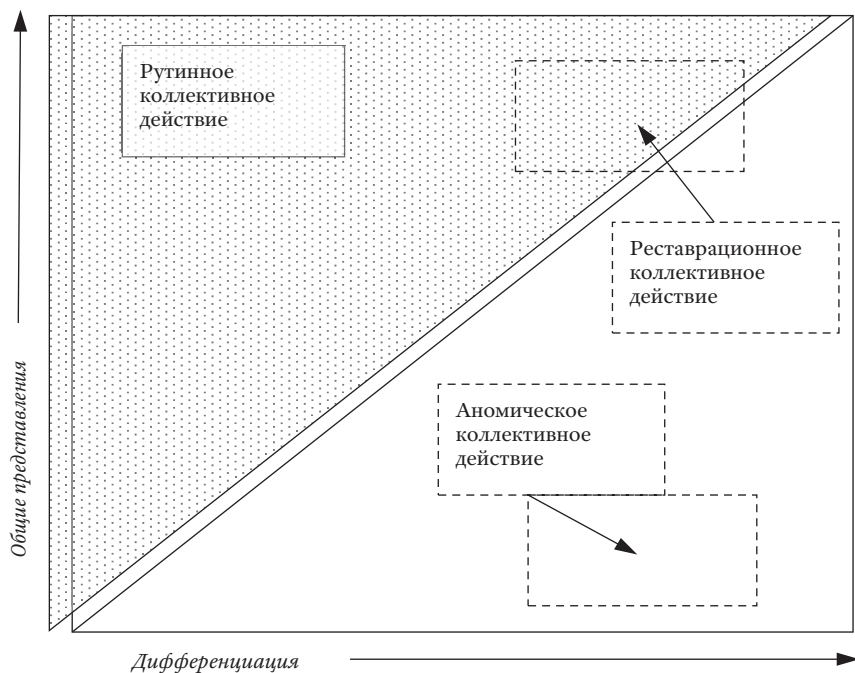


РИС. 2.2. Дюркгеймовский анализ коллективного действия

ратно в безопасную область. Несмотря на то что язык немного непривычный, это давно знакомые аргументы.

Теория Дюркгейма, в отличие от теории Маркса, заставляет нас ожидать роста аномического и реставрационного коллективного действия в ответ на усиление дифференциации. Она заставляет нас ожидать, что новые общности, порожденные или сдвинутые с места дифференциацией, будут в центре коллективного действия. Его теория предсказывает тесную связь между самоубийствами, преступностью, насилием и нерутинным коллективным действием. В XX в. большинство социологических теорий коллективного поведения содержат ту или иную версию дюркгеймовской аргументации. Действительно, обычные исследования индустриализации, урбанизации, девиантности, социального контроля, социальной дезорганизации и коллективного поведения, появившиеся в XX в., несли на себе отпечаток идей Дюркгейма.

## ДЮРКГЕЙМИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Чтобы в этом убедиться, достаточно изучить одну влиятельную книгу, изданную в 1960-х годах: «Политический порядок в меняющихся обществах» Самуэля Хантингтона. В ней Хантингтон утверждает, что масштабные внутренние конфликты в развивающихся странах после Второй мировой войны являются результатом того, что политические институты развиваются исключительно медленно, тогда как быстрые социальные изменения оказывают новое давление на существующие политические институты, и способствуют участию новых, выдвигающих свои требования групп в политической жизни. А именно:

Социальные и экономические изменения — урбанизация, распространение грамотности и образования, индустриализация, распространение средств массовой коммуникации — расширяют горизонты политического сознания, умножают политические требования, расширяют число участников политической жизни. Эти изменения подрывают традиционные источники политического авторитета и традиционные политические институты; они чудовищно усложняют проблемы создания новых оснований политического единства и новых политических институтов, соединяющих в себе легитимность и эффективность. Темпы социальной мобилизации и роста политической активности населения высоки; темпы политической организации и институционализации низки. Результатом оказываются политическая нестабильность и беспорядок [Huntington, 1968, р. 5; Хантингтон, 2004, с. 25–26].

С ростом расхождения между институционализацией и модернизацией растет число беспорядков. В качестве крайней формы выступает революция: «Политическая сущность революции состоит в быстром распространении политического сознания и быстрой мобилизации новых групп в политику — настолько быстрой, что существующие политические институты не могут их ассимилировать» [Huntington, 1968, р. 266; Хантингтон, 2004, с. 270].

Словом, снизить уровень беспорядков может либо ускорение институционализации, либо замедление модернизации. Однако если политические институты очень ригидны, то будут препятствовать сущностным социальным изменениям. Схематично анализ Хантингтона изображен на рис. 2.3. Кроме того, эта аргу-

ментация описывает различные возможные пути развития событий в зависимости от темпов социальных изменений (см. рис. 2.4).

Медленные социальные изменения, вероятнее всего будут управляемы на протяжении всего их протекания. Стремительные социальные изменения приносят вероятность беспорядков и возможность революции. Сходство с Дюркгеймом здесь впечатляющее. Институционализация заменяет общие представления в концепции Дюркгейма, а модернизация заменяет дифференциацию. Модель Хантингтона является намного более политической

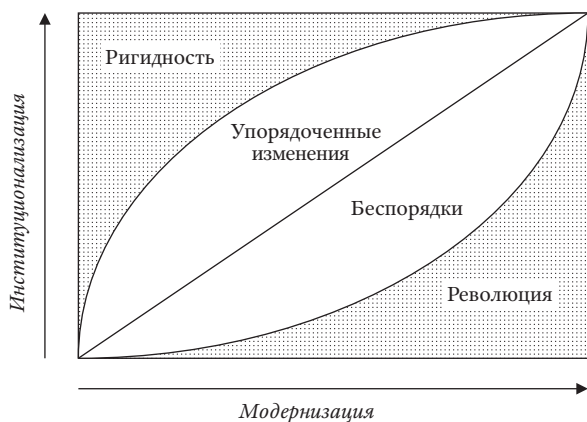


рис. 2.3. Основной аргумент Хантингтона

Медленные социальные изменения



Быстрые социальные изменения

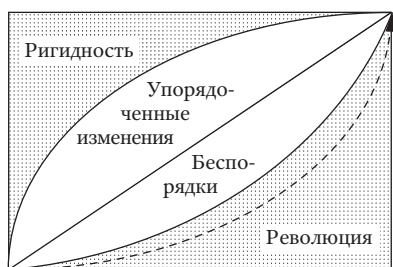


рис. 2.4. Траектории быстрых и медленных социальных изменений в модели Хантингтона

по сравнению с моделью Дюркгейма. Одна сторона аргументации Хантингтона заключается в том, что способность политических институтов (а не общества в целом) справляться с новыми требованиями становится решающей. Другая — в том, что политическая мобилизация новых групп и порождение новых политических проблем — это те основные средства, с помощью которых модернизация вызывает беспорядок. Этого Дюркгейм не стал бы ожесточенно оспаривать; самое большее он настаивал бы на важности неполитических сдерживающих факторов, особенно религии, ритуала и профессиональных организаций. Эта аргументация Дюркгейма очень даже жизнеспособна. (Эмпирическую оценку одной из частей аргументации Хантингтона, ставящую под сомнение то, что быстрая мобилизация является одним из основных источников политических беспорядков, см.: [Przeworski, 1975].)

Еще одним вариантом развития традиций Дюркгейма в 1960-х годах представляется работа Чалмерса Джонсона «Революционные изменения». Джонсон определяет три группы причин революции.

1. Разбалансировка социальной системы, особенно сопровождающаяся дефляцией власти: «...фактом остается то, что в периоды изменений интеграция системы все более зависит от сохранности и использования силы со стороны занимающих формальные властные позиции» [Johnson, 1966, p. 90].

2. Неспособность властей разработать политику, которая пользовалась бы доверием со стороны обычных людей.

3. События, зачастую случайные, которые или лишают элиты привычных средств контроля, или заставляют революционные группы полагать, что они сами могут лишить элиты этих средств.

Затем Джонсон связывает эти довольно общие феномены с индивидуальным поведением через последовательность:

Стремительные изменения.

Разбалансировка системы.

Перенапряжение существующих средств поддержания стабильности и целеполагания в ответ на происходящие изменения.

Индивидуальная дезориентация.

Паника — тревога — стыд — вина — депрессия и т.д.

▼ Формирование протестных движений.

Сохраняя верность наследию Дюркгейма, он предлагает уровень самоубийств в качестве важнейшего индикатора разбалансировки общества.

Дюркгеймовское ядро схемы Джонсона покрыто оболочкой постдюркгеймовских слов и идей. Анализ революции Джонсона отличается от хантингтоновского в нескольких немаловажных моментах. Он даже более строго политический, чем у Хантингтона. Ключевой переменной является власть укоренившейся элиты. И все же главная идея по-прежнему состоит в представлении расстройств в обществе результатом процесса, в рамках которого социальные изменения ослабляют контроль и привязанности, в более стабильных условиях удерживающие людей на своем месте.

Третий пример следования традициям Дюркгейма: «Почему люди бунтуют» Теда Гарра. Гарр стремится дать общее объяснение того, что он называет «политическое насилие». Политическое насилие включает все коллективные атаки на основных политических акторов (особенно на представителей государств) в рамках определенного сообщества. Однако вместо того, чтобы разработать теорию того, как функционируют политические сообщества, Гарр концентрируется на индивидуальном опыте, который, накапливаясь, выливается в массовые действия.

Центральный аргумент Гарра касается психологических процессов. Индивиды испытывают гнев, если ощущают большой разрыв между тем, что получают и чего заслуживают. Это может произойти в силу уменьшения того, что они получают, либо с возрастанием представлений о заслуженном. При наличии шанса разгневанные индивиды бунтуют. Когда множество людей проходят через опыт возрастания в них чувства «относительной депривации», и в то же время растут возможности для восстания — политическое насилие распространяется. Гарр суммирует свои аргументы в следующей формуле:

$$\begin{aligned} &\text{Масштаб} \\ &\text{политического} = \text{RD} + (\text{RD} \times \text{JUST} \times \text{BALANCE}) + \epsilon, \\ &\text{насилия} \end{aligned}$$

«где RD отражает масштаб и интенсивность относительной депривации (недовольства) населения; JUST отражает масштаб и интенсивность убеждений населения в том, что включение в открытую борьбу обосновано и целесообразно; BALANCE относится к ба-

лансу способности к организации и к насилию между диссидентами и режимом;  $\epsilon$  обозначает погрешность» [Gurr, Duval, 1973, p. 137]. Подобные идеи нередко возникали в рамках анализа восстаний в американских гетто, латиноамериканских дворцовых переворотов и Французской революции. С частью этих аргументов мы уже встречались в рамках анализа самоубийства, осуществленного Дюркгеймом. Гарр развил логику этого анализа и разработал средства измерения ряда затрагиваемых переменных, хотя, вообще-то, не позволяющие прямо измерять RD и JUST.

Гарр дополняет свои аргументы анализом 1100 «проявлений борьбы», которые произошли в 114 странах или колониях с 1961 по 1965 г. В первом раунде анализа Гарр истолковывает результаты как подтверждающие влияние некоторых из переменных, которые, предположительно, производят RD; некоторых переменных, измеряющих поведение, которые, предположительно, отражают JUST; и особенно группы переменных, находящихся вне ядра теории: социального и структурного содействия. Последняя формулировка содержит куда меньше психологии. В новых моделях основные предсказатели масштаба политического насилия представляют «расколы» и дискриминирующее неравенство, ...относительное обнищание и иностранная экономическая эксплуатация, ...кратковременное снижение экономической конъюнктуры, ...новые политические санкции со стороны правящего режима, ...исторически устойчивое присутствие инициированных диссидентами конфликтов, ...уровень экономического развития, ...иностранное вмешательство в поддержку диссидентов» [Gurr, Duval, 1973, p. 138–139]. Данные переменные, как представляется, совместно объясняют значительную часть международного разнообразия основных внутренних конфликтов периода 1961–1965 гг. Но в этих переформулировках Дюркгейм практически исчезает. В той степени, в какой эти модели воплощают основную аргументацию, в центр ее выдвигаются интересы главных акторов и их способность к действию.

Как вы заметили, обычные дюркгеймианские аргументы в значительной степени избирательны в плане детерминант коллективного действия — организации, мобилизации, возможностей и интересов. В целом эта традиция пренебрегает анализом организации и мобилизации в пользу анализа коллективного действия как результата интересов вместе с возможностями. Более того, преоб-

ладающая концепция интересов рассматривает их как установки: мотивации, тревоги, нужды индивидов. А в качестве возможностей в этой традиции рассматривают в основном наличие или отсутствие социального контроля над выражением этих мотиваций, тревог и нужд.

Если всерьез принимать аргументы Дюркгейма, то необходимо признать огромный разрыв между рутинным и нерутинным коллективным действием; их причины, содержание и последствия будут значительно различаться. Тогда основная гипотеза будет состоять в том, что чем быстрее и обширнее социальные изменения, тем более распространены аномическая и реставрационная формы коллективного действия; а если конкретнее, то мы будем ожидать, что быстрая урбанизация или индустриализация ведут к исключительно высокому уровню конфликтов и протестов. Мы будем предполагать, что индивидуальные расстройства и коллективный протест тесно взаимосвязаны друг с другом, а иногда и вовсе неразличимы. Мы будем утверждать, что чем более целостны и убедительны групповые представления, тем меньше вероятность того, что группа, их разделяющая, будет склонна к неупорядоченному поведению. Мы вообразим себе, что изменения неудовлетворенности и беспокойства отдельных индивидов будут наивернейшими индикаторами коллективных раздоров.

В конце века объяснения коллективного действия — особенно конкурентного и нерутинного коллективного действия — в рамках традиции Дюркгейма, сформулированные тем или иным образом, были преобладающими. Такие объяснения не теряют своей популярности и по сей день. Тем не менее даже в Америке дюркгеймианский подход никогда полностью не вытеснял своих конкурентов: традиции Милля, Вебера и Маркса.

## МИЛЛЬ И УТИЛИТАРИСТЫ

Джон Стюарт Милль представляет рассмотрение коллективного действия как строго расчетливого преследования индивидуальных интересов. У английских утилитаристов мы находим согласие индивида с рядом обязательных политических установлений (таких как государство, правила игры или некоторая система сотрудничества) ценой отказа от некоторых личных краткосрочных интересов. Цель подобного отказа в том, чтобы обеспечить достиже-

ние этих интересов в долгосрочной перспективе. Как пишут Бьюкенен и Таллок о наиболее выдающемся предшественнике Милля:

Конечно, Юм признавал, что, если бы это было возможным, собственным интересам индивида лучше всего служило бы соблюдение обычных правил всеми остальными, тогда как он сохранял бы свободу нарушать эти правила. Тем не менее именно потому, что эти правила производны от жизни в обществе, они должны применяться ко всем. Следовательно, каждый индивид должен признавать, что если он свободен нарушить конвенцию общественных правил, то другие должны быть свободны делать то же. Предвидя хаос, который за этим последует, он рационально изберет принятие ограничений своего собственного поведения [Buchanan, Tullock, 1962, p. 315].

Ключевыми являются вопросы детерминант индивидуальных решений, коллективные последствия альтернативных правил принятия решений, а также взаимодействие между этими детерминантами и последствиями.

Милль и утилитаристы представляют собой как бы начальный, несовершенный этап соответствующей линии аргументации, которая впоследствии получила развитие в XX в. Они анализировали лишь один аспект коллективного действия, который почти исключительно касался государства. Не уделялось практически никакого внимания устремлениям групп, опосредующих индивидуальные интересы в государстве, в качестве детерминант политических решений. Не предпринимались попытки дать объяснение поведению самих групп. «Индивидуализм утилитаристов, их объяснение социальных феноменов посредством индивидуальной психологии, факты которой якобы предшествуют социальным, — отмечает Джон Плэминац, — сделали их нечувствительными к социальным классам. Они мыслили общество состоящим из конкурирующих индивидов, а не из соперничающих групп» [Plamenatz, 1949, p. 158].

Что касается самого Джона Стюарта Милля, то о нем было бы точнее сказать, что он скорее боялся классового действия, нежели игнорировал его. В разделе своего труда «О представительном правлении», озаглавленном «Недостатки и опасности, присущие представительному правлению», Милль пишет: «Если под “классом” в политическом значении этого слова понимать известное

число лиц, связанных одними и теми же пагубными интересами, т.е. таких лиц, которых прямой и видимый интерес побуждает принимать одни и те же плохие меры, — то было бы желательно, чтобы ни один из классов и ни одно сочетание классов, склонных к соединению, не имели возможности пользоваться преобладающим влиянием в управлении» [Mill, 1950, p. 342; Милль, 2006, p. 127]. (Термин «пагубный интерес» заимствован у Бентама.) В течение своей политической карьеры Милль боялся классового действия то со стороны землевладельцев, то со стороны безземельных работников [Duncan, 1973, ch. 6]. Но он всегда считал естественным и неизбежным, что если классу представится возможность действовать ради достижения своих узких частных интересов, то он ею воспользуется. Задача правительства — и теории представительного правления — предотвратить такую возможность, сделать вероятным действие в общих интересах всего населения.

Либеральное решение Милля и его осторожный оптимизм предвосхитили эти же характеристики у плюралистов XX в.:

Причина, почему во всяком сносно устроенном обществе справедливость и общий интерес в конце концов почти всегда торжествуют, заключается в том, что эгоистические интересы по большей части противоречат друг другу. Некоторые лица заинтересованы в том, чтобы восторжествовала неправда, но есть и такие, частные интересы которых побуждают их стремиться к справедливости, и те, которые руководствуются более бескорыстными соображениями, хотя и слишком малочисленны и слабы, чтобы самим одержать верх, обыкновенно после достаточного обсуждения вопроса и агитации становятся достаточно сильными, чтобы дать перевес той группе частных интересов, которые находятся на их стороне [Mill, 1950, p. 343; Милль, 2006, с. 128–129].

Хорошая конституция и убедительная теория политических обязанностей, согласно Миллю, будут способствовать такому исходу.

В отличие от Милля, теоретики XX в., занимающиеся индивидуальным интересом, выказывают куда меньше внимания проблеме политических обязанностей. Вместо этого их интересуют следующие две проблемы: последствия альтернативных правил принятия решений, а также причины и последствия различных форм политики групповых интересов. Тем не менее Милль является знаковой фигурой, олицетворяющей линию аргументации, в рамках

которой флуктуации коллективного действия по большей части являются производными от изменения правил принятия решений или цены реализации различных индивидуальных интересов.

## КОЛЛЕКТИВНЫЙ ВЫБОР

Наиболее ярким современным выражением этой точки зрения выступают модели коллективного выбора: определение альтернативных исходов ситуации, в которой две или более стороны принимают решения, влияющие на исход ситуации. В каком-то смысле вся микроэкономика занимается коллективным выбором. Микроэкономические модели коллективного выбора наиболее развиты и популярны. Тем не менее политологи, психологи, социологи, логики, статистики и математики повсюду сопровождают экономистов в их поиске. В теоретическом плане работу в рамках этой традиции иллюстрируют теория игр, некоторые формы анализа голосования, некоторые подходы к формальной организации, многие исследования публичных благ и немногие исследования власти (подробнее см.: [Taylor, 1975]).

В трактате Джеймса Коулмана, посвященном коллективному выбору, находим следующие примеры применения этого подхода: простое законодательное собрание, реализация интересов как функция от их концентрации, оплата издержек на содержание объектов общественного назначения, оформление конституции, паттерны влияния в неформальных группах, взаимодействие избирателей и их представителей, парламентская система, деньги как власть в рамках законодательного процесса, структура комитетов законодательной власти, простая бюрократическая структура [Coleman, 1973, p. 96–126]. Во всех этих вариантах Коулман работает с тем или иным вариантом основного уравнения:

$$V_i \equiv \sum_j x_{ji} \sum_k v_k c_{kj},$$

где  $V_i$  — «вес» заданного события из  $k$  возможных событий,  $\sum_j x_{ji}$  — сумма  $j$  акторов, индивидуально заинтересованных в данном событии,  $v_k$  — «вес» индивидуального актора в рамках конкретного события и  $c_{kj}$  — контроль, которым обладает актор  $j$  над событием  $k$ .

В примере 6 о взаимодействии представителя со своими избирателями Коулман предполагает представителя абсолютно заинте-

ресованным в переизбрании, а также шесть блоков избирателей, которые вообще никак не заинтересованы в результате кампании, однако имеют различные интересы по поводу полудюжины самых разных законодательных действий и обладают различной способностью влияния на исход выборов. Коулман демонстрирует хорошие теоретические основания ожидать того, что законодатель будет следовать избирателям там, где имеется консенсус. С меньшей очевидностью он дает основания приписывать большие шансы на успех тому актору, чьи интересы сосредоточены на немногих законодательных действиях и(или) связаны с интересами других акторов [Coleman, 1973, p. 115–117].

Тот же вид анализа Коулман распространяет на структуру общества в целом. Он соединяет два важных наблюдения: во-первых, по самой своей природе каждый корпоративный актор уделяет внимание более узкому диапазону интересов, чем это делают физические лица. В этом рациональная основа их действий, часть секрета их успеха. И, во-вторых, в наше время чрезвычайно большая и возрастающая доля важнейших ресурсов перешла под контроль корпоративных акторов. В итоге «...среди множества людских интересов, те, которые были успешно собраны вместе для создания корпоративных акторов, являются интересами, доминирующими в обществе» [Ibid., p. 49]. Мы уже не имеем дело с последствиями правил принятия решений в каком-либо простом смысле. Но проблема очень похожа. Коулман по-прежнему изучает то, как метод агрегирования интересов влияет на их достижение, какими бы ни были эти интересы. В описанных Коулманом условиях, возрастающая доля коллективных действий и особенно тех, которые меняют обстоятельства, осуществляется посредством, внутри или против корпоративных акторов. Таким образом, при помощи анализа, разработанного Миллем, изучаются такие ситуации, которые у самого Милля вызвали бы отвращение.

Альберт Хиршман внес дополнения в анализ Коулмана. В самом названии книги «Выход, голос и верность» он обозначает три основные разновидности ответа, который члены или клиенты корпоративного актора могут дать в ответ на снижение его эффективности. Граждане коррумпированного государства могут, дорогой ценой, «голосовать ногами», они могут осуществить выход. Они могут подать голос, высказать свое недовольство более или менее агрессивно, ответ тоже будет иметь для них свою цену. Они мо-

гут пережить плохие времена в надежде на лучшее — оставаться верными. Верность тоже имеет свою цену: претерпевание низкой эффективности. Каждый из ответов имеет свои издержки. В этом случае целью анализа является определение баланса между выходом, голосом и верностью, а также определение различных вариаций этого баланса.

Для анализа коллективного действия формулировка Хиршмана намного лучше простой аналогии с системой цен. В простой системе цен неэффективная фирма теряет своих клиентов, которые уходят к конкурентам, и более не претерпевает никаких санкций. Эта модель простой системы цен часто плохо применима к коллективному действию, так как в случае коллективного действия издержки выхода часто непомерно велики. Когда правительство коррумпировано, большинству акторов приходится выбирать между заявлением о своей оппозиции или молчаливым страданием, т.е. между голосом и верностью. Однако Хиршман утверждает, что голос наиболее эффективен в том случае, когда выход возможен (и, следовательно, является реалистичной угрозой), но не столь легок, чтобы люди устремились прочь сразу же, как только упала эффективность. Голос в этом случае артикулирует угрозу выхода. Некоторое количество верности — нежелания уходить — усиливает корректирующий эффект голоса. Хиршман проливает свет на стратегию выбора коллективного действия в мире гигантских корпоративных акторов.

Анализ Хиршмана ведет нас не только в мир коллективного действия, но и в мир коллективных благ. Коллективное благо — это «любой товар или услуга, которые удовлетворяют следующим требованиям: если их потребляет любой индивид  $X_1, \dots, X_i, \dots, X_n$ , то их могут потреблять и все остальные члены группы» [Olson, 1965, р. 14; Олсон, 1995, с. 12]. Примерами являются чистая окружающая среда и оборона. По сути, Мансур Олсон рассматривает коллективное действие как усилия по созданию коллективных благ. Это позволяет ему применять экономическую теорию публичных благ к новому полю: к действиям профсоюзов, групп интересов и тому подобных организаций. Одним из результатов такого подхода является серьезный вызов общим представлениям о том, что существование таких организаций, как и их деятельность, являются результатом рационального расчета в погоне за общими интересами.

В большинстве случаев, согласно анализу Олсона, отдача от участия в создании коллективных благ для каждого отдельного индивида будет меньше стоимости усилий, затраченных на это. Поэтому, если коллективное действие все же происходит, то его объяснение должно лежать за пределами рационального преследования собственных интересов средним участником. Одно из таких объяснений, предложенное Олсоном, заключается в наличии внешних по отношению к результатам коллективного действия избирательных стимулов для отдельных членов группы. Другое объяснение предполагает наличие принуждения, негативного аналога избирательных стимулов. Возможно также, что люди действуют иррационально, но тогда необходимо объяснить, почему.

Многие исследователи коллективного действия пытаются разрешить проблему, обозначенную Олсоном. Одни критикуют анализ Олсона. Другие пытаются видоизменить и подправить его. Некоторые возвращаются к классической политической идее государства (или другой организации, обладающей полномочиями по принуждению), которая берет верх над индивидуальными интересами и направляет их на службу общественному благу. Происхождение подобной организации в этом случае не имеет никакого значения: возникла ли она в результате намеренного предварительного соглашения, завоевания, обмана или чего бы то ни было еще.

Прочие исследователи пытались определить те аспекты рациональности, которыми Олсон, по их мнению, пренебрег. Одним из перспективных предложений было разделять (1) прибыль среднего участника от коллективного действия и (2) возможную прибыль политического предпринимателя, который организует действие. Как писали Фролих, Оппенгеймер и Янг [Frohlich, Oppenheimer, Young, 1971, p. 6] коллективные блага «будут воспроизводиться тогда, когда кто-то сочтет выгодным создать организацию (или использовать уже существующую организацию), собрать ресурсы и снабжать этими благами». Такой предприниматель организует поставку коллективного блага в обмен на пожертвования, поборы, покупки и налоги. И если сумма этих пожертвований, поборов, покупок и налогов будет меньше ценности этого коллективного блага для всех реципиентов, но все же большей, чем затраты предпринимателя на поставку блага, то в этом случае коллективное действие служит как интересам предпринимателя, так и коллективным интересам.

Фролих, Оппенгеймер и Янг также разрабатывают теоретические последствия такого подхода на языке микроэкономики. Это приводит их к нескольким интересным гипотезам о коллективном действии. Например:

Чем больше политический лидер зависит от пожертвований, тем с большей осторожностью он будет относиться к коллективным благам, которые длительно используются или первоначальные затраты на поставку которых высоки.

С ростом масштабов его деятельности в целом политический предприниматель будет все больше и больше диверсифицировать свою деятельность по предоставлению частных благ.

В случае, если шансы на победу близки к нулю, лидер оппозиции будет стремиться написать программу радикально отличную от программы правящего лидера, и(или) планировать свои действия так, чтобы максимизировать эффект от пребывания в оппозиции.

Конкуренты, действующие согласно правилу принятия решений, будут больше вознаграждать твердую приверженность своих сторонников, чем те, кто так не действует.

Всякий раз, когда один из конкурентов дает конкретное обещание предоставить коллективное благо в обмен на вклад со стороны данного сторонника или группы сторонников, он будет пытаться скрыть этот факт по возможности от наибольшего числа людей. [Frohllich, Oppenheimer, Young, 1971, p. 139–141].

Таким образом, тактическая ситуация политических предпринимателей становится основной частью объяснения формы и интенсивности коллективного действия. Как и в большинстве работ в традиции Милля, интересы, о которых идет речь, являются данными и фиксированными. Но анализ допускает и неопределенность, и стратегическое взаимодействие касательно альтернативных курсов коллективного действия.

Тот же акцент на стимулах и тактических проблемах политических предпринимателей появляется в последней работе Джона Маккарти и Майер Зальда. Наблюдая американские общественные движения, Маккарти и Зальд констатируют рост обладающих профессиональным персоналом общественных организаций, таких как «Общее дело» (Common Cause)<sup>2</sup> и Национальный совет пожилых

---

<sup>2</sup> Созданная в 1970 г. беспартийная, некоммерческая организация «гражданского лобби», не лоббирующая интересы бизнеса, и имеющая своей целью сде-

граждан за здравоохранение через социальное обеспечение (National Council of Senior Citizens for Health Care through Social Security)<sup>3</sup>. Размышления о такого рода организациях приводят их к критике двух положений классического анализа социальных движений: его сильного акцента на состояние умов и на обиды в противоположность организационным и тактическим проблемам; его исходного допущения о тождестве обездоленных групп населения, поддержки движения, и источников лидерства или активности. В противоположность «классической модели», они утверждают, что все организации движений, независимо от недовольств, на которые они откликаются, сталкиваются с общими актуальными проблемами получения достаточного количества ресурсов, чтобы выполнять свою работу. В сходной среде общие проблемы, как правило, производят общие решения, такие как профессионализация сотрудников или обращение за поддержкой к людям, не принадлежащим к ущемленным группам населения. Эти общие решения, в свою очередь, производят собственные проблемы, например, реальные конфликты между интересами организации движения как таковой, интересами тех, кто предоставляет основную поддержку организации, и интересами тех, в пользу кого организация, как предполагается, изначально создавалась. В этом случае мы уже достаточно далеко отделились от Милля с его вниманием к условиям хорошего правления, но мы также *очень* далеки от Дюркгейма с его индивидами в состоянии аномии. В основных своих чертах анализ по-прежнему верен традиции Милля, поскольку склонен принимать интересы как данность и акцентировать причины и следствия различных инструментов действия для этих интересов.

## СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Мы проследили путь от Джона Стюарта Милля до общественных движений, через коллективный выбор и коллективные блага.

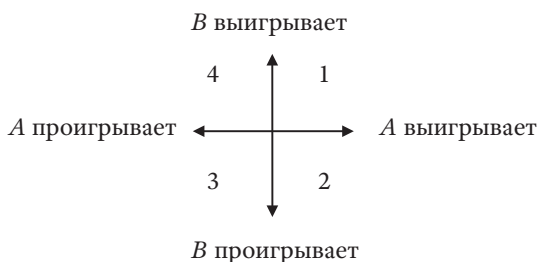
---

ать американские политические институты более открытыми и подотчетными. Имеет филиалы в 36 штатах и финансируется за счет сборов и взносов ее почти 400 тыс. членов и сторонников. — *Примег. пер.*

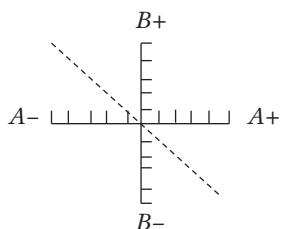
<sup>3</sup> Созданная в 1972 г. некоммерческая организация по защите прав малообеспеченных пожилых людей и других групп населения, находящихся в зоне риска. Достигает своих целей посредством адвокатской практики, судебных разбирательств, просвещения и консультирования адвокатов на местах. Финансируется за счет грантов и индивидуальных пожертвований сторонников. — *Примег. пер.*

Есть, однако, и другие, менее проторенные пути, которые могут вести нас к той же цели. Наиболее важные из них проходят через изучение стратегических взаимодействий: ведение переговоров, ведение войны, игры и т.п. В этом случае интересы и способ организации акторов обычно принимаются как данность, а исследовательский интерес сконцентрирован на изучении стратегии и тактики как функций от различных возможностей и различной информации об этих возможностях.

Неявно большинство исследований стратегического взаимодействия начинаются с приведенной ниже схемы.



Для простейшего двустороннего взаимодействия с единственным возможным исходом окончание где-нибудь в секторе 2 означает выигрыш  $A$  и проигрыш  $B$ , окончание в секторе 3 означает проигрыш обоих и т.д. Возможные результаты взаимодействия с нулевой суммой располагаются на диагонали.



Некоторые экстремальные разновидности взаимодействия могут быть описаны посредством проведения ограничительных линий вокруг всех возможных исходов.



В случае чистого конфликта ни один исход не обеспечит выгоды для обеих сторон. В случае чистой кооперации наихудший возможный исход состоит в том, что ни одна из сторон ничего не приобретает. В случае открытого взаимодействия доступны все четыре сектора.

Та же диаграмма служит для отслеживания траектории стратегического взаимодействия через ряд промежуточных исходов (см. рис. 2.5).

В этом примере (в модифицированном виде взятом из: [Boulding, 1962, p. 50]) недальновидный интерес каждой из сторон заключается в том, чтобы вооружаться друг против друга и краткосрочное равновесие только вредит обоим из-за «гонки вооружений». Пунктирная линия отражает возможность более дальновидного, более выгодного равновесия через обоюдное разоружение.

Такой подход в его разнообразных вариантах проясняет анализ результатов и путей к ним. Как и в теории коллективного выбора, аналитик обычно манипулирует соответствующими стимулами, информацией, правилами принятия решений и доступными стратегиями. Он не пытается объяснить, как и почему изменяются стимулы, информация, правила принятия решений и доступные стратегии. Это, к примеру, по большей части верно в отношении теории игр. Теория игр — это «общая схема для анализа взаимодействия между несколькими агентами, которые являются взаимозависимыми ...и интересы которых в определенной степени противоречат друг другу» [Kramer, Hertzberg, 1975, p. 379]. Сторонники теории игр обычно организуют свой анализ вокруг «платежной матрицы» (payoff matrix). В качестве элементарного примера мы имеем двух метких пиратов — Крюка и Черную Бороду, которые стреляются

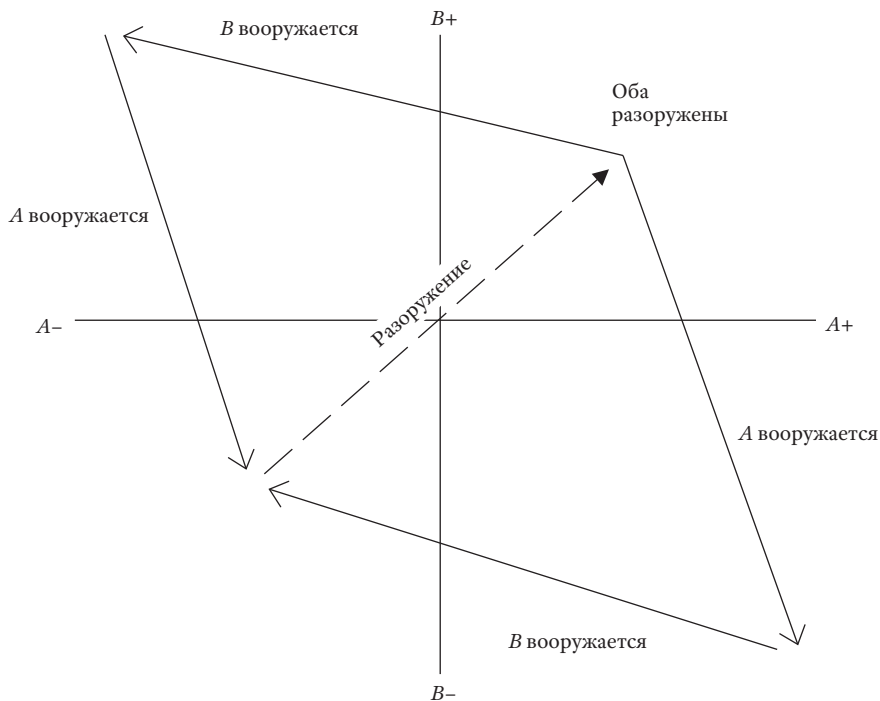


РИС. 2.5. Гипотетический ход стратегического взаимодействия

за сундук с золотом на 1000 долл. Ни один из них никогда не мазал мимо цели, оба выстреливают одновременно, но вот только их старые пистолеты дают осечку в 50% случаев. Выживший, если таковой имеется, забирает себе все золото. Если выжили оба, то они разделят сокровища пополам. Платежная матрица, описывающая результат дуэли, представлена на рис. 2.6.

(В каждом случае выигрыш Крюка лежит выше диагонали, а выигрыш Черной Бороды — ниже.) Следуя этой схеме, дуэль уже не кажется такой уж игрой. Каждый пират имеет два шанса из четырех на то, что будет убит, один шанс на то, что получит 1000 долл. и один шанс — на 500 долл. Если каждый оценивает свою жизнь в 1000 долл., то перед выстрелом каждый пират должен оценивать свой вероятный выигрыш как:

$$\frac{1000 + 500 - 1000 - 1000}{4} = -125 \text{ долл.}$$

		Черная Борода	
		Выстрел	Осечка
Крюк	Выстрел	<div>убит</div> <div>убит</div>	<div>+1000</div> <div>убит</div>
	Осечка	<div>убит</div> <div>+1000</div>	<div>+500</div> <div>+500</div>

рис. 2.6. Простая платежная матрица для двух пиратов

Выглядит не очень обнадеживающе. Тем не менее без шансов убежать, торговаться или схитрить такой размер ожидаемой прибыли не повлияет на действия Крюка или Черной Бороды.

Чтобы превратить это противостояние в интересную *игру*, мы должны дать каждому из пиратов возможность выбирать стратегию поведения и ввести некоторую неопределенность по поводу того, какую стратегию каждый из них выберет. Это можно сделать, (а) предоставив пиратам выбор между стрельбой, как раньше, и попыткой убежать с сундуком, пока другой пират заряжает свой пистолет; (б) указав, что один лучше бежит, а другой лучше стреляет. В итоге более правдоподобная матрица, учитывающая все эти условия, могла бы выглядеть как на рис. 2.7.

В целом стратегия «хватай и беги» наиболее благоприятна для каждого из пиратов. Однако если Крюк уверен, что Черная Борода выберет именно эту стратегию, то он наверняка будет соблазнен возможностью подстрелить беглеца. В свою очередь, если Черная Борода будет уверен в том, что Крюк попытается убежать, то он, вероятнее всего, побежит с сундуком сам. Крюк бежит быстрее и у него больше шансов удрать с награбленным; но есть некоторый шанс, что Черная Борода окажется первым; хорошие шансы, что они поделят сокровище; и никакой вероятности что кто-либо из них умрет.

Этот забавный пример иллюстрирует один существенный момент: теория игр анализирует стратегическое взаимодействие,

		<i>Черная Борода</i>	
		Стреляет	Хватает сундук и бежит
<i>Крюк</i>	Стреляет	<div> <div>-60</div> <div>+40</div> </div>	<div> <div>+750</div> <div>+450</div> </div>
	Хватает сундук и бежит	<div> <div>+710</div> <div>+180</div> </div>	<div> <div>+625</div> <div>+500</div> </div>

рис. 2.7. Платежная матрица для двух пиратов с неопределенностью

изображая его результатом одного или нескольких четко определенных, намеренных решений со стороны каждого из участников взаимодействия. Решения являются функцией расчета каждым участником вероятных последствий различных комбинаций своих собственных действий и действий других участников. До сих пор приложение теории игр к коллективному действию было косвенным. В лучшем случае теория игр помогает понять задачи, стоящие перед акторами коллективного действия, а также то, как доступные методы взаимодействия ограничивают возможности максимальной реализации своих интересов актором, или всеми акторами вместе.

Анализ ведения переговоров также сосредоточен на результатах и путях их достижения. Ашенфельтер и Джонсон, к примеру, анализируют забастовочную активность. Они начинают с трехсторонней модели переговоров, которая включает фирму, ее работников и руководство профсоюза работников. Забастовка в этой модели является следствием неготовности фирмы удовлетворить требования рабочих о повышении заработной платы, которые предшествовали конфликту. В свою очередь, открытый конфликт частично выступает следствием несоответствия между тем, чего хотят работники, и что руководители профсоюза считают возможным добиться. На уровне фирмы эта модель тем самым включает ряд условий (величину повышения, которая была бы приемлемой для работников, скорость, с которой ожидания работников падают по ходу забастовки и т.д.), которые предсказывают эту неготовность.

При отсутствии данных для проверки их модели на уровне фирмы, Ашенфельтер и Джонсон делают некоторые правдоподобные выводы о детерминантах забастовки в более крупном масштабе. Относительно рабочей силы в целом они строят модели, включающие уровень безработицы, предшествующие изменения уровня реальной зарплаты и прибыль корпораций. Оценивая свои основные уравнения по ежеквартальному количеству забастовок, регистрируемых каждый квартал в Соединенных Штатах с января 1952 г. по июнь 1967 г., Ашенфельтер и Джонсон достигают хорошего соответствия для данного временного периода. Они приходят к выводу, что забастовки зависят главным образом от напряженности на рынке труда и предыдущих изменений уровня реальной зарплаты [Ashenfelter, Johnson, 1969, p. 47]. (Все важные исследования, проведенные на данный момент, указывают на одну общую тенденцию: в современных западных странах в хорошие времена забастовочная активность растет, а в плохие — снижается.) В случае моделей малого масштаба, как и в случае крупномасштабных моделей, Ашенфельтер и Джонсон изображают забастовку одним из возможных исходов последовательного процесса переговоров, в рамках которого стороны тщательно просчитывают свои возможности действовать в собственных интересах. Формулировки немного отличаются от того, что принято в теории игр, однако это все еще определено дух анализа в традиции Милля.

#### МИЛЛЬ И ПСЕВДО-МИЛЛЬ

На самом краю традиции Милля располагается ряд количественных исследований конфликта и коллективного действия. Их можно назвать традицией псевдо-Милля. Они напоминают работу в рамках теорий коллективного выбора и коллективных благ тем, что в них моделирование и процедуры оценки принимают форму эконометрики. Эти исследования классифицированы как псевдомиллевские в силу своего теоретического содержания или его отсутствия. Некоторые из них (как в ранних работах Теда Гарра) представляют собой попытку оценки в сущности установочных моделей в эконометрическом стиле. Другие (как в случае, когда Гарр пересматривает свои ранние аргументы) представляют собой эклектичные попытки собрать правдоподобные по отдельности переменные в уравнения, которые фиксируют их совместное воздействие и вза-

имодействия. В любом из этих случаев мы находим относительно мало свойственного Миллю интереса к последствиям альтернативных правил принятия решений в контексте фиксированных интересов и меняющихся возможностей действовать ради достижения этих интересов.

Кросс-национальное исследование «массового политического насилия» Дугласа Хиббса воплощает лучшее в традиции псевдо-Милля. Хиббс анализирует подсчеты числа массовых беспорядков, вооруженных нападений, политических забастовок, убийств, смертей в результате политического насилия и антиправительственных демонстраций в 108 странах, которые произошли за два десятилетия: 1948–1957 и 1958–1967 гг. Посредством факторного анализа Хиббс объединяет эти разнообразные события в две большие группы: коллективный протест и внутренняя война. Далее он прочесывает существующую по данной теме литературу в поисках предлагаемых прогнозирующих параметров для этих переменных и осторожно встраивает их в причинно-следственные модели. Одна из диаграмм Хиббса, иллюстрирующая причинно-следственные связи (в виде стандартизированных коэффициентов регрессии) приведена на рис. 2.8. Наряду с другими вещами, диаграмма иллюстрирует, что негативные санкции (цензура, запреты политической деятельности), применявшиеся властями во второй декаде, являются сильными прогнозирующими параметрами уровня коллективного протеста и внутренней войны в стране, тогда как членство в национальных коммунистических партиях в 1960 г. является слабым предсказателем уровня политических протестов во второй декаде.

Работа Хиббса репрезентативна в том плане, что он формулирует и тестирует общие аргументы путем сравнений агрегированных измерений для значительного числа стран. Он не изучает вариации внутри стран, между группами или временными периодами; он не рассматривает детерминанты конкретных событий, не имеет дела с их внутренним развитием. С расширением сферы использования компьютеров, многомерного статистического анализа, международных баз данных в 1960-х годах появилось огромное число исследований, выполненных в таком ключе. Исследование Хиббса суммирует и улучшает множество подобных исследований.

В отличие от дюркгеймианских исследований, анализ коллективного действия в духе Милля постоянно сопровождается тщательной формализацией и статистической проверкой аргумента-



Обозначения:

ln — логарифмически нормальная трансформация

D-2 — вторая декада 1958–1967 гг.

pc — на душу населения (per capita)

РИС. 2.8. Одна из каузальных моделей политического насилия Дугласа Хиббса

ции. Там, где дюркгеймианцы постулируют два или три различных типа коллективного действия, в зависимости от различных типов социального изменения — миллевцы склонны считать все коллективное действие выражением одной и той же фундаментальной рациональности. Платой за преимущества такого рода анализа является некоторая потеря разнообразия, концентрация только на тех случаях, в которых интересы и возможности выбора исключительно ясны, и некоторая тенденция подчеркивать значимость тех переменных, которые поддаются количественной оценке. До сих пор строгости в этих моделях предостаточно, однако не хватает таких внушительных теоретических моделей революции, какие мы находим у Хантингтона или Джонсона. Но в то же время акцент Милля на рациональном преследовании интересов есть желанное противоядие против представлений о действиях толпы как импульсивных и нерациональных. Тем не менее и по сей день последователи Милля не очень-то разъяснили нам, откуда берутся эти интересы и как они изменяются. Они также не особенно распространяются о том, как

люди определяют, артикулируют и организуют эти интересы. Чтобы получить дальнейшие идеи о том, как ответить на эти вопросы, обратимся к традиции Макса Вебера.

## ВЕБЕР

Согласно Максy Веберу, группы привержены коллективному определению мира и себя. Такие определения включают цели, влекут за собой нормы поведения, а также легитимацию власти правителей. Законные власти действуют от лица групп. Иногда власти действуют на основе своих традиционных ролей, иногда на основе рационально-легального предназначения в качестве агентов групп, иногда на основе экстраординарных особенностей личности — на харизме. То, какие из этих оснований принимает группа, в значительной мере влияет на ее организацию и судьбу. Все обоснования, будь они представлены в традиционной, харизматической или рационально-легальной форме, всегда ограничивают действия властей. По мнению Вебера, структура и действия группы как целого в значительной степени берут свое начало в особого рода приверженности системе представлений. Представления обладают собственной логикой и силой.

Вебер излагает свою исчерпывающую теорию происхождения фундаментальных представлений в рамках обсуждения харизмы: божественного дара благодати и его секулярных эквивалентов. Согласно Веберу, религиозные и идеологические виртуозы постоянно формулируют новые определения мира и себя. Однако лишь немногие из них находят последователей. В этих редких случаях группа последователей становится приверженной и системе представлений, и признанию харизмы — исключительных моральных качеств — лидеров, объектов и ритуалов, которым эти воззрения придают статус священных.

Там, где намного большее число людей, в силу тех или иных причин, находят, что новые определения мира дают более последовательные ответы на проблему смысла, которая стоит перед ними, по сравнению со старыми определениями, уже доступными им, они присоединяются к группе и она растет. Затем вся группа в целом сталкивается с проблемой «рутинизации харизмы». (В оригинале для обозначения рутинизации Вебер использует немецкое слово *Veralltäglichung* — что в буквальном смысле означает «повседнев-

низацию» харизмы, что впечатляющим образом описывает процесс превращения чего-то экстраординарного в нечто обыденное, понятное и контролируемое.) Рутинизация харизмы включает согласование представлений с требованиями организации, разработку надежных методов различения истинных и ложных версий представлений, обеспечение преемственности руководства.

Вебер выделяет шесть основных механизмов, посредством которых в харизматических группах решается проблема преемственности [Weber, 1972, р. 143–144; Вебер, 2016, р. 284–286]:

1. Поиск другого харизматического лидера того же типа.
2. Откровение посредством некоторой процедуры, почитаемой группой.
3. Назначение старым лидером своего преемника с одобрения группы.
4. Ритуальное назначение группой остающихся в живых лидеров.
5. Опора на родство, исходя из идеи о том, что харизма наследуется.
6. Передача харизмы организации, а следовательно, ее официальным лицам и ритуалам.

Выбор одной из этих стратегий ограничивает то, что может далее делать группа. Но все варианты требуют в той или иной степени создания организационной структуры с собственными движущими силами и требованиями. Если группа переживает данный процесс, значит, появляется еще один прочный коллективный актор под руководством своей легитимной власти.

Веберовская концепция «рутинизации» харизмы прекрасно вписывается в его общую теорию социальных изменений. Вебер изображает традиционную систему господства как некое равновесие, к которому стремится социальная жизнь, если не происходят какие-либо сильные сбои. Но всегда возможно существование сразу двух источников сбоев: силы рациональности и силы харизмы. Каждый из них представляет власть последовательной идеи, чистого принципа, применительно к истории.

Бюрократическая рационализация, утверждает Вебер, «может быть перворазрядной революционной силой, противостоящей традиции, и часто была таковой. Но она революционизирует посредством внешних технических приемов, вещей и мероприятий прежде всего» [Weber, 1972, р. 657]. В конечном итоге рациональ-

ное переустройство среды приводит к изменению людей и их мировоззрения. Харизма же, в рамках анализа Вебера, работает прямо противоположным образом: она сперва трансформирует внутреннюю жизнь людей и затем ведет людей к трансформации их мира. «Она именно в этом чисто эмпирическом и свободном от оценки смысле является в высшей степени и специфически “креативной” силой истории» [Weber, 1972, p. 658]. Как замечает Франческо Альберони, согласно Веберу, «харизма не растет из бюрократии, а противопоставляет себя ей; и в этом она представляется чем-то беспричинным, чудесным, иррациональным» [Alberoni, 1968, p. 15].

Альберони также указывает на то, что на этой точке теоретизирование Вебера и останавливается. Вебер дает нам впечатляющее, убедительное понимание социального изменения как результата вторжения харизмы в ход истории, а также распространения рационализации в истории. Он дает понимание исторической силы движения, ориентирующегося на последовательную идею. Но он не предлагает никакой теории обстоятельств, при которых возникают харизматические движения. Его грандиозное сравнение цивилизаций дает нам эпический исторический анализ того, как развивалось одно рационализирующее движение — характерное для современной Западной Европы, но никакой удобной общей схемы для объяснения рационализирующих движений. В результате последователи Вебера были вынуждены дополнять свои концепции жизненного цикла социальных движений невеберианскими объяснениями того, почему люди вообще объединяются в социальные движения, почему присоединяются к ним.

Тем не менее концепция Вебера согласуется с концепцией Дюркгейма в утверждении о том, что стремительные социальные изменения (и, следовательно, предположительно бóльшая вероятность того, что существующие убеждения становятся непригодными как руководство для рутинной социальной жизни) приводят к широкому распространению нерутинных коллективных действий. Далее Вебер идет собственным путем, полагая, что на самом деле существуют две основные категории субъектов коллективного действия: те, которые ориентированы на девиантные убеждения, и те, которые ориентированы на убеждения, получившие общее признание. Рутинизация и диффузия превращают одно в другое. В более широком смысле теория Вебера также говорит о том, что привер-

женность группе является скорее стимулом, нежели препятствием для участия в коллективном действии, включая и нерутинное коллективное действие. По сути, сегодня политические аналитики часто прибегают к веберовскому объяснению коллективного действия национальных государств и сложных организаций. В то же время они менее склонны применять подход Вебера для объяснения действий толпы, политических движений или революционных групп.

## ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Традиция Вебера часто занимается изучением коллективного действия в концептуальных рамках *общественного движения*. В своей короткой концептуальной работе на эту тему Пол Уилкинсон приводит следующее определение общественного движения:

...Преднамеренные коллективные усилия, направленные на социальные изменения в любом направлении и при помощи любых средств, не исключая насилие, противозаконные методы, революцию или уход в «утопическое» сообщество... Общественному движению с необходимостью должна быть присуща некоторая минимальная степень организации, хотя она может варьировать от рыхлого, неформального или частичного уровня организации до высокоинституционализированных и бюрократизированных движений и корпоративных групп... Ориентация общественных движений на социальные изменения, сам «смысл существования» их организаций покоится на сознательной воле, нормативной приверженности целям движения или убеждениям и активном участии со стороны последователей или членов [Wilkinson, 1971, p. 27].

Это определение, хотя оно и более ясное, нежели большинство тех, что можно встретить, просматривая литературу по общественным движениям, передает обычный смысл этого термина. Лежащее в его основе понимание отражает веберовское: группа людей тем или иным образом самоориентируется на одну и ту же систему представлений и совместно действует во имя изменений, на основе этой общей ориентации. Отсюда возникают стандартные вопросы типа: как возникают такие системы представлений? Каким образом они контролируют своих приверженцев? Каким образом эти системы воззрений и группы, формирующиеся вокруг них, изменяются, рутинизируются и исчезают?

Неудивительно, что Майкл Юсим начинает рассмотрение Сопротивления — американского движения в 1960-х годах против призыва на военную службу — со следующих слов:

Формирование движения протеста обычно зависит от наличия уже существующей группы людей, объединенных вокруг ряда политических принципов по поводу того, как следует решать ту или иную социальную проблему. Некоторые протесты вспыхивают спонтанно и отражают мало сознательных усилий со стороны политизированного руководства. Но многие движения, в том числе Соппротивление, оформляются только после длительного процесса вызревания, в рамках которого значительное число людей начинают оценивать новую протестную программу как обоснованную и реалистичную [Useem, 1973, p. 37].

Учитывая такое начало, собственное исследование Юсимом американского сопротивления призыву следует логическим путем: характер недовольств на кампусе, призыв как реальность и как проблема, база и процесс рекрутирования в движение, организационные проблемы и трансформации движения, политические результаты действий движения. Например, Юсим указывает на большое значение недолговечной отсрочки от армии для студентов в качестве стимула примкнуть к движению. Или другой пример: он анализирует значение временных коалиций между Соппротивлением и другими протестными группами, преследующими существенно иные цели. По его мнению, распад коалиции с такими группами как SDS<sup>4</sup> ускорил упадок Соппротивления как общественного движения.

Исследовательская повестка дня Юсима является классической. Она направляет изучение революционных, религиозных, этнических движений и движений за реформы. Сам Юсим применяет эту же схему к огромному разнообразию американских движений протеста. Юсим заканчивает это свое исследование двумя основными претензиями к существующим аналитическим схемам: 1) хотя они дают разумное объяснение внутреннему раз-

---

<sup>4</sup> «Студенты за демократическое общество» (Students for a Democratic Society, SDS) — студенческая организация, основанная в 1960 г. молодежная группа социал-демократов. Причиной возникновения группы послужило растущее неприятие среди молодежи внутренней, а также внешней политики США, войны во Вьетнаме, постоянной ядерной угрозы, расовой сегрегации на Юге

виту движения, как только оно началось, они не содержат каких-либо серьезных объяснений генезиса протестного движения; 2) их описания процесса, посредством которого такие движения мобилизуются для действия, совершенно неудовлетворительны. Юсим заключает:

Необходимо направить внимание на конфликты внутри основных институциональных систем в Америке в качестве источников протеста, а также на их роль в формировании программы, организации и росте движения. Поскольку многие типы коллективного поведения и социальных движений не имеют таких корней, попытки разработать единую теорию, объясняющую все многообразие коллективных феноменов, неизбежно приводят к упущению тех факторов, которые играют роль только для протестного, но не других типов движений [Useem, 1975, p. 51].

Каждому, кто просматривал множество работ по американским социальным движениям, известно, что многие авторы соглашались в вопросе о характерных жизненных траекториях движений и в то же время существуют большие разногласия в вопросе о том, почему и как движения изначально возникают. Джозеф Гасфилд в своем «Символическом крестовом походе» предпринимает вдумчивый анализ американского движения трезвости<sup>5</sup>, в рамках которого выделяет три типа движений: классовые, статусные и экспрессивные. Классовые движения, согласно Гасфилду, организуются инструментально вокруг определенных интересов своей общественности. Статусные движения ориентированы на поддержание или повышение престижа группы. Экспрессивные движения «характеризуются бесцельным поведением или достижением целей, которые не связаны с недовольством, которое было источником для движения» [Gusfield, 1966, p. 23]. Во всех трех случаях характер общественности и характер целей объясняют содержание конкретного движения.

---

и т.д. Стала символом несогласия и протестов студенческих кампусов в Америке в 1960-х годах. — *Примеч. пер.*

<sup>5</sup> Движение трезвости (Temperance movement) — общественное движение, которое борется за уменьшение употребления алкогольных напитков посредством критики, полного отказа членов движения от алкоголя, лоббирования закона по антиалкогольному законодательству или полному запрету алкоголя.

Движение трезвости, по мнению Гасфилда, в значительной степени является статусным движением; оно возникло в защиту старых элит против снижения их престижа. В XX в.

...поляризация среднего класса на непьющих и умеренно пьющих является частью широкого процесса культурных изменений, в рамках которого традиционные ценности старого среднего класса оказались атакованы со стороны новых компонентов среднего слоя. В рамках этого процесса движение трезвости начинает приобретать новые символические функции средства статусного протеста [Gusfield, 1966, p. 139].

В движении трезвости, продолжившемся после отмены «сухого закона», Гасфилд видит слияние с новым фундаментализмом, направленное против потворствующего своим желаниям, морально расхлябанного, потребительски ориентированного модернизма. Таким образом, этот протест еще и выражал состояние статусной тревоги старого среднего класса в XX в.

Роберта Эш встраивает свое краткое рассмотрение движения трезвости в исследование социальных движений среднего класса XIX в. Все они более или менее равноценны, утверждает она, однако движение трезвости «соединяло желание улучшить положение рабочих, уничтожить менее благовоспитанный стиль жизни и, возможно, неосознанно выражало фрустрацию в связи с потерей политического влияния...» [Ash, 1972, p. 136]. Эта характеристика несколько отличается от данной Гасфилдом, но основная процедура та же: генезис движения и его форма объясняются при помощи структурной ситуации, в которой сторонники движения оказываются первоначально. В своем общем анализе социальных движений в Америке, Эш изображает изменения в организации производства как порождающие новые структурные проблемы для различных социальных групп. И когда идеологически легитимные средства решения данных проблем отсутствуют, группы склонны создавать общественные движения для решения своих проблем. В итоге она приходит к выводу о том, что «статусная политика», которая так важна для Гасфилда, есть не что иное, как неправильно направленная или замаскированная классовая политика.

Анализ Гасфилда и Эш лишь в широком смысле является веберовским. Они принимают веберовскую идею общественного движения с присущей ему рациональной основой, движущей силой и

жизненной историей. Тем не менее они не приписывают такой непреодолимой силы идее, вокруг которой движение первоначально организуется, затрачивая бóльшую часть своих усилий на отыскание соответствий между социальным положением акторов и содержанием движений, которые они создают или в которые вступают. Более того, Эш сознательно принимает марксистские представления о происхождении структурных изменений. И все же в идентификации общественного движения как целостного объекта для изучения и в рассмотрении его формирования как разрыва с легитимной, рутинной социальной жизнью Эш и Гасфилд примыкают к Веберу.

Веберианская традиция прекрасно вдохновляет кейс-стади, однако плохо способствует дальнейшему теоретизированию. Этими двумя моментами она отличается от традиций Дюркгейма и Милля: обе эти традиции стимулируют все новые и новые теоретические формулировки, но оказываются очень трудно применимыми для изучения отдельных, конкретных случаев. Альберони и Юсим уже определили проблему, стоящую перед нами. Вебер практически не занимался проблемами генезиса и мобилизации харизматических движений. В то же время он учил, что такие движения обладают собственной логикой и представляют собой резкий разрыв с рутинной, легитимной социальной жизнью. Исходные допущения об автономии и принципиальной обособленности делают затруднительной попытку заполнить этот пробел в анализе Вебера апелляцией к повседневным интересам участников.

Тем не менее исследователи общественных движений, которые серьезно относятся к причинам и мобилизации, обычно выходят за рамки веберианской традиции в своих объяснениях. Эш прибегает к неожиданной комбинации: неомарксизм и работы Эдварда Шилза. Предложение Юсима изучать «институциональные противоречия» является марксистским по духу. Энтони Обершаль в работе общего плана «Социальный конфликт и общественные движения» [Oberschall, 1973] обоснованно разбивает свой предмет на три части: 1) анализ социального конфликта, сугубо эклектичный по своему теоретическому происхождению; 2) анализ мобилизации участвующих в конфликте групп, который опирается в основном на традицию Милля в версии Мансура Олсона; 3) анализ жизненных траекторий конфликтных групп, который напоминает классический анализ общественных движений. В рамках

своего анализа Обершаль делает заметный акцент на реальных интересах и стратегических проблемах, присущих социальному конфликту и мобилизационным войнам, в противоположность автономии и обособленности, заложенным в самой идее «движения». В этом случае интересы и стратегии одерживают верх. А понимание общественного движения как чего-то большего, нежели просто набор мобилизованных конфликтных групп, терпит поражение.

Так зачем возиться с Вебером? Затем, что Вебер и веберянцы изучали некоторые вопросы коллективного действия более настойчиво и эффективно, нежели последователи Милля и Дюркгейма. Иногда люди *действительно* организуются в группы вокруг определенных пониманий мира и самих себя: почему они это делают и как? В росте движений трезвости или за отмену рабства есть нечто, не исчерпывающееся ни анализом социальных классов в целом, ни изучением конкретных ассоциаций: что это? Понимание группой своих целей и прав действительно вдохновляет ее действия и влияет на саму готовность действовать: можем ли мы это игнорировать? Вебер оставил нам значительную исследовательскую программу.

## МАРКСОВСКИЙ АНАЛИЗ ПОСЛЕ МАРКСА

Классический марксистский анализ выводит общие интересы из общего положения в организации производства, и изменение интересов из изменений в организации производства соответственно. Любая группа людей, имеющая одно и то же отношение к средствам производства, составляет класс, но классы очень отличаются по внутренней структуре и общему сознанию. Общие цели и представления проистекают из общих интересов, опосредованных внутренней структурой класса и его отношением к другим классам. Коллективное действие подобным же образом является результатом общих интересов, опосредованных внутренней структурой, отношением к другим классам, и общим сознанием. Общая логика представлена на рис. 2.9.

Последователи марксистского анализа значительно различают относительно того, каким весом и какой степенью автономности они наделяют каждую из этих переменных. Они также различаются в том, насколько они признают других значимых социальных акто-

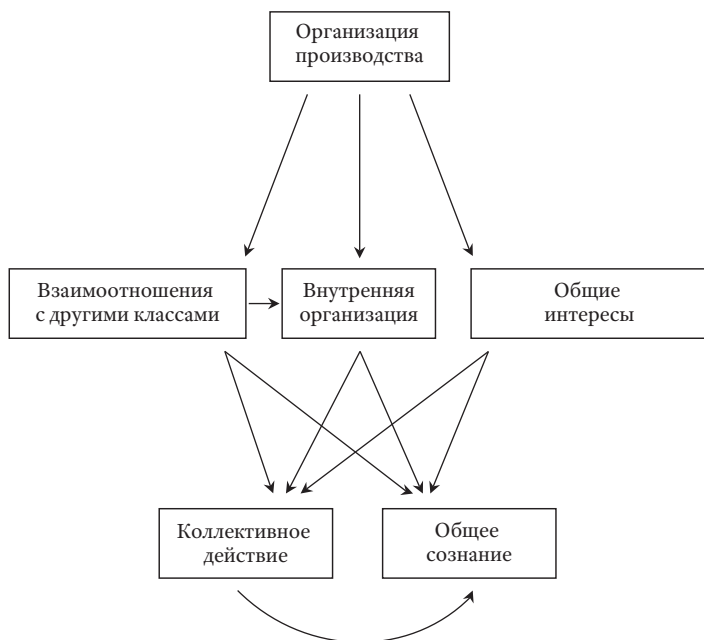


РИС. 2.9. Простая марксистская модель коллективного действия

ров, помимо классов: государства, этнические группы, религиозные движения и т.д. Чем строже последователи Маркса, тем меньше значения придается прочим акторам. Придерживаясь строгого стандарта, получается, что многие люди, работающие в рамках марксистской традиции, вообще не могут считаться марксистами. Тем не менее они стоят в стороне от последователей Дюркгейма, Милля и Вебера, настаивая на приоритете материальных интересов и следуя общей логике Маркса в объяснении коллективного действия. Хотя могут быть приведены наиболее приближенные к нам по времени примеры, для наших целей в качестве иллюстрации наилучшим образом подходят исторические синтезы Баррингтона Мура-младшего и Эрика Вулфа.

Комплексная теория Мура, изложенная в его «Социальных истоках диктатуры и демократии» [Moore, 1966; Мур, 2016], покоится на двух столпах: 1) идее о том, что классовые коалиции, участвующие в великих модернизирующих революциях (а следовательно, и характер этих революций), особенно зависят от судьбы

аграрных классов в процессе коммерциализации сельского хозяйства и роста государства, например, ликвидации крестьянства и кооптации аристократии и джентри, как это было в Англии; 2) дальнейшей идее о том, что классовая коалиция, осуществляющая революцию, оказывает сильное воздействие на последующее политическое устройство данной страны. Например, коалиция бюрократии с крупными землевладельцами имеет тенденцию порождать фашизм. Таким образом, парламентская демократия выступает специфическим историческим следствием раннего развития аграрного капитализма в определенных странах и, возможно, данные обстоятельства никогда не повторятся снова. Мур приводит свидетельства в пользу двух своих тезисов, проводя развернутое сравнение историй Англии, Франции, Соединенных Штатов, Китая, Японии и Индии. Он также прибегает к многочисленным экскурсам из истории Германии и России.

Революция играет интересную роль в схеме Мура. Основные революции (гражданская война в Англии, Французская революция и т.д.) выступают в качестве решающей перемены пути, по которому идет та или иная страна. И тем не менее революция как феномен *sui generis* (особого рода) растворяется в концепции Мура. Для него революция становится попросту наивысшей точкой эскалации конфликтов, которые имеют место задолго до перехода власти и длительное время после него. Действительно, пример Германии показывает, что фундаментальный переход власти в другие руки, который занимает центральное место в анализе Мура, может происходить без какой бы то ни было революции в общепринятом смысле слова:

Как показывает история Германии и Японии, представление о том, что насильственная народная революция безусловно необходима для устранения «феодалных» препятствий на пути индустриализации, полный абсурд. В то же время политические последствия демонтажа старого порядка сверху оказываются совершенно иными. Продвигаясь по пути консервативной модернизации, эти полупарламентские правительства пытались сохранить как можно больше от исходной социальной структуры и при малейшей возможности переносили крупные блоки в новое здание. Результатом этого было нечто вроде нынешних домов викторианской эпохи, в которых есть современные электрические плиты, но недостаточно ванн, а текущие трубы декоративно скрыты за новыми гип-

совыми стенами. В конечном счете эти спонтанные постройку рухнули [Moore, 1966, p. 438; Мур, 2016, p. 392].

Мы имеем здесь противоположность идеям Чалмерса Джонсона о «потере равновесия» (*disequilibration*) и «дисфункции». В рамках анализа Мура основные конфликты (в том числе и сами революции) являются частью самой логики тех политических систем, которые они сотрясают.

Вторым примером марксистского анализа после Маркса выступает Эрик Вулф и его «Крестьянские войны XX века» [Wolf, 1969]. Вулф рассматривает революции в Мексике, России, Китае, Вьетнаме, Алжире и Кубе. Из этих событий он извлекает важные уроки о реакции крестьян по всему миру на вовлечение в мировую капиталистическую экономику. Еще менее озабоченный созданием детальной теоретической конструкции чем Мур, Вулф тем не менее выстраивает мощный анализ структурных основ крестьянской жизни, тех конкретных способов, которыми расширение национальных и транснациональных рынков сотрясает эти основы, и условий, при которых крестьяне противостоят этой угрозе с применением силы, а также обстоятельств, при которых такое сопротивление (каким реакционным оно ни было бы в начале) служит целям революции.

Наиболее общий аргумент предельно прост и гласит:

Главная цель крестьянства состоит в поддержании собственного существования и социального статуса в рамках узкого диапазона социальных отношений. В этом крестьяне отличаются от земледельцев, в полной мере являющихся участниками рынка, и приверженных участию в статусных играх в рамках широкой сети социальных отношений. Для обеспечения наследования земли и поддержания существования своего домохозяйства, крестьянин в большинстве случаев держится на расстоянии вытянутой руки от рынка, ибо неограниченное участие в рынке угрожает источникам его существования. Крестьянин, таким образом, привязан к традиционным установлениям, которые гарантируют ему доступ к земле, а также к труду родственников и соседей... Возможно, именно тогда, когда крестьянин не может больше полагаться на привычный институциональный контекст, чтобы уменьшить свои риски, а альтернативные институты либо слишком хаотичны, либо слишком ограничительны, чтобы гарантировать жизнеспособную

приверженность новому, — именно тогда психологическое, экономическое и политическое напряжение выливается в крестьянские восстания и участие в революциях [Wolf, 1969, p. xiv–xv].

С этого плацдарма Вулф приступает к изучению крестьянского опыта в каждой из стран, чтобы проверить, при каких условиях вспыхнула каждая из рассматриваемых революций, а также с целью осуществить компаративистский анализ детерминант, в соответствии с которыми существенно различаются конкретные формы участия различных групп крестьянства в их национальных движениях.

Им выявляются некоторые общие черты: решающая роль среднего крестьянства, а не сельских пролетариев или «кулаков»; значимость альянсов с недовольными интеллектуалами; первоначально оборонительный и интроспективный характер всех крестьянских восстаний; частое возникновение тупиковых ситуаций для слабых претендентов на власть, что в конечном счете благоприятно для хорошо организованных главных групп в союзе с военными; итоговая неспособность крестьян достигнуть своих политических целей, какими бы успешными ни были их восстания в краткосрочной перспективе, при отсутствии устойчивых альянсов с решительно настроенными и организованными некрестьянами.

Осмысление Вулфом участвующих в этих процессах переменных, вероятно, внесет больший вклад в наше понимание политического конфликта, чем его перечисление констант. Он очень хорошо показывает (используя сходную с имеющейся у Мура линией аргументации), что коалиции, созданные восставшими крестьянами, значительно влияют на то, будут ли их действия выходить за пределы немедленного удовлетворения недовольств; что там, где коммерциализация зашла настолько далеко, что разрушила традиционную организацию крестьянского сообщества, восстания не происходят (в отличие от представлений теорий массового общества о том, что атомизированные и страдающие люди становятся идеальными повстанцами); что направленный из центра вовне характер восстания, как это было в России, Китае и Вьетнаме, благоприятствует усилению власти одной партии, а не армии и(или) национальной буржуазии.

## КОЛЛЕКТИВНАЯ ИСТОРИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

И Баррингтон Мур, и Эрик Вулф не историки, они обратились к истории для объяснения процессов, происходящих в современном мире. У них есть также много коллег среди современных профессиональных историков, занимающихся коллективным действием, у которых преобладает марксовская традиция мышления. Жорж Лефевр великий, проживший долгую жизнь, историк Французской революции [Lefebvre, 1924], явился основным вдохновителем этих исследований и разработал едва ли не большую часть их методологии. Он выдвинул идею о множественных, полуавтономных революциях, сливающихся в одну Революцию с большой буквы. Он показал, что полуавтономные (особенно крестьянские) революции доступны для изучения, начиная с низов. Однако он не систематизировал изучение участвовавших в них групп населения.

Это сделал Альбер Собуль. Без сомнения, Собуль был самым влиятельным из последователей Лефевра в обоих отношениях. Его диссертация 1958 г. «Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры» [Soboul, 1958; Собуль, 1966] осветила факелом те лица, которые прежде скрывались глубоко в тени: это были лица осуществлявших повседневную деятельность активистов парижских секций. (Эти «секции» по своей сути представляли собой районные власти и политические ассоциации.) Это было сделано в основном посредством прямолинейного, но очень трудоемкого анализа документов самих этих секций и кропотливой реконструкции членства в них.

Примерно в то же время Ричард Кобб осуществил тщательный анализ состава и характеристик добровольческих революционных армий, которые сыграли такую решающую роль в ранние годы революции. Каре Тоннессон исследовал парижских санкюлотов в течении III года Республики. Джордж Руде анализировал состав революционных толп в великие дни. Аделин Домар, Луи Шевалье и Франсуа Фюре подвергли тщательному изучению меняющийся состав и обеспеченность населения Парижа с конца XVIII в. до 1948 г., а Реми Госсэ применил многие из этих же детальных процедур к революции 1848 г. Эти историки значительно различаются своими убеждениями, предметом и методами. Что объединяет их между собой, а также с десятками их соотечественников в качестве представителей нового направления в истории —

так это целенаправленная аккумуляция унифицированных данных на многих обычных людей с целью получения достоверных данных о коллективных характеристиках, которые нелегко увидеть в опыте любого из них. Надежная информация зачастую носила количественный характер, хотя количественный анализ обычно был элементарным.

Принятие такого рода «коллективной истории» вовсе не гарантировало успеха. Напротив, это могло быть ужасной тратой времени. И в самом деле, это было бы пустым занятием, если бы старые теории слепой стихийности масс были верны. Однако, как оказалось, коллективная история внесла огромный вклад в изучение политических конфликтов Франции. Теперь историки понимают, насколько глубока и широка была политическая мобилизация французов в 1789 и 1848 гг., насколько согласованными были действия так называемой толпы, насколько резкими стали разногласия внутри коалиции, осуществившей революцию 1789 г., к 1793 г. Марксистский подход к изучению политических конфликтов во Франции приобрел новую силу еще и потому, что марксисты более других были склонны к тщательному изучению «маленьких людей», которое предполагал подход коллективной истории. А также потому, что марксистская традиция предоставляла более мощные средства анализа основных разделений внутри населения по сравнению с тем, что могли предложить конкурирующие подходы.

За пределами Франции наиболее заметный отпечаток коллективной истории на исследование коллективного действия мы находим в Англии. В Англии есть собственная традиция коллективной биографии, примером чего являются исследования парламента, осуществленные Льюисом Неймьером [Namier, 1961]. Однако в области изучения коллективного действия отличительной особенностью английского вклада не был формальный анализ участников, индивида за индивидом. Для английской традиции характерным было применение логики коллективной биографии для анализа *событий*, дополненного идентификацией и анализом фактических данных, касающихся характера, мировоззрения и поведения обычных участников крупных конфликтов и движений. В качестве примера первого выступает книга Хобсбаума и Руде «Капитан Свинг» [Hobsbawm, Rudé, 1969]. Эта книга представляет собой тщательное систематическое изучение многих локальных конфлик-

тов восстания Свинга<sup>6</sup>, великого восстания сельскохозяйственных рабочих 1830 г. В качестве примера второго типа английской традиции выступает работа Э.П. Томпсона «Создание английского рабочего класса» [Thompson, 1963], содержащая множество документов о борьбе рабочих в Англии с периода Французской революции до начала чартизма<sup>7</sup>.

Наконец, последний пример английской традиции коллективной истории объединяет в себе подходы Хобсбаума — Руде и Томпсона. В своей работе «Классовая борьба и индустриальная революция» [Foster, 1974] Джон Фостер прослеживает развитие классового сознания и коллективного действия рабочего класса трех промышленных городов (Олдема, Нортгемптона и Саут-Шилдса) на протяжении первой половины XIX в. Некоторые особенности исследования Фостера делают его выдающимся. Он скрупулезен и рефлексивен в своем теоретизировании; он тщательно излагает эмпирические следствия по своей сути ленинской аргументации: рабочая аристократия формирует и в течение некоторого времени служит авангардом классово сознательного коллективного действия, но в конце концов, раскалывается, ее фрагменты кооптируются или изолируются в ходе контратак капитализма. В равной мере скрупулезно Фостер собирает и излагает полученные им сведения; они включают тщательный анализ брачных моделей, кол-

---

<sup>6</sup> Swing Riots — широкомасштабные восстания работников сельского хозяйства в Англии 1830 г., начавшиеся с разрушения молотилок. Причиной восстаний послужило беспрецедентное обнищание крестьян, причинами которого сами восставшие видели церковную десятину, закон о бедняках, а также снижение фермерами-арендаторами зарплаты как следствие введения сельскохозяйственной техники. Восстания были названы именем полумифического капитана Свинга, от имени которого фермеры, магистраты и священники получали письма с угрозами. — *Примеч. пер.*

<sup>7</sup> Чартизм — политическое и социальное движение в Англии с конца 1830-х до конца 1840-х годов, получившее имя от поданной в 1839 г. парламенту петиции, называвшейся «хартией», или «народной хартией». Непосредственной причиной, создавшей чартистское движение, были промышленные кризисы 1825 и 1836 гг. и порожденная ими безработица 1825–1830 и 1836–1840 гг., распространившаяся преимущественно на Ланкашир, но захватившая также и другие части Англии, выбросившая на рынок десятки тысяч рабочих рук и значительно понизившая заработную плату остальных. Безработица вызвала еще в 1820-х годах длинный ряд рабочих бунтов в различных городах Ланкашира, сопровождавшихся грабежом булочных и съестных лавок. — *Примеч. пер.*

лективных биографий активистов рабочего класса и рассмотрение изменений в составе рабочей силе. И наконец, Фостер уделяет огромное внимание противникам и эксплуататорам рабочих: местной буржуазии. Одной из тем, которая нашла наибольшее освещение в работе Фостера, является использование буржуазией строгих религиозных практик в качестве средства приручения и посямления рабочих.

Неслучайно то, что основательный марксистский анализ встречается в изобилии в европейских исторических исследованиях, в то время, как аналогичные исследования, посвященные современной Америке — редкость. Тому есть две основные причины. Первая заключается попросту в том, что марксизм остается полным жизни, развивающимся течением мысли в Европе, но является иногда застывшим, а иногда вынужденным прятаться в Америке. Вторая состоит в том, что марксистские идеи наиболее адекватно развивались в связи с тем опытом, который наиболее полно рассматривал сам Маркс: речь о конфликтах, сопровождавших рост капитализма в Европе. В этом свете задача ученых-марксистов состоит в том, чтобы адаптировать модель, которая была уже хорошо выверена на историческом опыте Европы, к другим параметрам.

Из всех детерминант коллективного действия марксисты, как правило, придают огромное значение интересам и организации, иногда рассматривают мобилизацию и, как правило, не уделяют должного внимания возможности. По сравнению с традициями Дюркгейма, Милля и Вебера, марксизм в изучении коллективного действия подчеркивает вездесущность конфликтов, важность интересов, коренящихся в организации или производстве, влияние конкретных форм организации на характер и интенсивность коллективного действия. Марксисты гораздо меньше исследуют последствия господствующих систем воззрений или процессы роста и упадка движений по сравнению с веберийцами. Они не достигли уровня последователей Милля в точном моделировании процессов принятия решений. Однако не существует таких очевидных аналитических оснований, благодаря которым последователи Дюркгейма имели бы преимущество над марксистами.

Это будет общей установкой последующего анализа: упрямо антидюркгеймианского, решительно промарксистского, но иногда терпимого к Веберу и иногда полагающегося на Милля. Последовательные сторонники Дюркгейма будут не очень довольны аргу-

ментами или данными, которые я привожу. В них нет никакой поддержки идей о том, что вырванные из привычной обстановки массы являются творцами революции, что стремительные социальные изменения являются генератором аномического коллективного действия и т.д. Знакомясь с этой книгой, марксисты будут чувствовать себя «в своей тарелке» в большей степени, нежели последователи Дюркгейма. Тем не менее и первые найдут в этой книге много того, с чем они вряд ли могли бы согласиться. Особенно здесь имеется в виду огромное внимание к политическим процессам и интересам, которые не так очевидно и не так непосредственно базируются на основе классового конфликта. Последователи Вебера будут разочарованы практическим отсутствием харизмы и тем, что я избегаю социального движения как единицы анализа. По крайней мере они будут торжествовать по поводу уступок в сторону общего понимания прав и обязанностей как основы коллективного действия. Последователи Милля, вероятнее всего, будут отвергать бóльшую часть рассмотрения как неточную и спекулятивную (*unparsimonious*). Тем не менее и они найдут в книге знакомые усилия по исследованию стратегических проблем коллективных акторов.

## НАША ЗАДАЧА

Если мы попытаемся разрешить спор между теориями коллективного действия, которые я несколько произвольно отождествил с Марксом, Миллем, Дюркгеймом и Вебером, то окажемся в разочаровывающей ситуации. Увы, эта ситуация достаточно распространена в общественных науках. Представленные теории явно направляют нас на разные пути анализа. Однако во многих областях эти теории слишком неполны или слишком неточно конкретизированы для того, чтобы вступить в открытую конфронтацию друг с другом или чтобы можно было устроить им решающую проверку фактами. Более того, там, где эти теории вполне конкретны, часто оказывается, что они говорят о разных вещах: теории коллективного выбора применимы к ситуации, в которой альтернативы ограничены и четко определены, теории коллективного поведения описывают то, что происходит в ситуации, когда стандартные возможности выбора весьма условны и т.д.

В терминах Кеннета Боулдинга, теории традиции Милля имеют дело в основном с системами обмена (в которых стимулом к дей-

ствию для одного человека или группы является желаемая выгода, получаемая в ответ на это со стороны кого-то другого). Теории традиции Дюркгейма имеют дело в основном с системами интеграции (с теми, в которых стимулом является чувство общей судьбы или идентичности). Веберианская традиция занимается системами угроз (теми, в которых стимулом является нежелательный ответ со стороны другой группы в ответ на неспособность актора действовать определенным образом). Марксистская традиция занимается в основном угрозами и обменом, хотя и интеграция *внутри* групп — особенно внутри классов — становится важным условием эффективности коллективного действия этих групп.

Мы можем критиковать имеющиеся теории с общелогических оснований, оценивать их плодотворность в выдвижении гипотез, их объяснительные возможности и исследовательские стратегии. Мы можем проверить то, насколько хорошо данные теории работают в своих областях, а также определить, насколько точно и эффективно сторонники данных теорий используют последние. На данной стадии мы, к сожалению, не можем предложить набор тестов для убедительной оценки относительной валидности соответствующих теорий.

Тем не менее накапливающаяся литература по коллективному действию предоставляет большое пространство для теоретических изысканий. Мой план состоит в том, чтобы опираться на нее с целью предложить общие концепции и гипотезы для изучения конкретных исторических или современных примеров коллективного действия. Мы так же возвращаемся к некоторым проблемам, обозначенным, но не решенным Марксом в его анализе политических конфликтов XIX в.: каким образом большие структурные изменения влияют на преобладающие формы коллективного действия? Среди больших изменений я особенно подробно хочу остановиться на последствиях урбанизации, индустриализации, государственного строительства и экспансии капитализма. Среди преобладающих примеров коллективного действия мне более всего хотелось бы знать, какие группы теряют и какие получают способность к эффективным коллективным действиям, а также каким образом изменяются сами формы действия.

В этих абстрактных формулировках, проблемы напоминают пустыню: огромную, сухую, отталкивающую. К счастью, как и во всех настоящих пустынях, здесь есть оазисы. Некоторые конкрет-

ные вопросы, вытекающие из этих абстрактных проблем важны и интересны. На некоторые из них даже можно ответить: правда ли, что с урбанизацией, индустриализацией и становлением национальных государств значительно возрастает степень политического участия простых людей? Правда ли, что репрессии эффективны только временно, поскольку рано или поздно люди становятся настолько фрустрированными, что хватаются за всякую возможность бунта? Почему налоговые бунты, некогда самый распространенный повод для широкомасштабного народного насилия в западных странах, практически исчезли сейчас? И почему в наше время забастовки и демонстрации стали настолько частым явлением? Имеет ли место тенденция ко все меньшей и меньшей турбулентности в политической жизни, все большей ее рутинизации по мере обогащения и старения страны? В какой степени и когда социальные классы являются главными политическими акторами? Наши вопросы касаются политических процессов всех масштабов, от мобилизации групп для коллективного действия до революций.

На следующих страницах не будет дано однозначных ответов на эти вопросы. Их цель куда более скромна. На этих страницах представлен набор понятий, которые применимы к широкому кругу проблем, тем самым они помогают выявить связи между проблемами. В следующих главах формулируются некоторые общие аргументы о рассматриваемых политических процессах, которые иллюстрируются рядом различных конкретных кейсов. Время от времени берется пауза для резюмирования имеющихся данных, касающихся некоторых основных контроверз относительно коллективного действия.

Иллюстрации и свидетельства относятся главным образом к прерывным и конкурентным коллективным действиям: забастовкам, демонстрациям, налоговым бунтам, а не к повседневному мелкому политиканству. И это не случайно. Марксистская традиция, на которую я полагаюсь, наиболее полноценно и эффективно работает с ситуациями открытого конфликта. Моя собственная эмпирическая работа всегда была связана с конфликтом в большей степени, нежели с консенсусом. В некоторых местах этой книги я иллюстрирую и доказываю большую преемственность между открытым конфликтом и рутинным соперничеством за власть. Тем не менее относительная слабость эмпирических данных, касающихся повседневного, рутинизированного, мирного коллектив-

ного действия оставляет вероятность того, что Вебер и Дюркгейм были правы: действительно, есть отдельная сфера конкурентного, экстраординарного коллективного действия, требующая отдельного способа объяснения. Что касается меня, то я так не считаю. Но скептически настроенный читатель может предпочесть рассматривать то, о чем будет сказано далее, как анализ прерывных, конфликтных коллективных действий и оставаться при своем мнении по поводу всего остального.

Далее в этой книге представлены стратегии для изучения мобилизации, репрессий, борьбы за власть и связанных с ними процессов. Я еще не раз буду обращаться к проблемам надежности наблюдения и измерения политических процессов, поскольку к ним слишком легкомысленно относились в прошлом. Попутно, но только попутно, в книге будут высказаны комментарии по поводу предшествующих работ, посвященных коллективному действию, конфликту и революции. Но главное внимание будет уделено тому, что еще предстоит исследовать.

## Глава 3

# Интересы, организация и мобилизация

### ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ МОДЕЛИ

ЧТОБЫ чего-либо достичь, нам необходимо разработать приблизительные модели межгруппового взаимодействия, а также модель коллективного действия одной группы. Первоначально модель взаимодействия вполне статична. Назовем ее *моделью политической системы* (polity model). Элементами данной модели являются население, государство (government), один или более соперников (contenders), политическая система, а также одна или более коалиций. Интересующее нас население мы можем определить каким угодно способом. Внутри этого населения мы ищем одно или более из нижеследующего:

*Государство* — организация, которая контролирует основные концентрированные средства принуждения внутри данного населения.

*Соперник* — всякая группа, которая в течение определенного периода использует свои совместные ресурсы для того, чтобы повлиять на государство. В число соперников входят претенденты и члены политической системы. Членом является любой соперник, который имеет повседневный (routine), недорогой доступ к ресурсам, подконтрольным государству; претендентами являются все остальные соперники [т.е. не имеющие подобного доступа].

*Политическая система* состоит из коллективного действия членов и государства.

*Коалиция* — тенденция ряда соперников и(или) государств координировать свои коллективные действия.

Рисунок 3.1. схематично отражает эти элементы. Для того чтобы применить модель политической системы к реальному населению, необходимо выбрать отправные точки. Мы можем сначала определить государство, а затем — население, над которым это государство осуществляет контроль (или претендует на его осуществление); большая часть политических исследований начинается таким образом, и в рамках политических исследований национальные государства являются наиболее распространенной стартовой точкой. Однако можно начать и с определения населения, после определить все государства, осуществляющие контроль внутри данного населения и(или) указать одно такое государство в качестве точки отсчета.

В первом случае мы можем взять СССР в качестве отправного пункта, а после обратить исследовательский интерес на все население, над которыми СССР осуществляет свою юрисдикцию. Критерии, которые мы используем для употребления терминов «государство» и «юрисдикция», будут четко определять размер насе-

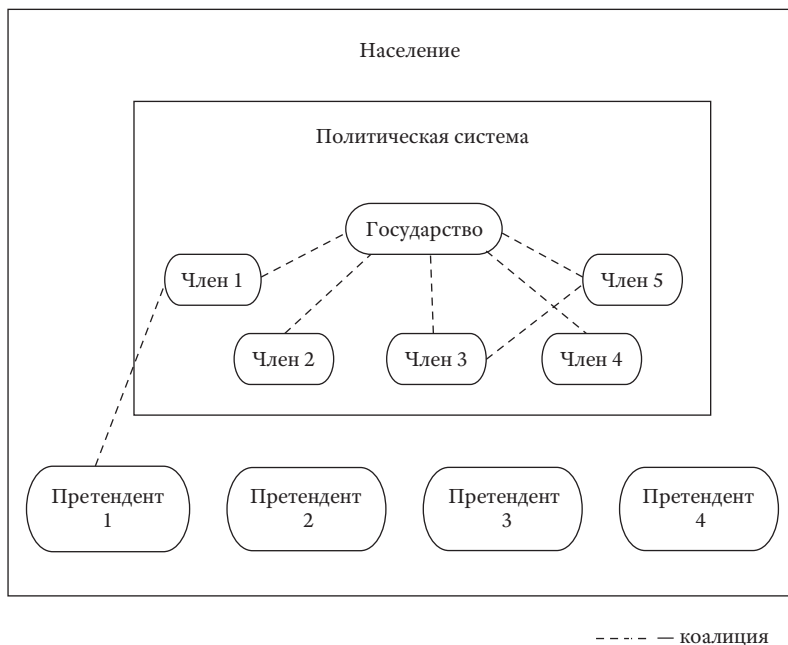


РИС. 3.1. Модель политической системы

ния, который необходимо будет проанализировать: в соответствии со слабым критерием это будет значительная часть Азии и Восточной Европы; в соответствии с сильным, учитывающим федеративное устройство СССР, нам не нужно будет исследовать ничего, кроме центральной бюрократии.

Во втором случае, нам необходимо взять населения, проживающие в пределах нанесенных на карту границ национального государства; результаты будут примерно теми же, что и в первом случае, основные различия будут вызваны трансграничной миграцией в обоих направлениях. Тем не менее мы также могли бы взять всех носителей русского языка, всех этнических курдов, всех людей, живущих в радиусе 500 км от Черного моря. В указанных пределах получим очень разные населения и очень разный набор соответствующих государств. При таком подходе самой сложной проблемой, вероятно, будет следующее: насколько прочной должна быть принадлежность индивидов к данному населению, чтобы мы могли их включить. Считать ли американских туристов в Москве? Если нет, то как насчет американских дипломатов, которые на протяжении четырех-пяти лет живут в Москве? Что делать с американцами, которые отбывают четырех-пятiletнее заключение в России? Эти проблемы мы так или иначе будем решать — произвольно, или, что предпочтительнее, в зависимости от вопросов, поставленных нами. Однако эти решения повлияют на ответы респондентов на наши вопросы.

В примитивной, статической версии данной модели все соперники пытаются реализовать свои интересы, применяя объединенные ресурсы друг к другу и к государству. Они различаются по успеху, с которым получают ресурсы в ответ; по этому основанию сильнее всего различаются члены существующей политической системы с высокой доходностью (high-return) и претенденты с низкой доходностью (low-return). Кроме того, все соперники (как члены, так и претенденты) борются за власть. В рамках данной модели индикатором увеличения власти служит увеличение нормы прибыли на израсходованные ресурсы. Все претенденты стремятся, кроме всего прочего, стать членами политической системы, а все члены, кроме всего прочего, — удержаться в этой системе. Изменения в ресурсах, контролируемых каждым соперником и государством; изменения в ставках, по которым соперники и государство дают и получают ресурсы, а также изменения в

структуре коалиций сводятся к входам в политическую систему и выходам из нее. Наша модель содержит привычный образ политики групп интересов.

Вторая модель описывает поведение одного соперника. Назовем ее моделью мобилизации. Соперники обладают четырьмя важными переменными характеристиками:

*Интересы* — общие преимущества и недостатки, которые вероятнее всего возникают у населения, о котором идет речь, как следствие различных возможных взаимодействий с другими населенными.

*Организация* — степень общей идентификации и унификации структуры среди индивидов в рамках населения; как процесс — возрастание общей идентификации и(или) унификации структуры (так что уменьшение общей идентификации и(или) унификации мы назовем дезорганизацией).

*Мобилизация* — степень, в которой ресурсы находятся под коллективным контролем соперника; как процесс — увеличение ресурсов или степени коллективного контроля (снижение вышеуказанного можно назвать демобилизацией).

*Коллективное действие* — степень, в которой соперники действуют совместно, преследуя общие цели; как процесс — совместное действие само по себе.

Интересы, организация, мобилизация и коллективное действие составляют четыре из пяти ранее описанных компонентов. Пятым были *возможности*.

Возможность описывает отношения между интересами населения и текущим состоянием мира вокруг него. В первом приближении эта модель включает три элемента:

*Власть* — степень, в которой результаты взаимодействия одного населения с другими более благоприятствуют его интересам, чем интересам других; приобретение власти увеличивает благоприятность (favorability) таких результатов, потеря власти означает снижение благоприятности исходов; политическая власть относится к результатам взаимодействий с государством.

*Репрессию* — издержки коллективного действия для соперника в результате взаимодействия с другими группами; как процесс — любое действие другой группы, которое повышает издержки коллективного действия для соперника; действие, которое снижает издержки соперника, является одной из форм помощи (facilitation); к терминам политической репрессии и политической помощи бу-

дем прибегать для описания отношений между соперником (соперниками) и государством (государствами).

*Возможность/угроза* — степень, в которой другие группы, включая государства, либо а) являются уязвимыми для новых требований, которые в случае успеха увеличат реализацию интересов соперника, либо б) угрожают выдвинуть требования, которые в случае успеха уменьшили бы реализацию интересов соперника.

Репрессии и власть представляют собой тесно связанные действия. Репрессия связана с объемом коллективного действия как функция от издержек его осуществления, в то время как власть связана с отдачей от коллективного действия в зависимости от его объема. Если (что маловероятно) объем коллективного действия будет возрасти, в то время как общие издержки и прибыли останутся неизменными, репрессии и власть по определению должны снизиться. Однако в целом группа, которая подверглась тяжелой репрессии, т.е. терпит высокие издержки на единицу коллективного действия, — также имеет мало власти (т.е. получает низкую отдачу на единицу коллективного действия).

Интересы и возможность/угроза также тесно связаны между собой. Проще говоря, интересы связаны с преимуществами и недостатками, которые теоретически получатся от возможных взаимодействий с другими группами, возможность/угроза связана с вероятностью того, что такие взаимодействия действительно произойдут.

## ПРОСТОЕ ОПИСАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

Прежде чем перейти к трудностям, которые скрываются за этими элементарными понятиями, рассмотрим простейший вариант аргумента, связывающего их (схематично представлен на рис. 3.2). Схема указывает, что основными детерминантами мобилизации группы выступают ее организация, ее интересы в возможном взаимодействии с другими соперниками, текущие возможности/угрозы этих взаимодействий и подверженность данной группы репрессиям. Далее — что подверженность группы репрессиям в основном зависит от рода интереса, который имеет группа. Масштаб коллективного действия соперника представлен как результирующая его власти, его мобилизации, а также текущих возмож-

ностей и угроз, с которыми сталкиваются его интересы. И так далее.

Легко добавить гипотетические связи. Например, вполне вероятно, что форма организации соперника как таковая влияет на репрессии, которым подвергают его другие соперники и государства; когда добровольные ассоциации становятся законным средством для одного рода интересов, они имеют тенденцию становиться законными и для интересов другого рода. Однако мой предварительный аргумент состоит в том, что подобные эффекты являются вторичными по сравнению с конкретным интересом, воплощенным в сопернике. Репрессии в основном зависят от этого интереса, особенно в той степени, в какой он противоречит интересам государства и членов политической системы.

Подобным же образом, некоторые из этих связей в долгосрочной перспективе являются взаимными. Например, в более долгосрочной перспективе форма, темп и степень мобилизации соперника, без сомнения, влияют на репрессии, которым другие группы подвергают его. То же касается и властных позиций. Мобилизующая группа, которая концентрируется на создании арсенала оружия, вероятно, выйдет за рамки закона, хотя, чем более могущественна группа, тем больше вероятность, что это сойдет ей с рук.

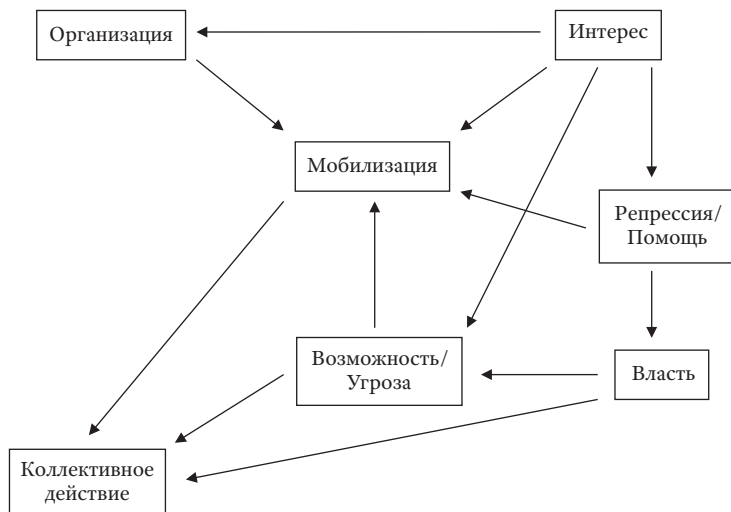


РИС. 3.2. Модель мобилизации

В долгосрочной перспективе форма и организации, и мобилизации группы влияет на ее интересы. Роберт Михельс создал классическую формулировку этой дилеммы: группа организуется и мобилизуется для того, чтобы действовать в интересах ее членов; но сложные и эффективные формы организации создают ее управленцам новые интересы для продвижения или защиты, и эти новые интересы зачастую противоречат тем, вокруг которых группа организовывалась и мобилизовывалась. Таким образом, представленная выше модель является краткосрочной и имеет дело с детерминантами коллективного действия непосредственно в момент действия.

Хотя эти краткосрочные связи правдоподобны, они не самоочевидны. Некоторые из них даже противоречат стандартным аргументам по поводу политических процессов. Например, многие «плюралистские» исследования политической деятельности в парламентских демократиях делают два допущения, противоположные тому, что мы видим в модели: первое состоит в том, что репрессии относительно незначительны и равномерно распределяются по всем соперникам и потенциальным соперникам, а второе — в том, что расходы на организацию и мобилизацию так же довольно невелики и равны. В своем рассмотрении недостатков прагматичной двухпартийной политики Роберт Даль предлагает интригующие размышления:

Рассмотрим судьбу политического диссидента... Если он войдет в третью партию, он обречен на политическое бессилие... Вполне естественно, что он интерпретирует политический конфликт между национальными лидерами как показательный бой в рамках единой властной элиты... У политического диссидента продолжающееся политическое бессилие и разочарование вызывают фрустрацию. Фрустрация может привести к апатии и отказу от участия в политике, но она может также привести к враждебности, обиде, мести и даже ненависти к национальным лидерам обеих партий. Таким образом, политический диссидент скорее всего станет отчужденным от политической системы — от преобладающих в ней практик, ее институтов, персонала и идей [Dahl, 1966, p. 65–66].

Даль не претендует на построение законченной теории коллективного действия. В процитированной выше работе освещены лишь условия, формирующие различные формы политической оппози-

ции в демократических странах. Тем не менее обобщение аргумента Даля обосновано и полезно, поскольку он содержит основные допущения плюралистской теории, предлагаемые ей для анализа коллективного действия в целом.

В рассуждениях Даля делается замечательный акцент на индивидуальные (в противоположность групповым) чаяния и обиды. Он предполагает, что индивид определяет, в чем его интерес, а затем ищет способ продвигать этот интерес в рамках существующей политической системы. У Даля так же находим косвенное наблюдение о том, что издержки и приобретения коллективных действий одного потенциального актора отличаются от другого в результате конкретных конфигураций американской политической системы. Ни издержки репрессий, ни расходы на мобилизацию, по-видимому, не играют важной роли в объяснении, которое Даль дает различиям в политическом участии.

Само по себе «участие в политической жизни» заключается с этой точки зрения в голосовании, партийной работе, занятии должностей и переговорах с законодателями; люди, чьи проблемы эти процедуры не решат, имеют тенденцию к уходу из политической системы или действиям за ее пределами. Степень, в которой интересы группы сталкиваются с новыми угрозами или новыми возможностями, становится, в аргументации Даля и плюралистской аргументации в целом, главной детерминантой ее коллективного действия. Более того, данная аргументация проводит резкие разграничения между нормальной политикой, ненормальной политикой и коллективным действием вне сферы политики. Во всех этих отношениях наша модель коллективного действия идет другим путем: принимает группы в качестве участников в политике, приписывает большое значение издержкам на репрессии и мобилизацию, минимизирует различие между политическим/неполитическим и утверждает, что основная разница между «нормальным» и «ненормальным» политическим действием состоит во властных позициях вовлеченных в действие групп.

Сравнение нашей простейшей модели мобилизации с плюралистскими допущениями также помогает выявить досадные пробелы в аргументе о мобилизации. С одной стороны, модель непосредственно не отражает последствий влияния обычаев, представлений, мировоззрений, прав или обязанностей. Вместо этого, в данной элементарной версии она исходит из того, что представ-

ления, обычаи, мировоззрения, права и обязанности воздействуют на коллективное действие косвенно, через их влияние на интересы, организацию, мобилизацию и репрессию. На это допущение, как и на многие ему подобные, необходимо будет обратить внимание в дальнейшем.

С другой стороны, эта модель не содержит в себе времени. А коллективное действие — содержит. Наиболее очевидным недостатком этой модели является то, что она не учитывает, каким образом коллективное действие соперника влияет на его возможности и власть. Данная модель не оставляет места для стратегических взаимодействий и не оставляет места для завоевания или потери власти. Коллективное действие влияет на власть группы, но этот эффект требует времени. По мере нашего продвижения вперед, мы будем относиться к временной последовательности более четко и аккуратно.

Наконец, по своей основе модель является количественной. В ней речь идет о количестве коллективного действия, степени организации и т.д. Безусловно, тип организации, интересов, мобилизации влияет на тип коллективного действия, на которое способен соперник: во многих обстоятельствах он также влияет и на количество коллективного действия. В анализе 1848 г. Карла Маркса, который мы рассматривали в предыдущей главе, социальная и географическая разобщенность крестьянства помогает объяснить его бездействие перед лицом покушений на его интересы. Мы будем много заниматься этими количественными связями в дальнейшем.

Если применить элементарную модель мобилизации к изменяющемуся коллективному действию различных групп работников в процессе индустриализации (что является одной из целей, для которых она предназначалась), то нам придется заниматься двумя в чем-то различными группами вопросов: во-первых, как общие интересы, общая организация и текущая мобилизация работников той или иной отрасли влияют на их способность к совместному действию; во-вторых, как их нынешние отношения с государством и могущественными соперниками влияют на издержки и доходность каждой из имеющихся возможностей действовать на основе общих обид и надежд. В рамках первой группы возникают вопросы о пространственной концентрации промышленности, обширности внутренней сети коммуникаций, существовании профсоюзов

и т.д. В рамках второй группы — вопросы о существовании коалиции с властями предержащими; формах законодательства, карательного по отношению к трудовым организациям; наградах, доступных для победителей — на выборах или в ходе забастовочного процесса и т.д.

Большая часть последующего обсуждения будет посвящена подобным конкретным вопросам. Далее также будут предложены концепты, проясняющие аргументы, а также стратегии измерения и анализа. Если ограничиваться лишь использованием нашей элементарной модели, то, сосредоточив внимание на коллективном действии рабочего класса, вскоре придется с необходимостью сделать дальнейшие допущения относительно прав, представлений и правил политической игры. Мы будем часто останавливаться на подобного рода проблемах.

Тем не менее на данном этапе нам следует сосредоточиться на интересах, организации, мобилизации, коллективном действии, репрессиях/помощи, власти и возможности/угрозе. Будем следовать по нашей схеме в этом же порядке, внося усовершенствования по ходу. После этого мы сможем переформулировать модель, прежде чем применять ее к анализу различных форм конфликта. В этой главе будут рассмотрены интерес, организация, мобилизация и коллективное действие. В главе 4 будут добавлены репрессии/помощь, власть и возможность/угроза, после чего будут пересмотрены обе наши модели и их применение к реальным конфликтам.

## ИНТЕРЕСЫ

В большинстве исследований мобилизации и борьбы за власть участвующие в этой группе и их интересы принимаются в качестве чего-то само собой разумеющегося. Как только мы видим, кто действует, редко кажется затруднительным объяснить, почему действуют они, а не другие группы. Однако многие группы не в состоянии мобилизоваться, некоторые мобилизованные группы не могут действовать коллективно, некоторые коллективные акторы не в состоянии бороться за власть, и многие акторы приходят и уходят: возмущенные женщины сейчас, рассерженные фермеры после, защитники трезвости когда-нибудь еще. Надежная теория коллективного действия должна объяснять подобные появления

и исчезновения групп. Она также должна быть в состоянии объяснить, почему некоторые группы не появляются вовсе. Часть объяснения кроется в организационных проблемах, которые будут подняты далее. Но другая часть, безусловно, — в том, что группы преследуют различные интересы в коллективном действии.

Теории в традиции Джона Стюарта Милля дают мало средств для выявления групп интересов. Тем не менее они говорят о том, что природа людских централизованных структур принятия решений — включая рынок, электоральную систему, или что-то подобное, — сильно влияет на то, какие люди оказываются заинтересованы в совместном действии и поэтому будут его осуществлять.

Теории традиции Дюркгейма предлагают нам наблюдать образование и разрушение групп из-за меняющегося разделения труда. Они учат нас ожидать большего действия (или по крайней мере иного рода действия) от групп, испытывающих на себе наиболее полные и стремительные преобразования. Для Дюркгейма индивидуальные и коллективные интересы в краткосрочной перспективе обычно приходят в конфликт. Индивидуальные импульсы и индивидуальные интересы приблизительно эквивалентны; решающим отличием одной группы или общества от другого служит то, насколько эти индивидуальные импульсы и интересы находятся под социальным контролем.

Веберианские теории так же обращают внимание на разделение труда, но, кроме этого, заставляют нас ожидать большей активности от групп, которые привержены новым системам представлений. Общие представления сами по себе ведут к определению интересов и стимулируют действие, ориентированное на это определение.

Наконец, марксистская линия хорошо известна: изменение организации производства создает и уничтожает социальные классы, которые определяются различными отношениями к основным средствам производства; из организации производства проистекают фундаментальные различия в классовых интересах. По мнению Маркса, класс действует вместе в той степени, в какой обладает обширной внутренней организацией, а также в той, в какой его интересы в настоящее время под угрозой.

Мнения Милля, Дюркгейма, Вебера и Маркса вместе производят конкурирующие утверждения о связи интереса и организации. Большинство разногласий касается того, как надлежащим образом

определить интересы населения. Здесь есть два основных пути. Мы можем:

сделать заключение об интересах населения, исходя из его собственных высказываний и действий;

сделать заключение о них, исходя из общего анализа связей между интересом и социальным положением.

Теоретики традиции Милля склоны прибегать к первому пути; они пытаются основывать свой анализ на полезности или предпочтениях, выражаемых прямо или косвенно акторами. Марксисты зачастую прибегают ко второму пути; они определяют групповой интерес *a priori* из отношения группы к средствам производства. Между этими двумя путями существует множество уточнений и компромиссов. Например, некоторые выводят интерес рабочих в определенный момент времени ретроспективно, исходя из интереса, артикулированного ими позднее. Многие исследователи социальных движений поступают именно таким образом, оглядываясь на ранние стадии движения в поисках признаков осознания целей, которые позже станут ясными и доминирующими.

Первый вариант — выведение интересов из высказываний и действий населения — вызывает серьезные возражения. Во-первых, многие группы, по-видимому, не осознают свои подлинные интересы. Они либо не артикулируют свои общие интересы, либо артикулируют их неправильно. Во-вторых, соответствующие данные очень тяжело идентифицировать, собрать и обобщить: люди часто говорят противоречивые вещи или вообще не говорят ничего. Но второй вариант — выведение интересов из общего анализа связи между интересами и социальным положением — также имеет серьезные недостатки. Требуется уверенность и даже высокомерие, чтобы отвергнуть собственное видение группой ее интересов в жизни. Общие схемы интересов обычно обнаруживают конфликт между краткосрочными и долгосрочными интересами. (Существует много интересных моментов в теории игр, касающихся ситуации, когда краткосрочные интересы приводят к стратегии, противоречащей долгосрочным интересам сторон.) В этом случае, что является «подлинным» интересом? В конце концов, мы пытаемся объяснить, почему люди ведут себя тем, а не иным образом; цели, которые они выбирают для себя, по-видимому, влияют на их пове-

дение, даже если эти цели тривиальны, расплывчаты, нереалистичны или обречены на провал. Мой собственный ответ на эту дилемму состоит из двух правил: 1) рассматривать производственные отношения в качестве прогнозирующего показателя среднесрочных и долгосрочных интересов людей; но 2) опираться, насколько это возможно, на собственную артикуляцию людьми своих интересов в качестве объяснения их поведения в краткосрочной перспективе.

Однако мы уходим от этой ужасной дилеммы только для того, чтобы тут же наткнуться на другую: индивидуальные интересы против групповых. Даже если мы с уверенностью выявляем и то, и другое, они не обязательно совпадают, а вполне могут и конфликтовать. Множество теорий в духе Джона Стюарта Милля имеют дело именно с этой дилеммой — иногда стремясь показать, что преследование собственного индивидуального интереса будет служить общему благу, иногда пытаясь выявить и объяснить ситуации, в которых действительно появляется настоящий конфликт, иногда занимаясь поиском правил принятия решений, которые будут направлять совокупность индивидуальных интересов к коллективной выгоде.

В своем знаменитом пассаже в книге «Исследование о природе и причинах богатства народов» (кн. 4, гл. 3) Адам Смит задал тон первой альтернативе:

Каждый индивид постоянно старается найти наиболее выгодное приложение капитала, которым он может распоряжаться. Он имеет в виду свою собственную выгоду, а не выгоды общества. Но когда он принимает во внимание собственную выгоду, это естественно, или, точнее, неизбежно, приводит его к предпочтению того занятия, которое наиболее выгодно обществу [Smith, 1910; Смит, 2007, с. 441].

Однако аргумент Мансура Олсона, который был рассмотрен ранее (хотя он во многом согласуется с Адамом Смитом), показывает, что индивидуальные интересы и групповые обычно как раз конфликтуют. По меньшей мере они противоречат друг другу в том смысле, что каждый индивид обычно имеет стимул избежать собственного вклада в коллективные действия, которые приносят пользу всем. Адам Смит решает эту дилемму отрицая ее; вследствие этого он отрицает, что в коллективных действиях есть что-то такое, чего нельзя объяснить, правильно изучая индивидуальные

действия. Однако Мансур Олсон делает саму эту посылку проблематичной.

Мы не останемся беззащитны и перед данной дилеммой. Необходимо сохранять ясность, что коллективные интересы существуют, какую значительную часть в достижении этих коллективных интересов ни составляло бы преследование индивидуальных интересов. Мы должны осознанно рассматривать степень конфликта между индивидуальными и коллективными интересами в качестве переменной, влияющей на вероятность и характер коллективного действия. Точнее, мы должны рассматривать эту степень конфликта как увеличивающую издержки коллективного действия как для индивидов, так и для группы в целом. И мы должны продолжить анализ путей, которыми альтернативные институты принятия решений транслируют индивидуальные предпочтения в коллективные результаты. В дальнейшем я буду время от времени возвращаться к борьбе с этими теоретическими проблемами. Однако чаще я буду рассматривать их как практические вопросы: как определить, в данное время и в данном месте, какие интересы важны, и как люди их агрегируют.

## ОРГАНИЗАЦИЯ

Харрисон Уайт изготовил крепкий дистиллят из самых пресных вин в социологическом погребе — групповых таксономий. Здесь мы находим всего два элемента. Имеются отдельные категории людей, обладающих некоторой общей характеристикой: все они женщины, мусульмане-сунниты, жители Тимбукту, или что-нибудь другое. Полноценная категория включает людей, которые все признают свою общую характеристику и которых все остальные признают обладателями этой характеристики. Есть также сети людей, которые связаны друг с другом (прямо или косвенно) конкретным видом межличностных связей: цепочка людей, каждый из которых, допустим, должен приглашать другого на его или ее свадьбу, или множество индивидумов, произвольно начатое с какого-то человека и включающее каждого, с кем он говорит по крайней мере раз в день, затем тех, с кем эти последующие говорят не реже одного раза в день, и так далее до тех пор, пока список не будет завершен. Если общая характеристика межличностных связей является обычной, то категории и сети, определяемые ими, обычно будут боль-

шими. Разумеется, можно сузить категории и сети, настаивая на критериях (или комбинациях критериев), которые редко встречаются: женщины-мусульмане-сунниты, являющиеся жителями Тимбукту или, возможно, ежедневные беседы вместе с принадлежностью к приглашаемым на свадьбу.

Более интересной комбинацией представляется то, что Уайт называет «катсет» (catnet): множество индивидов, представляющее собой и категорию, и сеть. «Катсет» изящно схватывает смысл «групповости», «принадлежности к группе» (groupness), чего не фиксируют более сложные понятия. Поэтому я заменяю словом «группа» экзотическую «катсет». Множество индивидов представляет собой группу в той мере, которая включает в себе и способность быть группой, и сеть.

Из этого непосредственно следует идея организации. Чем шире общая идентичность и внутренние сети, тем более организована группа. СПОСОБНОСТЬ БЫТЬ ГРУППОЙ + НАЛИЧИЕ СЕТИ СВЯЗЕЙ = ОРГАНИЗАЦИЯ (СбГ + НСС; CATNESS + NETNESS = ORGANIZATION). Схематично рис. 3.3 суммирует отношения между концептами. «Все бразильцы» составляют множество людей, лишь слабо связанных межличностными сетями, но сильно идентифицируемых ими самими и другими, в качестве отдельной категории существ: низкая сетевость и высокая категориальность. Местные отделения союза печатников, изображенные в труде Липсета, Труу и Коулмана «Union Democracy» обладают и особой, сильной идентичностью, и обширными, поглощающими межличностными сетями: и высокая СбГ, и высокое НСС, и, соответственно, высокая организация.

Такое понимание организации подчеркивает инклюзивность группы: насколько группа близка к поглощению всей жизни своих членов. («Инклюзивность» описывается набором из трех взаимосвязанных переменных: количество времени, количество энергии или доля всех социальных взаимодействий, в которой члены и прочие люди принимают во внимание факт членства в группе.) Другие характеристики групповой структуры, которые можно учитывать, вынося суждение о том, насколько она «организована», это ее результативность и эффективность — или структурные характеристики, которые предположительно влияют на результативность и эффективность, такие как дифференциация, центрированность и стратификация. Я подчеркиваю инклюзивность по двум причи-

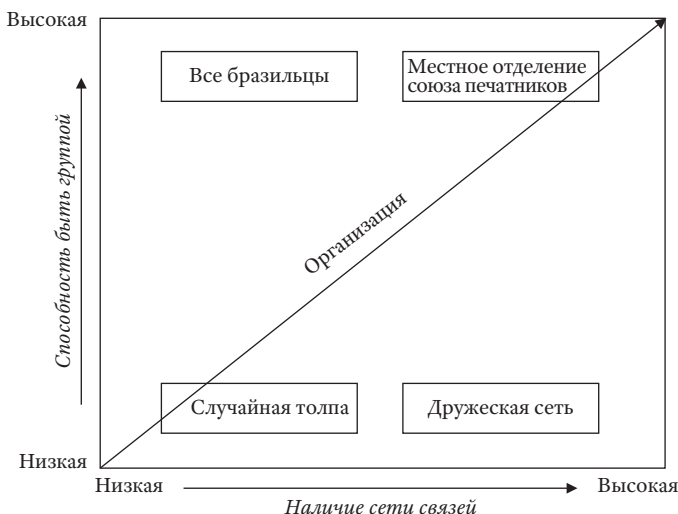


рис. 3.3. Компоненты организации

нам: 1) на основе (недоказанной) гипотезы о том, что она является основным аспектом групповой структуры, влияющим на способность к мобилизации; 2) из-за существенной трудности отделения результативности и эффективности от мобилизации и коллективного действия, которые мы пытаемся объяснить. По стандарту инклюзивности изолированные сообщества имеют тенденцию быть высокоорганизованными, то же касается некоторых профессиональных, религиозных и политических групп.

Эти определения необходимы применительно к группам, которые в принципе могли бы мобилизоваться. Они также нужны для того, чтобы уточнить, что означает: «организация способствует мобилизации». Число групп, потенциально способных к мобилизации, огромно. Перечисление всех их применительно к некоторому населению могло бы потребовать выполнения приблизительно следующих задач:

1. Выявить каждое статусное различие, применяемое среди этого населения.
2. Выбрать те из различий, которые предполагают некоторое отличие в интересах между теми, кто находится в одной категории, и теми, кто находится в другой.
3. Составить (огромный) список, включающий все комбинации выбранных различий.

4. Исключить те из них, которые не имеют реально существующих представителей (например, китайско-еврейская бабушка-ковбой).

5. Выбрать те из них, которые обладают некоторой минимальной возможностью идентификации и коммуникации друг с другом.

Эта фантастическая задача, вероятно, недостижима применительно к большим группам населения, организованным сложным образом, хотя Эдмонсон [Edmonson, 1958] действительно проанализировал, по-видимому, исчерпывающий перечень статусных терминов для групп североамериканских индейцев. Вполне возможно, что кто-нибудь мог бы проделать шаги 1 и 2 в качестве операций по составлению выборки, при наличии беспристрастного источника информации о статусных различиях; в этом случае список для шага 3 был бы настолько мал, насколько пожелал бы его составитель. В случае, если бы на шаге 4 и 5 не осталось категорий, то можно было бы снова и снова возвращаться к шагам 1 и 2.

Процедура Гамсона для выявления «групп претендентов» в американской политике имеет немало сходства с идеальной последовательностью, предложенной выше, но начинается намного дальше в ходе процесса мобилизации. («Группами претендентов» являются те, которые в период с 1800 по 1945 г. предпринимали новые, конкурентные попытки изменить организацию или функционирование национальной политической системы; они являются особой разновидностью групп, которую я раньше не случайно назвал «претендентами».) Гамсон исследует многочисленные исторические источники на предмет любых упоминаний о каких-либо группах, выдвигающих новые требования, и, сведя воедино все названия этих групп, затем случайным образом извлекает некоторые из них для тщательного изучения. Устранив часть из них во избежание повторений, недостатка географического охвата и т.д. и после значительного поиска дополнительной информации об извлеченных группах, Гамсон получает непредвзятую, хорошо документированную выборку всех групп претендентов, отвечающих его критериям в течение всего указанного периода. В полученной выборке он может затем изучить изменения в характеристиках групп претендентов с течением времени, различия между успешными и неуспешными претендентами, а также ряд других важных проблем. Недостаток исследовательской процедуры Гамсона для наших целей заключается в том, что группа должна каким-то образом дей-

ствовать совместно, чтобы быть упомянутой в анналах истории. Таким образом, этот способ не является надежным для определения того, какие характеристики отличают те группы, которые мобилизуются, от всех остальных, которые теоретически могли бы мобилизоваться.

У нас есть альтернативный вариант. Вместо того чтобы пытаться составить объективный список всех потенциально способных к мобилизации групп, мы можем взять одно или два измерения дифференциации, которые теоретически интересны, поискать свидетельства формирования групп и, затем, мобилизации в разных местах в рамках этого измерения, давая возможность этим различиям проверить более общие утверждения о детерминантах организации и мобилизации. Электоральные исследования и исследования индустриальных конфликтов иногда делают важную часть необходимой работы. Электоральные исследования зачастую включают все население потенциальных избирателей на некоторой территории, разделяя его на основные демографические категории, затем изучают различия между категориями в организации, политической активности и электоральных предпочтениях. Для исследований забастовок обычным является разделение всей рабочей силы по отраслям и типам фирм, а затем фиксация различий в организации труда, типе и интенсивности профсоюзов и склонности к забастовкам.

Различные варианты разделения электората или рабочей силы дают разные результаты. Но это может быть и преимуществом: помогает определить, какие различия являются устойчивыми и общими. Например, Кларк Керр и Эйбрахам Сигел провели убедительный и получивший широкое признание анализ склонности к промышленным забастовкам [Kerr, Siegel, 1954]. Так, они суммировали общую картину склонности к забастовкам в Австралии, Чехословакии, Германии, Италии, Нидерландах, Новой Зеландии, Норвегии, Швеции, Швейцарии, Соединенном Королевстве и Соединенных Штатах в различные периоды, начиная с Первой мировой войны и по 1940-е годы. Их описание общей картины представлено в табл. 3.1. Определив различия, они попытались объяснить их.

Они остановились на наличии «изолированной массы» — гомогенной рабочей силы, отделенной от других рабочих — как главным условием появления высокой склонности к забастовкам. Они также полагали:

Если работа физически трудна и неприятна, неквалифицированная или полуквалифицированная, носит случайный или сезонный характер и способствует духу независимости (как у лесоруба в лесу), то заниматься ею будут крепкие, переменчивые, боевые и мужественные рабочие, и они будут склонны к забастовке. Если работа физически легка и выполняется в приятных условиях, требует квалификации и ответственности, стабильна и предполагает соблюдение установленных правил и строгий контроль, то она будет привлекать женщин или более смирный тип мужчин, которые будут питать отвращение к забастовкам [Kerr, Siegel, 1954, p. 195].

К счастью, это была только вторичная гипотеза.

В любом варианте их аргументация состоит из двух уровней: 1) определение некоторых стандартных различий среди отраслей промышленности по уровню склонности к забастовке; 2) объяснение всех тех различий, которые на самом деле выявляются. Обе стороны анализа Керра и Сигела, особенно вторая, представляются неправильными. Например, в табл. 3.2 представлены уровни забастовок и человеко-дни участвующих в них по основным от-

ТАБЛИЦА 3.1. Исследование склонностей к забастовке Керра и Сигела

Склонность к забастовке	Отрасль промышленности
Высокая	Добыча полезных ископаемых Морское судоходство и портовая
Выше среднего	Лесопильная Текстильная
Средняя	Химическая Печатная Кожевенная Производство оборудования общего назначения Строительство Продукты питания и сопутствующие товары
Ниже среднего	Одежда Газ, вода, электричество Отели, рестораны и другие услуги
Низкая	Железные дороги Сельское хозяйство Торговля

источник: [Kerr, Siegel, 1954, p. 190].

ТАБЛИЦА 3.2. Уровень забастовок по отраслям промышленности во Франции, 1890–1960 гг.

Отрасль	Забастовки на 100 тыс. рабочей силы		Потерянные человеко- дни на 100 млн рабочей силы	
	1890–1914	1915–1935	1915–1932	1950–1960
Карьерные работы*	30	22	40	111*
Химическая	24	10	54	62
Строительная	24	15	50	31
Стройматериалы, керамические изделия	23	21	91	20
Горнодобывающая	19	5	151	*
Печатная и бумажная	16	11	37	15
Металлоплавильная	14	17	220	70
Кожевенная	13	14	77	13
Металлообработка	12	10	46	88
Транспортная	9	8	14	86
Текстильная	8	7	72	27
Одежда				
Лесная	8	9	19	6
Пищевая	5	6	10	6
Сельское хозяйство, рыба, лес	0,4	0,3	Нет	Нет
Все несельскохозяйственные отрасли	7	6	37	39

\* Добывающая и горнодобывающая отрасли объединены в период 1950–1960 гг.  
источник: [Shorter, Tilly, 1974, p. 201].

раслям промышленности во Франции с 1890 по 1960 г. Данные показывают не более чем умеренную стабильность относительной склонности к забастовке по отраслям от одного периода к другому. Они так же показывают значительное расхождение в склонности к забастовке, если измерять ее частотой забастовок и общим количеством человеко-дней. Хотя сельское хозяйство действительно находится в нижней части списка, то же можно сказать и о транспортной, и текстильной промышленности. Пищевая про-

мышленность так же постоянно демонстрирует низкие показатели, вопреки предсказанию. Меньше последовательности наблюдается в верхней части таблицы: в карьерных работах было много забастовок, но относительно коротких, небольших. В горнодобывающей промышленности забастовок было мало, но они были крупными и длительными. В любом случае, прочие французские отрасли, которые характеризуются относительно высоким уровнем склонности к забастовке — строительство, производство строительных материалов, металлургическая и химическая отрасли — занимают невысокие места по всем показателям и не могут являться очевидным примером большей склонности к забастовкам изолированных, гомогенных и(или) «жестких» отраслей промышленности.

Для того чтобы добраться до той части аргументации, что касается «изолированных масс», мы с Эдвардом Шортером перегруппировали французские данные по забастовкам на более мелкие подразделы по трем типам территорий: монопромышленным, многоотраслевым и городским. Исследование Керра и Сигела предсказывает значительную вероятность того, что монопромышленные территории будут обладать более высоким уровнем забастовок, большей воинственностью и т.д. На самом деле все наоборот: в целом городские районы затмевают многоотраслевые, и лишь в конце находятся монопромышленные [Shorter, Tilly, 1974, p. 287–295]. Когда Мухаммед Фиаз упорядочил французские отрасли промышленности по степени их географической обособленности в стране, он не обнаружил никакой связи между их изоляцией и склонностью к забастовкам; тогда как оказалось, что такие переменные, как членство в профсоюзах и размер заводов значительно влияют на относительную склонность к забастовкам [Fiaz, 1973]. Подобным же образом исследование Снайдера и Келли, проведенное на основе итальянских данных 1878–1903 гг., показывает, что, когда учитываются такие очевидные организационные характеристики, как размер завода и членство в профсоюзах, отрасль сама по себе не оказывает значительного влияния на масштабы количественных характеристик забастовок [Snyder, Kelly, 1976]. По меньшей мере в этих исследованиях ни одна из версий аргументации Керра и Сигела не подтверждается.

Эти примеры являются важным уроком того, как следует применять стратегию группового сравнения: чем менее убедительны

ваши априорные основания для применения данной конкретной классификации в качестве основы для изучения различий в организации, мобилизации и коллективном действии, тем более важно сравнить результаты, которые дает использование различных классификаций. Каждое приложение новой классификации к данным является, хотя и грубой, проверкой новой теории. Следствие применимо шире: чем более специфицированной является теория, тем больше вероятность найти ту часть реальности, на которой ее можно проверить. Чем более специфицированной является теория, тем меньше беспокойство о монументальной задаче перечисления всех групп, которые имеют шанс к организации, мобилизации и коллективному действию. Это очевидные слова, но к ним редко прислушиваются.

Исследование Керра и Сигела преподает еще один урок. Забастовка является одной из форм коллективного действия. Чтобы объяснить групповые различия в любой форме коллективного действия, включая забастовки, необходимо принимать во внимание все наши компоненты: интересы, организацию, мобилизацию и возможность. Керр и Сигел пытаются объяснить различия только интересами и организацией. Рассуждения об изолированных массах и жесткости дают определенное (и неадекватное) описание организационных структур и индивидуальных интересов рабочих различных отраслей. Но они ничего не говорят о различиях в мобилизации или возможности забастовки.

Чтобы быть более точным, Керр и Сигел неявно предполагают, что или (1) мобилизация и возможность примерно одинаковы по отраслям, или (2) различия в мобилизации и возможности не имеют независимого влияния на склонность к забастовке; они производны от различий в интересах и организации. Эти предположения к тому же являются гипотезами и сомнительными. Прежде чем принять только интересы и организацию в качестве полного объяснения коллективного действия, необходимо взглянуть на данные относительно мобилизации и возможности.

## МОБИЛИЗАЦИЯ

Термином «мобилизация» принято обозначать процесс, посредством которого группа из пассивной совокупности индивидов превращается в активного участника общественной жизни. Демобили-

зация означает обратный процесс. Амитай Этциони определял мобилизацию следующим образом:

Процесс, посредством которого некоторая единица получает значительный контроль над активами, которые прежде не контролировались ею, мы именуем мобилизацией... По определению это влечет за собой уменьшение активов, контролируемых субъектами, супер-единицей, членом которой является эта некоторая единица, или внешними единицами, если только активы, контроль над которыми получила единица, не являются вновь созданными. Простое увеличение активов членом, субъектами или даже самой этой единицы не означает, что произошла мобилизация, хотя такое увеличение способствует росту мобилизационного потенциала. Изменение в способности контролировать и использовать активы — вот что является важным [Etzioni, 1968, p. 388–389].

Этциони предлагает предварительную классификацию активов или ресурсов: принудительные (т.е. оружие, вооруженные силы, технологии манипуляции); утилитарные (т.е. товары, информационные услуги, деньги); нормативные (т.е. лояльность, обязанности). Группа мобилизуется, если получает больше коллективного контроля над ресурсами принуждения, утилитарными или нормативными ресурсами, и демобилизуется в случае, если она этот контроль теряет.

В действительности с классификацией ресурсов Этциони трудно согласиться. Реально она относится к их использованию, а не внутреннему характеру. Лояльность 272 членов революционной организации, вероятно, будет служить и принудительным, и утилитарным функциям. Этот ресурс есть рабочая сила определенного рода. Кроме того, лояльность и обязанность представляют собой не столько ресурсы, сколько условия, влияющие на вероятность того, что ресурсы будут предоставлены, когда их потребуют. На самом деле, если мы сравниваем текущий уровень мобилизации нескольких групп или пытаемся измерить изменение мобилизации некоторой группы с течением времени, обычно лучше вернуться к экономическим факторам производства: труду, земле, капиталу, возможно, также техническим знаниям и опыту.

В той степени, в какой все эти ресурсы обладают устоявшейся рыночной стоимостью для населения в целом, опора на факторы производства поможет нам оценить отдачу от ресурсов, рас-

ходуемых в политической сфере. Затем мы можем представить лояльность, обязанности, приверженность и прочее в качестве детерминант вероятности того, что каждый ресурс, номинально находящийся под контролем группы, будет в ее распоряжении:

$$\text{Уровень мобилизации} = \text{сумма} \left( \begin{array}{c} \text{Рыночная стоимость} \\ \text{фактора производства,} \\ \text{номинально} \\ \text{подконтрольного группе} \end{array} \right) + \left( \begin{array}{c} \text{Вероятность} \\ \text{поставки} \\ \text{по} \\ \text{требованию} \end{array} \right).$$

Политическая жизнь затрудняет априорную оценку вероятностей и вряд ли будет оставаться постоянной от одного возможного типа действия к другому: активисты, которые будут голосовать или пикетировать, не всегда пойдут на баррикады. Такая формулировка делает проблему очевидной. Мы можем затем поинтересоваться в виде вопроса для исследования, порождает ли использование выборов в качестве отправной точки иные относительные измерения мобилизации для ряда групп в один и тот же момент времени (или для одной и той же группы в разные моменты времени) по сравнению с использованием в качестве отправной точки уличных демонстраций.

Мы также можем ближе подойти к решению старой проблемы различий между дисциплинированным профессиональным персоналом и преданными волонтерами: они должны проявляться не только в качестве разницы в рыночной стоимости труда, подконтрольного группе, но и в различной вероятности того, что доступный труд действительно будет производить различные вещи, которые от него потребуются: вести переписку, пикетировать, лоббировать, подкупать, похищать, кидать бомбы, писать юридические документы.

Данная формулировка четко излагает старую политическую дилемму: выбор между лояльностью и эффективностью. Эффективные сотрудники или члены часто используют свою эффективность для себя или других, а не для организации, к которой они принадлежат, в то время как лояльные сотрудники или члены зачастую неэффективны; иногда наилучшим из имеющихся решений является отдача сбора налогов на откуп (откупщик использует свою власть для самообогащения, но, по крайней мере достаточно эффективен, чтобы создавать излишки для своих номинальных хозяев). Иногда

нелояльность профессионалов настолько велика, что делает лояльных любителей более желательной альтернативой.

Лояльность показывает степень готовности членов поставлять ресурсы. Она имеет три измерения:

- количество переданных ресурсов;
- диапазон привлекаемых ресурсов;
- диапазон обстоятельств, в которых ресурсы будут поставлены.

Готовность поставить существенные ресурсы только одного рода в узко-специфицированной ситуации говорит о сравнительно небольшой лояльности. Готовность поставлять множество различного рода ресурсов вне зависимости от ситуации свидетельствует о большой лояльности. Реально существующие организации находятся где-то между этими двумя крайностями.

Альберт Хиршман выворачивает это наблюдение наизнанку, он считает лояльность одним из основных альтернативных видов спроса на услуги организации. (Мы кратко рассматривали исследование Хиршмана, знакомясь с подходом традиции Милля к коллективному действию.) В контексте ответа на ухудшение деятельности организаций, он выделил три возможные реакции потребителей, клиентов или членов данной организации: выход, голос и лояльность. Экономическая наука, замечает Хиршман, рассматривает выход — прекращение спроса на товар или услугу — как нормальную реакцию на снижение качества. Он утверждает, что в случае со школами, правительствами и прочими организациями, чье функционирование меняется то к лучшему, то к худшему, обычными являются две другие реакции. Соответствующая публика может подать голос о своем недовольстве, с явными или неявными угрозами выхода. Или же она может терпеть неудовлетворительное функционирование некоторое время, поскольку затраты на выход или голос больше, чем потеря качества. Это терпение является мерой субъективной отдачи от организации, следовательно, лояльности.

Экономической проблемой является нахождение компромиссного выбора между выходом, протестом и лояльностью. Это определяет условия, при которых происходит то или иное. Однако ценность исследования Хиршмана для нас в том, что оно помогает рассчитать вероятность того, что ресурсы, якобы готовые к поставке по требованию, будут действительно предоставлены. Выход есть

аналог отказа от поставок, в то время как голос и лояльность представляют собой альтернативные способы соглашаться. По крайней мере в краткосрочный период голос повышает стоимость доступа группы к ресурсам.

В целом группа, которая принимает большую часть своих членов на оплачиваемые должности в своей организации (например, бюрократизированное духовенство), повышает издержки выхода, и тем самым делает голос и лояльность более вероятным ответом на ее функционирование. Она делает это за счет использования значительной доли своих мобилизованных ресурсов на поддержание самой организации.

Альтернативное размещение своих членов где-нибудь еще — как часто поступает победившая партия применительно к государственным должностям — сокращает внутренние затраты организации. Однако это также снижает затраты на выход, если только члены не продолжают занимать свои должности по желанию организации. Построение всеобъемлющего нравственного сообщества также повышает относительную стоимость выхода. Ранее я заявлял, что наиболее важным элементом организации, применительно к влиянию на мобилизацию, является включенность группы в различные аспекты социальной жизни. Создание морального сообщества, таким образом, является крайним случаем организационного строительства вообще. В целом чем выше уровень организации, тем выше вероятность голоса или лояльности. Однако если группа делает упор на принуждение, она, вероятно, сдвигает вероятность от голоса к выходу или лояльности.

Основными переменными, влияющими на вероятность поставки ресурсов, таким образом, являются степень конкурентных притязаний на затрагиваемые ресурсы, характер действий, на которые выделяются ресурсы, а также то, насколько организована мобилизующаяся группа. Если ресурсы свободны от соперничающих притязаний, если действия защищают интересы каждого члена и если группа является всеобъемлющим моральным сообществом, то вероятность поставки ресурсов близка к 100%. Лояльность в этом случае максимальна, а вероятность ухода или полемики — выхода или голоса — минимальна.

Действительно, значительная часть работы по мобилизации проходит вокруг изменения этих трех переменных: сокращения

конкурирующих требований ресурсов, контролируемых членами; разработки программы, которая соответствует тому, что члены считают своими интересами, выстраивания групповой структуры, которая минимизирует выход и голос. В своем исследовании американских коммун XIX и XX вв. Розабет Мосс Кантер выявляет ряд «обязывающих механизмов»:

Для коммун проблема приверженности имеет решающее значение. Поскольку сообщество представляет собой попытку установить идеальный социальный порядок, которая осуществляется в рамках более широкого общества, постольку это сообщество должно соперничать с внешним миром за лояльности своих членов. Оно должно обеспечить высокую вовлеченность членов, несмотря на внешнюю конкуренцию, не жертвуя своей самобытностью или идеалами. Ради обеспечения послушания новым требованиям оно должно бороться с прежней социализацией своих членов. Оно должно примирять внутренние разногласия, чтобы выступать единым фронтом по отношению к окружающему миру. Проблема обеспечения всеобъемлющей и полной приверженности является главной [Kanter, 1972, p. 65].

Она описывает программу мобилизации, которая концентрируется на рабочей силе и лояльности самих членов.

Какие организационные меры способствуют такого рода мобилизации? Кантер сравнивает девять общинных движений XIX в. (включая Shekers, Harmony, Jerusalem и Oneida), которые просуществовали 33 года и более, с 21 движением (включая Modern Times, Oberlin, Brook Farm и Iowa Pioneer Phalanx), которые действовали в течение 16 лет и менее. Механизмы приверженности, которые были значительно более распространены среди долгоживущих коммун, включали:

- сексуальное и материальное воздержание;
- запрет членства без проживания в коммуне;
- передача имущества при вступлении;
- отсутствие возмещения собственности и труда покинувшим коммуну;
- обеспечение медицинской помощи;
- изоляционные механизмы, такие как специальное наименование для внешнего мира, игнорирование издаваемых в нем газет, общение на иностранном языке и(или) специальном жаргоне;

- правила взаимодействия с посетителями;
- противодействие парному браку: требовалась свободная любовь или целибат;
- психическое разлучение членов семьи;
- общинная собственность на одежду и личные вещи;
- отсутствие компенсаций за труд;
- отсутствие платы за бытовое обеспечение;
- общинный труд;
- ежедневные встречи и проведение большей части времени с другими членами группы;
- процедуры подавления, такие как исповедь, слежка друг за другом и коллективные обличения, или различение членов по моральным основаниям;
- институционализация трепета перед группой и ее лидерами посредством приписывания магических сил, легитимация требований группы через апелляцию к высшим ценностям и использование специальных форм обращения [Kanter, 1972, ch. 4].

Список Кантер дает ощущение реального проявления того процесса, который Макс Вебер назвал рутинизацией харизмы. Вера и магия, без сомнения, играют некоторую роль. Но это же делает и конкретный набор социальных механизмов, которые помещают имеющиеся ресурсы в распоряжение группы, а также превращают голос или выход в дорогостоящие способы реагирования на неудовлетворительное функционирование. Данные социальные механизмы создают лояльность и повышают мобилизацию.

Большинство социальных групп не похожи на коммуны. Они различаются по приоритетам, которые придают выходу, голосу или лояльности. Профессионалы сосредотачиваются на накоплении ресурсов, свободных от конкурирующих притязаний, рационалисты — на адаптации своей программы к текущим интересам группы, моралисты — на построении инклюзивной группы, которая требует согласия как самоцели. Эксплуататорские группы будут сосредоточены на первом, хотя будут создавать видимость, что на втором и третьем: на самом деле работая над высвобождением ресурсов, при этом притворяясь, что формулируют программу, соответствующую интересам своих членов, или строят удовлетворяющую членов группу. Религиозные мошенничества часто принимают эту последнюю форму.

Таким образом, всякая программа по мобилизации группы разбивается на следующие компоненты:

1. Аккумуляция ресурсов.
2. Повышение коллективных притязаний на ресурсы:
  - а) за счет уменьшения конкурирующих притязаний;
  - б) путем изменения программы коллективного действия;
  - в) за счет изменения удовлетворенности благодаря участию в группе как таковому.

Успешная программа по мобилизации содержит одновременно все эти элементы.

Группы мобилизуются по-разному. Предварительно мы можем предложить различать *оборонительную*, *наступательную* и *подготовительную* мобилизации. В случае оборонительной мобилизации угроза извне побуждает членов группы объединить свои ресурсы для борьбы с врагом. Эрик Вулф [Wolf, 1969] указал, насколько регулярно подобного рода ответ представителям капитализма и государственной власти предшествовал крестьянским восстаниям. К оборонительной мобилизации также следует отнести привычные формы европейского сельского конфликта — голодные бунты, налоговые восстания, захват полей, сопротивление призыву и т.д. Этот огромный класс действий ставит под сомнение распространенное допущение (сделанное Этциони, среди прочих), что мобилизация всегда осуществляется сверху вниз, организуемая лидерами и агитаторами.

Однако наступательная мобилизация часто осуществляется «сверху вниз». В случае наступательной мобилизации группа объединяет свои ресурсы в ответ на возможности реализовать свои интересы. Обычной формой наступательной мобилизации служит распространение новой организационной стратегии. Например, в конце 1820-х годов успех Католической ассоциации О'Коннела в расширении политических прав британских и ирландских католиков вдохновил на создание политических ассоциаций, направленных на расширение избирательных прав и обеспечение прав на собрания, организацию и коллективное действие. Коалиция буржуа и состоятельных ремесленников выросла из этой стратегии и способствовала принятию великого Билля о реформе парламентского представительства 1832 г. В этом случае идущие сверху вниз организационные усилия таких лидеров, как Фрэнсис Плейс и Уильям Коббет, были решающими. Тем не менее в одном округе за другим

местные диссиденты самостоятельно решали, что пришло время организовать свою ассоциацию или (что более вероятно) преобразовать существующие формы организации в политическую ассоциацию.

Подготовительная мобилизация, без сомнений, является наиболее нисходящей из всех. В этой разновидности мобилизации группа объединяет ресурсы в ожидании будущих возможностей или угроз. Профсоюзы XIX в. представляют собой классический пример. Профсоюз создавал запас денег, чтобы смягчить трудности — в форме безработицы, смерти кормильца или потери зарплаты в течение забастовки. Он также соединял вместе знания и организационные способности. В случае, если ему удавалось избежать антипрофсоюзной деятельности работодателей и правительств, профсоюз значительно увеличивал способность рабочих действовать сообща: бастовать, бойкотировать, выдвигать коллективные требования. Такая подготовительная мобилизация часто начиналась оборонительно, в ходе проигрышной борьбы с работодателями или перед лицом угрозы увольнения, сокращения зарплат или льгот. Она обычно требовала рискованных организационных усилий местных лидеров, готовых пострадать.

Подготовительная часть данной стратегии всегда трудна, поскольку требует от членов отказаться от настоящего удовлетворения в пользу неопределенных выгод в будущем. При переходе от оборонительной к наступательной и подготовительной мобилизации действительно мы видим увеличение значимости «проблемы безбилетника», сформулированной Мансуром Олсоном: рациональный актер поедет «зайцем», если кто-то еще будет оплачивать топливо и пустит его на борт. Но если все пытаются уехать бесплатно, то автомобиль никуда не поедет. Подготовительная мобилизация, особенно перед лицом серьезных рисков, требует сильных стимулов для преодоления разумного желания, чтобы платил кто-то другой.

Переходя от оборонительной к наступательной и подготовительной мобилизации, мы также замечаем, что различие между наступательной и подготовительной мобилизацией куда менее очевидно по сравнению с различием между наступательной и оборонительной. И наступательная, и подготовительная мобилизация требует предвидения и активного сканирования мира за пределами группы. Обе они маловероятны в каких-либо группах (за ис-

ключением самых маленьких) без активного лидерства и преднамеренных организационных усилий. Одной из часто встречающихся моделей является использование лидером уже мобилизованных ресурсов, для того чтобы обеспечить направление остальных ресурсов на коллективные цели. Это происходит, например, когда священники играют на том, что их прихожане уже обязаны собираться, чтобы получить с них денежные взносы. Это также происходит, когда помещик отправляет управляющего требовать часть урожая или вербовщики избирателей предлагают рабочие места в обмен на голоса. Это те конкретные примеры «избирательных стимулов» для участия, особое значение которых подчеркивал Мансур Олсон.

В отличие от оборонительной мобилизации, ни наступательная, ни подготовительная не очень часто происходит как простое расширение ежедневных, рутинных дел группы: встреч на рынке, подготовки к найму в доках, сбора для небольшой браконьерской вылазки. Наступательная и подготовительная мобилизации похожи друг на друга, главное отличие в том, находятся ли возможности, на которые реагирует группа, в настоящем или в будущем. Таким образом, основное различие проходит между оборонительной и наступательной разновидностями мобилизации.

Изначальное богатство и мощь населения существенным образом влияют на то, будет ли мобилизация носить оборонительный или наступательный характер. Здравый смысл говорит, что богатые мобилизуются консервативно, в защиту своих интересов от угроз, в то время как бедные мобилизуются радикально, в поиске того, чего им не хватает. Здравый смысл ошибается. Верно, что богатые никогда не бросаются разрушать статус-кво, в то время как бедные иногда так делают. Однако богатые постоянно мобилизуются, чтобы воспользоваться новыми возможностями для максимизации своих интересов. Бедные редко могут себе это позволить.

Бедные и слабые, как правило, начинают оборонительно, богатые и сильные — наступательно. Группа, члены которой богаты, может мобилизовать излишки без угрозы прочим развлечениям и обязанностям членов. Группа бедного состава имеет мало выбора и вынуждена бороться с повседневными нуждами. Группа, члены которой сильны, может использовать другие организации, которые они контролируют (включая правительства), чтобы сделать за

них часть работы, в то время как лишенные власти должны делать это сами. Богатые и могущественные могут упреждать требования других групп, прежде чем они будут артикулированы, и могут позволить себе использовать возможности выдвинуть новые собственные требования. Бедные и слабые часто обнаруживают, что богатые, сильные и правительство препятствуют их усилиям по мобилизации, и карают за это. (Основным и важным исключением является коалиция между слабой группой и богатым, сильным патроном; европейские фашисты быстро мобилизовались таким образом в 1920-е годы.) В результате всякая мобилизация более затратна для бедных и слабых; и только угроза потерять то небольшое, что они имеют, толкает их к мобилизации. Богатые и сильные хорошо защищены от подобных угроз: у них редко появляется повод для оборонительной мобилизации.

В то же время если взять мобилизацию константой и рассмотреть само коллективное действие, то здравый смысл оправдан. Относительно бедные и слабые группы, которые уже мобилизовались, с большей вероятностью будут действовать коллективно, требуя новых прав, привилегий и преимуществ. Находящиеся на том же уровне мобилизации богатые и сильные с большей вероятностью будут действовать коллективно, защищая то, что уже имеют. Отсюда хорошо задокументированная тенденция забастовок становиться все более частыми и требовательными во времена процветания, когда у рабочих больше свободных ресурсов, чтобы действовать вместе, и работодатели много теряют от отказа в рабочей силе.

Мобилизация предполагает демобилизацию. Любой процесс, посредством которого группа теряет коллективный контроль над ресурсами, демобилизует группу. Как это может произойти? Все, что уничтожает ресурсы, имеет тенденцию производить этот эффект: война, заброшенность, потлач. Но более распространенным источником демобилизации является переход контроля над определенным видом ресурсов к другой группе: подразделению рассматриваемой группы, большей единице, частью которой является сама группа, или внешней группе. Поражение в войне, к примеру, часто приводит ко всем трем разновидностям демобилизации в проигравшей стране. Мужчины и женщины возвращаются с военной службы на службу к своим семьям; государство на какой-то период времени передает какую-то часть своего контроля над соб-

ственными действиями сообществу наций, частью которого оно является; другие страны захватывают часть территории, населения, оборудования или богатства проигравшей. Производят ли такие процессы положительную, отрицательную или нулевую сумму — целиком зависит от относительной степени, в какой новые ресурсы создаются и старые — уничтожаются.

Две группы, одна из которых является частью другой, часто мобилизуются примерно в одно и то же время. Путаница между этими двумя уровнями регулярно преследует рассмотрение мобилизации, с тех пор как Карл Дойч первоначально сформулировал эту идею [Deutsch, 1953]. Наиболее распространенным примером этого в наше время являются национальные государства и более мелкие единицы внутри них: партии, профсоюзы или даже организованные этнические группы. (Многие африканисты, например, замечали усиление якобы традиционных групп, которые иностранцы называют «племенами», по мере роста новых государств.)

Политические теоретики, как тоталитарные, так и демократические, часто придают мобилизации на одном и на другом уровне свойство взаимодополняемости. Партия в рамках такого понимания накапливает лояльности, которые переходят к государству. Однако в действительности мало что гарантирует такую гармонию. В обычной ситуации более крупные и более мелкие единицы конкурируют за одни и те же ресурсы. Они могут следовать четко определенным правилам борьбы, и одна из них даже может постоянно одерживать верх, но тем не менее они конкурируют. Подобно этому, две или более группы, одновременно мобилизовавшиеся внутри некоторой большей группы, которая также мобилизуется, обычно борются за контроль над теми же ресурсами. «Тимстерс»<sup>1</sup> и профсоюз транспортников борются за юрисдикцию над одними и теми же водителями. Когда члены профсоюза платят большие налоги, у них остается меньше денег на профсоюзные взносы. Когда человек тратит все свое время на религиозную секту, у него не остается времени на участие в профсоюзе или на службу государству. Призыв на военную службу отрывает человека от его обязанностей перед кругом друзей и родных.

---

<sup>1</sup> International Brotherhood of Teamsters — профсоюз в США и Канаде сформированный в 1903 г. в результате слияния нескольких местных и региональных организаций водителей грузовиков. — *Примеч. пер.*

Последний пример подчеркивает коллективный характер процесса. Мы имеем дело не просто с тем фактом, что люди одних категорий отдают ресурсы, тогда как люди других категорий их получают. Во время призыва группа уступает рабочую силу. В Европе феодального периода, «группой» обычно был феод. Конечно, личные обязательства вассала по отношению к сюзерену связывали его феод с феодем сюзерена; но феод предполагал рыцарскую службу. По мере усиления государств сообщества становились единицами, которые должны были поставлять определенное число рекрутов. Обычный механизм призыва состоял из назначения квот сообществам, со своего рода коллективным решением (часто путем жеребьевки), кто из молодых людей, подлежащих призыву, реально пойдет служить. Покупка замены теми, кто мог себе это позволить, какой бы шокирующей она ни выглядела для сторонников равенства, выражает то же самое чувство долга сообщества, а не индивида, перед государством. Сообщество X должно предоставить шесть рекрутов. При таких условиях сопротивление призыву объединяет против государства все сообщество, а не только группу молодых людей. Великая контрреволюция в Вандее против французского революционного государства в 1793 г. началась именно с солидарного сопротивления общин призыву на военную службу. Сообщество в целом должно было потерять часть своего запаса труда, любви, лояльности и производительной силы.

Распространение политической теории и практики «собственного индивидуализма» (как К.Б. Макферсон называет это) сдвинуло воинскую повинность в сторону индивидов, но только частично [Macpherson, 1962]. Во французских деревнях класс молодых людей, подошедший к призыву в один и тот же год, остается одной из главных групп солидарности, которая символизирует свои потери через ритуалы, банкеты и церемониальные дары. В большинстве западных стран религиозные группы и некоторые профессии в ходе приобретения особых политических идентичностей, выработали специальные договоры с государством, освобождающие некоторых из их членов — по крайней мере священников — от службы государству, и устанавливающие условия для службы других. В США Американская медицинская ассоциация добилась такого рода гарантий для своих членов, в то время как Американской ассоциации хиропрактиков этого не удалось. Подобными привилегиями обладает и Религиозное обще-

ство Друзей<sup>2</sup>, а «Черные мусульмане»<sup>3</sup> — нет. Это освобождение от службы некоторых членов групп, связанное с религией, вызвало большую неразбериху в 1960-х годах, поскольку молодые люди, противники войны во Вьетнаме, стали подавать заявки на регистрацию в качестве отказывающихся от военной службы по убеждениям, не заявляя о членстве ни в одной из привилегированных сект.

В Америке 1960-х годов также происходило и нечто иное. Различными путями группы чернокожих и группы молодых людей стали претендовать на коллективное право удерживать своих членов от военной службы. Я не утверждаю, что им удалось достичь большого успеха в мобилизации соответствующего населения, или в противостоянии государству. Обе группы имели конкурирующих мобилизующихся членов, преследующих конкурирующие цели, а также имели в составе множество таких членов, которые отказывались передавать свои ресурсы кому-либо из мобилизующихся, даже при том, что были готовы отдать их государству. Но наличествовало само требование в форме организованных кампаний по сопротивлению или уклонению от призыва. Требования по выдворению корпоративных и военных рекрутеров из кампусов так же выступали в роли коллективного контроля над размещением рабочей силы. Требования были признаком того, что некоторая мобилизация все же происходила; группы, а не отдельные индивиды, боролись за обладание драгоценным ресурсом: рабочей силой молодежи. С окончанием призыва и выводом американских войск из Вьетнама группы демобилизовались. Но я не думаю, что эти группы или их требования исчезли.

Напоминаю: мобилизация относится к приобретению коллективного контроля над ресурсами, а не к простому приросту ресурсов. Группа, которая увеличивается в размерах, приобретает больше рабочей силы. Это не означает абсолютного или пропорционального увеличения рабочей силы, приверженной коллектив-

---

<sup>2</sup> Религиозное общество Друзей (Religious Society of Friends) — религиозное движение квакеров (от quakers — трепещущие перед именем Господнем), основанное Джорджем Фоксом во второй половине XVII в. в Англии. — *Примеч. пер.*

<sup>3</sup> «Черные мусульмане» (Black Muslims) — этническое, культурное и религиозное движение, основанное Уоллесом Фардом во время Великой депрессии в США. — *Примеч. пер.*

ным целям. Увеличение ресурсов внутри единицы обычно облегчает ее мобилизацию, просто позволяя подразделениям продолжать получать ресурсы, в то время как большая группа получает больший контроль над большими ресурсами, чем ранее. Но именно само возрастание коллективного контроля составляет мобилизацию. Без некоторой мобилизации группа может процветать, но не может бороться за власть; бороться за власть означает использовать мобилизованные ресурсы, для того чтобы влиять на другие группы.

Далее в идеале мы смотрим на некоторое множество групп и пытаемся оценить для каждой группы и для каждого ресурса, подконтрольного любой из групп, две различные вещи: а) ценность ресурса, номинально подконтрольного группе, и б) вероятность поставки ресурса по требованию, принимая некоторые стандартные допущения относительно того, как будут использованы предоставленные ресурсы. Насколько мне известно, никто и никогда даже близко не подходил к тому, чтобы оценить эти параметры для какого-либо множества групп. У нас есть лишь грубые и приблизительные оценки.

## ИЗМЕРЕНИЕ МОБИЛИЗАЦИИ

Как это сделать? Если бы мобилизация различных ресурсов осуществлялась в стандартной последовательности среди любого конкретного населения, то можно было бы вывести шкалу мобилизации, не имея прямых измерений каждого конкретного компонента ресурсов. В качестве методологической модели мы могли бы принять шкалы (веса) для «главенства» деревень, которые построил Фрэнк Юнг (см.: [Young, 1966]).

Эта шкала выглядела бы следующим образом:

1. Никто в данной категории никогда не определяет ее в качестве группы, насколько это можно сделать на основе некоторого стандартного набора источников.
2. Члены этой категории иногда определяют себя в качестве группы.
3. Группа имеет общепринятое название, известное как членам, так и нечленам.
4. Члены группы иногда появляются публично в качестве группы, известной по имени.

5. Группа имеет стандартные символы, лозунги, песни, стили одежды и(или) другие знаки отличия.

6. Группа состоит из одной или более организаций, которые членами группы признаются в качестве имеющих право выражать мнение группы в целом по некоторым вопросам.

7. Группа состоит из одной или более организаций, контролирующих четко определенные здания и пространства, которые, хотя бы номинально, открыты для всех членов группы.

8. Группа располагает по меньшей мере одним общим хранилищем основных ресурсов — денег, труда, оружия, информации или чего-то еще, — сохраняемых во имя группы в целом.

9. Хотя бы одна организация, управляемая членами группы, осуществляет значительный контроль над распределением времени и энергии членов группы во имя группы в целом.

10. Хотя бы одна организация, управляемая членами группы, осуществляет значительный контроль над личными отношениями членов группы.

Первые четыре пункта списка, очевидно, попадают под рубрику «организация», а не «мобилизация». Пятый неуверенно балансирует между этими двумя. Таким образом, нижняя часть шкалы опирается на допущение тесной связи между организацией и мобилизацией. Очевидно, что такая шкала не может быть использована для того, чтобы установить существование такого отношения.

В моей собственной исследовательской группе, занимающейся коллективным действием в Европе и Америке, для измерения мобилизации мы применили два простых метода. Оба они не дотягивают до всеобъемлющего описания и внутренне последовательных шкал, которыми мы хотели обладать; реальный мир труден.

Первый и наиболее простой путь в том, чтобы взять один или два из широко доступных индикаторов мобилизации, такие как членство в профсоюзах, и подготовить сопоставимые ряды этих показателей для набора исследуемых групп. В этом случае мы не предпринимаем никаких априорных попыток объединить имеющиеся индикаторы. Напротив, мы надеемся узнать что-то об их взаимоотношениях из анализа. В нашем исследовании французских забастовок с 1830 по 1968 г. мы с Эдвардом Шортером периодически используем численность профсоюзов и(или) количество лет непрерывного существования местной общей трудовой организации (*a bourse de travail*) в качестве индикаторов уровня мобилиза-

ции местной рабочей силы [Shorter, Tilly, 1974]. Дэвид Снайдер использует членство в профсоюзах в своих исследованиях временных рядов забастовок в Италии, Франции и США, от различных начальных моментов в XIX в. до 1970 г. Джоан Линд изучает забастовки и трудовые уличные демонстрации в Швеции и Великобритании с 1900 по 1950 г., измеряя мобилизацию членством в профсоюзах и доходами профсоюзов. С интересными исключениями, которые будут обсуждены позже, альтернативные индикаторы мобилизации показывают сильную корреляцию друг с другом, и оказывают значительное позитивное воздействие на уровень забастовочной активности.

Второй и более рискованный путь, используемый нами для классификации уровней мобилизации, состоит в построении различных версий типа той порядковой шкалы, которую я только что набросал, исходя из описаний — статистических или еще каких-то — применительно к обсуждаемым группам. Исследование марсельских рабочих, осуществленное Рональдом Аминзаде, иллюстрирует собой эту тактику. Аминзаде пытался оценить влияние организационных характеристик, предшествующего опыта участия в коллективном действии и уровня мобилизации на вовлеченность различных групп рабочих в Марселе с 1830 по 1871 г. Опираясь на свидетельства из архивов Франции и опубликованных работ, он обнаружил, что способен составить более или менее непрерывное описание для каждой из 21 профессиональной категории, касательно: а) ее наличия или отсутствия и б) общей картины деятельности гильдий (точнее, *compagnonnages*, товариществ или дружин), кооперативов, профсоюзов, обществ взаимопомощи и организаций сопротивления. Он также смог выяснить, имела ли профессиональная группа в 1848 г. своих представителей в Центральном комитете Республики, свой политический клуб и какие-либо коллективные льготы, формально признанные постановлениями правительства. (Информация о членстве и контролируемых средствах так же была доступна, но недостаточно регулярна для построения непрерывных серий.)

Далее Аминзаде объединяет эту информацию в три индикатора:

1. Общая численность профессиональных организаций.
2. Общее количество лет предшествующего существования различных организационных форм.

3. Общее количество коллективных действий, которые ранее предпринимались этими организациями.

Третий индикатор является наиболее спорным в качестве показателя мобилизации. Аминзаде в сущности присваивает каждой профессиональной группе высокий или низкий ранг (2 = высокий; 1 = низкий) по каждому из трех индикаторов всем профессиональным группам и суммирует их в шестибалльную шкалу (6 = все три индикатора имеют высокое значение; 1 = все три индикатора имеют низкое значение). Используя показатели для периодов, непосредственно предшествующих рассматриваемым событиям, он анализирует различия среди профессиональных групп в ходе арестов во время восстания июня 1848 г. в Марселе, а также в ходе переворота Луи Бонапарта 1851 г.: для восстаний августа 1870 г. и марта 1871 г. в Марселе он реконструировал список по крайней мере 429 участников из полицейских досье на лиц, участвовавших в революционном Интернационале, из списков осужденных участников восстания 1870 г., а также из протоколов арестов участников восстания 1871 г. Отдельные индикаторы мобилизации коррелируют с участием в том или ином из этих событий от 0 до +0,8. Корреляция участия с комбинированным индексом мобилизации следующая:

1848	+0,333
1851	+0,571
1870–1871	+0,473.

Что указывает на существенную связь между уровнем мобилизации, грубо измеренным Аминзаде, и участием в основных революционных движениях Марселя с 1848 по 1871 г.

#### ОБЩИЕ УСЛОВИЯ МОБИЛИЗАЦИИ

Согласно нашей модели мобилизации, в широком плане факторы, влияющие на степень мобилизации населения, это масштаб его общего интереса во взаимодействии с другими населенными, и то, в какой мере оно образует отдельную категорию и плотную сеть: его интересы и его организация. За пределами группы ее власть, подверженность репрессии и текущее стечение возможностей и угроз наиболее сильно влияют на уровень ее мобилизации. Власть, репрессии и возможность/угроза будут подробно рассмотрены в

следующей главе. Интересам и организации уже было уделено значительное внимание. Тем не менее было бы неплохо дать обзор их влияния на мобилизацию, прежде чем бросаться изучать само коллективное действие.

Энтони Обершаль осуществил искусный синтез значительной части современного осмысления этих отношений. Обершаль сознательно выступает против дюркгеймианского мышления, особенно той его разновидности, что связана с идеями «массового общества», настаивая на важности некоторых форм предшествующей внутренней связанности группы для мобилизации конфликтных групп. Среди прочего он указывает, что только-только мобилизующиеся конфликтные группы обычно снижают свои затраты на организацию, опираясь, намеренно или ненамеренно, на существующую структуру группы. Вместо того чтобы начинать с общего интереса, но без организации, существующие группы объединяются и реорганизируются. И таким образом конфликтующие группы в какой-то степени избегают огромных затрат мобилизации, начинаемой с нуля.

Рассматривая эту предшествующую организацию, Обершаль уделяет особое внимание двум измерениям: характеру связей в популяции (общинная организация, ассоциативная организация или низкий уровень организации любого рода), а также связям между этим населением и прочими группами (интегрировано в другие группы или сегрегировано от них). Сочетание этих измерений дает шестикратную классификацию популяций.

		Внутренние связи		
		Общинные	Слабые	Ассоциативные
Связь с другими группами	Интегрированы			
	Сегрегированы			

Мы будем использовать родственную этой классификацию далее, когда попытаемся выделить основные разновидности коллективного действия.

Анализ Обершала прямо противоречит теории массового общества. Аргументация относительно массового общества утверждает, что население в центральной колонке, особенно те его части, которые сегрегированы от остального общества, являются

основным источником движений протеста. Одно из самых известных положений этой теории гласит:

Группы, особенно уязвимые для массовых движений, демонстрируют существенные разрывы в своей структуре в периоды перемен. Поэтому коммунизм и фашизм обрели силу в социальных системах, претерпевавших внезапные и значительные изменения в структуре власти и сообщества. Глубокие разрывы в социальной ткани, вызванные широким распространением безработицы или крупными военными поражениями, являются весьма благоприятными для массовой политики. Социальные классы, которые обеспечивают непропорциональную поддержку массовым движениям, обладают наименьшей степенью социальной связи между своими членами. Это касается прежде всего низших социальных классов. Однако поскольку существуют секции всех социальных классов, которые имеют тенденцию быть социально атомизированными, постольку среди участников массовой политики могут быть найдены члены всех социальных классов: независимые интеллектуалы (особенно фрилансеры), маргинальные (особенно малые) предприниматели и фермеры, а также изолированные рабочие участвуют в массовой политике во времена кризиса [Kornhauser, 1959, p. 229].

С подобной линией аргументации мы уже сталкивались в ходе обзора традиции Дюркгейма применительно к коллективному действию.

Обершаль возражает, выдвигая аргумент о том, что население со слабой внутренней структурой вообще редко действует. Он также утверждает, что каждая комбинация внутренней структуры и внешних связей продуцирует различную вариацию мобилизации и коллективного действия. В целом он рассматривает связи с другими группами (особенно элитарными) как ограничения на пути формирования конфликтных групп; в этом единственном отношении он склонен соглашаться с теоретиками массового общества. Но в его исследовании сегментированные популяции, обладающие либо широкой общинной, либо широкой ассоциативной структурой, особенно вероятно порождают конфликтные группы или сами становятся таковыми. В переводе на язык теорий массового общества это означает, что они более, а не менее, «доступны» для общественных движений.

Затем Обершаль выдвигает полезную серию гипотез о мобилизации конфликтных групп.

1. В сегментированном контексте, чем больше число и разнообразие организаций в коллективе, и чем выше участие членов в этой сети, тем быстрее и устойчивее происходит мобилизация в конфликтные группы, и тем больше вероятность рекрутирования групп, а не индивидов.

2. Чем более сегментированным от остального общества является коллектив, и чем более жизнеспособны и обширны общинные связи внутри него, тем быстрее и легче мобилизовать членов этого коллектива в оппозиционное движение.

3. Если коллектив дезорганизован или неорганизован в традиционном общинном плане и пока не организован в ассоциативном плане, то коллективный протест возможен тогда, когда его члены разделяют общее ощущение угнетенности и имеют общие цели для своей враждебности. Такие чувства с большей вероятностью разовьются в том случае, если коллектив сегментирован, а не вертикально интегрирован с другими коллективами общества. Однако такой протест имеет тенденцию быть более краткосрочным и более насильственным, чем движения, основанные на общинной или ассоциативной организации.

4. Участники народных волнений и активисты оппозиционных организаций будут рекрутироваться преимущественно из числа ранее активных и относительно высокоинтегрированных индивидов внутри коллектива, в то время как социально изолированные, атомизированные и неукорененные индивиды будут недостаточно представлены, по крайней мере до тех пор, пока данное движение не примет значительные масштабы [Oberschall, 1973, p. 125, 129, 133, 135].

Хотя третья гипотеза и содержит оговорку, основной аргумент подчеркивает особое значение предшествующей организации. Это же делают и разнообразные данные, рассматриваемые Обершалем. Возможно, слишком сильно или, скорее, слишком эксклюзивно: аргумент, который я здесь выстраиваю придает больший вес интересам, мобилизационной стратегии, репрессиям и властным позициям. Тем не менее эти две линии аргументации едины в отрицании того, что обособленные индивиды и гомогенизированные массы обладают какой-то специфической склонностью к формированию или к объединению в социальные движения.

Гипотезы Обершала фокусируются только на вопросе: присоединятся или не присоединяются. Именно по этой причине об-

щинная часть его классификации остается более загадочной чем ассоциативная часть. Ценным является замечание Обершала о том, что такие события, как великие крестьянские революции обычно не охватывают неукорененных, дезорганизованных, оставшихся за бортом людей в обществе, а вовлекают внутренне связанные пострадавшие группы людей, которые остаются близкими друг к другу и своему социальному окружению. Но говорить о «рекрутировании» мешает пониманию.

Имплицитно присутствующая здесь модель имеет современные очертания. Она легко относится к таким членским организациям, как профсоюзы, политические партии и религиозные организации. Она не так легко применима к сельским жителям XVIII в., которые разрушили работные дома и после вернулись к работе в свои мастерские и на поля. Она искажает опыт ремесленников XIX в., которые строили баррикады на улицах возле своих мастерских в ходе революции 1848 г. Да, жители Нектона в XVIII в. и Парижа в XIX в. мобилизовывались и действовали коллективно. Но они не формировали и не присоединялись ни к каким «общественным движениям» или даже «конфликтующим группам» в том смысле, в каком этого требует модель Обершала.

Чтобы охватить весь диапазон от разрушающих работные дома толп и революционных ремесленников до политических партий и религиозных культов, нам необходимо достаточно широкое представление о мобилизации. Оно должно учитывать огромное разнообразие ресурсов и не быть привязанным к какой-то конкретной организационной форме или типу интереса. В этом духе три основных принципа, которые мы заложили до этого, действительно широки; в схематичном виде это:

1.  $\text{Количество коллективно контролируемых ресурсов} \times \text{Вероятность поставки} = \text{Мобилизация.}$
2.  $\text{Мобилизация} = f(\text{организация}).$
3.  $\text{Организация} = \text{СбГ} + \text{НСС.}$

Очевидно, что первое и третье являются определениями. Второе — утверждением, требующим гораздо большей спецификации, прежде чем оно станет ценным. Спецификация будет вести нас обратно к тем же проблемам, которые подчеркивает Обершаль: различия между сегментированными и интегрированными населениями; контрастные формы мобилизации общинных и ассоциативных

групп; условия организационной эффективности. Короче говоря, мы на правильном пути, но не очень далеко продвинулись. Давайте попытаемся сделать шаг вперед, рассмотрев само коллективное действие.

#### ОТ МОБИЛИЗАЦИИ К КОЛЛЕКТИВНОМУ ДЕЙСТВИЮ

Коллективное действие есть совместное действие для достижения общих целей. До сих пор я утверждал, что масштаб коллективного действия группы является функцией от (1) меры ее общих интересов (преимуществ и недостатков, которые могут возникнуть в результате взаимодействия с другими группами), (2) интенсивности ее организации (степени общей идентичности и объединяющей структуры среди ее членов) и (3) ее мобилизации (количества ресурсов, находящихся под ее коллективным контролем). Вскоре я добавлю репрессии, власть и возможность/угрозу к перечисленным детерминантам коллективного действия групп. В этой общей формулировке аргументация не является особо спорной. Она отвергает теории традиции Дюркгейма, которые выводят рутинное коллективное действие из общественной интеграции, а нерутинное коллективное действие из дезинтеграции общества. Но по-прежнему большое количество веберианских, марксистских и миллевских исследований поместятся (с некоторым запихиванием) в ячейки, определяемые интересами, организацией и мобилизацией.

На этом уровне аргументации основное различие между веберианскими, марксистскими и миллевскими исследованиями состоит в весе, который они приписывают различным детерминантам коллективного действия. В целом веберианские аргументы — особенно те, что касаются исследований социальных движений и их рутинизации, — приписывают различные веса интересам в рутинном и нерутинном коллективном действии. Во вполне развитых социальных движениях, утверждает этот аргумент, интересы оказывают меньше непосредственного влияния, поскольку групповые представления берут над ними верх или переопределяют их. В веберианском подходе затраты и эффективность организации трактуются преимущественно как имеющие большой вес, но потом групповые интересы и организация рассматриваются в качестве достаточного объяснения ее действия. То есть неявно затраты на мобилизацию и коллективное действие признаются как незначительные.

Марксистский анализ также приписывает большой вес интересам и организации и маленькие веса затратам на мобилизацию и коллективное действие как таковые. Отличие от веберианской линии в этом отношении состоит в значительном подчеркивании Марксом материальных интересов — точнее интересов, определяемых отношением к господствующим средствам производства, — а также в утверждении того, что организация производства доминирует и лежит в основе остальных форм организации.

Сторонники традиции Милля представляют собой единственных из четырех, кто обычно придает важное значение издержкам коллективного действия как такового. Стандартный анализ этой традиции перескакивает от определенных интересов к коллективному действию, уделяя мало внимания организации и мобилизации. Начиная с вызова, брошенного Мансуром Олсоном, последователи Милля углубили анализ коллективного действия, связав его с производством коллективных благ. Идеальное коллективное благо инклюзивно и неделимо. Если любой член группы его получает, то его получают все. Не существует способа разделить его на доли. Осушение болота для предотвращения малярии является замечательным примером. Реально существующие блага значительно варьируют в том, насколько они приближаются к этому идеалу. Так, охрана правопорядка полицией в идеале является чисто коллективным благом; оно идеально инклюзивно и неделимо. На практике же некоторые люди получают меньше или вовсе не получают защиты от полиции, в то время как другие покупают дополнительную защиту для себя. Таким образом, можно сказать, что действие *в той степени* является коллективным, в какой оно производит инклюзивные, неделимые блага.

Это предложенное мной определение менее требовательно в одних отношениях, и более ограничительно в других. Совместное действие для достижения общих целей зачастую не производит никаких благ вовсе, но, поскольку оно *имеет тенденцию* производить коллективные блага, я предлагаю включить его. В то же время некоторые коллективные блага (и многие коллективные ущербы) производятся непреднамеренно, как побочные продукты индивидуальных усилий. Я предлагаю исключить их из определения коллективного действия. Такой выбор обладает своими недостатками: он требует от нас думать о том, что неудачное действие могло бы произвести, а также быть уверенными в том, что люди дей-

ствительно действовали совместно, а не просто искали того, что выглядит как коллективные блага. Но он так же обладает преимуществом более четко фокусировать исследование на объяснении самого действия, вместо нацеленности на его результаты.

Позаимствуем основную догадку Милля: действующие коллективно пытаются создавать коллективные блага, которые обладают специфической ценностью применительно к их интересам, а также тратят полезные ресурсы, осуществляя эти усилия. Если мы попытаемся представить придание относительных ценностей произведенным коллективных благам и затраченным ресурсам, то соперника можно представить получившим прибыль, убыток или остающимся при своих. Графически это представлено на рис. 3.4.

В заштрихованной области над диагональю ценность приобретенных коллективных благ получается большей, по сравнению с ценностью затраченных ресурсов; это и представляет собой прибыль, выигрыш. Ниже диагонали у нас потери, а сама диагональ представляет собой линию безубыточности.

В случае фактического коллективного действия существуют реальные пределы того пространства на диаграмме, которое до-

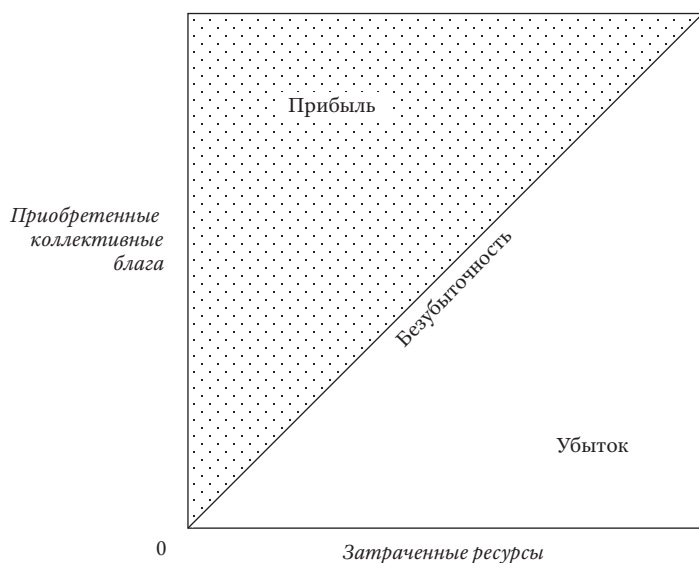


рис. 3.4. Приобретения и потери при коллективном действии

ступно для актора. Мы уже обсуждали два таких основных предела как мобилизация и возможность. Дополненная ими диаграмма представлена на рис. 3.5.

Группа не может израсходовать больше ресурсов, чем она до этого мобилизовала; это устанавливает непреодолимый предел в одном направлении. Возможности приобретений не бесконечны; это устанавливает предел в другом направлении. Позже мы внимательнее рассмотрим ограничения возможностей. На данный момент достаточно понимать, что и мобилизация, и возможность устанавливают пределы возможной прибыли от коллективного действия. Из этого с очевидностью следует, что изменения в мобилизации или возможности произведут изменения в наборе возможных для группы прибылей или убытков. Нулевая мобилизация = нулевые прибыли или убытки. Группа может увеличить диапазон возможных прибылей или убытков путем мобилизации или манипуляций возможностями, т.е. путем увеличения власти группы или сокращения ее подверженности репрессиям.

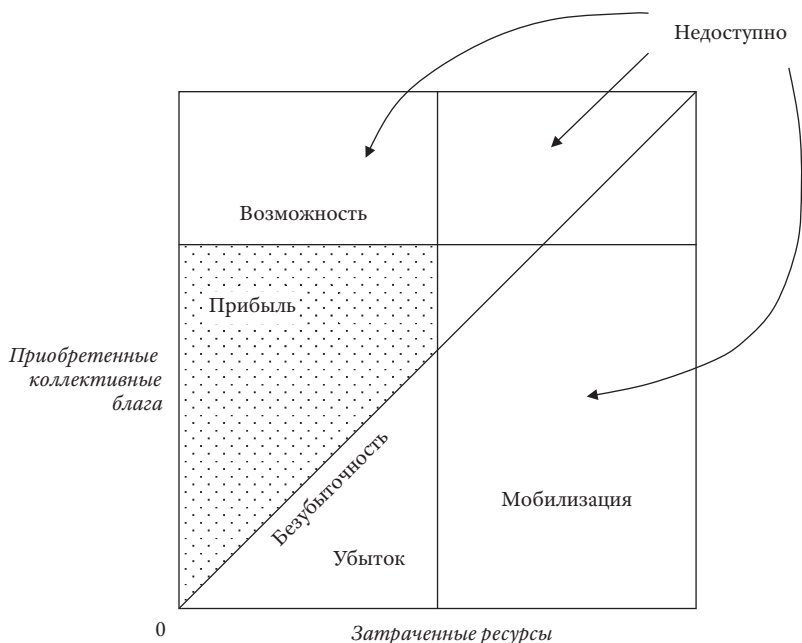


рис. 3.5. Как возможности и мобилизация ограничивают прибыль и убыток

Если бы дела действительно обстояли так просто, можно было бы ожидать, что каждая группа мобилизовывалась бы до предела, чтобы максимально манипулировать возможностями и переместить себя на наиболее высокую из доступных позиций над диагональю. До некоторой степени это оправданное упрощение того, что на самом деле происходит в борьбе за власть. Но оно игнорирует важные реалии: мобилизация сама по себе затратна. Групповая организация как таковая накладывает важные ограничения на коллективные действия, стратегии мобилизации и манипулирование возможностью, которые может или будет предпринимать группа. А ее интересы определяет то, какого рода приобретения и убытки приемлемы или неприемлемы.

Иными словами, группы значительно различаются в зависимости от тех относительных ценностей, которые они приписывают коллективным благам, а также тем ресурсам, которые необходимо израсходовать для достижения этих благ. Многие, а возможно большинство групп, ведут себя как крестьяне, которые стремятся к получению целевой прибыли от своей земли; вместо того, чтобы переместить себя в точку максимальной прибыли, они предпочитают гарантированный доход. При возможности они тратят на это минимально необходимое количество ресурсов. Так группа рабочих сначала решает, что они хотят 8-часовой рабочий день, а затем рассчитывает, какие усилия необходимо будет затратить на достижение этой конкретной цели.

Некоторые группы настолько высоко оценивают данное коллективное благо, что готовы взять на себя то, что другие группы считали бы чистыми убытками в достижении заветной цели. С точки зрения средней группы, они удовлетворены позицией ниже линии безубыточности. Мы можем выделить четыре групповые стратегии: 1) фанатики — те, кто по сравнению с прочими группами чрезвычайно высоко ценят некоторое коллективное благо в плане ресурсов, необходимых для его достижения: например, готовы положить жизнь и здоровье ради того, чтобы достигнуть самоуправления; 2) скряги — те, кто ценят уже имеющиеся ресурсы так сильно, что едва ли какое-нибудь имеющееся коллективное благо может соблазнить их к расходованию мобилизованных ресурсов на коллективное действие; от скряг следует ожидать оборонительного коллективного действия, если они вообще действуют; 3) заурядные соперники — те, кто стремятся к ограниченному набору

коллективных благ, затрачивая минимальное количество необходимых для достижения этих благ ресурсов, и остаются неактивными, когда сочетание мобилизации и возможности делает вероятными чистые убытки при этом обмене; 4) оппортунисты — те, кто пытаются максимизировать свои чистые прибыли, т.е. разницу в ценности между затраченными ресурсами и полученными коллективными благами — независимо от того, какого рода коллективные блага они приобретут.

Эти четыре идеальных типа схематично изображены на рис. 3.6. На этой упрощенной картине возможность и мобилизация одинаковы для всех типов. Данная диаграмма оценивает затраченные ресурсы и полученные коллективные блага в среднем по всем группам, вместо того чтобы показать относительные ценности, обычно приписываемые мобилизованным ресурсам и коллективным благам каждым из типов групп. Согласно этой диаграмме, фанатики находят приемлемым только узкий диапазон коллективных благ; это блага, которые не обязательно оцениваются другими группами в качестве наиболее ценных. Ради достижения этих коллективных благ они готовы тратить мобилизованные ресурсы до предела, даже если по стандартам других соперников они несут чистые убытки. Скряги тратят только часть мобилизованных ими ресурсов ради очень ценной отдачи в коллективных благах. Они никогда в своих тратах не достигнут предела, заданного их мобилизацией. Заурядные соперники напоминают фанатиков, за исключением того, что они соглашаются на более широкий диапазон коллективных благ, но не согласны терпеть убытки. Наконец, оппортунисты согласны на любые коллективные блага, которые они могут получить. Они будут тратить до своего предела, чтобы получить их, ровно до тех пор, пока это прибыльно.

Диаграмма призывает к дальнейшему теоретизированию. Например, имеются основания предполагать, что фанатики имеют тенденцию поддерживать более высокий уровень мобилизации по сравнению с акторами других типов. Поэтому у них больше шансов получить желаемые коллективные блага, но они так же несут большие риски тяжелых потерь. Оппортунисты, в свою очередь, вероятно, более эффективно поднимаются по самой линии возможности, используя такую тактику, как формирование коалиции с другими могущественными соперниками. Некоторые из подоб-

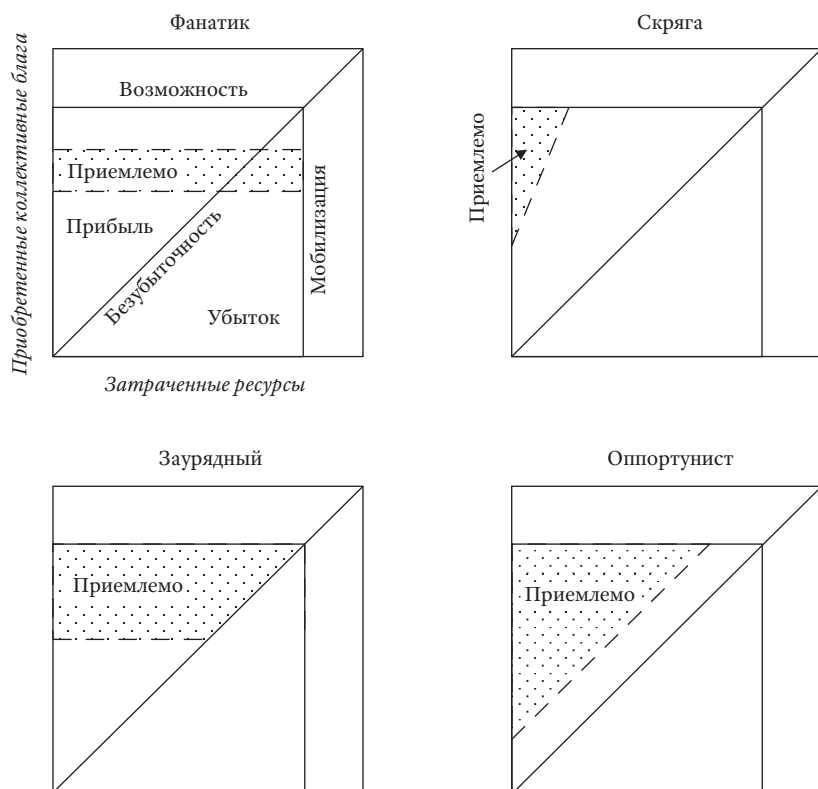


РИС. 3.6. Четыре идеальных типа коллективного действия

ных стратегических вопросов приобретут важное значение позже при обсуждении власти.

Каждая политическая система разделяет своих соперников на фанатиков, скрягу, оппортунистов и заурядных соперников. Несомненно то, что каждая политическая система награждает оппортунистов в большей степени, чем заурядных соперников, а заурядных соперников больше, чем фанатиков и скрягу. Боюсь, что это верно даже после захвата власти фанатиками. Они тоже награждают оппортунистов и наказывают фанатиков.

Как ни странно, оппортунизм является наименее вероятной из четырех крайностей. Независимо от групповой стратегии результат, к которому стремится группа, редко или никогда не является простой прибылью от коллективного действия. Группы заботятся о характере коллективных благ. Профсоюзы обычно не хотят

уступок, даруемых в виде исключения, кланы, как правило, не хотят быть признанными в качестве переговорщиков. На самом деле, как предложение, так и спрос «шероховаты», «слипаются вместе», дискретны. По этой причине мы не можем анализировать коллективное действие, опираясь просто на существующую микроэкономику частных благ. Существующая экономика коллективных благ лучше подходит для этой цели. Но и она пока не в состоянии решить проблем интереса, организации и мобилизации, с которыми мы столкнулись.

## ВЫЯВЛЕНИЕ И ИЗМЕРЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

Приступая к изучению совместных действий для достижения общих целей, мы сталкиваемся с практической проблемой выявления самого действия, а также определения того, насколько оно является совместным, и насколько общими являются его цели. Если мы сосредоточим наше внимание только на отчетливых примерах, таких как забастовки, выборы, петиции и атаки на работные дома, мы все равно столкнемся с проблемой измерения их размеров — особенно если хотим сказать, «как много» та или иная группа участвовала в коллективном действии в тот или иной период времени. Как и в случае измерения мобилизации, обычно необходимо выбирать между (а) индикаторами коллективного действия, которые даны нам в более или менее количественной форме, однако слишком узкими или слишком далекими от того, чтобы адекватно репрезентировать диапазон действий, которые мы имеем в виду, или (б) индикаторами, полученными на основе качественных описаний, которые обычно дискретны, часто в различной степени охватывают разные группы и периоды, и которые всегда трудно преобразовать в осмысленные цифры.

Анализ временных рядов итальянских, французских и американских забастовок, осуществленный Дэвидом Снайдером, является подходящим примером. Для измерения мобилизации Снайдер использует число и долю членов профсоюза в рабочей силе. Данные за длительные периоды сложно найти и трудно сделать сравнимыми, но когда они вообще доступны, они обычно представлены в количественной форме с самого начала. Применительно к коллективному действию Снайдер использует два набора переменных. Первый представляет собой показатели забастовочной активности:

количество забастовок, число участников, средняя продолжительность забастовок, количество потерянных дней, доля удавшихся и неудавшихся забастовок, доля наступательных и оборонительных требований и т.п. В конечном счете все это доступно из официальных источников, где данные представлены в виде обобщенной статистики или унифицированных описаний всех забастовок, произошедших за определенный период, на определенной территории и среди определенного рода рабочих. Как и в случае участия в профсоюзах, требуется определенная находчивость и усилия, чтобы извлечь сравнимые измерения из этих источников, но представление в числовой форме само по себе не так трудно.

Того же нельзя сказать о втором наборе измерений Снайдера. Эти измерения касаются других форм коллективного действия рабочих. Список Снайдера [Snyder, 1974, p. 114] содержит следующие пункты:

*Экономические и непосредственно связанные с работой действия:*

- 1) информация по занятости и трудоустройству;
- 2) местный контроль условий труда, включая порядок рассмотрения жалоб, местные корректировки национальных контрактов и т.д.;
- 3) переговоры по внелокальным контрактам (обычно национальным);
- 4) выплаты из забастовочных фондов.

*Экономические, но не связанные с работой действия:*

- 1) помощь членам, пострадавшим от несчастных случаев, болезней, безработицы, пособия на похороны;
- 2) обеспечение социальных/рекреационных/образовательных благ;
- 3) финансирование совместных усилий (и по производству, и по потреблению).

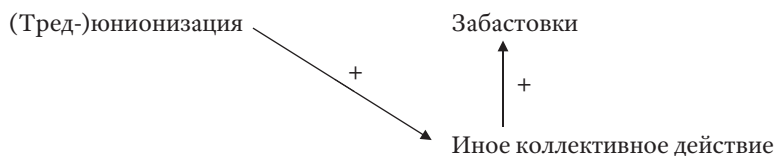
*Политические действия:*

- 1) лоббистская деятельность;
- 2) распространение печатных материалов;
- 3) поддержка кандидатов на выборах;
- 4) коалиция с политической партией.

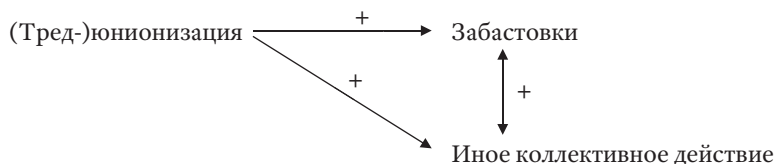
Снайдер прочел огромное количество экономических, трудовых, социальных и политических историй каждой из трех стран, извлекая любые упоминания какой-либо из этой деятельности, пе-

регрессируя резюмированное в сводки по организации за год, после кодируя каждый из 11 пунктов стандартным образом. Например, код поддержки кандидатов представлен в табл. 3.1. Снайдер сводит показатели для каждой организации в четыре общие группы — по одному для его категорий действий: связанных с работой; экономических, но не связанных с работой; и политических, а также суммарный балл по коллективному действию. Наконец, он взвешивает каждую организацию по доле рабочей силы, которую она содержит, и суммирует каждый взвешенный балл по всем организациям для страны за год в целом.

Исследования коллективного действия по юнионизации и переменных, касающихся забастовок во Франции и Италии, показали, что лучше всего отношения между ними изображаются ниже следующей схемой.



Мы с Эдвардом Шортером имплицитно принимали другую модель:



Но мы никогда не формулировали такую модель отчетливо и (исключая некоторые исследования взаимоотношений между забастовочной активностью и коллективным *насилием*) не предпринимали попыток оценить ее. Таким образом, работа Снайдера по описанию и измерению подводит нас к переосмыслению процессов, которые мы анализируем.

Помимо забастовок, наибольшие усилия нашей исследовательской группы по измерению коллективного действия были приложены к событиям, связанным с насилием. (Для ознакомления с общими и предварительными результатами см.: [Tilly, Tilly, Tilly, 1975].) По причинам, которые станут понятнее в ходе дальнейшего

ТАБЛИЦА 3.1. Код Снайдера для поддержки рабочими кандидатов

Кодировщик оценивает ежегодные сводки выдержек из исторических источников, касающихся поддержки кандидатов на выборную должность каждой конкретной организацией.

Код	Оценка	Критерии
0	Отсутствие	Нет поддержки кандидатов
1	Небольшое количество	Одобрение кандидатов в печатных материалах организации
2	Умеренное	Речи, и т.д. со стороны рабочих лидеров/членов профсоюзов в поддержку кандидатов и одобрение в печатных материалах
3	Большое	Активные кампании со стороны членов в поддержку кандидатов (раздача листовок, агитация и т.д. и все вышеперечисленное)
4	Огромное	Финансовая поддержка кандидатов и все вышеперечисленное

источник: [Snyder, 1974, p. 302].

рассмотрения насилия как такового, коллективное насилие служит хорошим «индикатором траектории» (tracer) коллективного действия в целом. Хотя коллективные действия, наносящие ущерб людям или вещам, никоим образом не представляют собой случайной выборки из всех коллективных действий, наличие насилия значительно повышает вероятность того, что данное событие будет замечено и записано. Разумный анализ образцов коллективного насилия может дать ценную информацию о структуре коллективного действия в целом. Мы с коллегами осуществили подробное перечисление и описание коллективного насилия в Италии, Германии, Франции и Англии в течение значительных промежутков времени именно с этой целью.

Сконцентрируемся на коллективном насилии внутри населения, подконтрольного одному государству. Согласимся уделять мало внимания войне, полноценным играм, индивидуальному насилию и часто прерывающимся взаимодействиям. Затем мы можем сосредоточиться на исследовании событий, где ущерб был только случайным по отношению к намерениям тех, кто в них участвовал. В нашем исследовании мы обнаружили, что, особо не сомневаясь, можно выделить события, происходящие в том или ином на-

циональном государстве, в котором по крайней мере одна группа больше некоторого минимального размера (обычно 20–50 человек) захватывает или повреждает кого-то или что-то у другой группы. Для этой цели мы использовали газеты, архивные материалы и исторические работы. По мере уменьшения минимального размера группы, коллективное насилие начинает превращаться в бандитизм, драки, вандализм, терроризм и большое разнообразие угрожающих ненасильственных событий, насколько мы способны различить их на основе исторических данных.

Мы использовали сообщество-население-день в качестве элементарной единицы. В этот конкретный день был ли данный сегмент населения данного сообщества вовлечен в коллективное насилие, как оно только что было определено? Если так, то мы имеем элементарную единицу события насилия. Совершило ли частично совпадающее множество людей это же действие в соседнем сообществе? Если так, то оба сообщества вовлечены в одно и то же событие. Продолжило ли частично совпадающее множество людей то же действие на следующий день? Если так, то инцидент продлился по меньшей мере два дня. Добавляя разрыв во времени, пространстве или участниках мы имеем дело с двумя или более различными событиями. В результате этих модульных рассуждений удалось значительно упростить проблему нахождения границ одного и того же инцидента, а также разделения на множество отдельных инцидентов серий взаимодействий (таких как гражданская война в Испании в целом), которые многие исследователи готовы рассматривать как цельную единицу. (Больше деталей по определению и процедуре можно найти в приложениях.)

Для некоторых целей, подобно сравнительному исследованию революций, лучше подходят широкие критерии. Но иные исследования потребуют более строгих стандартов: большего числа участников, определенной продолжительности, убийства кого-либо, конкретного минимума ущерба собственности. Но общие рассуждения относительно подобного выбора будут теми же: выявив все события свыше определенной величины или по меньшей мере репрезентативную выборку подобных событий, прежде чем пытаться рассортировать их в плане легитимности или целей участников.

Рассмотрим некоторые альтернативные способы работы с перечислением множества событий. Реагируя на то, что он называ-

ет слабостью нашей концентрации на событиях насилия, Генрих Фолькманн очерчивает класс событий, который он называет «социальным протестом». В общем, под общественным протестом он подразумевает «всякое коллективное нарушение общественного порядка во имя общих целей» [Volkmann, 1975, S. 33]. Событие квалифицируется в качестве такового в случае, если в нем принимают участие по меньшей мере 20 человек. Рассматривая Германию (какой она была на рубеже 1937 г.) в революционные годы с 1830 по 1832, он находит 165 событий, отвечающих этому критерию, на страницах «Augsburger Allgemeine Zeitung». Как в случае с Францией, когда мы используем определенные ключевые слова (*multitude*, *rassemblement*, *réunion*, *foule*, *attroupement* и т.д.), чтобы определить присутствие по меньшей мере 50 человек, если наши сведения не содержат числовой оценки, Фолькманн дает грубые числовые эквиваленты определенным терминам. Он осуществляет это, привлекая 22 источника, которые содержат и числовые оценки, и словесные описания величины. Его классификация такова:

*20–100 человек: eine Anzahl, ein Trupp, Schwarm, Haufemeist mit spezifizierenden Zusätzen wie “ein Haufe Arbeiter”, “ein Haufe Volks”.*

*100–1000 человек: Rotte, Zusammenrottierung, Haufen, grossere Haufen, zahlreiche oder grossere Menge, einige Hundert.*

*1000–2000 человек: Menge, grosse Menge, grosser Volksauflauf, Massen, unzählige Menschenmasse [Volkmann, 1975, S. 89].*

Таким образом, он оценивает размеры всех 60 событий, оставляя почти половину или без числового выражения, или без кодируемого словесного описания. Вероятно, Фолькманн судил о том, должны ли участвовать как минимум 20 человек, исходя из природы самого действия. В исследовании «массовых беспорядков» в Японии с 1952 по середину 1960 г., выполненном независимо от нашей исследовательской группы, Ёсио Сугимото применил некоторые из наших определений и исследовательских процедур [Sugimoto, 1975]. Он использовал ряд японских газет, чтобы вычленить все события с участием по меньшей мере 50 человек, в которые вмешалась полиция и где было отмечено некоторое заметное насилие. Он обнаружил 945 подобных происшествий в течение 8,5-летнего периода. Измерение величин Сугимото следовало тому же образцу: количество событий, масштаб, продолжительность. Но, следуя

Сорокину и Гарру, он добавил так же четвертое измерение: интенсивность. Интенсивность измеряется необычным образом. Вместо простого подсчета вреда здоровью, повреждений имущества и арестов, которые имели место в том или ином событии, Сугимото попытался оценить их вероятность как функцию от различного вида действий, из которых состояло это событие. Разбивая каждое событие на фазы, состоящие только из одного вида действия, он затем рассортировал все фазы действия из всех событий в своей выборке по типу действия. Например, пункты с 31 по 40 из списка из 70 пунктов (с количеством фаз действия в скобках) выглядят так:

31. Защита людей от нападения (109).
32. Пикет против автомобилей (105).
33. Попытка прорвать линию пикетчиков (312).
34. Стычка (1133).
35. Попытка сбросить кого-то в море (3).
36. Силовое передвижение объектов (10).
37. Попытка вытоптать поля (1).
38. Попытка вырыть колодец (1).
39. Попытка перегородить плотиной воду в реке (5).
40. Попытка вбить в землю колья (1).

Для каждого из 70 описанных типов действия он суммирует вред здоровью, повреждение имущества и аресты. «Вероятность» вреда здоровью, приписываемая каждому действию, пропорциональна его доле во всех действиях класса, производящего вред. Затем Сугимото объединяет эти три отдельных показателя для каждой фазы действия посредством весов, полученных путем факторного анализа этих трех, вычисляет величину фазы действия умножая:

интенсивность × размер × продолжительность,

и затем находит величину события в целом, суммируя величины всех его фаз. В результате получается, вероятно, наиболее уточненное измерение величины, которое когда-либо производилось для большой выборки насильственных событий.

Что более важно, Сугимото прекрасно использует свои уточненные измерения. Он показывает, что размах аграрных беспорядков был выше в регионах, где наделы земли были относительно равными до земельных реформ, и где темпы реформы были более быстрыми; что распространение профсоюзов заметно способ-

ствовало беспорядкам с участием рабочих, и прочие не менее интересные выводы.

Позвольте привести последний пример, который совершенно независим от работы моей группы. Полагаясь на данные Ежегодного регистра («Annual Register») с 1815 по 1848 г., Чарльз Тэйлор составил индекс «политической артикуляции» английских рабочих. Он выделяет попытки повлиять на центральное правительство, в том числе «митинги с требованием реформы избирательного права, бунты в знак протеста против введения нового закона о бедных, и демонстрации в поддержку той или иной групповой цели» [Taylor, 1966, p. 15]. Из контекста становится ясно, что Тэйлор так же включает в расчет петиции, групповое насилие, формирование ассоциаций и основание изданий до тех пор, пока они явным образом касаются политической системы. Он приписывает каждому случаю вес от 1 до 5 в зависимости от его продолжительности и количества участников. Затем использует индекс, чтобы продемонстрировать значительную зависимость между уровнем политической артикуляции в стране на протяжении всего изучаемого периода и долей ее городского населения, плотностью населения, темпами его роста и несельскохозяйственной рабочей силой.

В предпринятой моей группой попытке построить индекс коллективного действия в Британии того же периода времени, мы избегаем полагания на какой-либо политический критерий с самого начала, надеясь охватить более широкий диапазон действий. Затем у нас есть некоторые шансы определить, растут или падают вместе коллективные действия, ориентированные на национальную политику и коллективные действия в целом, или рост национальной политики представляет собой чистый сдвиг в рамках всего коллективного действия. (Для ознакомления с деталями см. приложение III.) Если оставить в стороне это важное исключение, данные два подхода к измерению коллективного действия имеют много общего.

В надежде собрать данные о модели коллективного действия в целом, мы кодировали множество черт событий насилия: характеристики обстановки, типы участников, формы действия, результаты. Обдумывая величину затрагиваемого коллективного действия, мы следовали модели исследования забастовок. Мы пытались оценить общее количество человеко-дней, которое занимает действие,

и разложить эту оценку на компоненты: количество участников, продолжительность. Для всех коллективных действий, произошедших среди данного населения за определенный период времени, мы получили трехмерные фигуры, которые могут иметь различные пропорции (см. рис. 3.8).

Группа *A* совершает несколько длительных событий среднего значения, в то время как группа *B* — множество больших коротких событий; однако объем коллективного действия, измеренный в человеко-днях, примерно один и тот же в этих двух гипотетических случаях. Этот простой вид визуализации выявляет тот факт, что во Франции с XIX по XX в. и забастовки, и коллективное насилие сдвинулись от модели «маленький размер и большая продолжительность» к большому размеру и маленькой продолжительности; количество забастовок и количество человеко-дней в забастовке значительно возросло, в то время как количество насильственных событий и количество человеко-дней в насилии росло не значительно быстрее, чем французское население.

Некоторые из причин этих изменений являются очевидными, другие требуют осмысления и исследования. Рост больших демонстраций и однодневных протестных забастовок в XX столетии как способов коллективного действия и как контекста для коллективного насилия сыграл большую роль в чистом сдвиге к большим, коротким событиям насилия. Однако спросить, почему они выросли — значит спросить о расширении значимости специализирован-

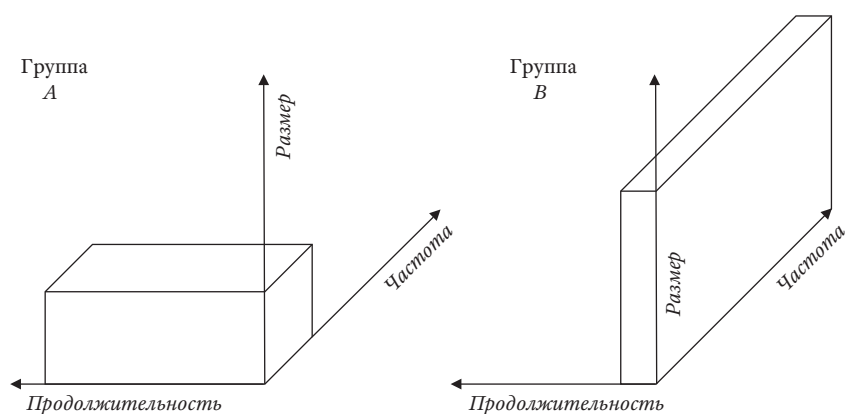


РИС. 3.8. Компоненты величины коллективного действия

ных ассоциаций, об изменении отношений между организованным трудом и центральным правительством, о перемещении протестов в большие города и на крупные заводы. Короче говоря, изменение форм коллективного действия является результатом изменений его детерминант.

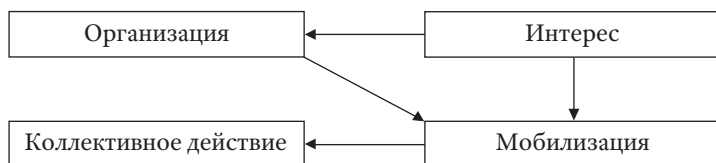
Интересы, организация и мобилизация тем не менее не являются единственными детерминантами интенсивности и характера коллективного действия. Возможность так же значима. Поэтому необходимо обратить внимание на три основных компонента возможности — власть, репрессия/помощь и возможность/угроза, — прежде чем рисовать окончательную картину коллективного действия.

## Глава 4

# Возможность совместного действия

### ОТ МОБИЛИЗАЦИИ К ВОЗМОЖНОСТИ

**П**РЕДЫДУЩАЯ глава начиналась с двух моделей. *Модель мобилизации* описывает поведение одного соперника в плане интереса, организации, власти и других переменных. Мы уделили много внимания этой модели. Однако рассматривали в основном одну ее половину, отражающую внутреннюю структуру соперника. Мы концентрировались на следующих отношениях, выраженных на схеме ниже:



Сама по себе эта часть модели неадекватна. Она имеет дело только со *способностью* действовать, а не с непосредственным стимулом или возможностью действовать. Эти стимулы и возможности находят свое отражение в другой половине модели мобилизации и в модели политической системы.

*Модель политической системы* соотносит соперников с государством и с другими соперниками — и претендентами, и членами политической системы — посредством коалиций и борьбы за власть. До тех пор пока мы исследуем внутреннюю структуру со-

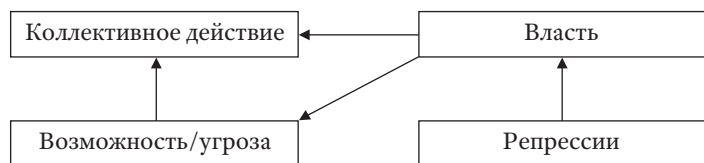
перника, можно принимать его внешние отношения как данность. Как только мы перемещаемся в мир возможностей, нам необходимо уделять постоянное внимание прочим акторам. Их сильные и слабые места и заключают в себе возможности соперника действовать в своих интересах.

В дюркгеймианской мыслительной традиции главным термином, который описывает набор взаимоотношений между коллективным актором и его средой, служит *социальный контроль*. Социальный контроль состоит из усилий властей или общества в целом по приведению отклоняющихся от норм поведения в соответствие с общими требованиями. Эта идея социального контроля приписывает пассивную, нетворческую роль коллективным акторам. Она слишком плохо соответствует реальности коллективного действия, чтобы быть нам здесь полезной.

В реальности соперники более активны, чем подразумевает модель Дюркгейма. Они преследуют свои интересы. Они борются за власть. На этом пути они маневрируют, формируют и разрывают коалиции, испытывают альтернативные стратегии, выигрывают и проигрывают. Наши примитивные модели упрощают все это соперничество, описывая его как серию ответов на изменяющиеся оценки издержек и выгод, которые, вероятно, получатся от различных возможных взаимодействий с правительствами и другими соперниками. Основные допущения состоят в следующем:

1. Коллективные действия чего-то *стоят*.
2. Все соперники оценивают издержки.
3. Коллективные действия приносят выгоды в форме коллективных благ.
4. Соперники постоянно соотносят ожидаемые затраты и ожидаемые выгоды.
5. И издержки, и выгоды являются неопределенными, поскольку (а) информация соперников о текущем состоянии политической системы несовершенна; (б) все стороны вовлечены в стратегическое взаимодействие.

Мы суммируем значимые издержки и выгоды под рубриками репрессии/помощь, власть и возможность/угрозы. На стороне возможности, основные зависимости будут выглядеть в виде следующей схемы:



Запомните, что эта схема относится только к моменту коллективного действия. В долгосрочной перспективе степень и форма коллективного действия соперника влияют на его власть, репрессии, которым он подвергается, и на дальнейшие возможности и угрозы, с которыми он сталкивается. Данная версия модели игнорирует время. Рассмотрим каждый из компонентов этой вневременной модели по очереди.

### РЕПРЕССИЯ И ПОМОЩЬ

Борьба за власть всегда включает по меньшей мере две стороны. Поведение второй стороны варьирует в диапазоне от репрессии до помощи. Вернемся к определению: *репрессия* — это любое действие иной группы, которое повышает издержки коллективного действия данного соперника. Действие, которое понижает издержки коллективного действия группы, является разновидностью *помощи*. (Мы называем репрессию или помощь политической в случае, если противоположной стороной является правительство.) Группа, настроенная на репрессию или помощь коллективному действию другой группы, имеет выбор: воздействовать на мобилизацию целевой группы или же прямо на ее коллективное действие. Например, правительство может повысить издержки мобилизации группы (и, таким образом, увеличить и издержки ее коллективного действия), расстраивая ее организацию, затрудняя коммуникацию или делая ее недоступной, замораживая необходимые ресурсы, такие как оружие или рабочая сила. Стандартные репрессивные меры (приостановка издания газет, призыв в армию забастовщиков, запрет собраний и арест лидеров) являются примерами антимобилизационных средств. Или же правительство может прямо воздействовать на издержки коллективного действия, увеличивая штрафы, превращая цели действий в недостижимые или вынуждая растрату мобилизованных ресурсов. Агентурная провокация, баррикады вокруг здания мэрии, учреждение военного трибунала для

повстанцев также являются знакомыми примерами стратегии прямых мер против коллективного действия. Помощь подобным же образом обладает двумя знакомыми ликами: промобилизационная активность, такая как придание группе публичности, легализация членства в ней или простое ее финансирование; деятельность, непосредственно снижающая издержки группы на коллективное действие, такая как передача информации или стратегического опыта, удержание врагов группы от действий, или простая отправка сил для помощи в действии.

Но несмотря на два лика репрессии/помощи, элементарная модель мобилизации не показывает прямой связи между репрессией/помощью и коллективным действием. Вместо этого она отображает влияние репрессии/помощи как воздействие на власть, которая, в свою очередь, влияет на коллективное действие. Это потому, что элементарная модель относится только к самому моменту действия. В этот момент предыдущие воздействия репрессий воплощаются во власть: в степень, в которой результаты множества возможных взаимодействий соперника с другими соперниками соответствуют его интересам в ущерб интересам других.

Правительственная репрессия является наиболее известным случаем. Например, объявление правительством США Коммунистической партии вне закона в период «холодной войны» гарантировало тюремное заключение ее лидерам, когда партия каким-либо заметным образом действовала совместно. Это высокая цена, которую нужно заплатить за возможность коллективного действия. Этот закон так же повышал издержки мобилизации, наказывая индивидов, которые осмеливались предоставлять время, деньги или моральную поддержку работе партии. С точки зрения правительства, повышение цены мобилизации представляется более надежной стратегией репрессии, по сравнению с повышением цены только коллективного действия. Антимобилизационная стратегия нейтрализует актора так же, как и действие, и делает менее вероятным, что данный актор будет способен действовать быстро, когда правительство вдруг станет уязвимым, появится новый партнер по коалиции или случится что-то еще, что внезапно сдвинет вероятные издержки и выгоды от коллективных действий. Повышение издержек коллективного действия изменяет структуру эффективного спроса со стороны мобилизованных групп, в то время как повышение стоимости мобилизации сокращает спрос повсеместно.

Правительственная репрессия невероятно важна, поскольку правительства специализируются на контроле мобилизации и коллективного действия: полиция для сдерживания толпы, войска для поддержки полиции, шпионы и информаторы для инфильтрации, выдача разрешений для удерживания потенциальных акторов в поле зрения и их приручения. Тем не менее группы вне правительства также подвергают друг друга репрессии, в смысле манипулирования издержками коллективных действий друг друга. Это очевидно на примере квазиправительств (больших корпораций): достаточно просто рассмотреть, насколько структура и политика фирмы влияют на юнионизацию и, следовательно, на забастовочную активность. Это менее очевидно в случае рутинного соревнования групп: добровольные пожарные команды, которые поджигали помещения друг друга и вели смертоносные перестрелки на улицах Филадельфии XIX в., в итоге изменили относительную способность каждой пожарной команды оказывать политическое влияние [Laurie, 1973]. Борьба между группами молодых чернокожих и ирландцев за территории в Бостоне оказывает значительное воздействие на будущие издержки сбора и совместного действия группы. Таким образом, репрессия суммирует эффекты действий всех иных групп, включая правительство, на издержки коллективного действия данной группы.

Если различные формы репрессии и помощи иногда концентрируются на мобилизации, а иногда на самом коллективном действии, они так же осуществляют отбор в двух других важных отношениях: целевые группы и разновидности коллективного действия, поощряемые или сдерживаемые. Селективность в отношении групп более очевидна. В последние годы агенты правительства США работают, чтобы помешать коллективному действию таких разнообразных групп, как Симбионистская армия освобождения<sup>1</sup>, Ветераны Вьетнама против войны и Демократическая партия. Агенты правительства также действовали, чтобы помочь коллективному действию «Блэкстоун рэйнджерс», Американской ассоциации медиков и AFL-CIO<sup>2</sup>. Обычная политика в большой степе-

---

<sup>1</sup> Симбионистская армия освобождения (Symbionese Liberation Army) — североамериканская леворадикальная партизанская организация, действовавшая в период с 1973 по 1975 г. — *Примеч. пер.*

<sup>2</sup> Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов (The American Federation of Labor and Congress of Industrial Organizations, AFL-CIO) — крупнейшее профсоюзное объединение в США. — *Примеч. пер.*

ни включает создание коалиций между различными соперниками за обладание властью и против них. Подразделения правительства играют важную роль с обеих сторон.

Селективность по типу коллективных действий проявляется в самих правилах игры и их изменении; в определенное время легально можно ходатайствовать, проводить собрания, голосовать как блок, приобретать покровителя в парламенте и собираться в качестве формально сложившейся общности, но не выходить на демонстрации, не бойкотировать, не устраивать забастовки, не формировать вооруженные отряды и не вторгаться в парламент. Репрессия и помощь кроются в правительственных действиях, направленных на изменение относительной стоимости различных форм коллективного действия. Законность важна, поскольку законы оговаривают издержки и выгоды, которые правительства готовы (или по крайней мере уполномочены) применить к той или иной форме действия.

Впечатленный этим фактом, я однажды подумал, что следовало бы ранжировать колебания в правительственной репрессивности, внимательно наблюдая поток его законодательства. Однако тщательно изучив то, как магистраты в Британии XVIII и XIX вв. исполняли свою работу по репрессии и помощи, я умерил свой энтузиазм. Законодатели XVIII в. умножили число преступлений, наказуемых смертной казнью. Наказания за правонарушения против собственности занимали ведущее место: грабеж потерпевших крушение кораблей, голодные бунты и многие формы насильственного вторжения и кражи стали караться виселицей. Более того, билли, которые расширили применение смертной казни, типично относились к законодательству особой важности: на самом деле преступления, наказуемые смертной казнью, часто представляли в качестве второстепенных моментов сложных законов, направленных на улучшение текущих интересов судовладельцев, купцов, крупных землевладельцев или других собственников [Нау, 1975].

Это выглядит вполне согласующимся с ростом «собственнического индивидуализма» в XVIII в. Но один факт неудобен: применение смертной казни стало более редким явлением в течение XVIII в. [Beattie, 1974]. Какой вывод необходимо из этого сделать? Возможно, устрашение подействовало так хорошо, что стало совершаться меньше караемых смертной казнью преступлений. Возможно, судьи сдерживали суровость закона, не вынося соответ-

ствующих приговоров. Возможно, как полагает Дуглас Хэй, сочетание широко распространенных угроз и уменьшения числа казней были результатом системы общего террора, селективных репрессий и обширного патронажа. В любом случае, суждение о репрессивности на основе одного лишь законодательства ошибочно.

Исследование основы Черного акта 1723 г. Томпсоном является примером такой ситуации. Черный акт установил смертную казнь не менее чем за 50 правонарушений, особенно за охоту с оружием и с измененной внешностью, браконьерство, поджог стогов и прочие преступления против сельской собственности. Томпсон показывает, что это было по своей сущности классовое законодательство; оно было разработано сэром Робертом Уолполом и его друзьями, для того чтобы закрепить исключительное пользование своими поместьями от посягательств мелких фермеров, живущих по соседству. При поверхностном прочтении, Черный акт возможно принять за иллюстрацию той манеры, в которой законодательство делает видимым рост и падение репрессии... и, таким образом, возможно, поддающимся количественной оценке.

Однако Томпсон указывает на следующее затруднение:

С одной стороны, верно то, что закон действительно опосредовал существующие классовые отношения в пользу правителей; это не только так, но по ходу XVIII в. закон стал превосходным инструментом, посредством которого эти правители смогли навязать новые толкования собственности к еще большему своему преимуществу, как это было с исчезновением неопределенных аграрных пользовательских прав и поддержкой огораживаний. С другой стороны, закон опосредовал эти классовые отношения посредством правовых форм, которые накладывали, снова и снова, ограничения на действия правителей [Thompson, 1975, p. 264].

Мы имеем дело не с одним элементом — законодательством самим по себе, — но с тремя: законодательством как таковым; интерпретацией и применением законодательства; ограничениями, накладываемыми на действие этого законодательства другим имеющимся правом.

Первый и третий элементы оба есть дело права, писаного судьями, законодателями и юристами. Можно надеяться понять их, изучая текущее законодательство и юриспруденцию. Но интерпретация и применение существующего законодательства является де-

лом тонким, различным и разрозненным. В Британии мировые судьи имели значительное судебское усмотрение. Они пользовались этим. Но в то же время они никогда не применяли свои юридические полномочия в максимально возможной степени; были группы, которых не касалась вся строгость закона; законы, которые не применялись; многочисленные случаи, в которых один человек назывался в качестве примера, в то время как другим правонарушителям предоставлялось через это обрести раскаяние и страх. В случае провинциальных голодных бунтов 1766 г.:

...Магистраты не только воздерживались от эффективных мер по подавлению возникших беспорядков, но даже побуждали других представителей землевладельческих и промышленных интересов потворствовать народу в регулировании рынков и сокращении цен на провизию силой... При помощи этих средств они отвлекали восставших от представителей землевладельческих и индустриальных интересов и перенаправляли их гнев на посредников и крупных фермеров. В отличие от прочих аграрных беспорядков XVIII в., восстания 1766 г. не включали непосредственных атак на крупных землевладельцев и промышленников. Таким образом, действия магистратов, хотя и не подстрекали к бунтам, но несомненно направляли их. Только позже, когда размах беспорядков напугал их, магистраты-джентри сомкнули ряды с аристократией и другими сельскими лидерами, для того чтобы подавить то, что их стало пугать как возможное начало социальной революции [Shelton, 1973, p. 95–96].

Однако когда им это было удобно, мировые судьи часто использовали собирательные законы, касающиеся публичного порядка. Они арестовывали людей за бродяжничество, незаконное проникновение, нарушение общественного порядка, незаконные собрания или за противодействие охранникам правопорядка при исполнении их обязанностей. Иногда они реинтерпретировали существующие законы, такие как закон о государственной измене, чтобы он стал охватывать имеющуюся разновидность коллективного действия.

Британские магистраты XVIII и XIX вв., вероятно, обладали необычной свободой действия по сравнению с их коллегами в других западных странах. Тем не менее прусский юнкер, который в качестве ландрата судил своего арендатора, и незнатный французский нотабль, судивший своих соседей как *juge de paix* (мировой судья), также выбирали свои орудия из большого юридического арсенала.

Применение судебного усмотрения в рамках системы не означает, что различие между легальными и нелегальными средствами коллективного действия несущественно. Это означает, что мы должны выводить это различие из юридической практики, вместо того чтобы наивно полагаться на своды законов. Статистика правонарушений тем самым обретает новую жизнь.

К статистике правонарушений в качестве всеобъемлющего (или даже репрезентативного) перечня фактических нарушений закона справедливо относятся с подозрением. Но она, несомненно, отражает действия судебных органов и, следовательно, обеспечивает данные о переменах в этих действиях. Джордж Руде отмечает заметное снижение применения смертной казни в отношении протестующих в Британии после 1800 г.:

После того как поджог, бунт и покушения на собственность практически перестали быть преступлениями, наказуемыми смертной казнью, наихудшее, с чем он [подсудимый] мог столкнуться — и это было достаточно страшно — были условия каторги. Таким образом, неудивительно что типичными преступлениями, за которые протестующих ссылали на каторгу в 1840-е годы — чартистов и «дочерей Ребекки», например, — были бывшие преступления, наказуемые смертной казнью, такие как уничтожение застав, где взимался дорожный сбор; снос домов, подстрекательство к мятежу, нанесение тяжких телесных повреждений, участие в учиняемых толпой беспорядках и покушение на убийство. И последняя партия сосланных на каторгу участников протестов, отправленная из Англии в Австралию, состояла из 21 поджигателя, доставленных на полудюжине кораблей в 1852 г. После этого высылка на каторгу в Тасманию прекратилась, как это случилось десятью годами ранее в Сиднее. И когда она на краткое время возобновилась в западной Австралии между 1860 и 1868 г., там не было ни одного английского, валлийского или шотландского протестовавшего среди 9 тыс. сосланных осужденных. С этих пор подобные протестующие оставлялись отбывать наказание в тюрьмах на родине; и, как было отмечено ранее, приговоры за такие правонарушения к 1860-м годам выносились все реже и реже [Rudé, 1973, p. 22–23].

Как замечает Руде, такое использование данных о правонарушениях меняет роль аналитика. Вместо того чтобы исходить из постоянства форм репрессии и читать записи о приговорах как историю криминальной деятельности, мы собираемся «принять в каче-

стве константы» криминальную деятельность и заставить данные о правонарушениях рассказать нам о репрессии. Это нелегко, но мы по крайней мере можем анализировать наказания, назначаемые за аналогичные правонарушения в разное время и разных местах, наблюдать убывание и возрастание применения различных типов репрессивных сил (например, возрастание роли профессиональной полиции в XIX и XX вв.), изучать меняющиеся жизненные циклы типичных жалоб.

Изучая тот же материал, что и Руде, Э.П. Томпсон отмечает частое использование в XVIII в. показательного наказания — особенно публичных повешений — вместо широкоохватного судебного преследования, в качестве сдерживающего средства для строптивых народных масс Англии XVIII в., и последующее уменьшение их (показательных наказаний) числа. На смену им приходит тенденция привлекать к ответственности всех правонарушителей, заключать их в тюрьму, вместо высылки или кратковременных мучений, убирать наказание прочь с глаз общественности, мечтать об исправлении индивидов. Томпсон, таким образом, оправданно скептичен в отношении возможности оценки как величины протеста, так и степени репрессии, следуя статистике арестов, заключений и казней. Однако само его возражение помогает уточнить, что должно было быть измерено. Мы явно должны провести различие между количеством и типом репрессивной деятельности, с одной стороны, и ее символическим значением — с другой.

Поскольку группы так сильно различаются по характерному для них применению того или иного вида коллективных действий, постольку выбор репрессии и помощи в зависимости от типов коллективного действия обычно влечет за собой также и выбор по типу актора. Без сомнения, ограничение права на свободу собрания менее избирательно, чем признание Коммунистической партии вне закона. Однако даже если законы о собраниях проводятся в жизнь беспристрастно, они с особой силой направлены против тех групп, которые могут контактировать, только собираясь в публичных местах. В XIX в. рабочие, которые обычно собирались вместе в пабах или на улицах, оказались куда более ущемлены законом о бунтах по сравнению с богатыми. Богатые могли удалиться в свои салоны и частные клубы.

Ситуация XIX в. особенно интересна, поскольку веком позже в большинстве европейских стран произошла кардинальная про-

фессионализация полиции. Отчасти, казалось бы, огромное расширение полицейских сил в XIX в. стало результатом бюрократизации осуществляемых на добровольной основе и на условиях неполной занятости полицейских функций. Во Франции регулярные национальные силы выросли с примерно 5 тыс. полицейских и 16 тыс. жандармов (итого 57 полицейских на 100 тыс. населения) в 1848 г. до примерно 16 тыс. полицейских и 21 тыс. жандармов (итого 97 полицейских на 100 тыс. населения) в 1897 г. Но значительная часть увеличения численности полиции произошла за счет объединения нерегулярных местных сил в национальную полицию [Tilly, Levett, Lodhi, Munger, 1975]. В США не возникло национальной полиции, но параллельные изменения в осуществлении полицейских функций все же происходили. Здесь мы наблюдаем сдвиг от «предпринимательских» к «бюрократическим» силам полиции [Levett, 1974]. На предпринимательской стадии три разновидности сил делили между собой соответствующие обязанности: 1) гражданские силы: они часто назывались полицейскими отрядами или помощниками шерифа, когда не были уполномочены правительством; 2) регулярная армия; 3) констебли и аналогичные должностные лица, зачастую работающие кратковременно или неполный рабочий день, регулярная заработная плата которых была невелика или вообще отсутствовала, имевшие большую часть своих доходов от полицейских сборов: штрафов, доли возвращенного имущества, вознаграждений за поимку крупных преступников и т.д. Эти силы были мало заинтересованы в ведении всестороннего патрулирования, работе с рутинными нарушениями общественного порядка или защите бедняков. Третья группа была «предпринимательской» в том смысле, что зарабатывала себе на жизнь, конкурируя за имеющиеся сборы. Однако численно возрастающий, все более сегрегированный и все более состоящий из лиц, рожденных за рубежом, рабочий класс, сосредоточивающийся в городах XIX в., делал американских должностных лиц все более заинтересованными в формировании регулярных полицейских сил, которые должны были патрулировать весь город, работать с преступлениями без жертв (такими как публичное пьянство) и сдерживать основные угрозы враждебного коллективного действия. Поэтому они организовали бюрократизированные, получающие заработную плату, одетые в униформу, занятые полный рабочий день силы.

Те же основные изменения произошли и в Англии. Роберт Сторч отмечает, что, по мере того как средний и рабочий классы дистанцировались друг от друга, лидеры среднего класса XIX в. ощущали острую необходимость в силах, которые сдерживали бы и приобщали к цивилизации рабочих:

Дезинтеграция общей сферы развлечений, конечно, проходила параллельно с физическим разделением классов — классически описанным Энгельсом — беспрецедентным в истории Запада. Викторианская буржуазия, задававшая моральный настрой таких городов, как Манчестер или Лидс, была не склонна оказывать покровительство петушиным боям, как это делали джентри из Престона в конце XVIII в., или осыпать монетами толпы в день Гая Фокса, что по-прежнему свободно делали тори из Вэйкфилда в середине века. Эти джентльмены были куда более склонны либо заниматься своими делами или бизнесом, либо покровительствовать обществам трезвости и разумного отдыха, или институтам механики. Также именно они поддерживали миссию исправления нравов, возложенную на полицию, и подкрепляли ее многочисленными местными актами об улучшении. Новые требования к общественному порядку в Англии XIX в. создали новый тип суррогата, взамен старых и, возможно, более личных форм власти и подчинения, которые ныне воспринимались как отмирающие. Полиция как «бюрократия официальной морали» была создана в попытке заполнить этот вакуум и стала служить рычагом морального реформирования таинственного ландшафта внутреннего ядра индустриальных городов [Storch, 1976, p. 496].

Более того, беднота английских городов сопротивлялась росту регулярных полицейских сил. Бедняки, вполне справедливо, видели в полиции специалистов по вторжению в их жизненное пространство, которые держали их под надзором и вмешивались в их организации и развлечения. Они атаковали полицию, закрывающую пабы во время церковных служб или пытающуюся разогнать толпу зевак на улице. Это сопротивление, очевидно, было обречено на провал: оно только давало охваченному страхом среднему классу более сильные стимулы для расширения и упорядочивания полицейских сил. Таким образом, меры, якобы направленные на защиту всех, увеличивали репрессии, направленные на городских рабочих.

## РЕПРЕССИВНЫЕ И ТОЛЕРАНТНЫЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Представим эти идеи более систематизировано. Репрессивность правительства никогда не бывает просто большей или меньшей. Она всегда избирательна и всегда состоит из некоторой комбинации репрессии, толерантности и помощи. Правительства селективны по отношению к разным видам групп и разным видам действий. Проводимые различия иногда действительно тонки: то же правительство, которое выказывает благоволение церковным службам, собирающим тысячу человек для молитвы о спасении, без колебания отдает приказ стрелять в толпу из тысячи рабочих, собравшихся чтобы молить о справедливости.

Правительства, осуществляющие репрессии, также оказывают и помощь. Повышая издержки одного рода коллективного действия для одних групп, они понижают издержки другого рода коллективного действия для других групп. Они осуществляют это двумя путями: а) просто уменьшая трудности определенных разновидностей мобилизации и(или) коллективного действия, и б) создавая позитивные стимулы для определенных разновидностей мобилизации и(или) коллективного действия. Таким образом, в предельном случае помощь превращается в принуждение: наказание неисполнения вместо простого вознаграждения за исполнение. Однако для наших целей мы можем рассматривать помощь и принуждение в качестве единого континуума.

Толерантность представляет собой пространство между репрессией и помощью. На некоторые сочетания групп и коллективных действий данное правительство не реагирует вовсе: жители городского микрорайона собираются вместе, чтобы написать письмо редактору о жилье для престарелых, и правительство не мешает, но и не помогает им; бастующие студенты не возвращаются на занятия, и полиция методично игнорирует их.

В той степени, в какой приемлемость действий и групп для данного правительства укладывается в единый ранжируемый порядок, у нас появляется простой способ представления и пределов допустимого поведения и общего уровня правительственной репрессивности. Рисунок 4.1 предлагает простое описание репрессии, толерантности и помощи. На этой идеализированной диаграмме всякая группа, менее приемлемая, чем *D*, подвергается репрессии, независимо от того, что она делает. Всякое действие, менее прием-

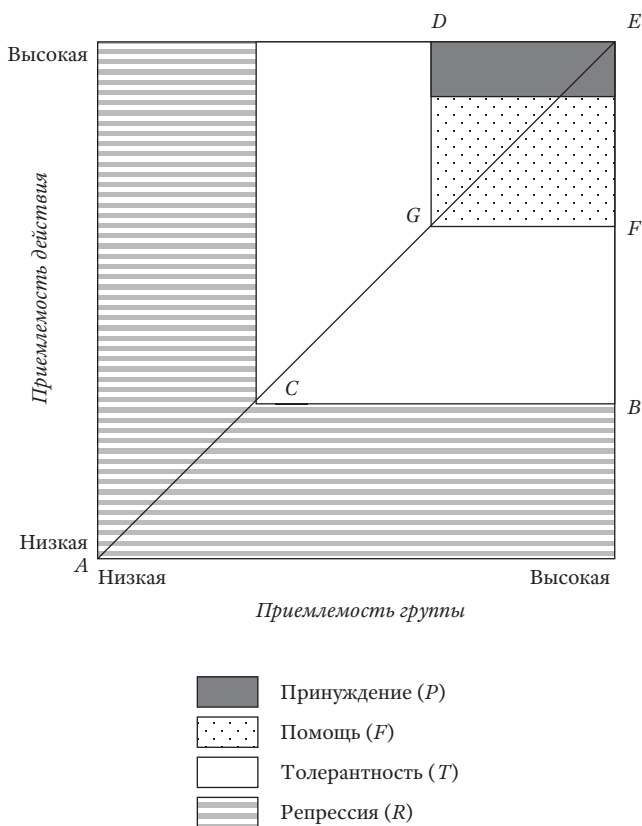


рис. 4.1. Репрессия, толерантность, помощь и принуждение

лемое чем  $B$ , подвергается репрессии, вне зависимости от того какая группа его осуществляет.  $AC$ , таким образом, отражает количество репрессий. Всякая группа, более приемлемая, чем  $E$  и всякое действие, более приемлемое чем  $F$ , получает правительственную поддержку.  $EG$  отражает общий уровень государственной помощи,  $CG$  — общий уровень государственной толерантности.

С этим инструментарием мы можем произвести два идеальных типа режимов, изображенных на рис. 4.2: эгалитарный и олигархический. В экстремальном случае эгалитаризма, приемлемость группы не влияет на вероятность того, что правительство будет осуществлять репрессию или помощь данному виду действия этой группы. В экстремальном случае олигархии, разновидность пред-

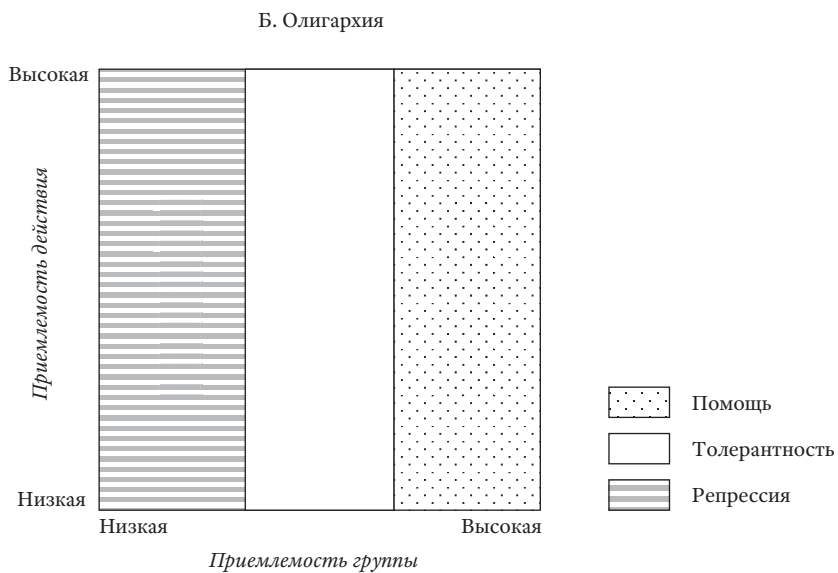
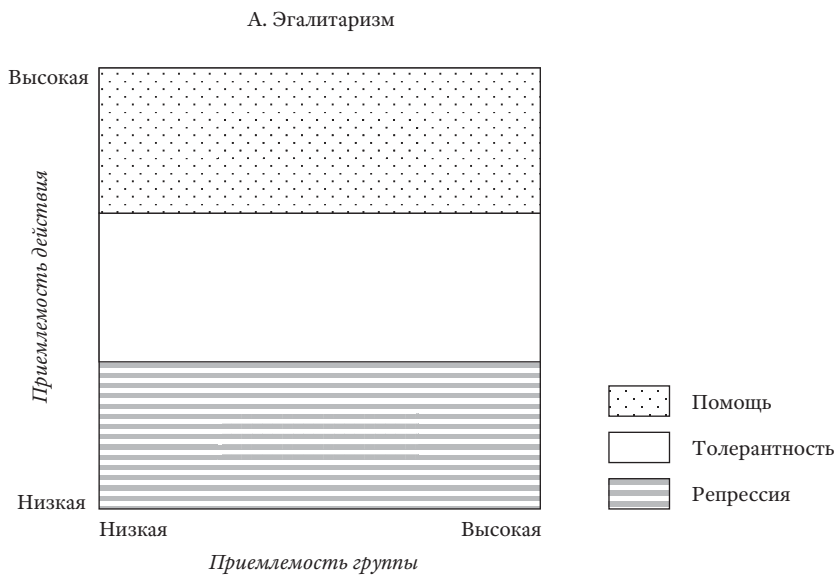


рис. 4.2. Репрессия при эгалитарном и олигархическом правительствах

принятого действия не влияет на вероятность того, что правительство будет подвергать репрессии действия группы с данным количеством власти.

В идеализированном мире, где данные можно получить свободно, они ясны и надежны, мы могли бы сравнить реальные режимы в этих отношениях и, таким образом, попытаться проверить рассуждения о таких вещах, как смягчающее влияние парламентских систем на репрессию по отношению к коллективному действию. Реальные данные так же дают нам основания судить о полезности модели политической системы, представленной ранее: чем более явным является разрыв между членами политической системы и претендентами, тем более резкой и почти вертикальной будет линия между репрессией и толерантностью. В той степени, в какой правительство действительно эгалитарно и переход от толерантности к репрессии постепенный, а не резкий, разграничение соперников на членов и претендентов обманчиво.

Прямолинейное изображение, которое мы до сих использовали, не вполне реалистично. Постараемся пренебречь представленной нереальностью, не имеющей ни серых зон, ни правительственных колебаний, ни тактических маневров. Даже с большой долей уверенности относительно того, когда правительство будет осуществлять репрессию, толерантность или помощь, а когда нет, показанное на рис. 4.3 больше похоже на то, что происходит в повседневной жизни. В обоих случаях, показанных на диаграммах, даже крайне неприемлемые группы имеют несколько безвредных способов действия, открытых для них. Даже высоко приемлемые группы имеют несколько действий, закрытых для них. Но, приемлемость действия варьирует вместе с приемлемостью группы.

На этих диаграммах правительства  $X$  и  $Y$  характеризуются одним и тем же уровнем помощи коллективному действию, но правительство  $Y$  значительно более репрессивно, чем  $X$ . Кроме того,  $Y$  менее толерантно, чем  $X$ . Мы можем представить различие в репрессивности между правительствами как различие между  $AC$  —  $A'C'$ . Этот же инструментарий позволяет отобразить изменение в репрессивности одного правительства в течение времени: вопрос в том, как низко и высоко  $C$  может передвигаться по диагонали.

Данная диаграмма также интересна своими побочными продуктами: она помогает специфицировать некоторые стандартные ин-

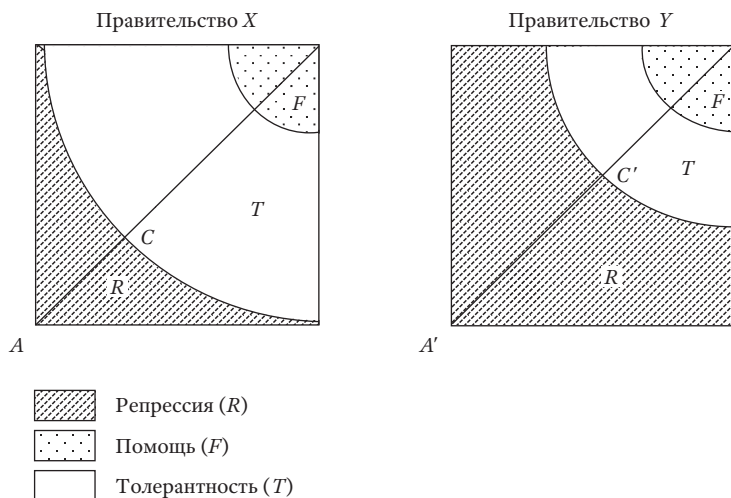


РИС. 4.3. Толерантность vs репрессии

туитивные ощущения по поводу структур репрессии в различного рода режимах. Рисунок 4.4 проводит различие между репрессивным, тоталитарным, толерантным и слабым режимами. В соответствии с этой характеристикой репрессивный режим подвергает репрессии многие группы и действия, в то время как помогает лишь немногим из них. Тоталитарный режим может подвергать репрессии меньше, но он помогает широкому диапазону действий, вплоть до превращения последних в обязательные для исполнения. Вследствие чего полоса просто терпимых действий сужается. Толерантный режим расширяет эту среднюю полосу: диаграмма B вводит предположение о том, что для этого необходимо запретить некоторые действия наиболее могущественных групп. Наконец, слабый режим также обладает широкой полосой терпимого поведения, но он способствует куда меньшему числу действий и склонен подвергать репрессии только более слабые группы, практически ничего не предпринимая по отношению к действиям сильных.

До сих пор мы просто изучали двумерное определение репрессивности. Мы можем продвинуться еще немного в мир проверяемых утверждений, задавшись вопросом о том, какие черты действий делают приемлемыми действия и какие черты групп делают приемлемыми группы. Это эмпирические и очень трудные вопро-

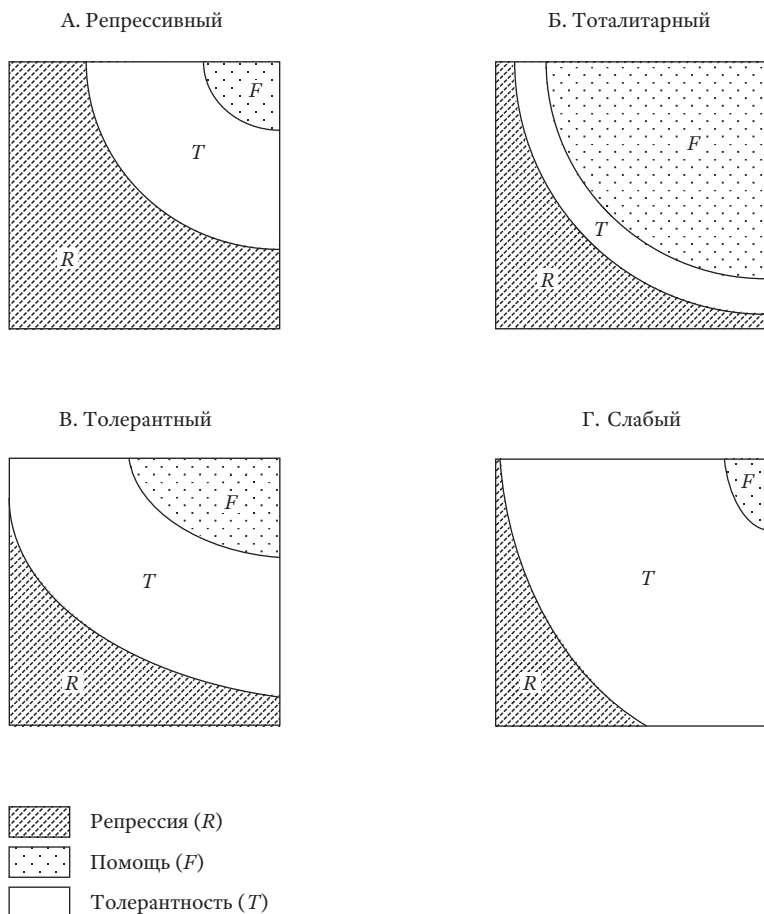


рис. 4.4. Структура репрессии в режимах различного типа

сы. Обстоятельные ответы на них различаются в зависимости от того, о каком роде людей и о каком роде правительства идет речь. Однако что бы еще ни влияло на приемлемость действия, на него, несомненно, влияет сам его масштаб. В целом чем шире масштаб коллективного действия, тем больше вероятность того, что оно будет подвергнуто репрессии со стороны правительства. Под «масштабом» можно подразумевать количество участников, продолжительность, географический охват, степень организации, степень мобилизации или какое-то средневзвешенное их сочетание.

Что касается приемлемости группы, самым многообещающим фактором является ее текущая власть. Тому есть две причины: (а) поскольку часто действует принцип «права сильного», а также (б) поскольку текущая власть есть сумма многих других видов приемлемости. В среднем чем более могущественной является группа, тем меньше репрессий она получает. И хотя на первый взгляд такая зависимость выглядит очевидной, она не является ни самоочевидной, ни истинной по определению. Действительно, правительство на грани революционной ситуации часто концентрирует все свои репрессивные силы на самых мощных врагах, оставляя в покое слабых. Тем не менее в целом между властью и репрессией, вероятно, действительно имеет место обратная связь.

Такое влияние власти на репрессию и помощь переворачивает основное отношение, предполагаемое нашей элементарной моделью мобилизации. Там текущая подверженность соперника репрессии/помощи влияет на его власть, но не наоборот. Разница опять же объясняется сдвигом перспективы. Элементарная модель имеет дело с моментом коллективного действия и направлена на действие соперника. Однако данная дополнительная модель репрессии/помощи имеет дело с правительственным решением подвергать ли репрессии — либо в ответ на какое-то отдельное коллективное действие, либо в качестве модели его (правительства) ответов в долгосрочной перспективе.

Наши прежние диаграммы теперь преобразуются в рис. 4.5. На этой идеализированной схеме группа, которая слабее чем *A*, будет подвергаться репрессии вне зависимости от того, насколько мал масштаб ее действия. Даже сильнейшая группа будет подвержена репрессии, если предпримет действие, большее чем *E*. Любая группа, которая сильнее чем *B*, получит активную поддержку за ее действия меньшего масштаба, и сильнейшие группы будут получать помощь от правительства за весь диапазон действий от *C* до *D*. Странность некоторых из этих следствий с очевидностью показывает, что действительная схема должна содержать больше бугров и ухабов. Например, в любой конкретной политической системе, без сомнения, существует порог, ниже которого группы слишком слабы, чтобы с ними возиться; поскольку они не представляют никакой угрозы, то их маломасштабные коллективные действия просто игнорируются. Как сделать эту схему более реалистичной — значимая теоретическая и эмпирическая проблема.

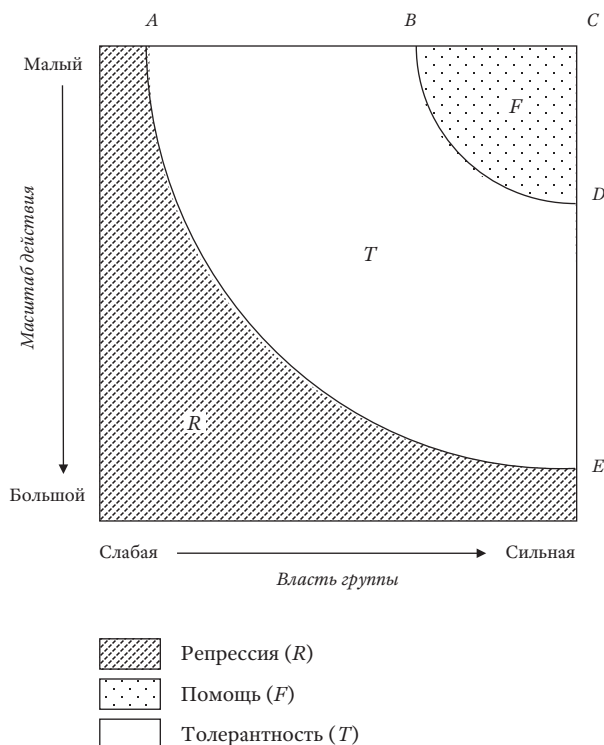


рис. 4.5. Репрессия как функция от масштаба и власти

Последний в этой серии рисунок (рис. 4.6) предлагает некоторые соображения об обычном распределении репрессии и помощи среди населения с относительно сильным правительством. Я полагаю, что они применимы к большинству западных государств в течение последних двух или трех столетий. Теперь кривая репрессии фиксирует идею о том, что группы с малым властным потенциалом представляют собой большую угрозу для правительства и его основных сторонников, нежели безвластные группы. Гипотетическое правительство подвергает репрессии все, кроме наимельчайших коллективных действий едва имеющих власть групп, давая при этом больше свободы подлинно бессильным. Этот рисунок так же содержит идею о том, что, когда власть конкретной группы растет — настолько, например, что становится идентичной с правительством, — диапазон запрещаемых ей коллективных дей-

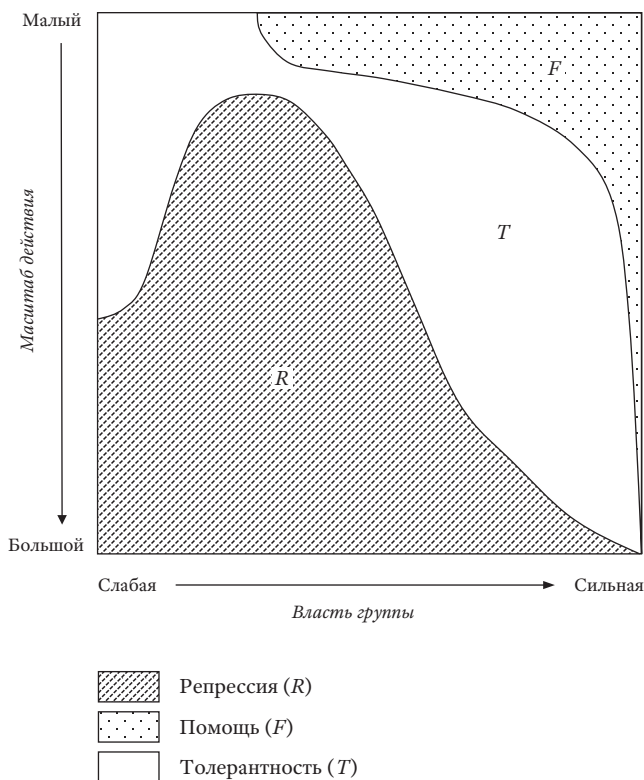


РИС. 4.6. Гипотетическое распределение правительственной репрессии как функции от масштаба коллективного действия и власти актора

ствий в итоге сокращается до нуля. Кривая помощи говорит нам о том, что даже относительно бессильные группы получают стимулы для выполнения некоторых высоко приемлемых коллективных действий. Результатом этого обстоятельства является сужение диапазона коллективных действий со стороны едва имеющих власть, которые просто допустимы: либо они не могут делать этого, либо просто обязаны. В результате относительно бессильные группы находят политическую среду более тоталитарной, по сравнению с сильными или совершенно бессильными.

С другой стороны ранжирования власти, наиболее сильные получают правительственную поддержку почти во всех коллективных действиях, какие бы они ни предпринимали. В экстремальном

случае, когда правительство и наиболее сильная группа неразрывно сливаются, государственную поддержку получает всё, что бы эта группа ни делала. Эта базовая модель возможна с большей или меньшей областью толерантности, большими или меньшими областями репрессии и помощи.

Если эти аргументы верны, репрессия и помощь работают. К примеру, не должно быть так, что люди, долгое время находящиеся под репрессивным режимом, постепенно накопят столько негодования, что оно взорвется против режима. В то же время должно быть верно и то, что заметные изменения правительственной репрессивной политики — крутые меры против нарушителей определенного закона или послабления им — вскоре станут поощрением или препятствием для коллективного действия многих групп, наряду с теми, кого это непосредственно затронуло. Новость об изменении должна быстро повлиять на их оценки издержек отдельных видов коллективного действия и, возможно, издержек коллективного действия в целом. Для большей точности сдвиги в структуре репрессии и помощи должны иметь два взаимосвязанных эффекта: уменьшение или увеличение общего уровня коллективного действия, изменение относительной привлекательности различных форм коллективного действия.

Исторические свидетельства в пользу влияния репрессии на общий уровень коллективного действия, по моему мнению, очевидно сильны. Для предельного варианта, Европа нашего времени дает примеры Испании при Primo de Rivera, Португалии при Салазаре, Германии при Гитлере, Советского Союза при Сталине и его преемниках, Италии при Муссолини, Франции при Виши и нацистах — во всех этих случаях наблюдается необыкновенное снижение коллективного действия в этих странах, за исключением коллективного действия, инициированного непосредственно государством. В целом, когда европейское государство временно направляло всю мощь репрессивных сил на своих внутренних врагов (как в случае атаки итальянского государства на народное движение «*Siciliani Fasci*» в 1893–1994 гг.), враги затихали.

Перемены относительной привлекательности различных форм коллективного действия благодаря репрессии и помощи легко иллюстрировать и трудно выразить в качестве общего правила. «Направляемость» коллективного действия со стороны правительств в

XIX в. проявляется в предпочтении обществ взаимопомощи профсоюзам. Западные правительства в целом запрещали объединяться рабочим, которые пытались контролировать производство. Они перенаправляли рабочих в предположительно безопасные организации, ориентированные на потребление. Данная тактика работала в краткосрочной перспективе; до тех пор, пока профсоюзы не стали легальными, они привлекали лишь небольшое количество участников. Поначалу, товарищества и «братские кассы» (*sociétés de secours mutuel*, кассы взаимопомощи) занимались проблемами благосостояния вне работы. В долгосрочной перспективе, однако, они стали ядром действий по борьбе с работодателями и против государства. Альтернатива с меньшими издержками в итоге стала заметно эффективной. То, что репрессия меняет дело, не означает, что она всегда достигает тех целей, которые имели в виду репрессирующие.

## ВЛАСТЬ

Предварительная гипотеза, вытекающая из вышеприведенных заключений, звучит следующим образом: степень, в которой данное коллективное действие данной группы подвержено репрессии, толерантности или помощи, по большей части является функцией от двух факторов: 1) масштаба действия, 2) власти группы. Чем больше масштаб действия, тем больше вероятность того, что оно будет подвергнуто репрессии. Чем больше власти у группы, тем менее вероятна репрессия в отношении ее. Последние диаграммы уточняют эту сырую гипотезу, специфицируя взаимодействие между масштабом действия и властью группы. Но ядро гипотезы остается неизменным.

Масштаб действия — вполне ясная идея. Власть — не совсем. В ущерб ясности, это слово имеет много оттенков и подтекстов. Я полагаю, что поиск одного сущностного значения или одного всестороннего определения власти является довольно сумасбродной затеей. Значение, в котором я его здесь употребляю, является простым и основанным на здравом смысле.

Предположим, у нас есть две или более взаимодействующие стороны. Предположим, каждая сторона заинтересована в некотором результате взаимодействия. Предположим, что хотя бы один такой интерес одной стороны взаимодействия конфликтует с интересом

другой стороны взаимодействия. Власть этой стороны представляет собой степень, в какой ее интересы превалируют над другими, с которыми находятся в конфликте.

Прочие акторы могут ранжироваться от одного индивида до суммы всех прочих индивидов и групп. Власть данной стороны, таким образом, всегда связана с конкретными 1) другой стороной или группой сторон; 2) интересом или множеством интересов; 3) взаимодействием или множеством взаимодействий. Фермер, который попирает интересы других членов его домохозяйства, иногда не добивается успехов в совете села; он имеет обширную власть дома, но не за его пределами. Отрасль промышленности, которая получает широкую государственную защиту от юнионизации, иногда совершенно не в состоянии добиться защитных тарифов; ее власть велика по отношению к труду, но мала по отношению к внешней торговле. Группа революционеров, которая была неэффективной в прошлом году, иногда реорганизуется и начинает осуществлять революцию в текущем году; в прошлогоднем взаимодействии они были лишены власти, в то время как в нынешнем — обладают властью. Когда мы спорим о том, могущественна ли данная группа, мы время от времени не соглашаемся относительно фактов. Но обычно мы дискутируем по поводу того, какие стороны, интересы и взаимодействия следует принимать во внимание и как их взвешивать.

Время от времени в этих дискуссиях используется понятие потенциальная власть. Потенциальная власть описывает степень, в какой интересы стороны будут превалировать в случае, если она использует весь потенциал имеющихся в ее распоряжении средств: например, если все женщины используют все свои богатства, орудия, знания и т.д., которыми они обладают в данный момент, чтобы отстоять свои права на труд. Проблема в употреблении понятия потенциальная власть состоит в том, что по определению оно отсылает нас к ситуациям, которые мы не можем наблюдать, а также в том, что оно заставляет нас выбирать между принятием того, что оставшиеся стороны взаимодействия продолжают вести себя также как прежде (например, что мужчины не отреагируют объединением всех богатств, орудий, знаний и т.д., которыми они располагают), и теоретизированием о всей последовательности взаимодействий, которая, вероятно, последует: военным играм. Тем не менее мы не можем просто игнорировать потенциальную власть как

неудобную для применения идею, ибо имплицитная угроза, что сторона использует средства, которые есть у нее в резерве, зачастую (возможно и всегда) умножает эффект уже использованных средств.

Родственным различием является различие власти-как-результативности и власти-как-эффективности. (Полная параллель этому различию, возникает при рассмотрении продукции организаций; см., например: [Yuchtmann, Seashore, 1967].) Группа, которая осуществила то, что намеревалась, является результативной, несмотря на издержки, которые она понесла. В той степени, в какой интересы группы, таким образом, превалируют над прочими противостоящими им интересами, группа осуществляет результативную власть. Группа же, которая получает большую прибыль относительно имеющихся в ее распоряжении средств, является *эффективной* вне зависимости от специфического характера этой прибыли. В той степени, в какой прибыль соответствует интересам группы и противостоит интересам других групп, группа осуществляет эффективную власть.

Как результативность, так и эффективность соотносятся с тем, что определяется как интересы группы. Но результативная группа вполне может быть довольно неэффективной; благодаря своей готовности пожертвовать почти чем угодно ради достижения своих целей, наши «фанатики» зачастую попадают в эту категорию. Подобным же образом, эффективная группа может быть относительно нерезультативной: наши «скряги» частенько оказываются здесь. Очевидно нерезультативная группа имеет тенденцию демобилизоваться посредством процессов, которые изучал Альберт Хиршман: последовательность от некоторой комбинации «лояльность + голоса до выхода» [Hirshman, 1970]. Достаточно неэффективная группа тратит свои мобилизованные ресурсы и затем имеет тенденцию или к (а) превращению в нерезультативную вследствие этого, или к (б) потере своей поддержки в пользу других групп, преследующих те же интересы более эффективно. Для того чтобы остаться в живых и процветать, реальной группе необходимо держаться выше определенного минимума власти-результативности и определенного минимума власти-эффективности. Анализ, который последует, предоставит средства для работы с обоими аспектами власти.

## СТОРОНЫ

Вернемся обратно к исходным точкам: сторонам, интересам и взаимодействиям. Многие исследователи власти хотели бы провести различие между «государствами» (правительствами) или «властями», с одной стороны, и всеми остальными сторонами вне государственного правительства — с другой. Например, Уильям Гэмсон использует понятие *власть* для обозначения воздействия властей на другие стороны, и *влияние* для обозначения воздействия прочих сторон на власть [Gamson, 1968]. По моему мнению, различия между стороной, властью и государством (государственным правительством) полностью относительно: власти — это просто сторона, которая контролирует некоторые концентрированные средства принуждения; государство — это просто сторона, которая контролирует наиважнейшие концентрированные средства принуждения внутри некоторого определенного населения.

Политическая власть, таким образом, является властью над государствами. Наша оценка политической власти какой-то группы будет зависеть от того, какие прочие стороны мы учитываем. В качестве одной крайности мы можем рассматривать группу и государство изолированно от других. Тогда политическая власть группы является степенью, в какой ее интересы превалируют над соответствующими интересами государства, когда эти два набора интересов конфликтуют. Этот результат смутно тревожный, именно потому, что обычно мы знаем о некоторых других соперничающих за государственную предрасположенность, а также представляем себе ситуацию полного совпадения интересов между данной стороной и государством: разумеется, мы не хотим сказать, что такая сторона не имеет политической власти вовсе!

Экстремальный ответ на эту проблему — включение всех прочих соперников. Ответ является экстремальным, поскольку подразумевает (а) перечисление всех этих прочих соперников и (б) составление огромного балансового отчета об их интересах *vs* интересах той группы, власть которой мы пытаемся проанализировать. Промежуточный ответ заключается в том, чтобы ограничить набор соперников, принимаемых в расчет: один конкурент, ограниченный набор могущественных конкурентов, все те, кто заявил о себе по отношению к той или иной проблеме и(или) той или иной сфере государственной деятельности и т.д.

Понятие «политической системы» (polity) делает шаг в этом направлении путем выделения всех соперников, которые имеют повседневный доступ к правительству. Чтобы такое конкретное понимание политической системы было полезным, должен быть разрыв в распределении власти. Этот разрыв должен отделять относительно большую власть всех соперников («членов политической системы»), которые имеют повседневный доступ к правительству, от всех прочих соперников («претендентов»), которые не имеют этого повседневного доступа. Он так же подразумевает разрыв в жизненном цикле группы от претендента к членству или от членства к претенденту. В той степени, в какой эти процессы непрерывны и постепенны, понятие политической системы теряет свою ценность.

## ИНТЕРЕСЫ

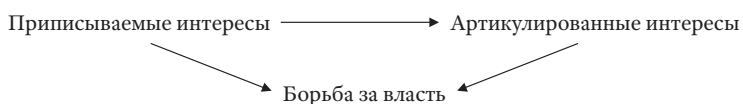
Мы сталкиваемся с трилеммой, изложенной Стивеном Льюксом. Он проводит различие между «плюралистской», «реформистской» и «радикальной» концепциями власти [Lukes, 1974; Льюкс, 2010]. Суть различия в средствах, используемых для идентификации релевантных интересов каждого актора. Плюралистское видение, в терминологии Льюкса, принимает во внимание только те интересы, которые группы артикулируют и отстаивают на политической арене. Реформистская концепция власти добавляет прочие интересы, которые группа артикулирует, но не имеет возможности действовать в соответствии с ними. В реформистском понимании действительно могущественная группа не только добивается того, чтобы ее интересы превалировали в случае открытого конфликта на политической арене, но также справляется с тем, чтобы удерживать вызовы ее интересам со стороны других групп вне общественной повестки дня. И плюралистское, и реформистское понимания ограничивают список релевантных интересов теми, которые артикулируют сами группы.

Радикальное видение, согласно Льюксу, учитывает реальные интересы групп вне зависимости от того, артикулирует ли их группа. Мы рассматривали этот выбор в предыдущей главе: 1) выводить интересы из собственных действий и высказываний группы — высказываний и действий на публичной арене для плюралистов, высказываний и действий на любой другой арене для реформистов;

2) выводить интересы из общей схемы, которая соотносит интерес с социальной позицией. В марксистской традиции важна та социальная позиция, которая представляет собой отношение группы к средствам производства.

Легко принять реформистскую концепцию власти как замену плюралистской концепции. Реформистский подход просто добавляет новые интересы к тем, которые плюралистами уже считаются релевантными. Выбор между радикальным подходом и двумя другими более драматичен. Он ведет к заключению о том, что некоторые явные интересы, которые группы артикулируют и преследуют, на самом деле не являются интересами. Это химеры, продукты ложного сознания, тривиальности. Радикальный подход также ведет к выявлению интересов, которые сами акторы не признают — и иногда не признали бы — в качестве собственных. Он подменяет собственное восприятие мира акторами своим.

Подстановка своей собственной оценки релевантных интересов взамен той, что имеют на сцене акторы, требует уверенности, иногда даже снисходительности и высокомерия. Те интересы, которые группы артикулируют и преследуют, вне зависимости от того, оценивают ли их внешние наблюдатели в качестве «реальных» или нет, значительно воздействуют на реальную борьбу за власть. Следовательно, благоразумным и скромным было бы отдать им приоритет. Тем не менее ничего не останавливает нас от постановки следующей эмпирической проблемы.



То есть мы можем спросить, насколько точно интересы, которые мы приписываем группе на общих основаниях, предсказывают (а) те интересы, которые группа артикулирует и преследует, и(или) (б) борьбу за власть, в которой участвует группа. Марксистское понимание говорит о том, что оба будут обладать предсказательной силой. В долгосрочной перспективе отношение группы к основным средствам производства определяет интересы, которые группа артикулирует и преследует. Отношение группы к средствам производства также напрямую влияет на ее борьбу за власть,

определяя ее вероятных врагов и союзников и формируя ее внутреннюю организацию. Марксисты внутренне разделяются относительно решения о том, насколько важное значение приписывается этому прямому воздействию классовой позиции на борьбу за власть и насколько сильно настаивается на классовом сознании в качестве предварительного условия для устойчивого или эффективного действия. Если нам удастся найти обоснованный способ измерения классового сознания, то этот вопрос также может стать эмпирическим.

### ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Придя к консенсусу по поводу определенного набора сторон и определенного набора интересов, нам все еще необходимо достичь согласия по поводу определенного набора взаимодействий. Наиболее очевидным ограничением является время: власть сегодня, власть в этом году, власть на протяжении последнего десятилетия, власть в течении определенного времени в будущем? Значимы различные наборы взаимодействий. Если мы хотим выделить *эффекты* власти, мы практически всегда будем пытаться провести различие между властью сегодня и властью завтра, предполагая, что сегодняшнее осуществление власти будет прямо или косвенно влиять на распределение власти в будущем. К тому же, помимо фиксации взаимодействий во времени, нам необходимо решить: учитывать ли все взаимодействия или только некоторое ключевое подмножество — всякое взаимодействие, прямое или опосредованное, между корпорацией Standart Oil и правительством США, или только формальные запросы относительно корректировки ставок?

Иногда мы уклоняемся от этих сложностей, обращая внимание просто на прибыли, которые определенная группа получает от других сторон в течение некоторого периода взаимодействия, не пытаясь определить вклад каждого конкретного взаимодействия. Строго говоря, это значительное упрощение. Мы также склонны полагать, что власть, которая проявляется в наблюдаемом ряду взаимодействий, значительно коррелирует с властью, которая будет проявляться во взаимодействиях, недоступных нашему наблюдению: если Дж.П. Морган мог так много сделать в общественной сфере, то как много он мог сделать в частной! Эта корреляция тем не менее реально существует, является предметом возможной дис-

куссии и допущением, которое мы не можем продолжать делать бесконечно.

## ИЗМЕРЕНИЕ ВЛАСТИ

Предположим, что (удивительным образом) мы пришли к согласию по поводу специфического набора сторон, интересов и взаимодействий. Теперь мы можем использовать упрощенную модель коллективного действия как погони за коллективными благами, чтобы описать властную позицию отдельной группы. Рисунок 4.7 совершенствует представленную ранее модель коллективного действия в двух отношениях. Результат коллективного действия теперь включает возможность коллективных зол: отрицательной доходности от коллективного действия. Позиция  $-1$  может обозначать полное исчезновение группы. Диаграмма также отражает интересы такого рода соперников, которых мы ранее называли оппортунистами: интересы группы, которая принимает коллективные блага любого рода до тех пор, пока они представляют значительное приобретение в сравнении с израсходованными на их получение ресурсами. С добавлением возможности коллективных зол, диаграмма также показывает, что интересы соперника простираются вплоть до защиты от этих негативных исходов. Даже в случае всеядных оппортунистов, коллективными благами, которые мы теперь принимаем во внимание, являются те, что стали результатом специфического набора взаимодействий с участием определенного набора сторон, по отношению к которым мы собираемся измерить власть соперника.

Для простоты сузим внимание до взаимодействия двух сторон. Такое сужение не настолько драматично, насколько это может показаться, поскольку одна из «сторон» взаимодействия может представлять собой сумму всех других сторон. Мы можем легко представить действия третьих сторон как влияние на рассматриваемые результаты. Далее, как и прежде, диаграмма отражает несколько ключевых фактов: коллективное действие требует затраты ресурсов; приобретенные коллективные блага чего-то стоят; в той степени, в какой затраченные ресурсы и достигнутые коллективные блага имеют сопоставимые ценности, результатом взаимодействия будет прибыль, потери или ничья. Над диагональю сторона  $A$  получает обратно больше, чем расходует; таким образом, она приобретает. Под диагональю сторона  $A$  получает обратно меньше, чем

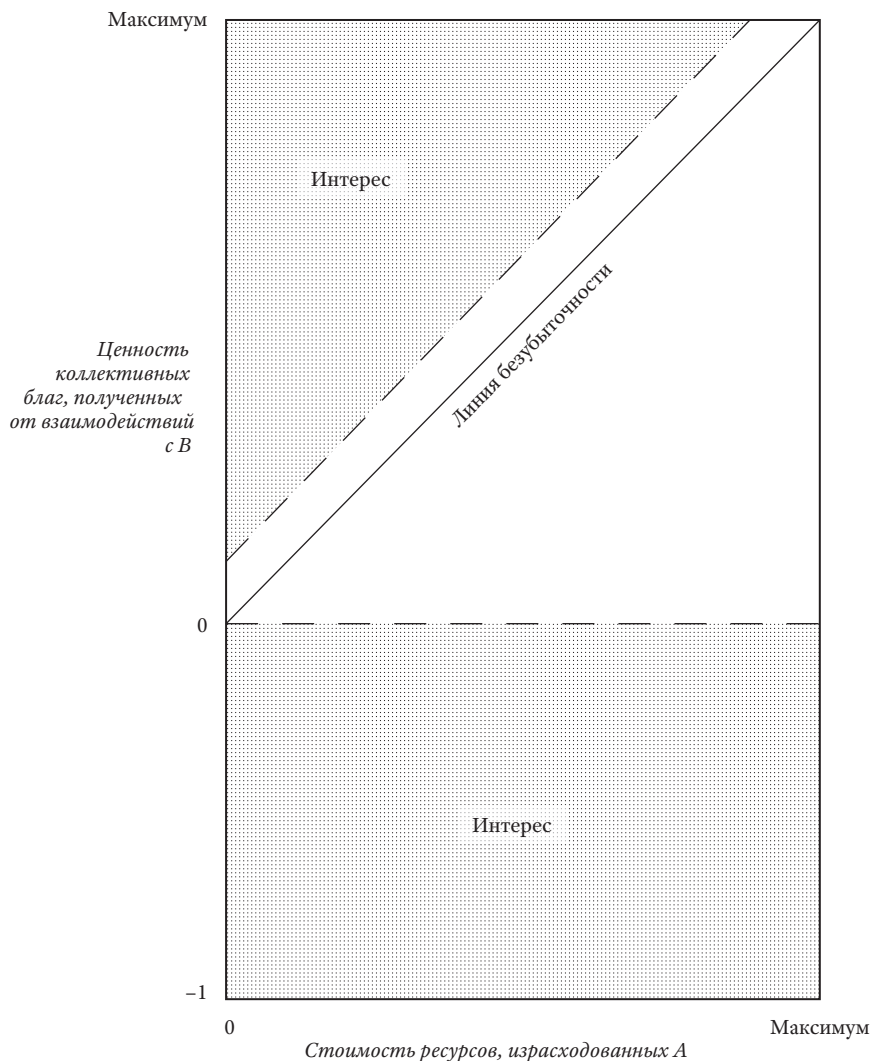


РИС. 4.7. Интересы и отдача от коллективного действия для соперника-оппортуниста

расходует; таким образом, она терпит потери. Диагональ является линией безубыточности.

В любом реальном взаимодействии есть ряд вещей, ограничивающих ответ B на действия A: подконтрольные B ресурсы, собственное желание и способность B сопротивляться или сотрудни-

чать, заинтересованность третьих сторон в ресурсах, подконтрольных  $B$  и т.д. В силу ряда причин разумным будет предположить следующее:

1. Соперник, который не действует вовсе, получит коллективное зло.
2. Соперник, который предпринимает действия очень маленького масштаба, получит даже больше коллективных зол, так как другая сторона негативно реагирует на его усилия.
3. Выше этой точки соперник будет получать возрастающую отдачу за увеличение предпринятого коллективного действия, но только до определенного предела.
4. Предельная норма прибыли от коллективного действия в итоге становится негативной.

Кривая на рис. 4.8 описывает эти гипотетические эффекты. Уровень доходности со временем падает, поскольку ресурсы  $B$  не являются неисчислимыми, поскольку  $B$  будет защищаться от угроз его существованию, и поскольку третьи стороны будут вмешиваться в случае, если прибыли  $A$  будут явно угрожать их собственной заинтересованности в ресурсах, подконтрольных  $B$ . При условиях, показанных на рис. 4.8, свободно действующая, хладнокрово-рассчетливая сторона  $A$  — оппортунист — будет максимизировать, тратя  $Z$  ресурсов, достигая  $Y$  на кривой отдачи и получать  $X$  в виде коллективных благ, достигая  $X-Z$ . Кривая отдачи дает простое описание власти  $A$  над  $B$ .

Если вернуть диагональ на место, то становится очевидно, что некоторые группы могут постоянно находиться в проигрышной позиции, поскольку их кривая отдачи полностью находится под линией безубыточности. На рис. 4.9 изображена такая возможность. Там сторона  $A_2$  может мало на что рассчитывать, поскольку ее кривая пролегает слишком низко. У стороны  $A_1$  дела лучше, так как часть ее кривой лежит над линией безубыточности. Применительно к этому набору сторон, интересов и взаимодействий сторона  $A_1$  обладает большей властью, чем сторона  $A_2$ . Оппортунистская сторона  $A_1$  будет ограничивать свои действия диапазоном отдачи выше диагонали: от  $Z_1$  до  $Z_2$ . Оппортунистская сторона  $A_2$  будет действовать только для того, чтобы избежать коллективных зол и работать над улучшением графика своей доходности.

Однако мы позабыли о том, что ни  $A_1$ , ни  $A_2$  не обладают неограниченными ресурсами для расходования. Количество ресурсов,

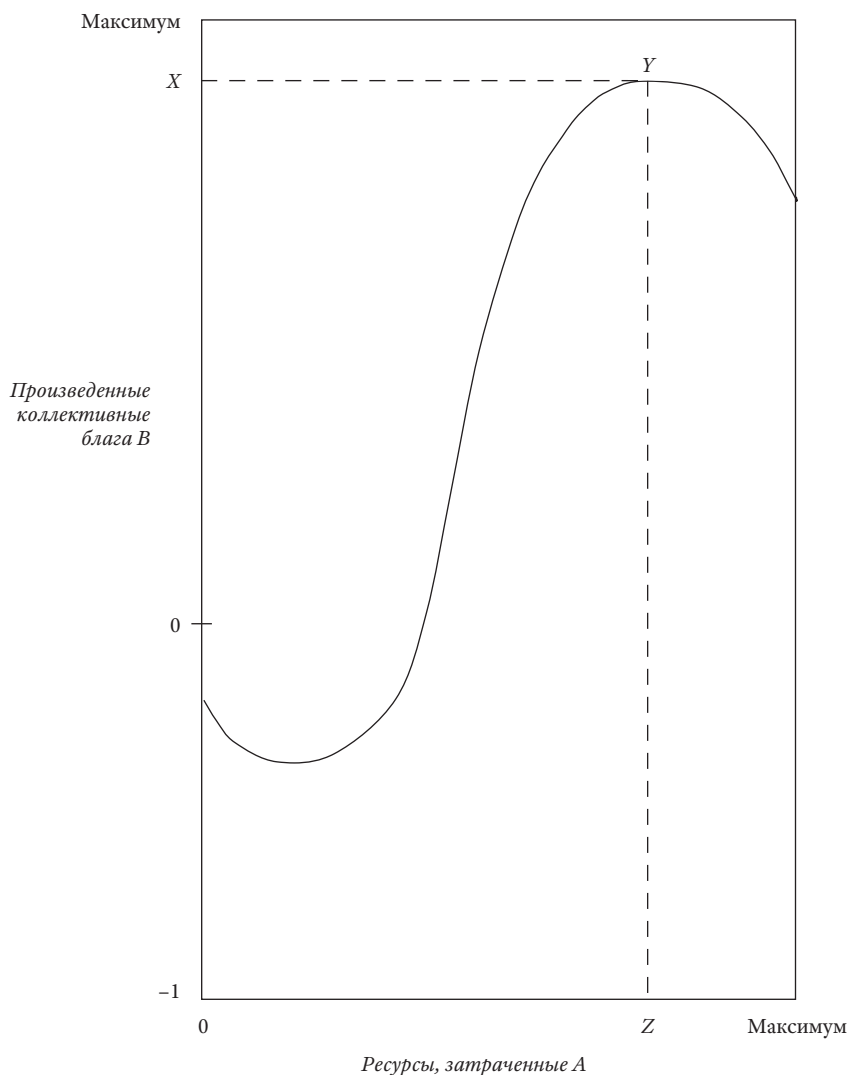


рис. 4.8. Гипотетический график отдачи от коллективного действия

находящихся в данный момент под контролем стороны  $A$  (т.е. мобилизованных ресурсов) ограничивает то, насколько далеко может продвинуться  $A$  по  $S$ -кривой отдачи. На рис. 4.10 определяется этот предел. С  $M_1$  мобилизованных ресурсов сторона  $A$  может только терпеть потери, несмотря на ее теоретически выигрышную позицию. Если  $A$  может организовать мобилизацию большего ко-

личества ресурсов, а затем действовать, то это выглядит как хорошая стратегия. В случае  $M_2$  будет иметь смысл потратить почти все имеющееся в распоряжении. В случае  $M_3$  все еще будет разумно потратить примерно  $M_2$  и сохранить оставшееся в резерве на другой случай.

Эта последняя диаграмма позволяет сделать два усовершенствования анализа власти. Первое состоит в пересечении  $S$ -кривой

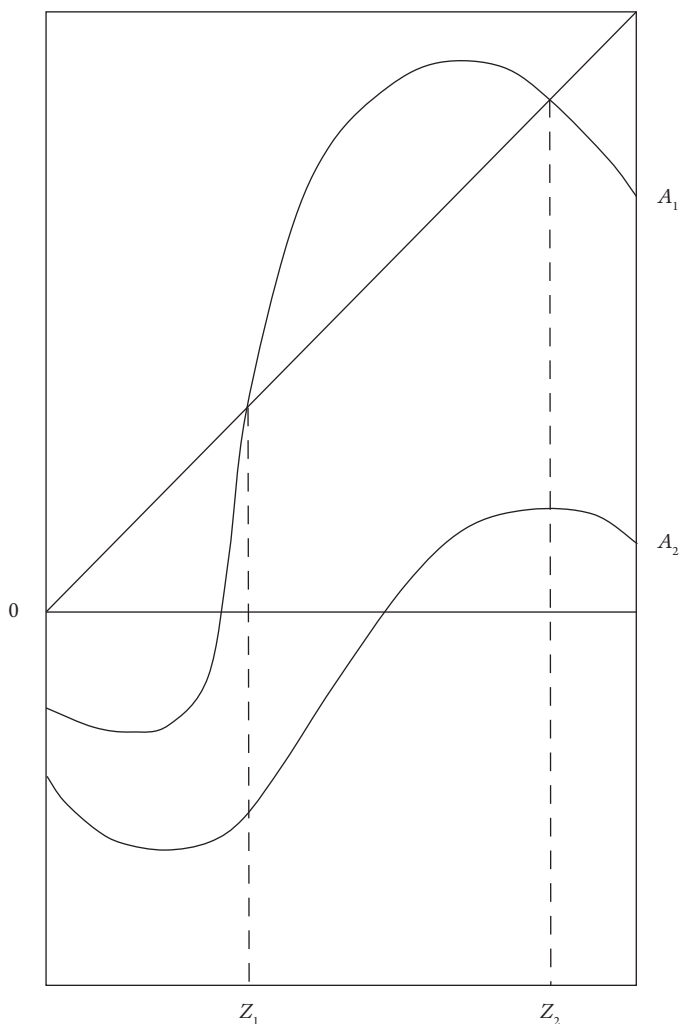


РИС. 4.9. Прибыльная vs убыточная кривые отдачи

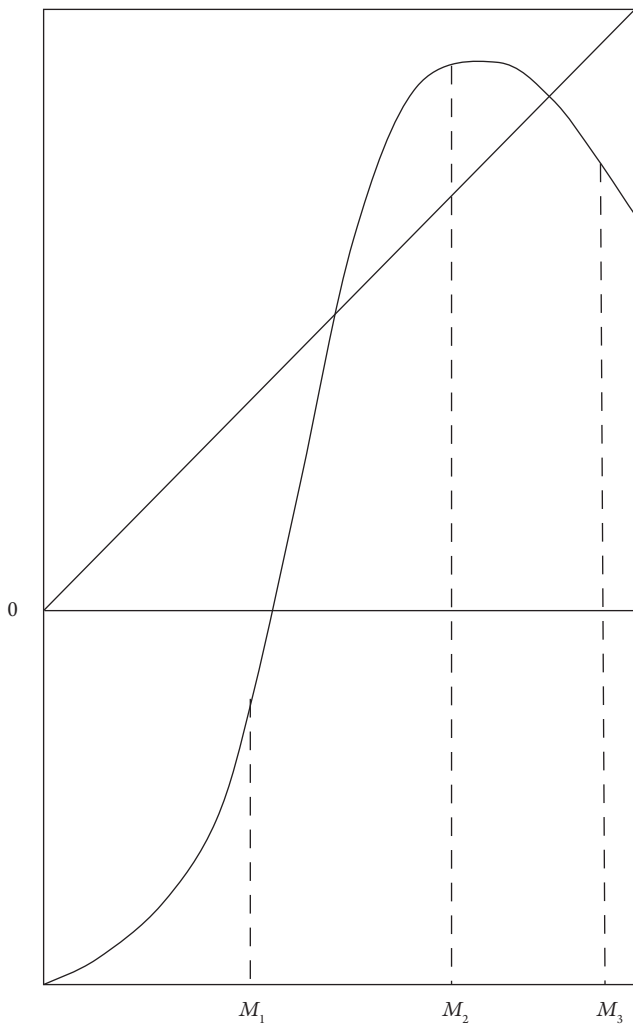


РИС. 4.10. Как мобилизация ограничивает коллективное действие

с линией мобилизации, что является вполне хорошим приближением к *потенциальной* власти. Оно показывает каким воздействием сторона А могла бы обладать в случае, если бы потратила все подконтрольные ей ресурсы.

(Вы можете предпочесть отыскать наивысшую точку на S-кривой слева от линии мобилизации и назвать это *потенциаль-*

ной властью *A*.) Второе усовершенствование состоит в четком отображении различия власти-результативности и власти-эффективности. Власть-результативность относится к тому, насколько высоко по вертикальной оси сторона *A* может подняться или уже поднялась. Власть-эффективность относится к углу наклона кривой отдачи в точке, которой достигла или может достигнуть сторона *A*. В любом из этих случаев диаграмма говорит нам о том, что текущий уровень мобилизации стороны *A* ставит твердый предел власти стороны *A*.

Разумное описание власти *A* в реальном мире пренебрегает частью *S*-кривой справа от барьера мобилизации. Для этого состояния мира, этого набора сторон, этого набора интересов и этого набора взаимодействий сегмент кривой слева от линии мобилизации описывает власть стороны *A*.

#### ВЛАСТЬ И ЧЛЕНСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Борьба за власть соединяет модель мобилизации с моделью политической системы. Борьба за власть состоит из применения ресурсов для влияния на другие группы, а сама власть состоит из превращения группой своих интересов в превалирующие над всеми прочими, с которым они конфликтуют. Борьба за *политическую* власть включает применение ресурсов для определенного рода организации — государства. Государство представляет собой просто организацию, контролирующую основные концентрированные средства принуждения внутри определенного населения. Соперники в борьбе за власть внутри определенного населения состоят из всех групп, которые коллективно применяют ресурсы, чтобы влиять на государство. В реальной жизни мы обычно хотели бы установить некоторый порог для этого соперничества, с целью исключить малозначительное, мимолетное, прерывистое применение ресурсов по отношению к государству. В теории мы могли бы полностью включить их все.

В любой момент времени некоторые (и только некоторые) из соперников достигают признания их политических прав обладать властью над государством и развивают повседневные способы использования этих прав. Они представляют собой *членов политической системы*. Все остальные соперники являются *претендентами*. Они борются без рутинного способа или признания. Членство

в политической системе дает важные преимущества группе. В самом общем смысле это увеличивает ее власть: возвращаясь к диаграммам, предложенным ранее, членство в политической системе ведет к росту кривой отдачи от коллективного действия. Выход из политической системы ведет к падению кривой. Говоря конкретно, признание окупается коллективным доступом к рабочим местам, налоговыми льготами, доступом к конфиденциальной информации и т.д.

Каждая политическая система устанавливает проверку своих членов. Все политические системы применяют такие тесты, как способность мобилизовать или принудить значительное число людей. Более того, внутри политической системы члены непрерывно тестируют друг друга; повторяющиеся неудачи в частичных тестах ведут к более полным тестам. Более полные тесты ведут *в крайнем случае* к исключению из политической системы. Каждый новый вход или выход переопределяет критерии членства в направлении, благоприятном для характеристик нынешнего набора членов. В ходе этого процесса члены, как правило, становятся привержены этим критериям как делу принципа.

Теоретически группа может мобилизоваться, не участвуя в борьбе за власть: она может применять свои коллективные ресурсы полностью для отдыха, поиска путей просвещения или других неполитических целей. Коммуна или религиозная община, удаляющаяся от мира, движется именно в этом направлении. В современном мире, однако, государства так часто требуют прав регулировать и извлекать ресурсы из любой мобилизующейся группы, что мобилизация обычно затягивает группу в борьбу за власть над тем или иным государством, по меньшей мере в попытку обеспечить гарантии ее основных прав на существование, собрания, накопление ресурсов и продолжение значимой для нее деятельности. Анализ участия крестьянских сообществ в революциях, проведенный Эриком Вулфом, показывает, как регулярно они мобилизовались и затем боролись за власть не потому, что хотели изменений в государстве, но ради защиты своих интересов.

Анализ Вулфа также демонстрирует нам, насколько важны в этой борьбе за власть коалиции крестьянских сообществ с другими группами за пределами общины. Отсутствие коалиции = поражение революции. В огромном числе случаев один соперник не обладает достаточным количеством ресурсов — достаточным числом

преданных людей, хорошо обученных юристов, достаточным количеством оружия, денег, чтобы самостоятельно влиять на правительство. Коалиция с другим соперником, который такими ресурсами обладает и имеет частично совпадающие или дополняющие планы в отношении правительства, повышает общую власть соперников для осуществления этих планов.

Наиболее распространены коалиции между членами и нечленами политической системы. Тем не менее коалиции между членами и нечленами часто встречаются, когда члены преследуют цели, для достижения которых недостаточно партнеров по коалиции внутри политической системы и для достижения которых были бы полезны ресурсы, мобилизованные нечленами. Подобное происходит, когда партия побеждает на выборах, покупая поддержку клана обещаниями рабочих мест и влияния. Подобное также происходит, когда диссидентствующая, но авторитетная группа интеллектуалов формирует альянс с новым рабочим движением. Подобные коалиции приобретают особое значение, поскольку они часто открывают дорогу к членству в политической системе или к революционному альянсу.

Коалиция членов с нечленами важна также и потому, что влияет на величину насилия, которое появляется в борьбе за власть. В большинстве обстоятельств коалиция с членом сокращает насилие, которым сопровождается приобретение претендентом членства. Коалиции суфражисток и движений за трезвость в Англии и США с другими признанными сегментами среднего класса, например, практически всегда ограничивали применение силы против них. Однако там, где эффект от коалиции дробит политическую систему на фракции, выдвигающие исключительные и несовместимые требования к правительству, — вероятно высокая степень коллективного насилия. В этом случае налицо уже революционная ситуация.

#### ОБНАРУЖЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ЧЛЕНСТВЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ

Политическая власть является характеристикой взаимодействия между соперниками и государствами. С целью отыскать основные изменения в политической власти, у нас есть выбор: начинать с соперников или же с государства. Что же нам следует искать? Про-

стой, но немного рискованный, подход состоит в том, чтобы принять текущие счета политической жизни как они появляются в политических историях, ежегодниках, мемуарах и т.д., чтобы определить, фиксируют ли информированные наблюдатели изменения в составе основных акторов на политической сцене. Жан Лапонс [Laponse, 1969] разработал усовершенствованную версию такой методологии: он рассматривает стабилизацию партийных лейблов (брендов) в канадской политике как показатель консолидации различных блоков избирателей. Успешные партии, такие как либералы, имеют тенденцию отказываться от специфицирующих частей своего лейбла (бренда) и сохранять короткую версию первоначального названия. Партия, все еще собирающая силы (и возможно, также и уходящая), имеет тенденцию накапливать изменения и спецификаторы в названии по мере заключения новых, временных коалиций.

Этот подход перспективен. Другой возможностью является проверка структуры расходов государства. Если появляется новая бюджетная линия, предоставляющая услуги языковым меньшинствам, то это может быть признаком того, что претендент из числа языковых меньшинств прорывается в политическую систему. Если старая программа исчезает (как в случае особых льгот ветеранам Испано-американской войны, растворившихся в общей программе содействия ветеранам), то это, вероятно, говорит о распаде соответствующего блока. Большинство изменений в суммах, направленных на военные расходы, расходы на образование или благосостояние могут указывать в том же направлении, хотя (как показал Фенно [Fenno, 1966]) некоторые из таких изменений являются мистификациями, а другие зависят в основном от внутренней динамики самих правительств.

Возможно, действительная структура подразделений — министерство труда соответствует появлению организованного труда, ведомство по делам ветеранов соответствует появлению ветеранов — производит свидетельства того же рода. Но в парламентской системе поведение самого парламента, вероятно, отражает возвратно-поступательное движение соперников более точно, чем что-либо еще. Вопросы, явно связанные с тем или иным соперником (представленным в парламенте или нет): нарастает или убывает их обсуждение вместе с его политическими успехами и неудачами? является ли возникновение явного разделения голосов по та-

ким вопросам сигналом появления нового члена? является ли это своего рода шкалой:

- обсуждение проблемы, явно связанной с соперником (например, подавление непокорных рабочих или расовых меньшинств);
- представление законодательных актов или резолюций;
- выдвижение этих актов или резолюций на голосование;
- появление в парламенте блока или обычной расстановки сил по отношению к вопросам, явно связанным с соперником;
- появление в парламенте представителя, отождествляемого обществом с определенным соперником;
- появление в парламенте партии, публично идентифицируемой с определенным соперником?

С идеей о том, что некоторые из подобных процессов, возможно, происходят, Джефф Пирсон исследовал поименное голосование девятого законодательного собрания французской палаты депутатов в 1906–1907 гг. Это были годы нестабильности во Франции. Социалисты прекратили поддерживать правительство осенью 1905 г. по вопросу о праве школьных учителей на создание профсоюзов и забастовки. Выборы 1906 г. обновили сенат и привели к избранию нового президента, Армана Фальера. Волна забастовок, концентрировавшаяся вокруг горняков, но включавшая также и множество рабочих химической и сталелитейной промышленности, начала накатывать в марте и достигла своего апогея в мае. Во время парламентских выборов в мае Объединенная социалистическая партия впервые провела общенациональную кампанию. Во время этой кампании широко обсуждались вопросы национализации железных дорог, пенсионные выплаты и льготы в целом. 1907 год был отмечен массовым протестом виноградарей юга в результате кризиса перепроизводства. И в течение этого периода правительство осуществляло отделение католической церкви от государства, решение о котором было принято два года назад, а также завершало «дело Дрейфуса»<sup>3</sup>, которое нависало над Францией в течение десятилетия. Судя по основным политиче-

---

<sup>3</sup> Дело Дрейфуса — процесс 1894–1906 гг. по делу о шпионаже в пользу Германской империи, в котором обвинялся офицер французского генерального штаба капитан Альфред Дрейфус. Процесс сыграл огромную роль в истории Франции и Европы конца XIX в. — *Примеч. пер.*

ским историям того времени, можно вполне обосновано утверждать, что происходило два основных изменения членства в политической системе: профсоюзы занимали прочное место в национальных структурах власти и католическая церковь теряла значительную долю власти.

Исследование Пирсона прекрасно согласуется с политической историей того времени. Он изучил 228 из 324 поименных голосований, которые произошли во время парламентской сессии. (Выпуски «Journal Officiel», содержащие отчеты об оставшихся 96 поименных голосованиях, были недоступны Пирсону в то время.) Они попадают в три категории: *законодательные* поименные голосования, решающие судьбы законов, предлагавшихся для принятия; *санкционирующие* поименные голосования, одобряющие или отвергающие некоторое действие правительства; *прочие*, которые включали различные процедурные вопросы, резолюции и иные действия, ни одно из которых не могло вести к принятию закона или падению правительства. Используя содержание дебатов и вторичные источники, такие как «Политическая история Третьей республики» Боннефу [Bonnefous, 1956], в качестве руководства, Пирсон кодировал каждое голосование в пользу групп вне парламента, если такие имелись, к которым это действие должно было применяться. Результаты кодирования представлены в табл. 4.1.

Пирсону удалось соотнести около половины поименных голосований, которые он исследовал, с некоторыми вполне определенными группами. Некоторые из соотнесений вызывают сомнения: законодательные округа, например, или армия (по общим вопросам). Эти сомнения касаются важных вопросов как об определении соперничающих за власть в целом, так и о структуре политической борьбы внутри французской политической системы. Однако в общем список включает именно тех акторов, которых и следовало ожидать: виноградарей, работников почты, католическую церковь и т.д. Вопросы, поставленные на поименное голосование, затрагивали как раз те проблемы, которые раскалывали Францию в целом в 1906 и 1907 гг. И подсчеты результатов наводят на размышления. «Благоприятными» голосованиями были просто те, в которых предложения, вынесенные на голосование, высказывали одобрение или способствовали интересам соответствующих групп. Быть предметом голосования, которое реально проходило, являлось свидетельством обладания властью, по крайней мере власти в законо-

ТАБЛИЦА 4.1. Группы, фигурирующие в поименных голосованиях 1906–1907 гг. французской палаты депутатов

Группа	Проблема	Количество поименных голосований				Процент	
		Законо- дательные	Санкции- нирующие	Прочие	количество одобрительных	одобрительных и принятых	и принятых
Учителя	Право госслужащих бастовать за повышение зарплат без санкций правительства	0	7	1	8	50	0
Работники почты	То же	6	0	3	9	89	11
Железнодорожники	Свобода от обязательной зависимости	2	0	0	2	100	50
	от кооперативных магазинов работодателей						
Шахтеры	Введение 8-часового рабочего дня	1	0	0	1	100	100
Прядильщики	Резервные фонды для безработных	0	0	1	1	100	0
Виноградари	Противостояние кризису перепроизводства 1907 г. и гарантии на будущее	22	0	2	24	83	30
Виноградари	Наказание за демонстрации в июне 1907 г. на Юге	0	7	2	9	44	0

Группа	Проблема	Количество поименных голосований				Процент	
		Законо- дательные	Санкцио- нирующие	Прочие	Общее количество	одобрительных и принятых	одобрительных и принятых
Торговцы вином и посредники	Гарантии и контроль над ними, чтобы предотвратить разбавление вина	1	0	0	1	100	100
Вторая армия	Дисциплинарный полк, отказавшийся подавлять демонстрации	2	1	0	3	33	0
Вторая армия	Ранняя демобилизация призывников для помощи в сборе урожая	3	0	0	3	100	33
Армия в целом	Оправдание Дрейфуса и Пикара	4	0	0	4	25	25
Армия в целом	Увеличение ассигнований	3	0	0	3	67	33
Армия в целом	Сокращение обязательной службы до одного года	5	2	2	9	33	33
Мелкие бакалейщики	Обложение налогом, регулирующим продажу сахара местным виноделам	2	0	0	2	50	0
Рабочие в целом	Создание Министерства труда	1	0	1	2	100	100

Рабочие в целом	Легализация отдыха в воскресенье в национальном масштабе	3	0	0	3	67	33
Рабочие в целом	Отмена частной собственности в интересах рабочих	0	2	0	2	50	0
Левые законодательные округа	Установление пропорционального представительства на выборах всех уровней	0	0	2	2	50	0
Низшие классы	Относительное налоговое бремя на них	1	4	0	5	20	0
Земледельцы	Чрезвычайные ассигнования	1	0	0	1	100	100
Частная железнодорожная компания (Chemin de Fer de l'ouest)	Взятие под контроль государства	1	0	5	6	67	0
Римско- католическая церковь	Право на сохранение не облагаемой налогами собственности	4	5	4	9	23	7
Всего проклассифицировано		62	30	21	113	57	19
Не проклассифицировано					115		
Всего помеченных голосований					228		

дательных органах. Хотя число поименных голосований слишком мало, чтобы внушать уверенность, классификация Пирсона говорит о превосходстве властных позиций шахтеров и железнодорожников в 1906–1907 гг. над позициями школьных учителей и почтовых работников, что остается проверить другими данными. Но это предварительное исследование подтверждает возможность получения систематической информации о борьбе за власть на национальном уровне из достаточного числа актов законодательных органов.

Использование поименного голосования и дебатов имеет очевидные ограничения. Оно лучше всего подходит для выявления групп, положение которых меняется, чем тех, которые спокойно наслаждаются долгосрочными преимуществами. Такое использование предполагает, что значительная часть политических процессов действительно осуществляется в законодательных органах. Если какие-либо соперники (скажем, банкиры или военные) обычно действуют через другие ветви власти, то процедура не срабатывает так хорошо. Можно попытаться предпринять разновидность исследования, которую осуществил Тюдеск применительно к *grands notables* — знати и *conseillers généraux* — генеральному совету [Tudesq, 1964], или которую осуществляли многие другие применительно к членам кабинета, правительственным чиновникам или законодателям: человек за человеком коллективная биография обобщается в характеристику целой категории людей. На периферии власти полезным может оказаться поиск роста и падения групп давления, профессиональных лоббистов и им подобных. Однако к этому моменту мы снова начинаем приближаться к исследованию мобилизации и коллективного действия, отдаляясь от овладения и потери власти как таковой.

Исследуя взаимодействия между основными отраслями промышленности и правительством США с 1886 по 1906 г., Уильям Рой изобрел некоторые процедуры, аккуратно увязывающие процессы мобилизации и процессы власти, не смешивая их друг с другом [Roy, 1975]. Работа Роя фокусируется на влиянии, оказываемом различными отраслями промышленности на взаимодействия правительства США с другими странами. Он индексирует это влияние по частоте и типам явных упоминаний, которые рассматриваемые отрасли получают в переписке между Государственным департаментом и должностными лицами посольств США за рубежом.

Данный индекс несовершенен; некоторые важные разновидности влияния могут не находить отражения в переписке, поскольку они или слишком рискованны, или слишком рутинны, чтобы упоминать о них. Тем не менее основная идея о том, что иметь власть значит приниматься во внимание в соответствующей сфере интересов, правильна и метод ее реализации изобретательный.

Рой предпринимает попытку рассчитать изменения власти по отраслям и по времени посредством трех наборов промышленных характеристик: 1) сетевая позиция фирм в отрасли, особенно измеренная по взаимосвязанным директоратам и по отношениям промышленного персонала к правительству и общественным организациям; 2) «объективные» характеристики отрасли, такие как размер, количество фирм и прибыли от международной торговли; 3) мобилизация и коллективное действие внутри отрасли, отраженные в интенсивности экономической кооперации и концентрации фирм, характере профсоюзных объединений и их публикаций, масштабах лоббирования, политической вовлеченности руководства и т.д.

Метод исследования Роя не вполне приводит нас к измерению отдачи, которую различные отрасли промышленности получают от применения их ресурсов к государству и, таким образом, не дотягивает до идеала измерения власти, предложенного ранее. Но работа Роя делает важный шаг в этом направлении. Более того, она делает возможной полезную частичную проверку ранее предложенного различия между претендентами и членами политической системы. Если «политическая система» существует в строгом смысле этого слова, то должен существовать четкий разрыв в континууме оказывающих влияние. Данный разрыв должен соответствовать некоему порогу, ниже которого отрасль промышленности попросту не является членом политической системы, чтобы принимать ее во внимание.

Более того, если данный континуум непрерывен от 0 до бесконечной власти, говорить об ограниченной политической системе неправильно. Подобным же образом данное понятие требует разрыва в связи между уровнем коллективного действия и величиной влияния, соответствующего значительно более высокой отдаче, которую члены политической системы должны получать от своих вложений. В любом случае если не существует значительной связи между мобилизацией отрасли промышленности и ее полити-

ческим влиянием, то модель политической системы, предложенная здесь, теряет всякое правдоподобие.

До сих пор наше исследование изображало процесс входа и выхода слишком спокойным и упорядоченным: словно флегматичные британцы, стоящие в очереди, с карточками на продовольствие в руках. На самом деле это, возможно, повод для некоторых из величайших битв, в которых участвуют люди. Если всякая политическая система имеет процедуры проверки на членство, это еще не означает, что каждый претендент имеет равные шансы пройти это тестирование, или что лидеры каждого соперника в равной степени готовы предпринять соответствующие усилия.

Вероятность того, что новый соперник примет и применит средства обретения власти, предписываемые членами политической системы (например, получение достаточного количества голосов для избрания партии, принесение в жертву достаточного количества людей на войне, добыча достаточного количества продовольствия с помощью охоты, подкуп правительственных чиновников), зависит от соответствия его (соперника) представлений о справедливости тем, что встроены в функционирование политической системы. Там, где эти представления широко расходятся, претендент, вероятно, применит необычные средства — что означает применение к государству и членам политической системы ресурсов, которые редко используются в подобных взаимодействиях. Конкретным примером служит похищение гватемальскими революционерами государственных чиновников и американских эмиссаров с целью добиться освобождения своих людей из тюрьмы. Еще один латиноамериканский пример: перуанские профсоюзы сознательно организуют сопровождающиеся насилием демонстрации в качестве способа навязать свои требования центральному правительству [Рауне, 1965].

Идея политической системы, таким образом, суммирует основные отношения между репрессией, властью и коллективным действием. Члены политической системы обладают большей властью и сталкиваются с меньшими репрессиями по сравнению с претендентами. Посредством коллективного действия претенденты становятся членами, а члены защищаются от утраты власти. Это очень полезное упрощение. Однако в этой модели политической системы отсутствует один важный элемент — интересы. Она не дает руководства к пониманию возможностей и угроз, затрагивающих инте-

рессы конкретных групп. Без некоторой идеи артикуляции интереса и властной позиции невозможно иметь ясного представления о том, в какой мере и каким образом отличаются друг от друга коллективные действия претендентов и членов.

#### ВОЗМОЖНОСТЬ/УГРОЗА

У возможности две стороны. Со стороны возможности мы имеем степень, в какой иные группы, включая правительства, уязвимы для новых требований, которые, в случае успеха, повышают реализацию интересов соперника. Со стороны угрозы мы имеем степень, в какой прочие группы угрожают выдвинуть свои требования, которые, в случае успеха, снизят реализацию интересов соперника. Анализ возможности/угрозы параллелен анализу власти: в принципе, он охватывает все, касающееся окружающего мира, что способно повлиять на благополучие актора. На практике мы можем осуществлять его, только обращаясь к определенному набору интересов, сторон и взаимодействий.

Одно значительное различие между анализом власти и анализом возможности/угрозы касается восприятий и ожиданий. При анализе власти мы можем просто ими пренебречь: власть в этом случае относится к наблюдаемым взаимодействиям между сторонами. В случае возможности/угрозы мы не имеем другого выбора, кроме как сконструировать модель того пути, которым информация о среде доходит до внимания актора. На данном этапе предположим, что соперник, включенный в частые взаимодействия с другими группами, просто реагирует на направление этих взаимодействий. Соперник отвечает индивидуально на направление своих взаимодействий с каждой конкретной группой и коллективно — на направление всех взаимодействий. Соперник, который сталкивается с усиливающимися покушениями на его интересы, ожидает больше покушений; соперник, который видит, что государство все более отзывчиво на его инициативы, ожидает еще больше отзывчивости. После необходимо будет рассмотреть наблюдения соперника по поводу взаимодействий среди других сторон, например, в случае, когда правительство проявляет признаки слабости в отношениях с каким-либо соперником, большинство других соперников прочитывают эти знаки как угрозы или возможности для их собственных интересов. Мы также должны будем признать, что

стратегическое взаимодействие обычно включает уловки и недоразумения. На данный момент давайте проигнорируем эти интересные осложнения.

На рис. 4.11 возможность/угроза разбита на два измерения: 1) степень ожидаемых изменений в реализации соперником его интересов: она ранжируется от  $-1$  (полного забвения его интересов) через  $0$  (без изменений) к  $+1$  (полной реализации его интересов); и 2) вероятность того, что изменение произойдет, (а) если соперник не действует в случае угроз, (б) если группа действует в случае возможностей. Диаграмма показывает, что чем больше абсолютное значение величины (вероятность события  $\times$  степень изменения), тем более масштабно коллективное действия соперника. В этой упрощенной версии ответы соперника на угрозу и

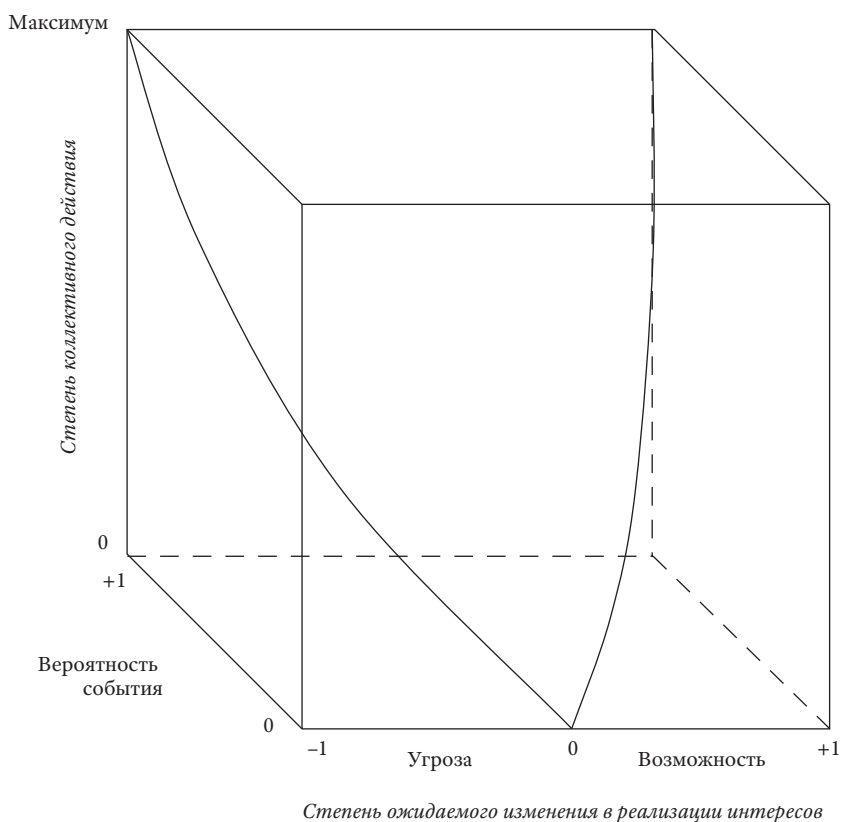


РИС. 4.11. Коллективное действие как функция от угроз и возможностей

на возможность точно симметричны: чем больше того или другого, тем больше коллективного действия. Обе кривые немного вогнуты, отражая тем самым слабую тенденцию коллективного действия ускоряться быстрее с увеличением уровня угрозы или возможности.

Асимметричный ответ на угрозу и возможность выглядит более правдоподобным, чем симметричный. Принимая равные вероятности события, данное количество угрозы имеет тенденцию генерировать больше коллективного действия, чем «то же» количество возможности. В целом ответ на возможность, вероятно, требует большей перестройки групповой организации и мобилизационной структуры, нежели ответ на угрозу. Группа может отвечать на угрозу посредством установившихся обычных действий. Европейские крестьянские сообщества полагались на свои местные коммуникационные сети и общее понимание, объединяясь для того, чтобы изгнать нежелательного сборщика налогов. Они имели куда больше проблем с отправкой в столицу делегации с требованиями изменить налоговое бремя. К тому же группы обычно завышают ценность тех вещей, которыми они уже обладают, когда кто-то еще пытается их забрать. При равной вероятности, потеря общинных земель данной деревни имеет большее значение, чем приобретение такого же количества общинных земель. Угроза, наконец, быстрее объединяет по сравнению с возможностью. Более вероятно, что группа увидит угрозу конкретному интересу как признак угроз более широкому диапазону ее интересов, чем возможность поспособствовать одному из ее интересов в качестве знака возможностей для более широкого диапазона ее интересов.

Это, конечно, не истины в последней инстанции, а всего лишь гипотезы. Рисунок 4.12 суммирует их: степень коллективного действия куда быстрее возрастает как функция от угрозы, нежели чем как функция от возможности. Со стороны угрозы, как показано на рисунке, коллективное действие растет до максимально допустимого групповой мобилизацией уровня значительно ранее той точки, где угроза означает уничтожение. Чем дольше рассматриваемый временной лаг, тем больше асимметрия. В более долгосрочном периоде защитная мобилизация в ответ на угрозу имеет тенденцию вносить свое воздействие гораздо быстрее, чем наступательная или подготовительная мобилизация в ответ на возможность.



РИС. 4.12. Асимметричное воздействие угрозы и возможности на коллективное действие

Эта асимметрия, я полагаю, порождает глубокий консерватизм в каждой политической системе. Члены политической системы противостоят изменениям, которые могут угрожать текущей реализации их интересов даже больше, чем стремятся к изменениям, которые способствовали бы их интересам. Они упорно сражаются, чтобы не потерять власть и, особенно, чтобы не быть изгнанными из политической системы. Они действуют, чтобы не допустить в политическую систему те группы, интересы которых существенно конфликтуют с их собственными.

Те, кто являются членами в настоящее время, имеют тенденцию быть более придирчивыми в своих требованиях к соперникам, сам допуск которых в некотором отношении будет серьезным вызовом для системы. Макс Хейрич отмечает сильный контраст в реакции властей Калифорнийского университета на два в равной степени непотребных события, произошедших примерно в одно и то же время в 1965 г.: конкурс на самого уродливого человека в кампусе (в котором победу одержало братство Альфа Эпсилон Пи, кандидатом которого была мисс Пусси Гэлор) и поздние стадии Free Speech Movement (Движения за свободу слова), тогда

переименованного в Filthy Speech Movement — FSM (Движение за непристойности в речи). В тот момент квинтэссенцией этого движения было вывешивание знаков, означавших попросту «fuck» и шествия с ними. Хейрич пишет о разговоре с одним преподавателем, который активно противостоял FSM и был в ярости от недавнего «митинга за непристойность», организованного защитниками свободы слова:

Когда я спросил его: почему он злится на это, но не на непристойные высказывания молодых людей из братства, он ответил: это разные вещи. Это была просто группа молодых людей из братства, выпускающих пар. Вы знаете, когда все это закончится, они займут свои места в качестве уважаемых членов общества. Но эти люди сознательно стараются нарушить все правила, которые только могут, стараются разрушить общество [Heirich, 1971, p. 363].

На протяжении 1964 и 1965 гг. это пестрое движение действительно быстро мобилизовалось и демобилизовалось; они выдвигали повторяющиеся, эмоциональные притязания на власть внутри университетской структуры, обычно путем проверки на прочность правил Беркли относительно собраний, речи или пропаганды до их наиболее уязвимых пределов, и после претендуя на некоторую альтернативную легитимацию своих действий. Принятие университетом требуемых прав способствовало бы допуску групп, выдвигающих эти требования, к членству в его политической системе и, таким образом, меняло бы критерии членства в целом. Что-то серьезное стояло на кону в каждом из таких изменений.

Вследствие вышесказанного, люди обладают чрезвычайно высокой готовностью к борьбе за входы в политическую систему и выходы из нее. Как заметил Артур Стинчкомб [Stinchcombe, 1965], лидеры организаций особенно часто применяют, разрешают или допускают использование неограниченных средств борьбы, когда они чувствуют разницу между тем, что получает их организация и тем, что она должна бы получать. Яростные разногласия обычно касаются именно того, что причитается организации. Это вопрос принципов, прав, справедливости. Подобное положение дел имеет последствия для места, времени и участников основных сражений за власть.

В работе Уильяма Гэмсона [Gamson, 1975] успешно рассмотрены некоторые аспекты борьбы за власть. Гэмсон и его колле-

ги исследовали 53 «группы претендентов» в США с 1800 по 1945 г. (В списке соседствуют Анархо-коммунисты, Национальная городская лига (National Urban League)<sup>4</sup>, Объединенные сыны Вулкана (United Sons of Vulcan)<sup>5</sup>, Табачные ночные наездники и Ассоциация сталелитейщиков.) Исследование рассматривало два основных вида результатов противостояния:

— принятие или непринятие группы хотя бы одним из ее антагонистов в качестве законного представителя интересов, на представление которых она претендует;

— приобретение или неприобретение новых преимуществ для ее членов.

Принятие группы, как оно понимается Гэмсоном, в определенной степени пересекается с входом в политическую систему, как он был описан ранее. Как и можно было предположить, принятие и приобретение новых преимуществ взаимосвязаны: 80% групп, которые добились некоторого принятия, также приобрели новые преимущества, в то время как только 20% тех, кому не удалось достичь принятия, приобрели какие-то новые преимущества.

Более важно то, что группы, которые добились признания, имели тенденцию отличаться по форме и стратегии от прочих: в целом это были группы, которые не требовали смещения других групп, организовались вокруг одной проблемы, были относительно большими, создавали избирательные стимулы для участия своих членов, вместо того чтобы полагаться на расплывчатые призывы к солидарности, а также были бюрократическими. До сих пор эти результаты звучат как аргумент в пользу хладнокровно-организованных групп давления. Но успешные претенденты также намного чаще прибегали к использованию насилия и прочих средств принуждения в своей борьбе за власть. Пассивно терпящие насилие имели гораздо более низкую степень успеха. Если верно то, что организация выгодна, то не так верно то, что выгодны терпение и умеренность. Результаты Гэмсона совпа-

---

<sup>4</sup> Гражданская правовая организация, основанная в 1910 г. в Нью-Йорке, стремившаяся к поднятию стандартов жизни в исторически перенаселенных городах. — *Примеч. пер.*

<sup>5</sup> Американский профсоюз, существовавший с 1858 по 1876 г., включавший квалифицированных сталелитейщиков. Объединившись с железо- и сталеплавильными ассоциациями, превратился в один из самых сильных профсоюзов 1870-х годов. — *Примеч. пер.*

дают с общей аргументацией, развертываемой мной в настоящей книге.

Мир Гэмсона явно антидюргеймианский: он противостоит тому, что говорил Дюркгейм по поводу коллективного действия, по двум основным пунктам: 1) его акторы достигают определенных целей при помощи стратегии и тактик — что не означает, что они всегда выбирают лучшую стратегию или что их цели всегда последовательны и достижимы; 2) их действия и результаты этих действий не могут быть объяснены при помощи рассмотрения групп претендентов самих по себе; они являются результатом взаимодействия между претендентами и прочими группами. В терминах, которые мы используем здесь, они являются результатом взаимодействия интересов, организации и мобилизации с одной стороны, и репрессии/помощи, власти и возможности/угрозы — с другой.

#### ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МОБИЛИЗАЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Продолжим концентрироваться на модели мобилизации. Мы можем выкристаллизовать принципиальные заключения предыдущих двух глав в паре диаграмм. Вспомним ранее проведенное различие между четырьмя типами соперников: фанатики, заурядные соперники, скряги и оппортунисты. Заурядные соперники определяют свои интересы в плане определенного диапазона коллективных благ и не готовы действовать, если действие, вероятно, принесет убыток. На рис. 4.13 и 4.14 изображены идеализированные заурядные соперники в двух контрастных ситуациях. Предшествующие аргументы говорят, что в первом случае соперник, вероятно, предпримет некоторое коллективное действие; во втором — если аргументы верны, соперник не должен действовать.

На рис. 4.13 заурядный соперник имеет актуально значимые стимулы для коллективного действия. Актуальная возможность включает ограниченную сферу интересов группы, в то время как актуальная угроза включает вероятность значительных потерь, хотя и не полное исчезновение –1. Если это единственное, что сдерживает, то можно ожидать, что соперник станет действовать как для того, чтобы воспользоваться своими возможностями, так и для того, чтобы защитить себя от угроз потерь.

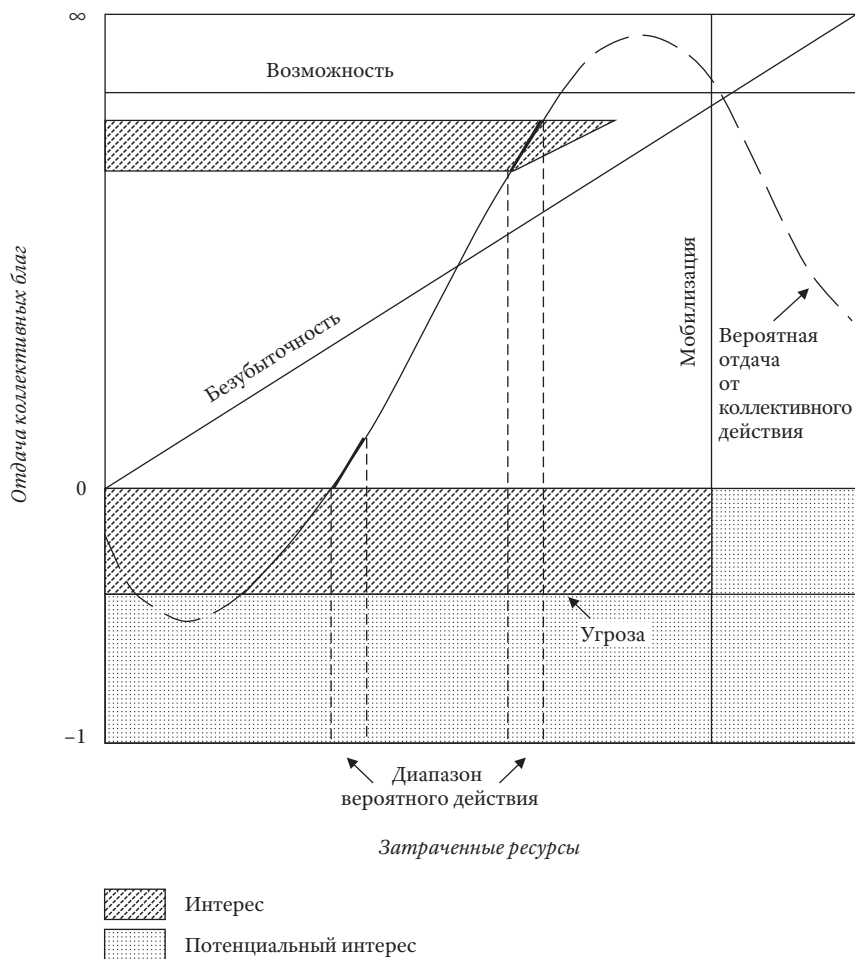


РИС. 4.13. Идеализированная схема условий для действия заурядного соперника

Однако здесь есть еще один ограничивающий фактор — мобилизация. В этом наброске уровень мобилизации соперника достаточно высок, чтобы позволить действовать в соответствии диапазона текущих интересов и возможностей. Тем не менее властная позиция группы позволяет приобрести даже больше коллективных благ, если она еще больше мобилизуется; пунктирная кривая справа от линии мобилизации иллюстрирует эти теоретические возможности; она также показывает теоретическое уменьшение при-

былей группы, если она заводит коллективное действие слишком далеко. Мы ожидаем, что после какого-то момента репрессия начинает уменьшать отдачу от коллективного действия.

Репрессия не появляется на диаграмме, но ее влияние находит здесь свое отражение. В соответствии с моделью мобилизации, мы изображаем ее в качестве одного из факторов, определяющих текущую форму и положение кривой возможной отдачи так же, как и текущее расположение линии мобилизации. Подобным же образом скрытой остается и организация как переменная, проявляющаяся через интерес и мобилизацию. Однако власть отражена. Кривая возможной отдачи дает нам упрощенный итог текущей властной позиции соперника. Здесь действительно присутствует несколько различных аспектов власти соперника: власть-эффективность в степени отдачи коллективных благ на затраченные ресурсы в двух зонах наиболее вероятного действия; власть-результативность в доле интереса (в данном случае 100%), которую соперник может реализовать; потенциальная власть — это наивысшая точка линии вероятной отдачи.

На нашей первой диаграмме текущая комбинация интересов, мобилизации, власти и возможности/угрозы, приводит к ожиданиям, что соперник будет вовлечен в два вида и уровня коллективного действия: малоинтенсивные действия для противостояния угрозам потерь, и более интенсивные действия, для того чтобы воспользоваться возможностями приобретений области интересов группы. Рисунок 4.14 показывает соперника того же рода в совершенно отличной ситуации. Данная ситуация предписывает бездействие.

Почему? Потому что все четыре основные переменные теперь в иных положениях. Возьмем возможность/угрозу: область желаемых соперником коллективных благ лежит выше предела, заданного текущими возможностями, и текущая угроза потери совсем незначительна. Другими словами, нет прочих соперников, в текущих условиях уязвимых для притязаний, которые могли бы повысить реализацию определенных интересов заурядного соперника; и едва ли какой-нибудь еще соперник создает правдоподобные угрозы текущей реализации его интересов.

Подобным же образом и мобилизация сдерживает способность заурядного соперника к коллективному действию. Текущий уровень мобилизации ограничивает возможные действия соперника тем диапазоном, где чистые потери почти несомненны.

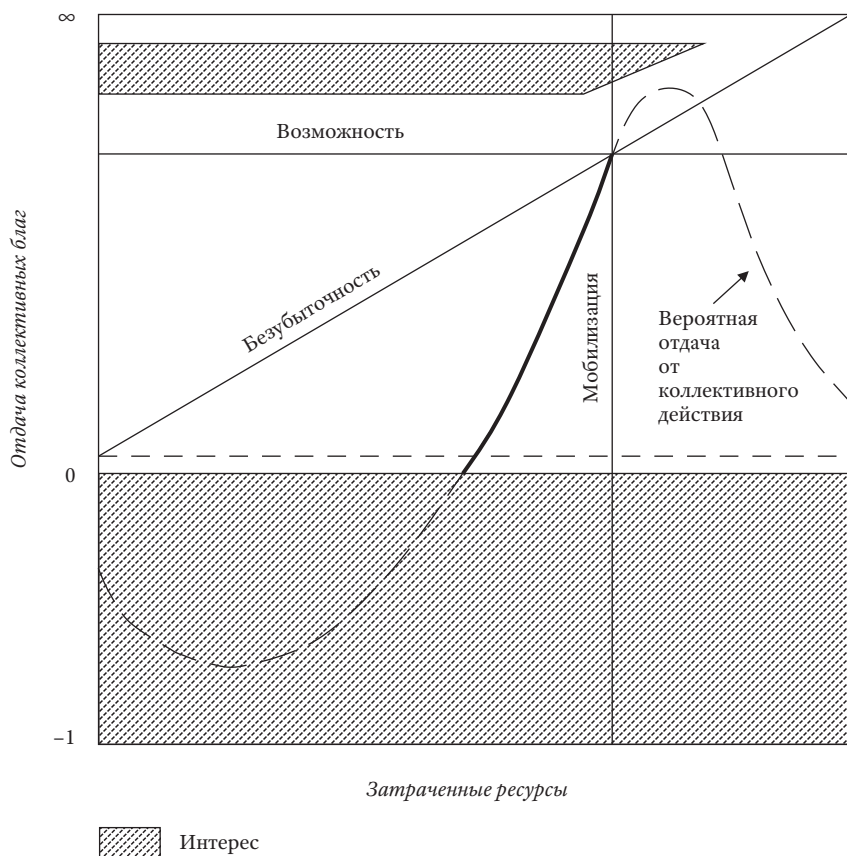


РИС. 4.14. Идеализированная схема условий для бездействия заурядного соперника

Кривая вероятной отдачи от коллективного действия соперника также неблагоприятна. Она едва пересекает линию безубыточности только в той области, которая (а) в текущий момент недоступна из-за потолка мобилизации, и (б) не вполне достигает области особых интересов соперника. Еще один способ описать эти отношения таков: цели группы «слишком высоки» для ее текущих возможностей действия. Изменение в любой из четырех переменных может увеличить вероятность коллективного действия. Организатор, желающий поставить этого несчастного заурядного соперника в лучшее положение, попытается уве-

личить его мобилизацию и предпримет попытку увеличить его власть путем такой тактики, как формирование коалиций. Можно также попытаться побудить к переопределению интересов соперника с целью привести их в соответствие с диапазоном возможностей. Могущественный партнер по коалиции может пытаться маневрировать, чтобы сделать прочих соперников или правительство более уязвимыми к требованиям этого соперника, приподнять предел, установленный возможностью. Любая их этих попыток в случае успеха увеличит вероятность коллективного действия соперника.

В краткосрочной перспективе, которую мы рассматриваем, размах коллективного действия довольно сильно зависит от степени, в какой включенная в него группа ранее получила коллективный контроль над ресурсами. Большинство альтернативных теорий или делают мобилизацию такой непосредственной функцией изменения интересов, что мобилизация перестает выступать в качестве независимой переменной, или настаивают на том, что при многих обстоятельствах немобилизованные группы имеют тенденцию мобилизоваться настолько быстро и эффективно, что невозможно найти какой-либо общей связи между предшествующей мобилизацией и нынешним коллективным действием.

Простые модели классового голосования придерживаются первой линии; число отданных за блок голосов растет и падает как прямой эффект меняющихся угроз классовым интересам. *J*-кривая Джеймса Дэвиса, объясняющая восстания, следует второй линии; население, которое переживает долгий период растущего удовлетворения его интересов, а после испытывает стремительное падение этого удовлетворения, согласно Дэвису, имеет тенденцию мобилизовываться и тотчас же восставать. Аргументация, предлагаемая здесь, в ответ на первую линию утверждает, что эффект меняющихся угроз существует, но он не прямой, поскольку скорость и интенсивность классовой реакции зависит от предшествующей мобилизации класса. Эта аргументация отвечает на линию рассуждений Дэвиса, говоря, что быстрый ответ на снижение (удовлетворенности) является характеристикой только высокоомобилизованных групп и что в любом случае восстающие группы отвечают не на общую ситуацию депривации: они реагируют на конкретный факт выдвижения другой группой требований, которые, в случае реализации, нарушат их установившиеся права и привиле-

гии. Эти альтернативные аргументы недооценивают или элиминируют издержки коллективного действия.

Даже если модель мобилизации является усовершенствованием в сравнении с предшествующими вариантами анализа коллективного действия, она тем не менее обладает некоторыми существенными слабостями. В ней нет времени. Концентрация на текущей ситуации коллективных акторов значительно упрощает анализ. Но она также затрудняет работу с взаимовлияниями, такими, например, как те, что связывают власть и коллективное действие: текущая властная позиция, разумеется, влияет на вероятность коллективного действия, как утверждает модель; но текущее коллективное действие также влияет на будущую властную позицию, чего модель уже не отражает. Более того, отсутствие времени элиминирует уловки и колебания в стратегическом взаимодействии. Самое большее, для чего пригодна данная модель в этих отношениях, так это помочь уменьшить размытость кинохроники, превратив ее во множество последовательных кадров, каждый со своей логикой.

Модель мобилизации является по сути количественной. Она имеет дело с количествами коллективных действий, ресурсов и коллективных благ, а не с их качествами. Если только мы не отыщем способ оценки количественных эквивалентов среди различных разновидностей коллективных действий, ресурсов и коллективных благ, данная модель будет применима только к простейшим ситуациям. Начав с обсуждения репрессии и помощи, мы перешли к сравнению разных типов соперников и разных видов коллективного действия. Но в общем и целом мы отмечали качественные различия, не встраивая их в модель мобилизации.

Теперь мы стоим перед лицом важного выбора. Мы можем продолжить и далее пошаговое исследование и разработку моделей мобилизации и политической системы. Или же можем совершить рискованный прыжок прямо в мир времени и качественных вариаций. Я надеюсь, что многие из моих читателей последуют по первому пути — пересмотра моделей мобилизации и политической системы с целью лучшей адаптации их к работе со временем, качествами и стратегическим взаимодействием, и затем тщательного изучения данных, чтобы проверить, исправно ли работают модели. Я и сам планирую продолжать подобную работу, но только где-нибудь в другом месте. Следующие три главы последуют по второму

пути. В них будет предпринята попытка свободного применения моделей к основным историческим проблемам в изучении коллективного действия. В главе 5 мы обратимся к изменениям основных форм конкурентного коллективного действия, которые произошли в западных странах по мере развития крупномасштабной промышленности, урбанизации, становления могущественных национальных государств и экспансии капитализма. В главе 6 мы будем иметь дело с взаимоотношением коллективного действия и коллективного насилия. В главе 7 рассматриваются восстания и революции. И, наконец, в последней главе мы предпримем еще одну попытку взглянуть на общую логику коллективного действия.

## Глава 5

# Изменение форм коллективного действия

### ФОРМЫ БОРЬБЫ

**Р**ЕАЛЬНЫЕ люди не собираются вместе и не действуют сообща просто так. Они встречаются, для того чтобы подать петицию в парламент, организовать телефонные кампании, провести демонстрацию перед мэрией, сломать ткацкие станки, выйти на забастовку. Абстрактная модель мобилизации, которую мы используем, при всех ее достоинствах имеет тенденцию затемнять два фундаментальных факта. Во-первых, коллективное действие в целом включает взаимодействия с прочими конкретными группами, в том числе с правительством. Коллективное действие редко состоит из одиночных выступлений. Люди обычно действуют не для того, чтобы повлиять на абстрактные структуры типа политических систем и рынков; они пытаются принудить других людей сделать конкретные вещи. В результате объяснения коллективного действия, которые сосредотачиваются на способностях и наклонностях одного участника в определенный период времени — или на средних способностях и наклонностях всех участников — оставят нас разочарованными.

Во-вторых, коллективное действие обычно принимает вполне определенные формы, уже привычные его участникам, в том же смысле как большинство художественных произведений данной эпохи произведены ограниченным количеством сложившихся форм. По этой причине ни поиск универсальных форм (таких, какие иногда предлагаются для толп или революций), ни допущение бесконечности средств для достижения групповых целей не поможет нам продвинуться дальше. Поэтому изучение конкрет-

ных форм коллективного действия немедленно погружает нас в размышления о культурных рамках, в которых проявляется большее количество форм. Большая часть удовольствия и риска исторического исследования коллективного действия проистекает из огромного разнообразия материала: необходимо исследовать как и почему парижане в 1789 г. шествовали с насаженными на пики отрубленными головами, как и почему молодые люди из Беркли (штат Калифорния) оккупировали импровизированный парк в 1969 г.

Объединяя две эти тематики воедино, получаем первую грубую классификацию форм коллективного действия. Данная классификация подчеркивает характер взаимодействия между остальными группами и группой, действие которой классифицируется. Точнее говоря, она зависит от требований, которые коллективные акторы отстаивают своими действиями: конкурентные требования, реактивные требования и проактивные требования. Эта классификация не принимает во внимание такое преследование общих целей, которое не включает никаких требований к другим группам: чистый отдых, созерцание, бегство. На самом деле подобная классификация легче всего применима там, где требования выражают конфликт интересов между сторонами. Я разработал эти категории, изучая эволюцию форм конфликта в Западной Европе и проиллюстрирую их на европейском опыте.

Конкурентные действия выдвигают требования ресурсов, на которые претендуют прочие группы, определяемые актором как соперники, конкуренты, или по крайней мере участники того же состязания. Возьмем «шаривари» — в американской версии «shivaree» — в качестве примера. Только недавно европейские историки начали приоткрывать огромную базу конкуренции и контроля, на которой основывался этот якобы легкомысленный обычай. Джон Гиллис описывает одну стандартную версию:

В ходе типичного сельского шаривари недавно повторно женившийся вдовец мог быть разбужен шумом толпы, бросающей в его окно чучело его умершей жены, а подобие его самого, посаженное задом на осла, провозят по улицам на глазах у его соседей. Выплата «контрибуции» Господину Беспорядка может успокоить его молодых мучителей, но к этому времени голоса деревенской совести уже сделали свое дело. Повторные браки неизменно вызывают наибольший гнев и, напротив, эндогамные браки молодых людей при-

мерно одного возраста, были поводом для радости в этой молодежной группе. В этом случае функции шаривари обращались вспять и пары сопровождалась шумными толпами до их брачного ложа — ритуальные проводы бывших членов группой сверстников. Свадебное шествие и участие аббата в нем символизировали главную цель молодежной группы, которая состояла в том, чтобы обеспечить продолжительный обряд перехода, примерно от наступления половой зрелости и вплоть до вступления в брак [Gillis, 1974, p. 30–31].

Англичане часто называют подобный обычай «грубая музыка» (rough music). В большинстве случаев это было сдержанное, но громкое событие, сопровождаемое стуком кастрюль и гудением в рога. Шаривари превращались в «беспорядки» в глазах (и, без сомнения, в ушах) властей, когда они продолжались больше ночи или двух подряд, или когда десятки молодых людей присоединялись к веселью.

Различные формы шаривари значительно изменялись от одного региона Европы к другому. Внутри Великобритании Э.П. Томпсон различает четыре основные разновидности:

«ceffyl pren» (по-валлийски «деревянная лошадь»), которая ассоциируется с восстаниями Ребекки во многих частях Уэльса;

«riding the stang» («езда на шесте»), обычно практикуемая в шотландской низменности и на севере Англии;

парад «skimmington», или «skimmety parade», который по-прежнему существовал до XIX в. на западе, как и в некоторых южных регионах; и наконец,

«rough music» сама по себе, без парада, но в ходе которой люди часто сжигали чучела своих жертв; широко распространенный обычай, встречающийся особенно в центральных графствах и на юге [Thompson, 1972, p. 287–288].

В дополнение к «shivaree» разновидности форм подобных действий сохранились в американском фольклоре, даже если они оторваны от ежедневных практик: вынос кого-то из города на жерди, шествия с чучелами и сжигание их и т.д.

Сельские возрастные группы являлись типичными инициаторами шаривари. Организация и функции возрастных групп значительно менялись от одной части Европы к другой. (О региональных моделях во Франции см.: [Varagnac, 1947].) Они часто несли

ответственность за разжигание костров в великопостные дни и прочие празднования. Они иногда контролировали формирование молодых пар и ухаживание. Сельские группы сверстников также дрались с молодежью из соседних деревень, иногда даже до смерти. Они часто собирались единым блоком на публичных церемониях, иногда разыгрывая замысловатые шарады, насмехающиеся и предупреждающие тех, кто нарушал их правила. Все эти мероприятия были направлены на подтверждение своего приоритета на обладание подходящими женщинами и на ритуалы ухаживания в своих деревнях. Внутри своих ограниченных пределов эта деятельность была очень серьезной.

У шаривари, сельских драк и молодежных церемоний насмешничества было много родственных явлений. Это драки между студенческими группами, между различными отрядами у солдат, между солдатами и гражданскими, между этническими и религиозными группами. Это более рутинизированное противоборство соперничающих групп ремесленников, включающее унижение символов друг друга, нарушение церемоний друг у друга и оспаривание приоритета друг у друга в процессиях и прочих публичных мероприятиях. Так или иначе эти формы действия выглядят пустяковыми и странными в глазах людей XX в. Мы свидетели гигантских войн и массовых убийств и привыкли к «серьезной» политике национального и международного масштаба. Рассматриваемые события, напротив, были, как правило, маленькими, недолгими и локализованными. Они редко соединялись с революционными движениями или великими бунтами. Тем не менее они вносили свой вклад в число убитых и раненых. Во времена кризисов они сливались с крупными конфликтами и представляли собой важные формы коллективного действия.

Некоторые характеристики коллективной конкуренции, такие как ритуализованное осмеяние, подпадают под вторую основную категорию — реактивное коллективное действие. (Мы так же можем назвать такие действия коллективными реакциями.) Они состоят из попыток группы заново утвердить признанные требования, когда кто-то еще пытается оспорить или бороться с ними. Говоря о крестьянских захватах земли в современном Перу, Э.Дж. Хобсбаум отмечает, что они принимают три формы: самовольное поселение на земле, на которую никто (возможно, за исключением государства) не имеет явных прав; экспроприа-

ция земли, на которую захватчики прежде не предъявляли никаких притязаний и на которую претендует кто-то еще; возвращение тех земель, откуда ранее были изгнаны сегодняшние захватчики [Hobsbawm, 1974, p. 120–121].

Третий вариант с очевидностью является примером реактивного действия: реакция обезземеленных. Подобная же разновидность реокупации земли была характерна для первой стадии восстания Сапаты во время мексиканской революции, постоянно повторялась на большей части южной Италии XIX в. во время массовой концентрации земли в руках буржуазии и дворян, и знаменовала консолидацию буржуазного землевладения везде, где оно развивалось при наличии солидарных крестьянских сообществ. По стандартному европейскому сценарию группа селян, которые испокон веков пасли свой скот, собирали хворост и колосья после жатвы на общих полях, обнаруживали землевладельца или представителя местных властей (или, что более вероятно, обоих сразу), огораживающими забором поля по недавно приобретенному или вновь утвержденному праву собственности. Крестьяне обычно предупреждали о недопустимости огораживания. Если предупреждение не принималось во внимание, то крестьяне атаковали изгороди и огораживающих. Они действовали во имя тех прав, которые по-прежнему считали действительными.

Пересечение с коллективной конкуренцией проступает четче, когда костюмированные мстители сносили заборы и оккупировали поля, как в случае Движения девушек (*Demoiselles movement*) в 1830-х годах на Пиренеях [Merriman, 1975]. В прочих фактах коллективной реакции, данное пересечение было по крайней мере столь же заметным, ибо в обоих случаях акторы принимали на себя, более или менее осознанно, роль властей, которые уклонялись от своих обязанностей, а реагирующими группами часто были те же самые местные солидарные объединения: молодежь, гильдии и т.д.

Основные характеристики захвата земель применимы к множеству европейских голодных бунтов, ломке машин, налоговым бунтам и местным действиям по сопротивлению воинской повинности: все они были прямо направлены против того, кто незаконно лишил или пытался лишить местное население ценных ресурсов. Ив-Мари Берсе на основе своего всестороннего анализа восстания кроканов на юго-западе Франции в XVII в., выдвинул идею

о том, что сутью европейских крестьянских восстаний до XIX в. было сопротивление закрытых, солидарных крестьянских сообществ внешним попыткам посягательства на их установленные права и заведенный порядок. Во Франции XVII в. он различает три основные причины восстаний: высокие цены на продовольствие, расквартирование войск, сбор налогов и введение акцизных налогов откупщиками. Во всех этих случаях, утверждает Берсе: «Восстание является стратегией маленьких людей, чрезвычайной организацией для защиты от фискальной агрессии» [Bercé, 1974, vol. 2, p. 680–681].

С упадком солидарности сообществ, согласно Берсе, исчезло и скоординированное крестьянское восстание. Только гораздо позже фермеры и сельскохозяйственные рабочие снова проявили себя в действии; теперь они были организованы вокруг планирующих на будущее групп особых интересов. Хотя (как признает сам Берсе) данная схема чрезмерно гомогенизирует участников и мотивы в старых формах конфликта, она схватывает существенное различие. Это различие между реактивными и проактивными формами коллективного действия.

Проактивные коллективные действия утверждают групповые требования, которые ранее не были выполнены. (Их так же можно назвать проявлениями коллективной проактивности.) Забастовка с требованиями увеличения зарплаты или улучшения условий труда представляет собой повседневную иллюстрацию этого. Умышленная приостановка работы для достижения цели, вероятно, существует с того времени, когда люди стали работать друг на друга. Натали Дэвис [Davis, 1975, p. 1–16] описывает случаи хорошо организованных забастовок в Лионе XVI в. Однако обычным способом общественной активности забастовки стали только в XIX в. Поскольку увеличилось количество наемного труда в организациях, по сравнению с домохозяйствами, вырос и масштаб забастовок. В большинстве западных стран в течение 50–100 лет забастовки становились все более частыми, но оставались все еще нелегальными — иногда они преследовались в судебном порядке, иногда подавлялись военной силой, иногда их терпели, но всегда осуждали. Под давлением организованных рабочих и их союзников в парламенте большинство западных правительств легализовало забастовки между 1860 и 1900 гг. С тех пор государства, усиливавшие репрессии (объявление чрезвычайного положения, правление во

время войны, фашистские режимы), обычно аннулировали право на забастовку, и все режимы постоянно вели переговоры с рабочими и нанимателями по вопросу о том, кто имеет право на забастовку и каким образом оно должно реализовываться. Но в целом забастовка в качестве средства действия получила широкое распространение с начала XX в.

Правительственное санкционирование забастовок отражено в их статистике, которая в большинстве западных стран ведется от 1880-х или 1890-х годов. Их появление в статистике отражает разработку общественных стандартов определения слова «забастовка» и формирование бюрократии, регулирующей и отслеживающей применение забастовок. Мишель Перро [Perrot, 1974] утверждает, что во Франции забастовки потеряли большую часть своей экспрессивной функции, атмосферы праздника, своего революционного потенциала после того как утвердилась бюрократизация 1890-х годов. В качестве компенсации забастовки стали более широкодоступным и менее рискованным способом выдвижения требований.

Несколько других форм коллективного проактивного действия также получили признание в XIX в. Демонстрации, организованные публичные митинги и кампании по сбору подписей получили широкое распространение с появлением массовой электоральной политики. Захват помещений повстанческим комитетом также распространился в XIX в., хотя связь с электоральной политикой здесь более отдаленная. Военный переворот (*pronunciamiento*) — явление того же рода. Тогда как всеобщая забастовка, сидячая забастовка и уничтожение фермерами избытков урожая в качестве протеста являются изобретениями XX в. Проективные формы коллективного действия умножились за два последних столетия.

При подобной маркировке форм следует избегать двух ловушек. Первая: хотя мы имеем дело с ситуацией, в которой соперники взаимодействуют, мы не классифицируем сами взаимодействия. В целом, если одна группа вовлечена в коллективное проактивное действие, значит, по меньшей мере один из ее партнеров вовлечен в коллективную реакцию: группа полковников предпринимает попытку переворота, правящая хунта защищает себя от него. Помещики объединяются, чтобы поднять арендную плату, крестьяне объединяются, чтобы этого повышения не допустить. Только кол-

лективная конкуренция обычно симметрична: когда одна сторона маневрирует, чтобы добиться видимого положения в ходе публичной церемонии, другая поступает также.

Вторая ловушка такова: строго говоря, митинг или всеобщая забастовка может принадлежать к любому из трех типов — соревновательному, реактивному или проактивному. Так же как шаривари могли насмехаться над нарушителями или прославлять правильно поступающих, люди могут выходить на демонстрации в пользу чего-то, против чего-то или одновременно в пользу одного и против другого. Классификация на соревновательные, реактивные и проактивные выстраивается на основе выдвинутых требований, а не формы действия. Самовольное поселение и экспроприация земельных участков, описываемые Хобсбаумом, имеют куда более проактивный характер, нежели повторное занятие ранее утраченных земель. Рабочие часто идут на забастовку в защиту находящихся под угрозой трудовых прав. Подобные забастовки реактивны.

Тем не менее основные корреляции сохраняются. В целом демонстрации и забастовки являются приоритетными механизмами выдвижения новых требований, осуществляются в те периоды и в тех местах, где обычные люди артикулируют новые требования, и особенно пригодны для попыток получить приобретения, а не избежать убытков. Налоговые восстания, продовольственные бунты и тому подобные события обрушивались каскадом, когда обычные люди защищали свои права от нападков, и мало смысла применять их как средство изъясления новых требований. В среднем демонстрации и забастовки проактивны, продовольственные и налоговые бунты реактивны.

В течение последних нескольких сотен лет в Европе три формы коллективного действия то возрастали, то убывали в определенной последовательности. В XV и XVI вв., по-видимому, преобладали конкурентные действия. С XVII вплоть до XIX в. реактивные формы стали намного более распространенными, в то время как конкурентные формы оставались на одном и том же уровне или, возможно, убывали. В XIX–XX вв. проактивное коллективное действие начало преобладать, реактивные формы сократились и появились новые формы конкуренции. Если я правильно прочитываю исторические свидетельства, европейцы XVII и XVIII вв. намного больше прибегали к коллективному действию, чтобы за-

щитить свои оказавшиеся под угрозой права, чем их предшественники, в то время как европейцы XX в. были в исключительной степени склонны к действию в поддержку требований, которых они прежде не выдвигали.

Я полагаю, что есть два рода причин данной последовательности изменений. 1. В 1600–1850 гг. агенты международных рынков и национальные государства, более чем когда-либо ранее и после этого времени, выдвигали новые (и проактивные) притязания на ресурсы, которые раньше находились под контролем огромного числа домохозяйств, сообществ, братств и прочих маленьких организаций. Маленькие организации постоянно реагировали на это, сражаясь против налогообложения, призыва на военную службу, консолидации земельной собственности и ряда прочих угроз их организованному благополучию. В итоге большие структуры одержали верх, баталии стихли, реактивные формы пошли на убыль. 2. Во все большей степени необходимые для выживания групп ресурсы переходили под контроль больших организаций, особенно государств, которые перераспределяли их только под давлением новых требований.

Возможно имел место и третий фактор. 3. Общее снижение издержек на мобилизацию и коллективное действие в XIX–XX вв. Подобное снижение могло быть результатом скопления населения в больших поселениях и больших организациях, развития коммуникаций и распространения выборов в качестве способа ведения общественных дел. Это приблизительно тот же набор изменений, который Карл Дойч называет социальной мобилизацией и который Амитай Этциони рассматривает в качестве делающего возможным самоуправляющееся активное общество. Однако если анализ, проведенный в предыдущей главе, корректен, мы можем ожидать, что подобные изменения только поднимут уровень коллективного действия при изменении связи между соперниками и их интересами. Для фиксированного набора интересов и данного уровня возможности/угрозы, общее снижение издержек мобилизации и коллективного действия вполне может привести к снижению уровня коллективного действия.

Рисунок 5.1 демонстрирует, как такое возможно. (Он иллюстрирует проблему для фанатика-соперника, который нацелен на узкий диапазон коллективных благ и готов принять то, что другие считали бы убытком с целью достичь этих благ, которая в равной

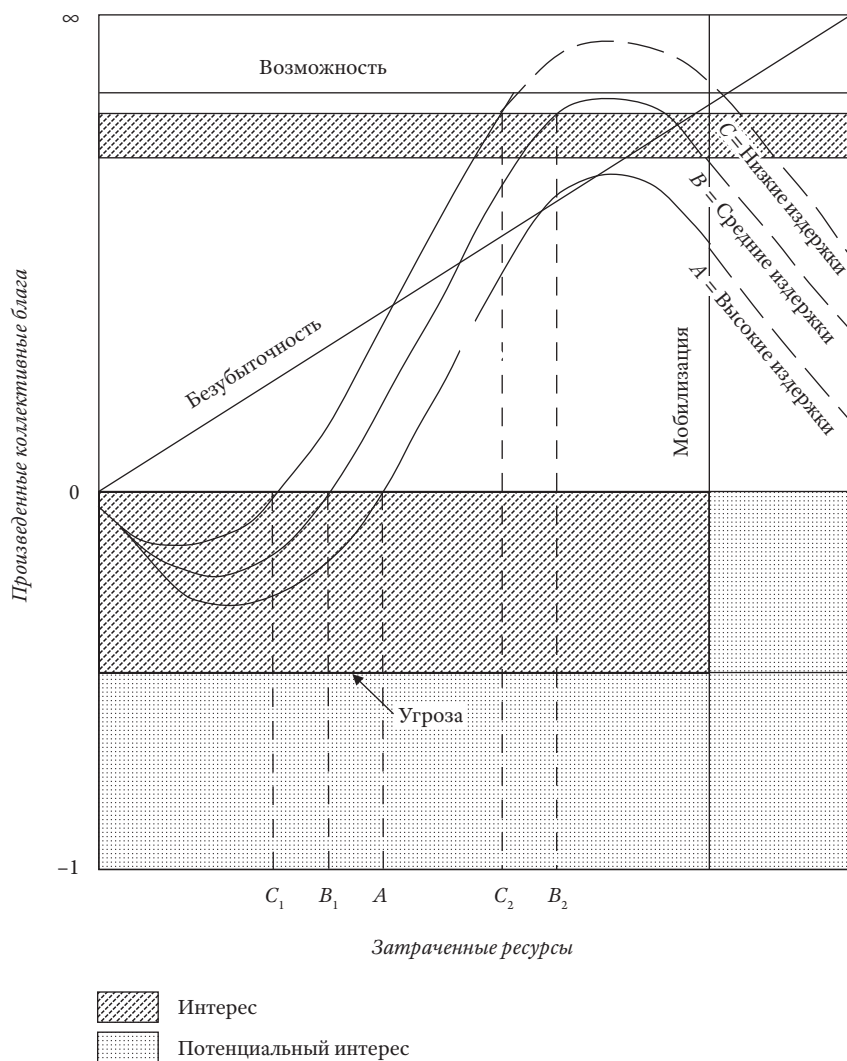


РИС. 5.1. Гипотетические последствия снижения издержек на коллективное действие для фанатика

степени приложима и к скрягам и заурядных соперникам. Оппортунисты, как мы увидим, представляют иную проблему.)

При высоких издержках (кривая A для ожидаемой отдачи от коллективного действия) наш соперник будет неспособен достичь своего интереса, невзирая на уровень его мобилизации или теку-

щую констелляцию возможностей; все, чего логично от него ожидать в этом случае, — оборонительное действие для того, чтобы избежать угроз: коллективное действие величины  $A$  по оси затраченных ресурсов. При средних издержках (кривая  $B$ ) соперник может достичь всей полноты своих интересов в плане новых коллективных благ и в то же время избежать угроз, расположив свое действие на отрезке от  $B_1$  до  $B_2$ . (Являясь фанатиком, соперник не заинтересован в более высоких прибылях, доступных путем небольшого выхода за предел  $B_2$  — но не слишком далеко — по оси затраченных ресурсов.) Но обратите внимание, что происходит, если издержки становятся совсем низкими: тогда применима кривая  $C$ . В этом случае текущие уровни возможности и мобилизации действительно предоставляют нашему сопернику очень высокую доходность. Однако, поскольку заданный интерес нашего соперника остается без изменений, он может достигнуть тех же целей меньшим объемом коллективного действия, по сравнению с тем, который необходим, когда издержки средние. Теперь идеальный диапазон коллективного действия располагается на отрезке от  $C_1$  до  $C_2$ . Уменьшение издержек понижает ожидаемый уровень коллективного действия.

Конечно, связь между соперниками и их интересами может меняться некоторым регулярным образом по мере снижения издержек. Наиболее очевидной альтернативой выступает та, которая была давным-давно предложена Робертом Михельсом:

Революционная политическая партия — это государство в государстве, открыто преследующее цель уничтожения существующего государства, для того чтобы заменить его фундаментально отличным социальным порядком. Чтобы достичь этой в сущности политической цели, партия использует социалистическую организацию, обоснованность которой может быть найдена не иначе как только в терпеливой, но систематической подготовке к уничтожению организации государства в его существующей форме. Подрывная партия создает основу социальной революции. По этой причине она постоянно предпринимает попытки по усилению своих позиций, расширяет свой бюрократический аппарат, накапливает свои энергию и средства [Michels, 1949, p. 384–385].

«Железный закон олигархии» (в соответствии которому каждая успешная борьба оканчивается установлением правящей элиты),

согласно Михельсу, применим к демократическим революционерам в той же степени, что и ко всем остальным.

Переводя это на язык, принятый в нашем исследовании, «железный закон» выступает в двух формах. Во-первых, процесс мобилизации сам по себе трансформирует заданные интересы группы; те, кто возглавляют мобилизацию соперников, обзаводятся желанием и средствами поддерживать организацию, выстроенную ими, и отождествлять свои особые интересы с интересами группы в целом. Во-вторых, снижение издержек увеличивает разрыв между уровнем групповой мобилизации и ресурсами, которые необходимо затратить, чтобы достичь целей. Это создает излишек. Увеличение излишка может логически вести к демобилизации. Но, согласно Михельсу, оно способствует тому, что олигархи перебрасывают имеющиеся ресурсы на достижение целей, которые сами определяют в качестве желаемых. В экстремальном случае вновь появившиеся интересы даже не включают тех интересов, с которыми изначально было связано возникновение соперника. В этом экстремальном случае фанатики становятся оппортунистами, готовыми к действию ради широкого спектра коллективных благ, готовыми нанести удар для достижения наибольшей из возможных доходностей, но не расположенными к действию перед лицом вероятных потерь. «Организации общественных движений» в современной Америке, проанализированные Зелдом и МакКарти, близко подошли к этому карикатурному изображению [McCarthy, Zald, 1973].

Мы также должны указать на вес того, что направлено против предполагаемого эффекта снижения издержек под действием улучшения коммуникаций, учреждения свободных выборов и т.п.: увеличение репрессивной активности и эффективности репрессий государств и прочих крупномасштабных организаций. Внутренние издержки снизились. Однако издержки, налагаемые другими, возросли. Я предполагаю, что внутренние издержки снизились в большей мере, нежели чем выросли налагаемые. Но при нашем нынешнем знании данной проблематики это суждение рискованно и недоказуемо.

## РЕПЕРТУАРЫ КОЛЛЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

В любой момент времени репертуар коллективных действий, доступный для населения, является удивительно ограниченным. Уди-

вительно это потому, что в принципе существует бессчетное количество способов, которыми люди могут использовать свои ресурсы для достижения общих целей. Удивительно и потому, что есть так много способов, какими реальные группы преследовали свои цели в те или иные времена.

Например, большинство американцев XX в. знают, как устраивать демонстрации. Они знают, что группа, устраивающая собрания в публичном месте, идентифицирует себя и свои требования или жалобы демонстративным образом, направляет свои общие действия на личности, собственность или символы некоторой другой группы, на которую стремится повлиять. В рамках этих общих правил большинство американцев знают, как провести несколько различных форм демонстраций: массовый марш, собрание с произнесением речей, временный захват помещений. Более того, имеются некоторые поддающиеся определению обстоятельства, при которых большинство американцев действительно применили бы эти свои знания, присоединившись к реальной демонстрации. Американцы, которые не были обучены этому сложному набору действий через личное участие, тем не менее становились непосредственными свидетелями демонстраций, читали о них, наблюдали их по телевизору. Различные формы демонстраций, принадлежат к репертуару американцев XX в. — не говоря уже о канадцах, японцах, греках, бразильцах и многих других. Этот репертуар также включает различные формы забастовок, подачи петиций, организации групп давления и некоторые иные способы артикуляции недовольств и требований.

И в то же время немногие американцы знают, как организовать захват самолета, несмотря на огласку, которую эти захваты получили в последние годы; еще меньшее количество рассматривают захват самолета как способ достижения своих коллективных целей. Захват самолета принадлежит к репертуару лишь немногочисленных групп где бы то ни было. Полотка машин, некогда бывшая широко распространенной, выпала из репертуара. То же случилось с шаривари и серенадами. То же касается регулярных драк между деревнями; только футбол напоминает нам об этой устаревшей форме кровопролития.

Практически никто и нигде сейчас не знаком с той формой действия, которая некогда была обычной в Европе: восстанием, в ходе которого существующая и функционирующая группа, такая

как армия или сообщество, собирается вместе, свергает законные власти, назначает преемника (который хорошо понимает, что, как только действие будет закончено, за свои старания его, вероятнее всего, повесят или того хуже), чтобы тот представил список недовольств и требований высшему руководству, решительно настаивает на своем до тех пор, пока эти требования не будут удовлетворены или группа не будет полностью сокрушена, а после чего она возвращается в предшествующее состояние подчинения законным властям. Вспомните повторяющиеся восстания победоносных, но не оплачиваемых испанских армий в Нидерландах вплоть до конца XVI в.: они регулярно избирали собственного лидера, *electo*; они заявляли, что не будут подчиняться чьим-либо еще приказам до тех пор, пока их требования относительно задолженности и прочих выплат не будут удовлетворены. Иногда они даже продолжали сражаться, и даже сражаться героически, но только под своим собственным руководством. Иногда они предавались грабежу, когда оказывалось, что их требования не будут удовлетворены. Они всегда требовали амнистии для всех действий, совершенных во время восстания — и обычно добивались своего. Армии имели большое значение для испанского короля [Parker, 1973].

Или вспомним «Благодатное паломничество», великое восстание в Йоркшире в 1536 г. против распоряжения Генриха VIII об изъятии собственности монастырей, а также иных мер, направленных на увеличение доходов королевской казны. «Общины» выросли до десятков тысяч, джентльмены были избраны их руководителями, а лондонский юрист Роберт Аск в качестве главного лидера. В итоге под их контроль перешла большая часть севера Англии. Однако туманные, лживые обещания герцога Норфолкского о том, что он передаст их дело на рассмотрение короля, рассеяли повстанцев. К июлю 1537 г. Роберт Аск погиб на эшафоте в замке Йорка, и две сотни других мятежников также пали от рук палача [Dodds, Doods, 1915]. Слово «*mutiny*» (мятеж) по-прежнему передает смысл этой старой формы действия. Однако сейчас мы используем его исключительно в военном контексте. Мы не осознаем, что когда-то это был устойчивый, хотя и рискованный, выход из невыносимой ситуации.

Захват самолетов, мятеж, разрушение машин, шаривари, деревенские драки, налоговые и голодные бунты, коллективное самосожжение, линчевание, вендетта — все это входило в стан-

дартный репертуар коллективного действия различных групп в разные времена. В тех или иных обстоятельствах люди имеют повседневное представление о том, как начать любое из них. Иногда люди признавали каждое из них легитимным, возможным способом действия в случае неудовлетворенных недовольств и желаний. Большинство из этих форм действия технически осуществимы в современной Америке. Тем не менее они происходят редко или не происходят вовсе. Важнее то, что не существует значительных американских групп, испытывающих острое недовольство или желание, которые рассматривали бы любую из этих форм в качестве реальной альтернативы демонстрациям, забастовкам, подаче петиций или организации группы давления. Эти формы не входят в современный американский репертуар коллективного действия.

Чтобы точнее определить значение репертуара, можно задать вопрос: до какой степени группа предпочитает средства, которые она использовала, тем, которые теоретически доступны для достижения тех же целей? В реальном мире на этот вопрос ответить чрезвычайно тяжело. Трудно знать две вещи: какие альтернативные формы действия действительно «доступны» для группы, а также относительную уместность и эффективность средств, которые группа действительно использует, и альтернативных средств, которые теоретически возможны. Однако два рода естественных экспериментов происходят достаточно часто, чтобы пролить свет на этот вопрос. Во-первых, сходные группы в сходных обстоятельствах иногда используют различные способы коллективного действия. В 1950-х годах, например, мы обнаруживаем шведских транспортных рабочих, выражающих свои жалобы правительственным учреждениям, в то время как их британские коллеги выходят на забастовки. Во-вторых, способы коллективного действия меняются и распространяются от одной группы к другой. Например, в Италии 1919 г. сидячие забастовки были в новинку. Однако к августу 1920 г. полмиллиона рабочих оккупировали свои фабрики. Учитывая данные примеры, мы можем оценить значимость репертуаров путем сравнения последующих выборов сходных групп, а также путем наблюдения инновации и диффузии в способах действия.

На рис. 5.2 представлены четыре возможных результата подобных сравнений. В каждом случае мы имеем дело с группой, которая готовится к коллективному действию в обстоятельствах, сходных

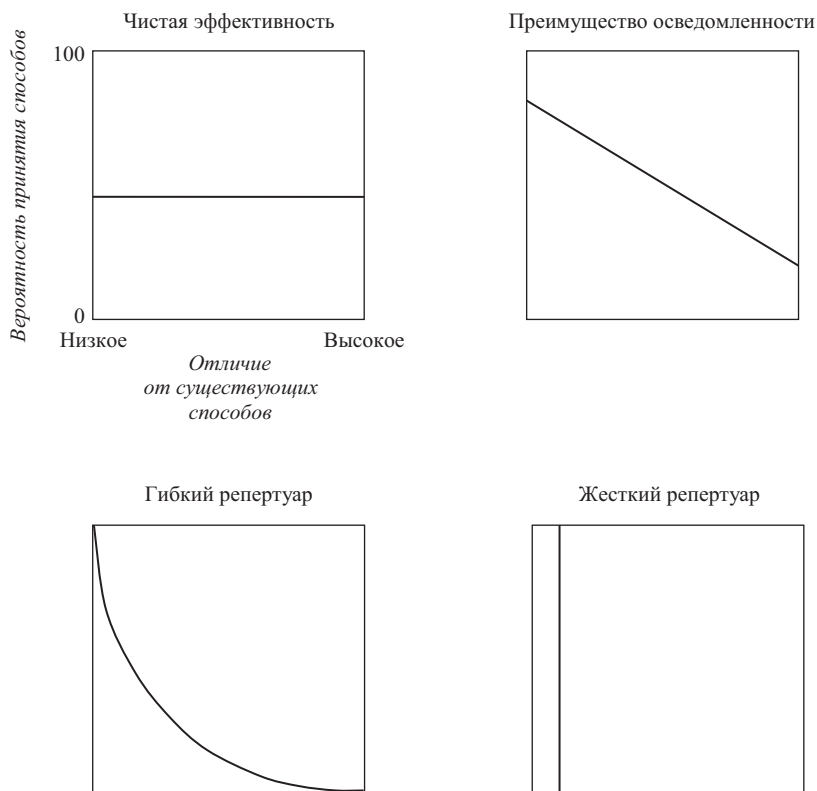


РИС. 5.2. Четыре модели готовности группы принять новые способы коллективного действия

с уже бывшими ранее. Мы определили все способы, которые теоретически или практически «доступны» для группы, и затем выстроили их в последовательности в плане их близости к тем способам, к которым группа прибегала прежде. В случае *модели чистой эффективности*, близость к ранее используемым способам не имеет значения, значимо лишь соответствие средств целям. Эта модель представляет собой экстремум; на самом деле возможно эффективнее использовать знакомые способы, поскольку навык сам по себе ведет к лучшему исполнению. *Модель преимуществ осведомленности* принимает во внимание описанную вероятность; она постулирует плавный угол наклона для вероятности принятия от более знакомых к менее знакомым способам. Эта модель подра-

зумевают, что осведомленность — это просто один из нескольких факторов, влияющих на выбор конкретных способов среди всех тех, которые теоретически доступны. Третья модель описывает гибкий репертуар. В этом случае группа обладает сильным уклоном в сторону тех способов, которые использовались прежде, однако не полностью закрыта для инноваций. Наконец, *модель жесткого репертуара* описывает группу, которая неизменно выбирает знакомые способы. В той степени, в какой эта модель применима, мы ожидаем, что инновации будут редкими, и будут происходить посредством кризисов и разрывов с прошлым.

В случае применения моделей чистой эффективности и преимущества осведомленности говорить о репертуарах коллективного действия было бы ошибкой. Только в третьем и четвертом случаях это понятие становится полезным обобщением реальности. Таким образом, у нас есть эмпирический тест на полезность концепта: насколько близко наблюдаемое поведение коллективных акторов приближается к той или иной из этих четырех моделей. Моя гипотеза состоит в том, что гибкий репертуар является наиболее общим случаем для организованных групп. Чем менее организована группа, тем больше вероятность того, что модель преимуществ осведомленности будет описывать ее поведение. Разумно предположить, что соперник (особенно член политической системы), который остается на одной и той же властной позиции в течение длительного промежутка времени, имеет тенденцию сдвигаться от гибкого репертуара к жесткому. Начинается рутинизация. Но в то же время трудно представить себе какого-либо соперника, который придерживался бы модели чистой эффективности в течение значительного промежутка времени.

Гибкий репертуар допускает постепенное изменение групповых способов действия. Изменение может происходить посредством имитации других групп или посредством инновации. Имитация других групп наиболее вероятна в том случае, когда члены одного соперника наблюдают, что другой соперник успешно использует новые способы или по-новому и успешно использует старые. Несомненно, такова одна из основных причин «волн» забастовок или демонстраций: тот факт, что данного рода группа чего-то добилась при помощи конкретной тактики, распространяет убеждение, что работодатели или власти будут уязвимы к той же самой тактике в руках прочих похожих групп.

Инновации случаются реже, и их труднее объяснить. Одним из основных процессов, разумеется, выступает растяжение границ форм действия, которые уже принадлежит репертуару. В начале XIX в., например, мы становимся свидетелями появления французских шаривари в новом обличье. Они более не предназначались исключительно «рогоносцам», супругам с большой разницей в возрасте, и парам, которые не пригласили местных холостяков на обычное свадебное торжество. Многие шаривари начали драматизировать противостояние местного населения конкретным чиновникам или политическим кандидатам. Похожим образом хвалебные серенады распространились на политические фигуры, пользующиеся горячей поддержкой народа. Во Франции в первой половине XIX в. был расцвет политических шаривари/серенад. Затем этот институт уступил место демонстрациям, митингам, банкетам и официальным заседаниям.

Подобным образом американские патриоты, мобилизовавшиеся после кризиса, связанного с законом о гербовом сборе, и после этого, приспособили к своим нуждам старые английские обычаи, такие как вываливание в смоле и перьях или «езда на шесте» (вынос негодяя из города на шесте). Теперь эти, клеймящие позором, действия были дополнены инсценировками судебных процессов и применялись к лоялистам<sup>1</sup> и другим предполагаемым врагам колонистов. Как во Франции, так и в Америке формы и цели действия изменились. Однако в обоих случаях исходное действие уже было частью народного репертуара.

Репертуар коллективного действия того или иного населения, как правило, включает лишь небольшое количество альтернатив. Он обычно меняется медленно и кажется очевидным и естественным для его участников. Он имеет сходство с простым языком: знакомым как день для тех, кто ежедневно им пользуется, при всей его возможной причудливости и непостижимости для чужаков. Каким образом подобный репертуар возникает? Как он изменяется? Ответ, разумеется, содержит по меньшей мере следующие элементы:

- 1) нормы прав и справедливости, существующие у данного населения;
- 2) повседневные практики населения;

---

<sup>1</sup> Противники независимости от Англии во время американской революции XVIII в. — *Примеч. пер.*

- 3) внутренняя организация населения;
- 4) накопленный опыт предшествующего коллективного действия;
- 5) структуры репрессии в мире, к которому принадлежит население.

Рассмотрим вкратце каждый из этих элементов.

Существующие нормы прав и справедливости определяют приемлемость компонентов различных возможных типов коллективного действия. Они не обязательно обуславливают конкретную форму коллективного действия. Например, группа, которая считает, что те лица, что непосредственно производят объект или услугу, обладают преимущественным правом на их потребление, вероятно, будет потворствовать той или иной разновидности силового сопротивления экспроприации объектов или услуг. Такова подспудная логика продовольственных и налоговых бунтов в Европе Нового времени. Поскольку национальное государство стало инвестировать в важные права (а иногда и гарантировать их), то и само коллективное действие стало национальным.

Повседневные обычные практики населения значимы, поскольку влияют на легкость, с которой та или иная из возможных форм действия может быть действительно осуществлена. Забастовка стала возможной тогда, когда значительные массы людей стали собираться для работы в одном и том же месте. Заметный сдвиг коллективного действия от обычных мест собраний, таких как рынки и празднества, к намеренно осуществляемым сборам, таким как демонстрации и забастовки, стал отчасти результатом изменений в форме расселения участников профессиональных групп и иных людей, объединенных с ними общими интересами. Они более не собирались вместе невзначай и не обсуждали общие недовольства и устремления между прочим. На фоне этого процесса участие европейских женщин в коллективном действии заметно снизилось; сегрегированные миры политики и профсоюзных организаций стали предназначаться только для мужчин.

В европейских и американских городах этот процесс сегрегации прошел примерно через три стадии. Первой было незначительное разделение между домом и работой. Например, ремесленники жили и собирались в своих собственных мастерских и на близлежащих улицах. Рост более крупных фирм и рабочих мест принес разделение дома и работы. Однако типичным для рабочих было по-

селяться в пешей доступности от их мастерских, офисов и конторы найма. Так сформировались особого рода рабочие районы. Они имели тенденцию быть небольшими в размерах и сегрегированными по ремеслу. Между рабочим местом и домом появились помещения сбора — пабы, кафе, залы собраний профсоюзов, общественные клубы, — которые часто посещались отдельными группами рабочих. С дальнейшим ростом размеров фирм и сегрегацией рабочих мест путь на работу становился дольше и рабочие районы больше, однако более гетерогенными по числу ремесел. Встречаться со своими товарищами по работе неподалеку от рабочего места становилось все менее и менее возможным.

Эти изменения в повседневных практиках рабочих заметно подняли мобилизационные издержки отдельных профессий. Поэтому они способствовали снижению уровня коллективного действия лиц, объединенных профессией. В то же время они, возможно, снизили издержки мобилизации для городского рабочего класса в целом. Эта возможность заслуживает дальнейшего изучения. Однако для данного исследования важным является понимание, что *форма* коллективного действия рабочего класса изменялась в связи с трансформацией городских форм. Первой из наших примерных стадий (период незначительного разделения дома и работы или отсутствия такового) соответствует репертуар мелкомаштабных действий, которые основываются непосредственно на структуре профессии: петиция, подаваемая ремесленными лидерами; публичная процессия; постановочное сражение между соперничающими группами ремесленников и т.п. На промежуточной стадии увеличения размеров рабочих мест и прилегающих однородных жилых зон мы видим рост забастовок, черные списки неуступчивых работодателей, остракизм или наказание несогласных рабочих и т.д. На стадии больших фирм и значительного разделения жилья и работы намеренно созываемые собрания, митинги, демонстрации и забастовки берут верх над другими формами.

В этом наборе изменений трудно различить эффекты трансформации ежедневной рутины от эффектов нашего четвертого фактора: изменений в актуальной внутренней организации групп. Ежедневная рутина и внутренняя организация частично накладываются друг на друга. Указанные три стадии примерно соответствуют чисто цеховой организации — организации пролетаризирующихся профессий и в полной мере пролетарской структуре. Рели-

гиозные братства — это характерное выражение солидарности на первой стадии; общества взаимопомощи — на второй; бюрократические профсоюзы — на третьей. Эти сдвиги в организации взаимодействия с изменяющейся ежедневной рутинной и делают различные формы коллективного действия осуществимыми и выгодными.

Предшествующий опыт также важен. Соответствующий опыт включает как успехи и неудачи самого соперника, так и его наблюдения за сходными группами. Мы уже видели эту смесь предыдущего опыта и наблюдений в богатом постановками уличном театре, развивавшемся в американских колониях от Акта о гербовом сборе 1765 г. до революции. Инсценировки судебных процессов, шествия с чучелами, ритуализованные нападения на дома и офисы королевских чиновников, вываливание в смоле и перьях лоялистов сопровождалось петициями, декларациями и торжественными собраниями. Спустя лишь несколько недель после первого публичного показа в Бостоне сапога с сидящим в нем дьяволом в качестве символа вдохновителя Акта о гербовом сборе лорда Бута, сапог и дьявол стали обычными участниками городских собраний, протестующих против Акта о гербовом сборе на всем американском побережье. Конкретная форма и содержание этих собраний были новыми. Но все их основные элементы уже были прочно установившимися способами действий в отношении людей, объявленных врагами населения. Предшествующий опыт городских ремесленников, торговцев и моряков, сформировал революционный репертуар коллективного действия.

Репрессии также влияют на репертуар. Репрессии очень значимы в краткосрочной перспективе, поскольку другие могущественные группы влияют на относительные издержки и вероятные прибыли различных форм действия, теоретически доступных для конкретной группы. Они так же значимы и в долгосрочной перспективе, поскольку такого рода создание издержек ведет к упразднению некоторых форм действия, так как перенаправляет поведение в другие. Широко распространившаяся легализация забастовок в 1860-х и 1870-х годах так повысила их привлекательность по сравнению с прямыми атаками на работодателей и на промышленную собственность, что последние практически исчезли из репертуара рабочих. Все эти изменения тем не менее происходили с некоторым лагом. Те формы коллективного действия, которые были

действены в течение последнего кризиса, имеют особую привлекательность и во время текущего. Таким образом, успехи и неудачи в борьбе за власть создают изменения в репертуаре коллективного действия, но только в рамках, ограниченных ежедневными рутинными практиками акторов и их представлениями о справедливости.

Идея стандартного репертуара коллективных действий, если она верна, упрощает исследование вариаций коллективного действия от одного места, времени и населения к другим. Она предполагает разбиение проблемы на две части: как рассматриваемое население стало обладать своим конкретным репертуаром и как население выбирает конкретную форму действия (или бездействия) из этого репертуара. Анализ инноваций в коллективном действии (например, изобретение и распространение сидячей забастовки в публичном месте как средства борьбы за равные права) так же разбивается на точно такие же две части.

Идея стандартного репертуара также проливает свет на «загадочность» и «спонтанность» коллективного действия. Она ставит вопрос о вероятности того, что, когда некая конкретная форма беспорядков или демонстраций начинает быстро распространяться, то распространяется не модель поведения сама по себе, а информация (корректная или нет) о том, что издержки и прибыли, связанные с действием, внезапно изменились. Новость о том, что власти в городе *A* разгоняют (или не разгоняют) демонстрантов, быстро проникает в город *B* и влияет на оценки потенциальных демонстрантов в городе *B* по поводу вероятных последствий демонстрации. В этом отношении ворчуны, которые твердят, что «попустительство» правительства будет способствовать еще большим волнениям, зачастую правы. Также ясно, что действие может быть «спонтанным» в том смысле, что не было спланировано заранее ни одним из участников, и тем не менее высоко организованным и ритуализованным. В этом отношении ворчуны обычно ошибаются; они склонны приписывать продолжительное, согласованное действие какого-либо рода заговору.

#### В КАЧЕСТВЕ ПРИМЕРА: ЗАБАСТОВКА

В течение века или около того самой заметной переменной в репертуаре коллективного действия рабочего класса в западных странах стал рост количества забастовок. Некоторые формы согласованно-

го прекращения работы уходят далеко в прошлое. Более того, сама идея забастовки, должно быть, независимо изобреталась не один раз; различные слова для обозначения «забастовки» появившиеся во множестве европейских языков предполагают множественное происхождение: *sciopero* (в итальянском), *turnout* (в английском), *streik* (в немецком), *grève* (во французском), забастовка (в русском), *huelga* (в испанском языке). Тем не менее забастовки были редкими событиями в начале XIX в. К 1900 г. они стали рутинными фактами жизни рабочего класса. Они были в основном незаконными и часто наказуемыми в 1800 г., а век спустя стали по большей части законными и редко наказуемыми. Что еще важнее, в большинстве западных стран интенсивность забастовок продолжила расти и во второй половине XX в. (см.: [Hibbs, 1976b]). В процессе этого забастовки рутинизовались: были сведены к нескольким стандартным форматам, обзавелись собственной юриспруденцией, стали объектом государственной статистики. Под «рутинизацией» я не подразумеваю «стихание». Несмотря на сложные стандартные правила, в соответствии с которыми они проводятся, профессиональные хоккейные матчи зачастую яростные, «костедробительные» события. То же верно и для забастовок.

Как и почему забастовки вошли в репертуар? Множественными способами пролетаризация создала забастовку. По определению, пролетаризация создает рабочих, которые обладают незначительным контролем над средствами производства или вообще не имеют его и выживание которых зависит от продажи их рабочей силы. Эти пролетарии или рабочие, которым угрожала пролетаризация, долгое время были основными участниками забастовок. (Термин «пролетарий», увы, в последнее время потерял некоторую часть точности, с которой Маркс употреблял его в «Капитале». В анализе Маркса центральными элементами были отделение от средств производства + наемный труд. В действительности сельскохозяйственные рабочие были ключевым историческим примером, обсуждаемым Марксом. Он точно не концентрировался на неквалифицированных фабричных рабочих.) Из всех рабочих пролетарии наиболее явно имели интересы, прямо противопоставляющие их работодателям. Пролетарии выигрывали больше всего от приостановки применения рабочей силы и меньше всего от остальных способов.

В XIX в. темпы пролетаризации значительно ускорились. По моим минимальным предположениям, население Европы в целом

в период с 1800 по 1900 гг. выросло примерно с 190 млн до 500 млн, в то время как пролетариат вырос примерно с 90 млн до 300 млн. Если это верно, то численно рос сам тип рабочих, который был первым кандидатом на участие в забастовках. Более того, поводом для многих забастовок была именно пролетаризация. Вне зависимости от того, стоял ли вопрос непосредственно о зарплатах, рабочем времени или условиях труда, в основе всего была борьба против попыток работодателя осуществлять все больший и больший контроль над распоряжением средствами производства и, следовательно, над тем, как рабочий использует свой труд.

В своем прекрасном анализе «систем оплаты» Бернар Мотте исследует широко распространенное в XIX в. движение от различных форм компенсации за выполненное задание к различным формам компенсации затрат времени и усилий [Mottez, 1966]. Ярким примером компенсации за выполненное задание служит набор контрактных систем (договоров субподряда), в которых семья или рабочая команда гарантировала производство определенного количества законченных объектов, соответствующих определенным стандартам за оговоренную плату. Большая часть горнодобывающей, лесной и текстильной промышленности некогда функционировала на контрактной основе. Действительно, ранние квазифабрики часто состояли из групп более или менее автономных ремесленников, которые приносили с собой инструменты и материалы на общее рабочее место. (Майкл Ханаган приводит пример ремесленников-шлифовщиков XIX в. в Ле Шамбон-Фежероль, неподалеку от Сент-Этьенн [Hanagan, 1976], которые иногда работали дома, а иногда в маленьких мастерских, в зависимости от личных склонностей и текущего уровня производственной активности.)

Компенсации затрат времени и усилий принимают различные формы, двумя наиболее очевидными из которых являются почасовая и сдельная оплата. Сдельная работа значительно отличается от урочной работы: характерно, что в собственности работодателя находятся материалы, инструменты и рабочее место, кроме того он контролирует основное местоположение, время и распорядок труда; к тому же «обрабатываемое изделие», о котором идет речь, обычно не является законченным продуктом, а только маленькой его частью. Большинство современных форм стимулирования производства попадают в эту же категорию. Они предполагают пролетаризованную рабочую силу, в то время как урочная работа и под-

ряд предполагали рабочих, которые обладают существенным контролем над средствами и условиями производства.

Как указывает Мотте, наниматель XIX в., который хотел собрать группу относительно квалифицированных работников в большую производственную единицу, не имел другой возможности, кроме как принять ту или иную форму компенсации за выполненное задание. Но, по мере накопления капитала, увеличения масштабов производства, по мере того как инновации в технологии и рабочая дисциплина сделали возможной рутинизацию, разбиение на части и демистификацию основных производственных задач, наниматели переходили ко все большему и большему предварительному планированию всего процесса и надзору за ним. Это включало и сдвиг к компенсации за время и усилия.

В целом рабочие противостояли всему этому процессу как могли. Они не то чтобы были просто консервативны (хотя в целом они предпочитали условия труда, которые знали и которые могли как-то контролировать, тем, которых не знали), их сопротивление иногда принимало форму требований радикальной реорганизации производства и общественной жизни: понятие «социализм» само по себе первоначально представляло собой видение социального порядка, при котором производители сами контролируют свои судьбы. Забастовка возникла как один из первостепенных способов, при помощи которого ремесленники под угрозой пролетариации и полупролетарии, которым угрожала полная потеря контроля над распоряжением своим трудом, давали отпор.

Если мой анализ корректен, то забастовка вошла в репертуары коллективного действия европейских рабочих как реактивное средство, однако позднее стало первостепенным средством проактивного коллективного действия. В рамках этого процесса забастовка рутинизовалась. Одним из признаков этого является ее легализация. Большинство западных стран легализовали некоторые формы забастовочной активности во второй половине XIX в.: Великобритания шла впереди всех, сделав это в 1824 г. За ней последовала Саксония в 1861 г., Франция — в 1864 г., Бельгия — в 1866 г., Пруссия — в 1869 г., Австрия — в 1870 г. Еще одним признаком этого стало появление регулярных статистических отчетов: с 1880-х и 1890-х годов начинается ведение ежегодной статистики забастовок во многих западных странах, включая США. Третьим признаком стал рост количества профессиональных бюрократов, занима-

ющихся мониторингом, регуляцией, составлением отчетов и по возможности урегулированием забастовок. Эти чиновники, наниматели и организованные рабочие выработали стандартные определения забастовок и локаутов. Они разработали правила надлежащего поведения сторон в ходе забастовки. Они также создали средства регистрации и оповещения об окончании и итогах забастовок. Они, а также судьи, полицейские и прочие государственные служащие задавали точное место забастовки в рамках повседневного репертуара коллективного действия. Конечно, правила оставались неясными в некоторых важных отношениях, правила менялись по мере изменения баланса сил, и большая часть нормотворчества была побочным продуктом ожесточенной борьбы. Это и есть способ, посредством которого обычно меняются репертуары коллективного действия.

Коллективная биография Мишель Перро, насчитывающая приблизительно 3000 забастовок, которые произошли во Франции с 1870 по 1890-е годы охватывает важный период в рутинизации забастовки [Perrot, 1974]. Книга великолепна: богата фольклором, риторикой и тактиками забастовочной активности, переполнена впечатляющими зарисовками контекста проблем, по поводу которых бастовали рабочие. Однако основной темой книги является то, что за 1890-е годы забастовки приручили и намуштровали, тогда как прежде они происходили намного спонтаннее и выражали непосредственные проблемы, которые волновали рабочих, вполне прямо. Рост больших, централизованных профсоюзов, по мнению Перро, способствовал удушению креативности забастовок, их спонтанности и, возможно, их революционного потенциала. По поводу последнего пункта остаются некоторые сомнения: 1890-е годы принесли огромный всплеск забастовочной активности, потоки революционных проявлений на праздниках Первого мая, и великие забастовки, и расцвет анархо-синдикализма. Более того, рабочие организации малого масштаба также играли ключевую роль в развитии местных забастовок до 1890 г. Тем не менее основное наблюдение верно: посредством взаимодействия профсоюзов, рабочих, правительств и работодателей забастовки в самом деле стандартизировались.

В плане перечня факторов формирования репертуаров коллективного действия, который мы рассмотрели ранее, кристаллизация забастовок в XIX в. выглядит следующим образом:

1) *существующие нормы права и справедливости*: ремесленники полагали, что трудовой вклад дает право контролировать распоряжение его продуктом и условия применения труда, что контрастировало с буржуазными представлениями о том, что обладание капиталом дает право на неограниченное распоряжение трудом;

2) *повседневные практики населения*: рост концентрации рабочих в больших мастерских и их эквивалентах;

3) *внутренняя организация населения*: комбинация остатков цеховых организаций, давление нанимателей, ведущее к пролетаризации, возрастание сегрегации мест жительства рабочих;

4) *накопленный опыт коллективного действия*: демонстрация успеха забастовок ремесленников, провал обращений к чиновникам и патронам;

5) *структуры репрессии*: возрастающая готовность правительств допускать ограниченные формы забастовочной активности.

Ничто из перечисленного не объясняет изобретения забастовки, которое датируется задолго до XIX в. Но это удобный список основных факторов, объясняющих, почему забастовка стала стандартным поведением рабочих в западных странах XIX в.

Забастовка продолжила изменяться в XX в. Рисунок 5.3 показывает некоторые аспекты ее трансформации для Франции с 1890 до 1954 г. Трехмерные графики представляют среднюю продолжительность, количество участников на забастовку и уровень забастовочной активности в показателях количества забастовок в год на 100 тыс. рабочих в составе рабочей силы. Объем фигуры демонстрирует приблизительное значение дней забастовки за один год. Форма фигуры суммирует комбинацию продолжительности, размера и частоты забастовок. В 1890-х годах французские забастовки были относительно небольшими и редкими, однако имели тенденцию продолжаться долгое время. В 1950-х годах французские забастовки в среднем были большими и частыми, но кратковременными. Такое общее изменение формы фигуры было очень распространенным в западных странах [Shorter, Tilly, 1974, ch. 12]. Кроме прочего, это отражало сдвиг от маленьких мастерских, ремесленнических организаций и местных профсоюзов к большим заводам, полностью пролетаризованным рабочим и крупномасштабным профсоюзам.

Хотя эти изменения были достаточно характерными, национальные модели забастовок значительно различались. Общего от-

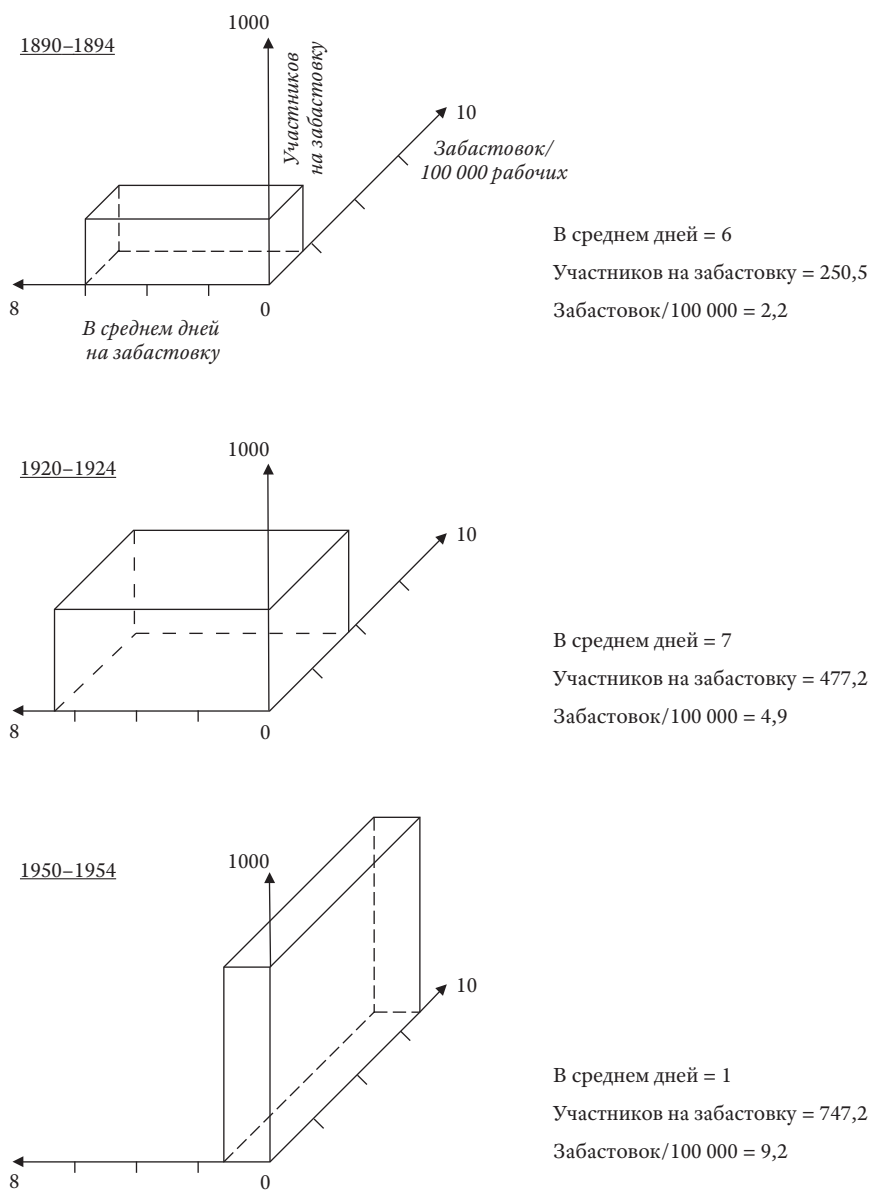


РИС. 5.3. Трансформации форм французских забастовок, 1890–1954 гг.

мирования забастовок, которого многие теоретики ожидали со «зрелостью» индустриализации, не произошло; частота забастовок, их размеры и количество участников в целом возросли после Первой мировой войны и оставались высокими или даже поднялись еще выше после Второй мировой войны. Тем не менее открываются важные контрасты.

Один из наиболее драматичных контрастов отделил Скандинавские страны от остального Запада. Хотя уровни забастовочной активности достигали новых высот в других местах, в Скандинавии они шли на убыль.

В своем сравнительном анализе индустриального конфликта в Британии и Швеции XX в. Джоан Линд выявляет важный элемент этого контраста [Lind, 1973]. На первый взгляд, обнаруженное ею соответствует тому же паттерну, что был подробно рассмотрен нами. Лонгитюдный (time-series) анализ забастовочной активности в обеих странах обнаружил прочную связь между уровнем индустриального конфликта и степенью мобилизации рабочих, измеряемую или по членству в профсоюзах, или по доходам профсоюзов. Однако этот исследовательский результат не столь прямолинеен, как звучит. В Британии зависимость позитивная: чем выше уровень мобилизации, тем больше забастовок. В Швеции она негативная. Шведские забастовки последовательно убывали по мере роста членства в профсоюзах.

И это еще не все. В Британии помесечный анализ временных рядов показал, что репрессивные меры Первой мировой войны оказали небольшой понижающий эффект на общий уровень забастовочной активности (учитывая эффект таких иных переменных, как цены и безработица) и более масштабную тенденцию содействовать поддерживаемым государством добровольным переговорам и обязательным арбитражным разбирательствам в качестве альтернативы забастовке. Однако подобный анализ Второй мировой войны не привел к таким же результатам. Число забастовок значительно выросло в последние месяцы войны, несмотря на объявление забастовок вне закона и установление принудительного арбитража<sup>2</sup> в июне 1940 г. Оно выросло, несмотря на рост судеб-

---

<sup>2</sup> Принудительный арбитраж — система рассмотрения трудовых конфликтов между работодателями и работниками, при которой обязательно обращение в специально созданные органы, занимающиеся третейским урегулированием трудовых споров. — *Примеч. пер.*

ного преследования забастовок и локаутов от 50 в 1941 г. до 582 в 1942 г. и до 1279 в 1943 г. [Lind, 1973, p. 156].

Эти противоречия вызывают беспокойство. Часть происшедшего достаточно понятна. В Британии организованный труд, несмотря на наличие Лейбористской партии, никогда не развивал длительных, глубоких и надежных связей с правительством, которые долгое пребывание во власти социал-демократов предоставило шведскому труду; в Швеции чем тяжелее был труд, тем легче было урегулировать споры посредством иных мер, а не забастовок: переговоров, законодательства, правительственного давления на работодателей. Когда труд вошел в британскую политическую систему, многочисленные профсоюзы сохранили большую долю автономии; никакая центральная рабочая организация не стала достаточно сильной для того, чтобы вести переговоры от имени всех своих членов или заставить этих членов придерживаться положений их трудовых договоров. В Швеции высоко централизованная федерация приобрела большую силу и в качестве переговорщика, и в качестве гаранта соблюдения контрактов. В таких условиях членство в политической системе поощряло забастовки в Британии и сделало рутинное политическое давление более привлекательной альтернативой участию в забастовках в Швеции.

Исследование индустриального конфликта в Италии, Франции и США, осуществленное Дэвидом Снайдером, также указывает на более сложную модель удержания власти [Snyder, 1974; 1975]. Тестируя стандартные экономические модели на ежегодных отчетах о забастовках со второй половины XIX в. примерно по 1970-е годы, Снайдер обнаружил их неудовлетворительную (хотя нельзя сказать, что совершенно пренебрежимую) предсказательную силу во всех трех странах перед Второй мировой войной и после нее во Франции и Италии; для США предсказательная сила экономической модели значительно выросла после Второй мировой войны. Чисто политическая модель (в которой фигурируют членство в профсоюзах, демократы в Конгрессе, партия президента и наличие общенациональных выборов) лучше соответствует наблюдениям во всех случаях, за исключением США после Второй мировой войны.

Как и можно было предположить, синтез экономической и политической моделей дает наиболее точные предсказания; но даже тогда политические переменные несут на себе большую часть объ-

яснительной нагрузки, за исключением современного опыта США. Суть гипотезы Снайдера в том, что Новый курс и приспособление к условиям Второй мировой войны укрепили и стабилизировали связи организованного американского труда с правительством. Причем настолько сильно, что прежние попытки воздействовать на правительство посредством забастовок или воспользоваться его преходящей благосклонностью пошли на убыль, сменившись в своей основе экономической борьбой между нанимателями и организованными работниками. Эта борьба велась в рамках, установленных и гарантированных правительством. Роль правительства оставалась намного более ситуативной, а власть организованного труда намного более слабой и переменной в Италии и Франции.

Наиболее соответствующие историческим данным составные модели Снайдера напоминают те, что мы с Эдвардом Шортером нашли наиболее эффективными для объяснения межгодовых колебаний французской забастовочной активности между 1885 и 1965 гг. [Shorter, Tilly, 1974, ch. 4]. Снайдер улучшил наши формулировки, прояснив эффект отношений труда с правительством. Его список изменений в этом отношении имеет сходство с осуществленным Линд сравнением Британии и Швеции.

Дуглас Хиббс применил подобный способ рассмотрения к забастовочным тенденциям XX в. в Бельгии, Канаде, Дании, Финляндии, Франции, Италии, Японии, Нидерландах, Норвегии, Швеции, Великобритании и США. Его основные выводы представлены ниже:

*...Забастовки — это одно из проявлений непрекращающейся борьбы за власть между социальными классами за распределение ресурсов, главным образом (но не исключительно) национального дохода. Главный тезис исследования состоит в том, что долгосрочные изменения в объеме индустриального конфликта в значительной мере объясняются изменениями в локусе борьбы за распределение. Забастовочная активность значительно упала в тех странах, где социал-демократические или рабочие партии взяли власть в 1930-х годах — или непосредственно после Второй мировой войны — и создали современное «государство всеобщего благоденствия». В этих странах огромная доля национального дохода сейчас проходит через государственный сектор и перераспределяется в ходе политического процесса. Политический конфликт между левыми и правыми партиями на электоральной арене... пришел на смену индустриально-*

му конфликту между трудом и капиталом в частном секторе... в качестве итогового механизма распределения национального дохода. Для сравнения в странах, управляемых более или менее непрерывно буржуазными партиями центристского или правого толка, частный сектор продолжает доминировать в *распределении*, а также в *производстве* ресурсов. Экономический рынок продолжает оставаться основным локусом конфликта по поводу распределения в этих странах и, вследствие этого, средний уровень забастовочной активности остается относительно постоянным три четверти века или более того [Hibbs, 1976b, p. 26–27].

Синтезируя исследовательские результаты Линд, Снайдера и Хиббса, мы приходим к трехчастному делению: 1) страны, в которых рынок является местом дистрибутивного конфликта и отношения труда и менеджмента с властью относительно стабильны — там рыночная конъюнктура оказывает заметный эффект на уровень забастовочной активности; 2) страны, в которых решения о перераспределении находятся в основном под политическим контролем — там забастовочная активность низка или отсутствует, а реальные дистрибутивные конфликты происходят в ходе выборов и иной политической борьбы; 3) страны, в которых место решений о распределении само по себе является проблемой — там краткосрочные политические флуктуации оказывают значительное влияние на уровень забастовочной активности. *Форма* забастовочной деятельности, например преобладание однодневных протестных забастовок, без сомнения, варьирует в соответствии с этим.

Все эти исследования выявляют значимость мобилизации, по крайней мере представленной уровнем юнионизации рабочей силы. Все они фиксируют, что краткосрочные экономические колебания наиболее прямо способствуют забастовочной активности не тем, что приносят невзгоды, но тем, что предоставляют возможности действовать на основе недовольств и устремлений, которые долгое время вынашивались. В результате этих и других исследований послевоенного времени остается мало сомнений по поводу общей тенденции роста забастовочной активности с экономическим подъемом и падения во время экономического спада (см., например: [Knowles, 1952; Weintraub, 1966; Ashenfelter, Johnson, 1969; Vanderkamp, 1970; Skeels, 1971; Kaelble, Volkmann, 1972]). Ни одно из этих исследований не придает большого значения такому дополнительному фактору как помощь — в смысле правительственных

действий, понижающих издержки забастовочной активности для рабочих.

Сравнение различных национальных моделей выявило два интересных затруднения. Во-первых, забастовка — это всего лишь одно из возможных средств действия, открытых для рабочих. В различные времена политическое давление, саботаж, демонстрации и оккупация рабочего места становятся привлекательными альтернативами забастовки. Репертуар коллективного действия рабочих всегда включает больше опций, чем забастовка. Более того, приводит ли конкретная забастовка к действительной остановке работы зависит от поведения других сторон: прежде всего менеджмента и во многих случаях профсоюзов и правительства. Таким образом, уровень забастовочной активности — это, в лучшем случае, несовершенный индикатор коллективного действия рабочего класса в целом. Надлежащее объяснение забастовочной активности должно включать выбор как альтернативных форм коллективного действия, так и процесса переговоров.

Во-вторых, трудность заключается в том, что *форма* связей между организованным трудом и правительством очень существенно влияет на забастовочную активность. В той степени, в какой организации труда становятся могущественны в правительстве и получают контроль над коллективным действием рабочих в целом, забастовка становится относительно дорогим способом ведения дел труда. В той степени, в какой снижается угроза или перспектива правительственного вмешательства в забастовки, рабочие получают свободу приводить свою забастовочную активность в соответствие с ритмом экономики. Угроза (или перспектива) правительственного вмешательства зависит от структуры властных отношений между трудом, менеджментом и государством.

## ВЫБОРЫ, ДЕМОНСТРАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Отсюда следует урок более общего плана. Простая модель политической системы, предложенная ранее, представляет собой полезный отправной пункт, однако упускает важность политических коалиций и средств действия, встроенных в существующую политическую организацию. Использование выборов для решения общественных дел выступает основным примером этого. Политологи давно заметили, что установление системы обязательных обще-

национальных выборов способствует росту политических партий не только потому, что государства имеют тенденцию к одновременной легализации выборов и партий, но и потому, что электоральная борьба дает явное преимущество тем группам интересов, которые организованы в партии. По моему мнению, эффект воздействия электоральных систем на формы коллективного действия даже более общий. Сравнение истории конфликтных коллективных действий в Италии, Германии, Франции и Англии [Tilly, Tilly, Tilly, 1975] указывает на тесную связь между институционализацией общенациональных выборов и использованием формальных ассоциаций всех сортов в качестве орудий коллективного действия. Огромное распространение клубов, кружков и товариществ во время французских, немецких и итальянских революций 1848 г. (в каждом случае расширение электората и увеличение политической значимости выборов было стандартным элементом революционных программ) иллюстрирует указанную связь. Опыт тех же самых стран делает вероятной гипотезу о том, что развитие выборов способствует кристаллизации и распространению демонстрации как формы коллективного действия.

Почему? Из-за эффекта зонтика: юридический зонтик, раскрывшийся, чтобы защитить электоральный процесс и укрыть его в своей срединной зоне от дождя, имеет неровный край. Там есть место, где могут укрыться остальные. Узаконивание электоральных ассоциаций или электоральных собраний создает основания притязать на законность ассоциациям и собраниям, которые не вполне электоральные, не *только* электоральные или в *данный момент* неэлекторальные. Это узаконивание снижает издержки мобилизации и коллективного действия группы. Оно также создает престижную и доступную модель действия в целом. В Соединенных Штатах 1960-х годов мы находим неохотное признание легитимности Партии черных пантер, демократической партии «Свобода Миссисипи», Партии свободы и мира.

Агенты правительства в то или иное время пытались с помощью преследований искоренить все эти организации. Однако сформировалась некая коалиция между этими организациями и «белыми либералами» с сильной заинтересованностью в широком понимании приемлемой политической деятельности. Коалиция затруднила правительству отказ этим квазипартиям в правах на организацию, рекрутинг, собрания, ходатайства, рекламу и демонстра-

ции, которые узаконенные партии практиковали как нечто само собой разумеющееся. Но это была не чисто силовая игра. Тот факт, что движения с важными деятельностью и целями помимо победы на выборах решили организовать по типу политических партий, сам по себе предоставил им защиту, недоступную подобным движениям, которые выбрали организацию по типу автономных сообществ, военных отрядов или заговорщических сетей. Поступив таким образом, они, конечно, подвергались риску кооптации, инфльтрации и легкой слежки. В этом состоит внутренняя дилемма группы активистов, которая находит защитную лазейку в правовой системе: солидарное сопротивление с вероятностью уничтожения или адаптация с вероятностью поглощения или распада.

Почему демонстрация должна процветать вследствие развития выборов? Потому что ее основная форма имеет сходство с избирательным собранием, и потому, что она обеспечивает эффективное средство продемонстрировать силу одного из участников (политической борьбы), а иногда и оказать влияние на результаты выборов.

Как мы знаем, демонстрации вошли в стандартный репертуар коллективных действий большинства западных стран в XIX в. Тем не менее в Англии и Америке можно наблюдать кристаллизацию этой формы до 1800 г. Уже несколько веков англичане собирались большими группами по определенным общепринятым праздникам, таким как день Гая Фокса. Во время этих празднеств они часто выражали свое коллективное мнение по поводу героев дня, злодеев и глупцов. Они проносили чучела, везли фигуры на платформах, демонстрировали шарады и плакаты. Казни через повешение, похороны, выходы из тюрем, королевские дни рождения, оглашения военных побед собирали толпы, которые иногда согласованно выражали требования, симпатии или недовольство. Во всех этих случаях власти предоставляли возможность и в некоторой степени даже санкционировали эти собрания. Конкурентные выборы легко встраиваются в эту же модель, и собрания сторонников различных кандидатов приобрели определенную степень защиты.

В случае полноценной демонстрации, толпа становится более автономной, сама выбирает повод и способ собрания. После 1750 г. представление петиции в парламент или местные органы власти время от времени собирало вместе тысячи людей в поддержку общей позиции. Известный Гордоновский бунт 1780 г. на-

чался с митинга и марша, организованных в связи с представлением в парламент петиции Протестантской ассоциации, подписанной 44 тыс. человек, против Акта об освобождении католиков того же года. Лорд Гордон повел четыре огромных колонны демонстрантов к Палате общин. Они были ядром большой толпы, собравшейся и ожидавшей в течение сессии на Парламентской площади. Поздно вечером «одна часть толпы отправилась к частной часовне посла Сардинии на Дьюк-стрит, Линкольнс-Инн-Филдс, а другая — к часовне, пристроенной к баварскому посольству на Уорик-стрит, в районе Сент-Джеймс. Первая, известная тем, что часто посещалась английским католическим дворянством, была сожжена дотла; обе были обысканы и разграблены, а их убранство сожжено на улицах» [Rudé, 1971, p. 221–222].

Избирательное собрание получило признание в качестве установленной формы для демонстраций в тот же период. В конце электоральной кампании 1769 г. народного героя Джона Уилкса, по замечанию Руде:

Сторонники Уилкса сгруппировались в различные кавалькады, которые спокойно проходили по улицам Лондона перед тем как отправиться в Брентфорд, чтобы отдать свои голоса. Некоторые из них шли от статуи Принца Оранского на Джермин-стрит, перед ними несли шесть или семь флагов (Биль о правах, Великую хартию вольностей, и т.д.), всю символику различных обществ, членом которых был мистер Уилкс [Rudé, 1962, p. 69].

Случилось так, что парламент отказался утвердить депутатом Уилкса после его избрания подавляющим большинством. Этот факт инициировал еще одну великую петиционную кампанию, уже общенационального масштаба. Многие из петиций, доставленных к дверям парламента или короля, сопровождались толпами демонстрантов. Сторонники Уилкса в своей многократной борьбе с правительством широко использовали массовые шествия с петициями, для того чтобы продемонстрировать свою растущую силу.

Эта инновация была большим шагом к созданию демонстрации в качестве особой формы коллективного действия. Еще два изменения завершили эту трансформацию: элиминация петиции в качестве необходимого предлога для демонстрации силы, и генерализация формы действия, которое теперь уже не обязательно направлялось на короля и парламент. В борьбе лондонских радикалов

и короны, которая вспыхнула в последние десятилетия XVIII в., начали осуществляться эти дальнейшие изменения.

К 1790 г. общества радикалов Лондона, а также других городов, организовывали крупные демонстрации, все более частые. В Шеффилде, согласно Э.П. Томпсону:

Демонстрации проводились в конце ноября, для того чтобы отпраздновать успех французских войск в битве при Вальми, что было отражено в «Шеффилдском Регистре»..., еженедельной газете, которая поддерживала реформаторов. Процессия из пяти или шести тысяч тащила по улицам разделанного на четыре части жареного быка, что сопровождалось пушечными залпами. В процессии несли карикатурную картину, изображающую Британию — Берк верхом на свинье — и фигуру, верхняя часть которой имела сходство с министром по делам Шотландии, а нижняя — с ослом..., шест Свободы, лежащий сломанным на земле, с надписью «Правда — это клевета» — Солнце, пробивающееся из облака, и Ангела мира, одной рукой роняющего «Права человека» и протягивающего другую, чтобы поднять Британию [Thompson, 1963, p. 104].

Символы конечно экзотические, напоминающие Уильяма Блейка. Однако легко забыть, что демонстранты XX в. часто также носят символические гробы, чучела и маски. Сама основа формы демонстрации 1792 г. в Шеффилде представляет собой то, с чем мы сталкиваемся сегодня.

Примерно в те же годы демонстрации стали стандартным способом ведения общественных дел в британских колониях Северной Америки. Американское сопротивление Акту о гербовом сборе 1765 г., как и современные ему баталии вокруг Уилкса в Англии, помогли отделить демонстрации от санкционированных собраний, установить их важность в качестве рутинного инструмента применения общественного давления. 14 августа появились две фигуры, подвешенные на огромном дереве на стратегической дороге, ведущей в Бостон; одна из них изображала Эндрю Оливера, распределителя гербовых марок, другая — огромный сапог с дьяволом внутри. Собравшаяся толпа воспрепятствовала снятию фигур.

К вечеру какие-то люди сняли фигуру сборщика и переложили ее на похоронные носилки, которые были пронесены через город под одобрительные возгласы толпы, скандировавшей: «свобода и ответственность навсегда», «никаких марок», «никаких чиновников»!

В этом стечении народа «некоторые из самых уважаемых людей» прогуливались «в величайшем порядке» «и торжественным образом». Во главе процессии «шествовали 40 или 50 торговцев, прилично одетых, за ними следовали тысячи черни...» Собравшиеся под приветственные возгласы масс людей, стоявших вдоль улицы, прошли вниз по Мэйн-стрит, свернули на Кинг-стрит и остановились перед ратушей, где собрались губернатор и городской совет. Толпа, хорошо осведомленная об этом, «прокричав троекратное “ура!” в знак неповиновения, прошла мимо» [Hoerder, 1971, p. 153].

Огромный вяз, на который были повешены фигуры, позднее стал известен как Дерево Свободы. Оно стало моделью для тысяч священных деревьев свободы, за которые сражались в Америке. Позднее Дерево Свободы стало первым символом Французской революции. Во многих историях сопротивление Акту о гербовом сборе рассматривается в качестве начала американской революции. Демонстрация заняла важное и устойчивое место в американском репертуаре коллективного действия с ростом этого революционного движения.

Пример демонстрации преподает один важный общий урок. Формы, частота и состав участников коллективного действия неразрывно связаны с существующими структурами государства и политики. Когда мы начинаем улучшать простую модель правительства, политической системы и соперников, которая была у нас в начале, мы должны уделить внимание специфическим правилам членства в политической системе, существующим структурам репрессии и помощи, правам, которых добиваются различные соперники. Наша элементарная модель делает немногим больше, чем определение, в какой связи каждая из этих переменных должна быть значимой.

К примеру, что касается вопроса о политических правах, возвращая к настоящему времени аргументация отдает предпочтение рассмотрению права голоса, петиций, собраний, печати и т.д. в качестве (а) состоящего не из общего принципа, а из специальных требований определенного соперника к определенному правительству, (б) появляющегося в результате борьбы между мобилизованными соперниками и правительствами. Таким образом, распространенная идея о том, что стандартный набор политических прав постепенно распространился от маленькой элиты к населению в целом, вводит в заблуждение. Она не является полностью непра-

вильной, поскольку в целом доля населения, обладающего реализуемыми требованиями к различным национальным правительствам относительно голосования, петиций, собраний и печати, чрезвычайно расширилась за последние два века, и это расширение прошло в несколько шагов от элит к обычным людям и не сокращалось резко после того, как выросло. Тем не менее эта идея вводит в заблуждение, поскольку подобные требования обычных людей к другим правительствам (особенно местным правительствам) в целом уменьшились в ходе того же процесса, и поскольку каждый шаг этого расширения обычно происходил в ответ на требования некоторого вполне определенного соперника или коалиции соперников.

Тот факт, что права состоят из реализуемых требований к правительству со стороны конкретных групп, делает менее озадачивающим то, что в таких элементарных правах, как право собраний и подачи петиций, так легко отказывают претендентам (таким как проститутки, милленаристы, фашисты, гомосексуалисты), личные характеристики, цели или действия которых неприемлемы для большинства прочих групп. Отказ в праве претенденту угрожает правам существующих членов политической системы только тогда, когда характеристики, организация, цели или деятельность претендента имеют сходство с таковыми у некоторых членов политической системы, или в случае, когда между претендентом и членом сформирована коалиция.

Все наши вопросы о формах и частоте коллективного действия в конечном счете возвращают нас обратно к вопросу о власти. При тщательном рассмотрении соревновательной, реактивной и проактивной форм действия стирается различие между «дополитическим» и «политическим» протестом. Внимательное изучение контекста забастовочной активности бросает вызов разделению между «экономическим» и «политическим» конфликтами. Глубокое осмысление демонстрации, шаривари и продовольственных бунтов порождает фундаментальные сомнения по поводу выделения группы спонтанных, экспрессивных, импульсивных, эфемерных действий толпы — хотя, оно подтверждает важность креативности, инновации, драматичности и символизма в рамках существующего репертуара коллективного действия и существующей структуры власти.

## Глава 6

### Коллективное насилие

#### БРИТАНСКИЕ ДРАКИ КАК КОЛЛЕКТИВНОЕ НАСИЛИЕ

«**В**СЕ мы знаем на что похож день выдвижения кандидатов», — писала газета «Times» в июне 1868 г.

Председательствующий функционер заручается беспристрастным слушанием для обеих сторон, и хорошо если он дойдет до конца хотя бы пары своих предложений без издевательских возгласов и иронических криков, объяснимых только местным историком. После чего никого слышать уже невозможно. Шум не прекращается; выдвигающие предложения, поддерживающие их и сами кандидаты говорят словно в немом представлении или открывают свои чувства только докладчикам; головы разбиты, кровь хлещет из многих носов, и суд избирателей уже в общем подвергнут суровой тренировке в качестве подготовки к голосованию на следующий день [Richter, 1971, p. 21].

Как утверждает Дональд Риктер, глумления и драки, которые регулярно сопровождали выборы в XIX в., опровергают и благонравную репутацию викторианской Британии — представление о том, что «избирательная реформа + постоянный полицейский контроль = гражданское спокойствие». Выборы в Британии XIX в. так же, как и множество иных событий общественной жизни, сопровождались насилием. «Публичное бесчинство и сопротивление властям, — заключает Риктер, — было частью британского характера, воспитанной веками независимости и политической неприимости» [Ibid., p. 28]. Идея Риктера имеет сходство с ощущение-

нием властей XIX в.: что они имеют дело с неуправляемыми от природы людьми, которых необходимо сдерживать, обучать и делать цивилизованными.

Трудность с подобного рода характерологическими определениями насилия в том, что они объясняют слишком многое, или не объясняют совсем ничего. Они объясняют слишком многое в том смысле, что нет такого насильственного действия, к которому они были бы неприменимы в принципе, следовательно, нет способа доказать их ошибочность. Не объясняют ничего в том смысле, что в конечном счете редуцируются к описанию того, что должны были объяснить. Однако имеющиеся описания электорального насилия в Британии XIX в. позволяют нам надеяться, что выход из этой тавтологии может быть найден и что возможно обнаружение регулярных связей между формой коллективного насилия и природой текущей борьбы за права и власть.

Между прочим Риктер сам предоставляет нам некоторую ценную информацию о причинах британского электорального бесчинства. Так он отмечает:

Не было чем-то необычным для агентов кандидатов, не всегда без ведома последних, нанять банду хулиганов с угольных шахт неподалеку для запугивания и терроризирования избирателей противника. Свидетель перед парламентским комитетом, проводившим расследование выборов 1868 г., дал показания о том, что в Бристоле агенты либералов из Лондона организовали и оплатили «летучие отряды» бандитов от 200 до 300 человек, набранных из бристольских трущоб. Дислоцированные как квазिवоенные отряды и вооруженные дубинками, они появились в день выборов на различных избирательных участках и отгоняли голосующих за консерваторов [Richter, 1965, p. 180].

Более обычным было то, что сторонники данного кандидата (наемные или нет) часто устраивали из выборов праздники, выставляли напоказ свои цвета, много пили за здоровье своего кандидата, глумились над его оппонентами, дрались с носителями других цветов. Такое поведение может служить примером «публичного бесчинства и сопротивления властям», но также позволяет установить более ясную связь между насилием и организованной борьбой за власть, чем готов был признать комментатор «Times».

За два года до выборов 1868 г. правительство тори, которое недавно пришло к власти, заявило устами Дизраэли<sup>1</sup>, что не обязательно предпримет парламентскую реформу во время следующей сессии. Лига реформы призвала к массовому митингу в Гайд-парке 23 июля 1866 г. Митинг стал поводом к тому, что Фрэнсис Шеппард называет «единственной значительной вспышкой насилия» в ходе огромной компании, приведшей к Биллю о реформе<sup>2</sup> 1867 г.:

Юристы короны решили, что корона имеет право закрыть ворота, и министр внутренних дел, Спенсер Уолпол, теперь решил воспользоваться этим правом. Проинформированные об этом, лидеры Лиги тем не менее решили шествовать в Гайд-парк, и, если им воспрепятствуют туда войти, проследовать на Трафальгарскую площадь. Печатные листовки, сообщающие об этом решении, были распространены в большом количестве. Когда лидеры процессии достигли Мраморной арки, они обнаружили, что ворота закрыты и собрано большое количество полицейских. После того, как комиссар полиции отказал им в допуске в парк, сэр Ричард Мэйн, Билс<sup>3</sup> и толпа, его окружавшая, отправились на Трафальгарскую площадь. Но прочие участники все прибывали, контроль был потерян, и вскоре плотная масса людей стала давить на ограду. Ограда и каменная кладка были старыми и слабыми, и пролом за проломом были быстро сделаны вдоль Парк-лейн и Бэйсуотер-роуд. Полиция противостояла этим вторжениям и начались потасовки, однако тысячи человек уже проникли в парк, и даже полк гренадерской гвардии, появление которого громко приветствовалось, не мог вытеснить захватчиков без применения огнестрельного оружия. После часа или

---

<sup>1</sup> Бенджамин Дизраэли — английский государственный деятель Консервативной партии Великобритании, 40-й и 42-й премьер-министр Великобритании в 1868 г., и с 1874 по 1880 г. — *Примеч. пер.*

<sup>2</sup> Билль о реформе 1867 г. — «вторая парламентская реформа», предоставившая право голоса незначительной части рабочего класса, проживающего в городах. В 1832 г. «первая парламентская реформа» предоставила право голоса средней и мелкой торгово-промышленной буржуазии, дала представительство новым промышленным центрам. В 1884 г. «третья парламентская реформа» предоставила право голоса дополнительным категориям пролетариата. — *Примеч. пер.*

<sup>3</sup> Эдмонд Билс (1803–1881) — английский юрист, буржуазный радикал, один из агитаторов расширения политических прав промышленной буржуазии путем парламентской реформы, в 1865–1869 гг. председатель Лиги реформы. — *Примеч. пер.*

двух радостных речей ораторов начала сгущаться тьма, и толпа добровольно разошлась [Sheppard, 1971, p. 341].

Исключая, возможно, хорошее настроение, происшествие представляет собой хрестоматийный пример крупномасштабного коллективного насилия: одна группа предпринимает большое действие, которое явно или неявно выражает требование; вторая группа отрицает это требование; они борются. Выдвигающая контртребование группа часто состоит из специальных репрессивных сил (полиция, военные, группа вооруженных граждан, наделенных некоторыми правами, члены «комитета бдительности»), действующих в интересах господствующих классов. Без сомнения, некоторые из демонстрантов в 1866 г. были в ярости, некоторые были пьяны, а некоторым просто нравилась неразбериха. Но разрушение ограды и драки с полицией были побочными продуктами борьбы требования и контртребования. Такова стандартная структура коллективного насилия.

#### НАСИЛИЕ: ПОНЯТИЕ И РЕАЛЬНОСТЬ

Однако чтобы это прояснить, нам необходимо разделаться с рядом серьезных концептуальных проблем. «Насилие» часто служит категорией, вмещающей все разновидности протестов, воинственности, принуждения, разрушения или поигрывания мускулами, которых данный наблюдатель склонен бояться или осуждать. Насилие, как отмечает Генри Бинен, «несет оттенок “нарушения”, и мы зачастую используем понятие “насилие” для обозначения незаконного применения силы» [Bienen, 1968, p. 4]. Гранди и Вайнстейн выстраивают конкурирующие определения насилия в последовательности от узкого к широкому:

*узкое:* такое применение физической силы, которое запрещено нормативным порядком, рассматриваемым в качестве легитимного;

*промежуточное:* любое использование физической силы;

*широкое:* любое лишение утвержденных прав человека [Grundy, Weinstein, 1974, p. 113].

Они отмечают, что в целом защитники законной власти предпочитают узкие определения. Их оппоненты — широкие. Между ними расположились «либеральные демократы, которые определяют

насилие как любое применение физической силы, поскольку они склонны оправдывать революции против авторитарных режимов, которые не имеют встроенных механизмов мирного изменения» [Ibid.].

Однако у нас есть практические и политические причины для выбора среднего в этой классификации. Узкое определение насилия в качестве нелегитимной силы вводит дискуссию о должных пределах власти в само определение подлежащего изучению феномена — малообещающее начало. Широкое определение насилия, включающее любое нарушение прав человека, не только требует согласия относительно характера этих прав, но также и расширяет данный феномен до такого огромного спектра общественных отношений, что его систематическое исследование становится почти невыполнимым. Если мы сконцентрируем внимание на человеческих действиях, которые наносят вред личностям или объектам, мы по крайней мере получаем шанс разобраться с закономерностями появления этих действий.

Но даже такое ограничение незамедлительно требует дальнейших различений. Насилие, определяемое таким образом, все еще включает:

- отрезание пальцев,
- убийства,
- игру в хоккей,
- восстания,
- обыкновенный износ автомобилей или автомобильных дорог,
- утилизацию ядовитых отходов,
- курение сигарет.

Очевиден соблазн добавить некоторые ограничения, касающиеся намерений акторов: они хотят разрушать, они разгневаны, они стремятся к власти или что-нибудь еще. Проблема с тем, чтобы делать многое зависящим от намерений, заключается в том, что намерения имеют смешанный характер и трудноразличимы. Посторонние суждения относительно интенций участников конфликтов обычно предполагают имплицитные теории причинности и ответственности. Даже со всей полнотой знания интенции часто оказываются смешанными и разнонаправленными, часто меняются и дают осечку в ходе действия. Мы должны спрашивать, *чья* это интенция и когда они возникают.

Кроме того, насилие редко бывает сольным выступлением. Оно обычно вырастает из взаимодействия оппонентов. Чьи намерения необходимо учесть: маленькой группы демонстрантов, собравшейся на ступенях законодательного собрания? большой группы зрителей, которая в конце концов оказывается втянутой в действие? полиции, которая сперва стоит на страже, а затем бьется, чтобы разогнать толпу? Итак, в теории и на практике намерения представляют собой зыбкий критерий для различения насилия от ненасилия.

В своем великолепном эссе о насилии Ханна Арендт обосновывает фундаментальное различие между властью и насилием. По ее мнению, власть — это «человеческая способность не только действовать, но действовать сообща». Но трудности, с которыми мы боремся, проявляются в одном факте: Арендт никогда не дает четкого определения насилия. В максимальном приближении у нее:

*Насилие... отличается инструментальным характером. Феноменологически оно близко к мощи, поскольку орудия насилия, подобно всем другим орудиям, создаются и используются с целью умножения естественной мощи, пока на последней стадии своего развития не становятся способны ее, т.е. мощь, заместить [Arendt, 1970, p. 46; Арендт, 2014, с. 54].*

В качестве различия в рамках политической философии — т.е. такой системы принципов, на основе которых мы можем найти разумное основание для системы власти и с помощью которых можем оправдать или осудить публичные действия — трактовка власти и насилия Арендт имеет объяснительную силу. В качестве руководства для наблюдения действий людей она, однако, допускает фатальную ошибку, основываясь именно на тех чертах коллективного действия, о которых наблюдатели и участники спорят наиболее рьяно. Это так именно потому, что они являются чертами действия, которые приносят ему оправдание одних и осуждение других. Оправдание и осуждение являются важным делом, однако в данном случае они нас не касаются.

У нас нет под рукой и более легких альтернатив. Можно попытаться дать определение «нормальному», или «ожидаемому», или «легитимному», применению силы в жизни общества и опреде-

лить отклонения от него в качестве насилия. Такой подход требует не только (трудной) оценки нормального, ожидаемого положения вещей, но и тенденцию уклониться от определения насилия, осуществляемого профессиональными специалистами принуждения: полицией, армией, мафией, грабителями. Однако если мы обратимся к величине ущерба, понесенного затронутыми насилием индивидами и объектами, то столкнемся с трудностью определения, насколько прямым и материальным должен быть этот урон: учитывать ли способствующее распространению болезней вываливание мусора фирмой? Значимо ли психическое бремя порабощения?

Я привожу здесь эти утомительные сложности с целью продемонстрировать, что на данном этапе развития научного знания *любое* определение будет произвольным в некоторых отношениях и спорным в других. Люди не пришли к согласию по поводу того, что называть насилием. Более того, их несогласие во многом вытекает из различий в политических воззрениях. Сам я склоняюсь к тому, что Терри Нардин называет концепцией насилия «грубого вреда» (“brute harm” concept of violence): любое наблюдаемое взаимодействие, в ходе которого люди или вещи захватываются или терпят физический ущерб, несмотря на сопротивление. (Прямое или не прямое сопротивление в виде нападений на людей, установки препятствий, стояния на пути, удержания вещей или людей, являющихся предметом разногласий и т.д. входят в это определение для того, чтобы исключить саморазрушение, потлач, церемониальные увечья, перестройку городов и прочий коллективный урон, с которым более или менее согласны все стороны. Короче, чтобы удостоверить наличие конфликта интересов.)

Дальнейшие различия начинаются отсюда: коллективное *vs* индивидуальное, в зависимости от количества сторон взаимодействия; игровое *vs* неигровое, в зависимости от степени, в которой все участники начинают с соглашения работать для достижения ряда альтернативных исходов, следуя некоторым стандартным правилам; прерывное *vs* непрерывное, в зависимости от того, в течение насколько большого промежутка времени мы наблюдаем насилие, а также насколько много времени должно пройти, прежде чем мы сможем назвать действие подошедшим к концу и т.п.

## НЕКОТОРЫЕ ОЧЕРТАНИЯ НАСИЛИЯ

Если определить коллективное насилие таким образом, то интересные выводы начинают появляться на основе пристального изучения существующих данных о насильственных событиях. Наше исследование тысяч инцидентов насилия, произошедших в Западной Европе с 1800 г., обнаруживает несколько сильных тенденций, которые влияют на наше понимание истоков насилия.

Во-первых, большая часть коллективного насилия (в смысле взаимодействия, производящего непосредственный ущерб людям и вещам) вырастает из действий, которые не являются по своей сути насильственными и которые в основном похожи на намного большее количество коллективных действий, осуществляемых без насилия в тот же период и в тех же условиях. Наиболее отчетливым примером является демонстрация: некоторая группа показывает свою силу и решимость в присутствии публики, агентов государства и, возможно, также и своих врагов. Подавляющее большинство демонстраций проходит без прямого ущерба для людей или собственности. Но небольшая часть все же перерастает в сопровождающиеся насилием стычки демонстрантов с полицией или разрушение собственности со стороны демонстрантов. Когда подобное происходит, мы конвенционально используем новое слово для обозначения данного события — «беспорядки» — и, тем самым, затушевываем его связь с ненасильственными событиями. Демонстрации — это настолько распространенный способ заниматься политикой в современной Европе, что даже небольшой пропорции насильственных исходов достаточно, чтобы сделать демонстрацию наиболее частой сценой для коллективного насилия. Та же картина в чем-то характерна для забастовки, парламентской сессии, общественного собрания, фиесты: подавляющее большинство из них проходят без насилия, насильственные же не отличаются фундаментальным образом от остальных.

Вторая важная черта коллективного насилия, выделяющаяся в истории современной Европы, — это огромная вовлеченность агентов государства, особенно репрессирующих агентов, таких как полиция и армия. Это, что неудивительно, зависит от масштаба: чем меньше людей вовлечено, тем меньше вероятность появления репрессирующих агентов. Но это не означает, что чем больше масштаб *насилия*, тем вероятнее вмешательство полиции. Ибо для со-

временной Европы сами репрессивные силы являются наиболее последовательными инициаторами и исполнителями коллективного насилия.

Здесь существует своего рода разделение труда: силы подавления осуществляют большую часть убийств и нанесения увечий, в то время как группы, которые они пытаются контролировать, наносят наибольший ущерб объектам. Это разделение труда проистекает из обычных преимуществ, которые силы подавления имеют в плане вооружения и дисциплины; из общих тактик демонстрантов, забастовщиков и прочих частых участников коллективного насилия, которые нарушают имеющие символическое значение правила и запреты, контроль за соблюдением которых — дело правительственных агентов; из типической последовательности событий, в которой демонстранты прибегают к незаконным, но ненасильственным действиям, а репрессивные силы получают приказ остановить их. Средством, к которому прибегают, зачастую оказывается насилие.

#### НАСИЛИЕ В АМЕРИКЕ

Поскольку детальных исследований современных Латинской Америки, Северной Америки, Африки или Азии не существует, трудно сказать, насколько применимы к ним полученные обобщения. Доступные на данный момент фрагментарные данные, свидетельствуют о том, что они очень хорошо применимы в современных странах с сильной властью. Джером Скольник [Skolnik, 1969, p. 258] в заключительной части своего исследования современных протестов в Америке утверждает: «Ошибочно пренебрегать ролью, сыгранной силами социального контроля в усугублении и иногда создании беспорядков. Как отмечает Комиссия Кернера<sup>4</sup>, беспорядки нередко начинаются и заканчиваются полицейским насилием».

Хронологический обзор насилия в американских конфликтах работников и работодателей с очевидностью демонстрирует, что

---

<sup>4</sup> Национальная консультативная комиссия по гражданским беспорядкам (National Advisory Commission on Civil Disorders), известная как «Комиссия Кернера» по имени возглавившего ее губернатора Иллинойса О. Кернера. Комиссия была создана президентом Л. Джонсоном в 1967 г. для расследования причин расовых волнений. — *Примеч. пер.*

в долгосрочной перспективе полиция, военные и охрана заводов осуществляют большую долю всех убийств и увечий, а также что обычной исходной точкой служит некоторое незаконное, но ненасильственное коллективное действие рабочих — стачка, сидячая забастовка, демонстрация, пикет, отправка делегаций. В своей зарисовке типичных обстоятельств, в которых погибли по меньшей мере 700 человек в ходе «трудового насилия» в Америке XIX–XX вв., Тафт и Росс отмечают:

Сталкиваясь с непреклонным сопротивлением, лидеры профсоюзов и их члены часто обнаруживают, что ничто — ни мирные переговоры, ни главы правительства — не может подвинуть работодателя к признанию. Фрустрация и отчаяние побуждают пикетчиков реагировать на штрейкбрехеров с ненавистью. Многие вспышки насилия следовали за попытками забастовщиков сдерживать приход штрейкбрехеров и сырья на завод, охваченный забастовкой. Такое очевидно незаконное поведение приоткрывает возможность для силовых действий полиции. В долгосрочной перспективе сторона работодателя лучше экипирована для достижения успеха. Использование силы пикетчиками по форме незаконно, но действия полиции и охраны завода осуществляются в защиту прав работодателя [Taft, Ross, 1969, p. 289–290].

Тот же общий паттерн повторяется и в большинстве современных насильственных коллективных действий в Америке: группа предпринимает незаконные и(или) политически неприемлемые действия, силы порядка пытаются усмирить группу, за этим следуют насильственные столкновения, «нарушители общественного порядка» — ибо это ярлык, наклеиваемый на группу во время насильственного контакта с полицией или военными, — несут наибольшие потери.

Размышляя о длинной цепи насильственных столкновений между претендентами и держателями власти в Америке, Ричард Рубинштейн делает важное наблюдение:

С самого начала одно кажется очевидным: те группы, которые добились успеха без участия в продолжительных беспорядках, партизанском терроризме или открытом восстании, не обязательно более талантливы, трудолюбивы или «более американские», чем те, которые прибегли к высокому уровню насилия. Сопротивление изменению со стороны более могущественных групп — это один из клю-

чевых элементов борьбы; другой — соответствие характеристик не принадлежащих к группе и потребностей меняющейся политико-экономической системы [Rubenstein, 1970, p. 15–16].

Затем он переходит к сравнению подвижности экономических и политических механизмов, открытых для иммигрантов в 1880–1920 гг., с формированием в 1930-х и 1940-х годах новой правящей коалиции, серьезно сопротивлявшейся смещению: «По иронии судьбы (так как это группы, наиболее державшиеся за миф о мирном прогрессе и виновности творящего насилие), именно существование этой коалиции, осуществляющей власть через высокоцентрализованную федеральную бюрократию, помогает сохранять возникающие группы слабыми и зависимыми» [Ibid., p. 17]. В результате, по мнению Рубинштейна, попытки получить долю власти встречали решительное сопротивление и порождали благочестивые рекомендации о том, что членам этих групп необходимо пытаться войти в систему в качестве индивидов, на основе своих собственных достоинств, а не разрушать систему коллективными попытками вырвать у нее блага.

Анализ Рубинштейна включает и идею о том, как обычно работает американская политическая система, и видение того, какие изменения она претерпела с 1930-х годов. Общая картина соответствует описанной Уильямом Гэмсоном «стабильной непредставленности» в американской политике:

...Американская политическая система обычно работает на то, чтобы предотвратить полное вхождение на политическую арену зарождающихся конкурентов [Gamson, 1968, p. 18].

Это описание применимо ко всем политическим системам; реальные вопросы таковы: насколько велики подобные препятствия? Насколько они варьируют от одной системы к другой, от одной эпохи к другой?

Это приводит к следующему вопросу. Была ли американская система закрыта для входа начиная с 1930-х годов? Для того чтобы тщательно изучить этот вопрос, необходима намного более точная информация относительно судеб успешных претендентов, чем та, которой мы сейчас располагаем. Исследование Гэмсона не обнаружило никакой тенденции значительного увеличения поражений среди современных претендентов в его выборке. Однако его иссле-

дование охватывает небольшое количество примеров и останавливается на данных 1945 г. Не очевидно, что недавние претенденты (студенты, выступающие против войны, организованные чернокожие, гей-активисты и рабочие авиационного производства, являвшиеся вероятными кандидатами на включение в список после 1940 г.) встречали большее сопротивление, чем гильдии ремесленников, прогибиционисты<sup>5</sup> или аболиционисты<sup>6</sup> в XIX в. Вероятно, имеются вариации во времени и вполне может существовать долгосрочная тенденция. Это слишком тонкие вещи, чтобы проявиться в паре импровизированных сравнений.

#### ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ И ВОВЛЕЧЕННОСТЬ В НАСИЛИЕ

В терминах, которые мы использовали ранее, Рубинстайн утверждает, что члены политической системы, действуя в основном руками агентов государства, объединились, для того чтобы оказывать сопротивление требованиям недавно мобилизовавшихся претендентов на членство. Его наиболее важный пример — это организованные чернокожие. Но такой анализ также широко применим к прошлой и настоящей борьбе выращивающих пшеницу фермеров, женщин, сторонников трезвости, студентов и профсоюзов. В этих и многих других случаях, принятие коллективных требований группы будет значительно перераспределять ресурсы, находящиеся под контролем политической системы, переопределять правила членства для последующих претендентов, изменять вероятность коалиций внутри и за пределами политической системы. Это означает, что основная линия связи между насилием и борьбой за власть состоит в последовательности повторяющихся публичных притязаний группы-претендента на некоторое пространство, объекты, привилегии, защиту или другие ресурсы, которые они рассматривают как причитающиеся им на общих основаниях, а агенты власти (поддерживаемые членами политической системы) силовыми методами сопротивляются их требованиям. Проак-

---

<sup>5</sup> Прогибиционисты — сторонники запрещения торговли спиртными напитками. — *Примеч. пер.*

<sup>6</sup> Аболиционисты — участники движения за уничтожение рабства. — *Примеч. пер.*

тивное коллективное действие, с одной стороны, и коллективная реакция — с другой.

Однако завершенная картина процессов, связывающих политическую борьбу и насилие, требует различения между претендентами и членами на пути к выходу из политической системы. Члены, теряющие свои позиции, с большей вероятностью обнаружат себя пытающимися сохранять эксклюзивные притязания на какой-то конкретный ресурс (школу, отличительный костюм, источник дохода, налоговую льготу) и неспособными заручиться поддержкой других членов или агентов государства в поддержании этих требований. В таких условиях они обычно пытаются продавливать свои требования собственными силами и препятствовать притязаниям других на те же ресурсы.

Тогда две различные последовательности скорее всего приведут к коллективному насилию с участием приходящих в упадок членов политической системы. Первая похожа на ту, в которой участвуют новые претенденты на членство в политической системе в том плане, что агенты государства прямо противостоят притязаниям выбывающего члена, чтобы продолжать реализовывать свои прежние права на определенные ресурсы. Вторая прямо противопоставляет уходящего члена остальным, стремящимся приобрести спорные ресурсы: «группы бдительности», частные армии и банды головорезов, особенно вероятно вступят в действие в этот момент, когда старый член пытается заменить правительство, на которое становится невозможно положиться, собственными силами.

Региональное движение, сопротивляющееся централизации государства, обычно принимает такую форму (см.: [Hechter, 1975]). Такими были классические европейские продовольственные бунты, в ходе которых члены сообщества коллективно сопротивлялись чьему бы то ни было праву припрятывать зерно во время голода или вывозить его за пределы сообщества, в то время как местное население по-прежнему нуждалось в продовольствии, и усиливали свой протест, выступая в традиционной для властей роли: инвентаризировали имеющееся в распоряжении зерно, свозили его в общественное хранилище и продавали по цене, которая в данной местности считалась справедливой и разумной (см.: [Tilly Ch., 1975; Tilly, 1971]). И наконец, так же действуют и различные фашистские движения, сформировавшиеся в ответ на угрожающие требования мобилизованного рабочего класса.

Последовательности включения новых претендентов и исключения членов означают, что коллективное насилие имеет тенденцию группироваться вокруг входов в политическую систему и выходов из нее. Когда членство стабильно, коллективное насилие менее широко распространено. Наиболее важная причина такой кластеризации состоит в склонности репрессивных сил государства действовать против новых соперников или приходящих в упадок членов.

Некоторые индикаторы связи между коллективным насилием и борьбой на краю политической системы появляются в исследовании Ди Вернеттом немецких парламентских выборов в сентябре 1930 г. и июле 1932 г. — критических моментов подъема нацистов и исчезновения коммунистов из политической жизни Германии [Wernette, 1974]. Среди прочего, Вернетт кодифицировал «политические события», заметки о которых появлялись в «Kölnische Zeitung» в течение двух месяцев, предшествовавших каждому случаю. События, которые он подсчитывал, включали: 1) ненасильственные, организованные политические действия, такие как электоральные митинги; 2) террористические акты, такие как бомбометания и нападения из засады, затрагивающие явно политические цели; 3) побоища и коллективное насилие, включающие по меньшей мере одну группу, явно идентифицируемую по своей политической аффилиации; 4) репрессивные действия со стороны государства, такие как полицейские расследования, аресты и судебные разбирательства.

Как демонстрирует табл. 6.1, значительная доля всех событий включала террор или коллективное насилие. Что более важно, эта доля росла по мере того, как борьба становилась более острой: 27% всех событий включали коллективное насилие, 8% — террор и 9% — нападения на собственность в 1930 г., в то время как те же доли для 1932 г. составили 57, 25 и 13% соответственно. (Естественно, что эти категории не являются взаимоисключающими.) Основными участниками насильственных действий явно были нацисты, коммунисты и полиция. Основные места коллективного насилия расположены на территории, где сосредоточивались силы коммунистов (регионы Берлина, Кёльна, Дюссельдорфа и т.д.) и куда нацисты направляли свои усилия по истреблению коммунистов. Самыми частыми событиями были столкновения между нацистами и коммунистами и их нападения на собственность друг друга. Кол-

ТАБЛИЦА 6.1. Доля различных политических событий, предшествовавших германским выборам в сентябре 1930 г. и июле 1932 г., % по типу действия

Тип действия	1930 г.	1932 г.
Ориентированные на выборы ненасильственные действия	33	15
Прочие ненасильственные действия	4	17
Террористические акты	8	25
Нападения на собственность	9	13
Коллективное насилие	27	57
Полицейские расследования	6	10
Аресты	17	22
Сообщения о судебных разбирательствах	19	5
Запреты организаций	2	7
Запреты деятельности	8	9
Общее число событий	316	569

лективное насилие проистекало непосредственно из борьбы за место в политической системе Германии.

Я не имею в виду, что последовательности, которые были описаны, являются *единственными*, производящими коллективное насилие, но только то, что они наиболее регулярны и достоверны.

Рутинное испытание сил между признанными членами политической системы производит определенное количество насильственного конфликта, который, однако, имеет тенденцию быть ограниченным и рассматривается как досадное недоразумение. Обычные схватки между командами, сообществами, группами подростков или школами иногда соответствуют модели насилия как «испытания сил», но чаще этого не происходит; подобные испытания также характеризуются малым масштабом и большими ограничениями. Пьяные драки, частное отмщение, праздничное безумие, импульсивный вандализм — все это время от времени достигает угрожающих масштабов. Что более важно, частота обычных стычек, драк, вендетт и тому подобного значительно варьирует в зависимости от базовых концепций чести, долга и солидарности, которые преобладают среди некоторого населения. Тем не менее я склонен утверждать, что в населенных, находящихся под контро-

лем государств, все эти формы охватывают лишь малую долю случающегося коллективного насилия и изменяются слишком постепенно, чтобы объяснить резкие всплески и спады коллективного насилия, проявляющегося у данного населения. Главным источником вариаций коллективного насилия является функционирование политической системы.

Я также не имею в виду, что большая часть коллективного насилия проходит спокойно и расчетливо. Это далеко не так. Те, кто борются за права на основе общих принципов, и те, кто борются за защиту привилегий на основе обычая и прецедента, обычно возмущены и часто охвачены яростью. В моменты опасной конфронтации (как Луи Жирар говорит о французских революциях 1830 и 1848 гг. и почти все говорят о французских событиях мая 1968 г.) в воздухе часто витает дух праздника, возбуждения или освобождения от обычных ограничений. Множество индивидуальных актов выплескивания негодования и сведения старых счетов проходит под прикрытием коллективного действия во имя высоких принципов. Развернутая к этому моменту аргументация попросту отвергает распространенный вывод о том, что ярость, возбуждение или негодование являются причиной коллективного действия.

Если приведенные аргументы корректны, то они преподносят парадоксальный урок исследователям: чтобы понять и объяснить насильственное действие, необходимо понимать ненасильственное. Каждое исследование, изучающее насильственные события сами по себе, работает с продуктом двух различных групп детерминантов: 1) коллективного действия в целом, вне зависимости от того, производит оно насилие или нет; 2) насильственных результатов коллективного действия. В объяснении забастовок мы столкнулись с аналогичной проблемой: хотя в определенном смысле группа рабочих выбирает, выходить или не выходить на забастовку, забастовка является всего лишь одним из альтернативных способов выразить недовольство: замедление труда, политическое давление, саботаж и индивидуальное ворчание также возможны. Поэтому мы не можем просто делать вывод об уровне недовольства по частоте попыток организации забастовки. Более того, произойдет ли забастовка на самом деле, зависит от стратегических расчетов и стратегического взаимодействия по меньшей мере двух соперников; когда одна сторона намного сильнее и хитрее другой,

недовольство, вероятно, будет урегулировано или подавлено без всяких забастовок.

Снайдер и Келли [Snyder, Kelly, 1976] обнаружили, что с 1878 по 1903 г. забастовки в Италии были с большей вероятностью насильственными в том случае, если они были крупными, продолжительными и(или) ориентированными на требования повышения заработной платы, а не требования относительно организации профсоюзов. В противоположность большинству аргументов, которые прямо переходят от недовольств к забастовкам, они не обнаружили связи между частотой насилия во время забастовок и уровнем промышленного роста или изменениями в зарплате. В противоположность результатам исследования Шортера и Тилли [Shorter, Tilly, 1971] по Франции, они находят, что в среднем насильственные забастовки были менее успешными, чем ненасильственные. Это важные результаты. Они все более подчеркивают необходимость отделения детерминантов коллективного действия (в данном случае, решения начать забастовку) в целом от детерминантов насильственных результатов коллективного действия.

В нашей первой категории детерминантов мы находим такие пункты, как частота нарушения установленных прав, уровень мобилизации различных соперников в борьбе за власть, текущие издержки различных форм действий, входящих в имеющийся репертуар и т.д. Во второй — присутствие или отсутствие контрдемонстрантов, тактика репрессивных сил, время, в течение которого противостоящие стороны находятся в прямом контакте друг с другом и т.п. Каждая из категорий иногда изменяется, в то время как другая остается относительно без изменений: демонстрации становятся более частыми, в то время как доля демонстраций, которые приводят к уличным побоищам, остается той же; власти начинают вести себя жестче с забастовщиками, хотя склонность к забастовкам не меняется. То же касается и частоты коллективного насилия. Правильное объяснение уровня насилия так же должно быть разбито по крайней мере на эти две категории детерминантов.

Из всего многообразия коллективного действия, лишь небольшая часть порождает насилие. Коллективное действие, приводящее к насилию, привлекает непропорциональное внимание, поскольку (а) непосредственные издержки участников имеют тенденцию возрастать, быть более видимыми и драматичными, чем издержки ненасильственного действия; (б) рассматриваемые собы-

тия часто включают вмешательство властей; власти вмешиваются, поскольку находят, что их интересы (или интересы их союзников) оказываются под угрозой со стороны других акторов. По большому счету коллективное насилие не является результатом того, что какой-то отдельной группой овладевает некоторая эмоция, чувство, отношение или идея. Насилие вырастает по большей части из стратегического *взаимодействия* между группами.

В современных западных обществах наиболее частым местом коллективного насилия являются конкурентные собрания: скопления людей, которые привлекают внимание к коллективным требованиям, конфликтующим с интересами других групп. Конкурентные собрания, такие как демонстрации, забастовки, так называемые продовольственные бунты и протесты против налогов, в целом не являются по своей природе насильственными. Факт состоит в том, что большинство из них проходят без насилия.

Насильственные разновидности демонстраций, забастовок, продовольственных бунтов и протестов против налогов не формируют четко иного класса событий. Они обычно происходят как часть серии подобных событий, которые вполне на них похожи с тем различием, что не производят ущерба или захвата людей или собственности. Они в большинстве своем представляют такие события, в которых одни стороны противостоят выдвинутым требованиям других. Эти стороны с большей вероятностью будут сопротивляться, если соперник, выдвигающий требования, не является значительно сильнее их, или если выдвинутые требования угрожают их выживанию. Тем не менее насильственные и ненасильственные события одного общего типа нам достаточно просто объединить в единый кластер, чтобы использовать видимые, насильственные события в качестве лакмусовой бумажки при исследовании приливов и отливов конкурентных собраний в целом.

## ИЗМЕНЕНИЕ КОНТЕКСТОВ КОЛЛЕКТИВНОГО НАСИЛИЯ

Схема соревновательного/реактивного/проактивного действия представляет удобное средство для суммирования итогов крупнейших тенденций в эволюции основных контекстов коллективного насилия в западных странах в течение последних четырех или пяти столетий. Два основных процесса доминируют над остальными: 1) подъем национальных государств на господствующие пози-

ции в огромном разнообразии видов политической деятельности; 2) все более ассоциативный характер главных соперников в борьбе за власть на локальном и национальном уровне. В 1500 г. нигде на Западе не существовало полноценных национальных государств с непрекращаемым приоритетом над прочими властями в пределах своей территории. Англия, возможно, была ближе всего к этому. Однако в Англии 1500 г. прошло всего 15 лет после убийства короля Ричарда III Генрихом Тюдором в битве при Босворте. Она только что перенесла получившие широкую поддержку восстания Ламберта Симнела<sup>7</sup> и Перкина Уорбека<sup>8</sup>. Ей еще предстояло заключить союз с Шотландией. В ней по-прежнему имелось некоторое число крупных феодалов, которые контролировали собственные отряды вооруженных вассалов. Само правительство представляло собой по большей части меняющиеся, соперничающие коалиции между великими вельможами и их дружинами, и король был могущественнейшим из вельмож сильнейшей коалиции. Став Генрихом VII, Генрих Тюдор начал большую работу по государственному строительству, которую столь решительно продолжили Генрих VIII и Елизавета.

Через полтора века после 1500 г. гражданская война вновь поставила вопрос о том будет ли централизованный королевский аппарат власти, который начали строить Тюдоры, а затем Стюарты, доминирующей политической организацией в Англии. Фактически государство, появившееся в 1688 г., имело несколько отличные очертания от того, что до этого строили Тюдоры и Стюарты. Сила и автономия парламента намного превзошла все то, что невозмутимый наблюдатель в Англии 1600 или 1620 г. мог бы разумно ожидать.

В 1500 г. большинство государств сталкивались с серьезными вызовами их гегемонии как извне, так и изнутри своей территории. Лишь немногие из сотен более или менее автономных правительств пережили следующие два столетия государственного строительства. Большая часть власти была сконцентрирована в по-

<sup>7</sup> Ламберт Симнел — самозванец, выдававший себя за Эдуарда V, старшего сына короля Эдуарда IV. Ставленник Йоркской партии в борьбе против короля Генриха VII. — *Примеч. пер.*

<sup>8</sup> Перкин Уорбек — самозванец, выдававший себя за Ричарда из Шрусбери, герцога Йоркского, младшего сына короля Эдуарда IV (второго из принцев, заключенных в Тауэр их дядей, королем Ричардом III). — *Примеч. пер.*

литических процессах единиц масштабом менее национального: сообществ, городов-государств, княжеств, полуавтономных провинций. Большинство борцов за власть в этих политических системах были в сущности общинными по своей структуре: ремесленные братства, семьи, крестьянские сообщества. Господствующие формы коллективного насилия отражали эти обстоятельства: это были войны между соперничающими властями, драки между группами ремесленников, побоища между молодежью соседних общин, нападения одной религиозной группы на другую.

Рост государств поставил под угрозу власть (а часто и само существование) всех мелкомасштабных политических систем. Они сопротивлялись. Строители государств одержали верх в своей борьбе за доминирование, только преодолев яростное сопротивление князей, общин, провинций и крестьянских сообществ. Поэтому на протяжении нескольких веков основные формы коллективного насилия вырастали из реактивных движений различных сегментов всего населения: базировавшиеся на сообществах борцы за власть сражались против потери своего членства в политических системах, по сути против самого разрушения политических систем, в которые они инвестировали свою власть. Коллективное сопротивление призыву на воинскую службу, налогообложению, расквартировке войск и всему разнообразию прочих поборов со стороны государства иллюстрирует этот реактивный путь к коллективному насилию.

В течение века или более того опыт большинства западноевропейских стран, однако, показывает, что наиболее часто встречавшаяся форма порождающего насилие движения была более прямо направлена против рынка, а не государства. Это был продовольственный (голодный) бунт. Название обманчиво: зачастую борьба шла по поводу неочищенного зерна, а не съестного, и чаще всего не доходила до физического насилия. Классический европейский голодный бунт имел три разновидности: *акция возмездия*, в ходе которой толпа атаковала людей, собственность или недвижимое имущество тех, кого считали виновными в припрятывании продовольствия или спекуляции; *блокада*, в ходе которой группа местных жителей препятствовала вывозу продовольствия из их местности, требуя, чтобы ее хранили и(или) продавали на их территории; *бунт против цен*, в рамках которого люди захватывали складированное или выставленное на продажу продовольствие, продавали его публич-

но по цене, которую считали справедливой и отдавали деньги владельцу или продавцу.

В ходе наилучшим образом задокументированных событий (Англия и Франция XVIII–XIX вв.) блокады случались чаще бунтов против цен и гораздо чаще, чем акции возмездия. В этих двух странах продовольственные (голодные) бунты практически исчезли в какой-то момент в XIX в. Позднее вопросы о поставках продовольствия время от времени служили мотивацией для драматичных коллективных действий, однако практически всегда в форме демонстраций, в ходе которых производители жаловались на низкие цены, или же потребители — на высокие.

Время подъема и упадка продовольственных бунтов говорит о многом. В Англии, Франции и некоторых других частях Западной Европы продовольственные бунты сменили налоговые бунты в качестве наиболее частой насильственной формы коллективного действия к концу XVII в. Они резко пошли на убыль в Англии сразу после 1820 г., в Германии и Франции сразу после 1850 г. и только в некоторых частях Испании и Италии продолжали случаться вплоть до XX в.

Этот календарь не совпадает с историей голода; на самом деле великий смертоносный голод, время от времени свирепствовавший в средневековой и ренессансной Европе, уходил в прошлое во времена становления голодных бунтов как таковых, а продовольственное снабжение в расчете на душу населения, вероятно, увеличивалось на протяжении большей части этого периода. Напротив, имели место три связанных процесса изменений, которые объясняют, почему продовольственные бунты случались именно в то время: 1) пролетаризация населения, которая привела к резкому сокращению доли домохозяйств, производивших достаточное количество пищи для нужд собственных членов, огромный рост численности людей, чье выживание зависело от рынка; 2) коммерциализация производства продуктов питания, включающая создание национальных рынков и пропаганду идей о том, что национальный рынок должен обладать приоритетом по отношению к местным нуждам и что рыночное обращение имеет тенденцию устанавливать справедливую, правильную и эффективную цену; 3) демонтаж существовавшего прежде масштабного контроля над распределением продуктов питания, который отдавал местному населению преимущественное право на продовольствие, произведенное и

продаваемое в той же местности, а также обязывал местные власти обеспечивать существование местных бедняков.

Э.П. Томпсон назвал весь этот процесс упадком старой Моральной Экономии, сдвигом от *связи на основе хлеба* (bread nexus) к *связи на основе денег* (cash nexus). Люди противостояли указанному процессу до тех пор, пока сохранялась местная солидарность и коллективная память о приоритете локальных требований. В значительной степени действия толпы по блокаде, инвентаризации, хранению, провозглашению цены и устройству публичных продаж во благо местного населения осуществляли то, что раньше было обязанностью местных властей по борьбе с дефицитом и высокими ценами. Магистраты или мэры часто неявным образом признавали этот факт, молчаливо соглашаясь с этими практиками; когда они брали инициативу в свои руки, толпа обычно прекращала свои действия.

Непосредственными объектами внимания толпы всегда были местные чиновники, пекари, богатые фермеры и особенно торговцы зерном. Борьба сталкивала требования национального рынка и требования местного населения. По этой причине география продовольственных бунтов отражала географию зернового рынка: обычно опоясывала Лондон, Париж, другие столицы и основные порты, концентрировалась вдоль рек, каналов и главных дорог. По поводу острых английских кризисов 1795–1796 и 1800–1801 гг. Стивенсон отмечает: «Карта демонстрирует очень тесную связь между беспорядками и сетями коммуникаций в производственных областях вокруг Лондона во время этих двух дефицитов. В целом наиболее поразительным примером являются события 1795–1796 гг., когда по меньшей мере 50 голодных беспорядков произошло в центрах коммуникаций, либо в портах побережья, каналов или речных портах, или в городах, находящихся в легкой транспортной доступности от основных центров скопления населения» [Stevenson, 1974, p. 43]. Тем не менее рынок отразился в кривом зеркале — ибо наиболее коммерциализированные области, примыкающие к большим старым городам, обычно не были затронуты продовольственными бунтами. Здесь рынок уже давно одержал верх над местными правами на продовольственное снабжение.

Несмотря на важность рынка, продовольственные бунты были также отчасти результатом роста национальных государств. В целом (хотя и с огромными колебаниями, вариациями и различными

результатами) строители европейских государств способствовали всем трем процессам, лежавшим в основе продовольственных бунтов: пролетаризации, коммерциализации, демонтажу локального контроля. По мере роста государственного аппарата, городского населения и несельскохозяйственной рабочей силы правители государств все больше вмешивались, для того чтобы ускорить развитие рынка. (Ирония состоит в том, что они делали это во имя освобождения рынка.) Как пишет Стивенсон о кризисе в Англии 1795 г.:

Правительство, однако, было решительно настроено не допустить внутренней торговли зерном и пыталось поддерживать нормальное обращение зерна так, чтобы снабжались крупные городские центры. На основании этого правительство отказалось внять мольбам местных властей и вмешаться в свободное перемещение зерна... В Министерство внутренних дел было доложено, что остановки в перемещении зерна стали настолько распространенными, что сельские мельники боялись посылать зерно в столицу и делали это только ночью. В попытке освободить циркуляцию зерна от этих препятствий, правительство издало закон о предотвращении остановок поставок зерна, налагая за это штраф на всю «сотню» (округ графства), а отдельных лиц подвергая штрафу и тюремному заключению [Stevenson, 1974, p. 41–42].

В ходе этого кризиса многие местные чиновники стремились препятствовать вывозу зерна с их собственных рынков. Однако в течение трех десятилетий, рынок и национальное правительство одержали верх над их сопротивлением; лишь немногие мэры и магистраты отважились противостоять национальной воле, и немногие голодные толпы питали надежду заставить их делать это. Так одна из английских форм коллективного действия прекратила свое существование.

В итоге две причины положили конец доминированию реактивных форм, хотя временами и по темпу они значительно отличались от одной части Запада к другой. Во-первых, государство одержало верх практически повсеместно. Кто-то может спросить, насколько полной была победа государства в отдаленных районах таких обширных территорий, как Канада, Австралия или Бразилия, или рассуждать о том, не является ли рост регионализма в современных Бельгии, Великобритании и даже Франции предзнаме-

нованием конца государственного контроля? Тем не менее в целом два столетия после 1700 г. создали невиданную концентрацию ресурсов и средств принуждения под контролем национальных государств, практически полностью исключив иные уровни власти. Во-вторых, целая серия организационных изменений, тесно связанных с урбанизацией, индустриализацией и экспансией капитализма, значительно сократила роль коммуналистских групп в качестве средства мобилизации и резервуара власти; ассоциации того или иного рода стали характерным средством коллективного действия. Рост акционерных обществ, политических партий, профсоюзов, клубов принадлежит к тому же общему тренду.

Совместное влияние победы государств и роста ассоциаций трансформировало коллективные действия, которые чаще всего производили насилие. В стране за страной политические процессы приобретали общенациональный масштаб; значимой политической системой стала та, которая контролировалась национальным государством; решающие сражения в борьбе за власть проходили на национальном уровне. А участники этой борьбы были в большинстве своем организованы в ассоциации. Забастовка, демонстрация, партийный заговор, организованные марши на столицу, парламентская сессия, массовые митинги стали обычными ситуациями для коллективного насилия. Государство стало заинтересованным участником во всех случаях коллективного насилия — в виде полицейского, в виде стороны конфликта, в виде *tertius gaudens* (третьего лица, извлекающего пользу из борьбы двух противников).

Открытие того, что коллективное насилие — побочный продукт тех же политических процессов, что производят ненасильственные действия, не означает, что оно является неинтересным побочным продуктом. Причинение ущерба людям и объектам дает нам некоторую небольшую уверенность в том, что по крайней мере одна из сторон этого коллективного действия принимает его всерьез. Что еще важнее, насилие делает коллективное действие видимым: власти, участники и наблюдатели имеют тенденцию оставлять некоторые записи о своих действиях, реакциях и наблюдениях. Коллективное насилие, таким образом, служит удобным индикатором основных изменений в коллективном действии в целом. Как и все индикаторы, его следует использовать с осторожностью.

## Глава 7

### Революция и восстание

#### РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СИТУАЦИИ И РЕЗУЛЬТАТЫ РЕВОЛЮЦИИ

**М**Ы уже повстречали немало Великих Слов на своем исследовательском пути от мобилизации к революции. «Интересы», «власть» и «насилие» — все они оказались спорными понятиями не только потому, что характеризуют сложные реалии, но и потому, что альтернативные определения каждого из них, как правило, подразумевают альтернативные политические программы. Именно это заставляет С. Льюкса говорить о «плюралистских», «реформистских» и [истинно] «радикальных» определениях власти [Lukes, 1974]. То же самое верно и для нашего последнего Великого Слова — «революция». Революционная реальность сложна. И включает ли она перевороты, убийства, терроризм или постепенные, крупные изменения, такие как индустриализацию, — спорный вопрос, не только из-за сложности и многообразия мира, но и из-за того, что назвать что-то революционным в большинстве западных политических дискурсов означает оценить это как «хорошее» или «плохое».

Тем не менее большинство западных исследователей революции ограничивает свои определения при помощи требований двух родов: 1) настаивая на том, что акторы и их действия должны отвечать некоторым строгим стандартам — их базой должен быть угнетенный класс, комплексная программа предполагаемых социальных преобразований или какие-то иные показатели серьезности; 2) имея дело только с теми случаями, в которых власть фактически переходит в другие руки. Питер Калверт, на-

пример, встраивает в свою концепцию революции следующие элементы:

а) процесс, в ходе которого политическое руководство страны все более дискредитируется в глазах всего населения или некоторых его ключевых групп...;

б) смена власти (транзит) в четко определенный момент времени при помощи военной силы или реальной угрозы ее применения, а именно *событие*;

в) более или менее согласованная программа изменений в политических и(или) социальных институтах государства, инициированная политическим руководством после того, как революционное событие (переход власти) произошло;

г) политический миф, который придает политическому руководству, появившемуся после революционного транзита, краткосрочный статус легитимного правительства данного государства [Calvert, 1970, p. 4].

«Таким образом, — продолжает он, — для того чтобы полностью раскрыть понятие революции, необходимо детально изучить процесс, событие, программу и миф как отдельные феномены» [Ibid.]. В своем исследовании он ограничивается изучением революционных событий: смены власти, осуществленной силой. Такой выбор значительно увеличивает число случаев, которые ему необходимо исследовать, так как их большая часть не соответствует его критериям а), б), в). Тем не менее акцентирование на применении военной силы и факте перехода политической власти исключает множество примеров, в которых придерживающиеся иных точек зрения наблюдатели видят нечто революционное: промышленная революция, революции сверху, легендарная всеобщая забастовка синдикалистов и т.д. Но в то же время данное определение отражает вполне реалистичное качество, которое многие сторонники революции найдут неприемлемым: оно не настаивает на том, что сторона, захватывающая власть, непременно обездолена, прогрессивна или даже разгневана.

Ни одна концепция революции не может избежать подобных трудностей, потому что ни один теоретик не может уклониться от необходимости подобного выбора. Однако можно неплохо расчистить концептуальную почву посредством проведения простого различия между *революционными ситуациями* и *результатами революции*. Наиболее значимые разногласия по поводу правильного

определения революции находятся где-то в пределах этих двух измерений.

## РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СИТУАЦИИ

Отличительной чертой революционной ситуации, как давным-давно заметил Лев Троцкий, является наличие более чем одного блока, эффективно осуществляющего контроль над значительной частью государственного аппарата:

Историческая подготовка переворота приводит в предреволюционный период к такому положению, когда класс, призванный осуществить новую общественную систему, не став еще хозяином страны, фактически сосредоточивает в своих руках значительную долю государственного могущества, тогда как официальный аппарат государства остается еще в руках старых владык. Это и есть исходное двоевластие всякой революции.

Но это не единственный его вид. Если новый класс, поставленный у власти революцией, которой он не хотел, является, по существу, уже старым, исторически запоздалым классом; если он успел износиться до своего официального коронования; если, придя к власти, он застаёт своего антагониста уже достаточно созревшим и протягивающим руку к кормилу государства, — тогда на смену одному неустойчивому равновесию двоевластия политический переворот приводит другое, иногда еще менее устойчивое. В победе над «анархией» двоевластия и состоит на каждом новом этапе задача революции или контрреволюции [Trotsky, 1965, p. 224; Троцкий, 1997, с. 214].

В этом пассаже просматривается тень России 1917 г. Но из этого конкретного случая выводится идея, имеющая всеобщую ценность. Идея Троцкого о двоевластии проясняет ряд особенностей революционных ситуаций. Питер Амман зашел настолько далеко, что превратил ее в практическое определение самой революции: для него революция начинается тогда, когда более чем один «властный блок» рассматривается частью населения страны как легитимный и суверенный. А заканчивается революция только тогда, когда остается только один властный блок [Amann, 1962].

Адаптация идеи Троцкого Амманом имеет своим преимуществом четкое выявление общих свойств переворотов, гражданских войн и полномасштабных революций, не требующее зна-

ния о том, что будет дальше. Она позволяет и проводить различия между ними в плане характеристик самих властных блоков. В то же время она демонстрирует слабость в формулировке Троцкого: утверждение о том, что революционную ситуацию создает один класс. В своих исследованиях великих революций Нового времени Баррингтон Мур исправляет эту слабость, указывая на классовые коалиции, сокрушавшие старые режимы [Moore, 1966; Мур, 2016]. Так, для Мура Французскую революцию осуществила коалиция рабочих, буржуа и крестьян, даже несмотря на то, что рабочие и крестьяне очень скоро потерпели неудачу. Более того, Мур утверждает, что характер революционной ситуации определил результаты революции. Тот факт, что это была именно коалиция «буржуазия + крестьянство + рабочие», а не какая-то другая коалиция из тех, что осуществили американскую, английскую или русскую революцию, по мнению Мура, подтолкнул Францию к ослабленной парламентской демократии, которую она сохраняла в XIX и XX столетиях.

Таким образом, два из постулированных Троцким ограничений представляются излишними: 1) что каждый из блоков состоит из одного социального класса; 2) что возможно существование только двух таких блоков в каждый данный момент времени. Любое из этих ограничений будет исключать большинство стандартных случаев революции — не в последнюю очередь Францию, Китай и Мексику.

Идея Троцкого сохраняет свою эвристичность в том случае, если расширить ее за счет включения блоков, состоящих из коалиций между классами и(или) другими группами, и допустить возможность одновременного существования трех и более блоков. В этом случае *многовластие* является отличительным признаком революционной ситуации. Революционная ситуация начинается тогда, когда государство, ранее подконтрольное одной суверенной политической системе (*sovereign polity*), становится объектом эффективных, конкурентных, взаимоисключающих притязаний со стороны двух или более самостоятельных политических систем (*polities*). Революционная ситуация заканчивается, когда единственная политическая система вновь восстанавливает контроль над государством.

Такая мультипликация политических систем происходит в четырех различных условиях.

1. Члены одной из политических систем пытаются подчинить другую, ранее обособленную систему. Там, где две политические системы явно суверенны и независимы изначально, — там, вероятнее всего, стоит рассматривать конфликт между ними в качестве определенной разновидности войны. Такие события, как присоединение Техаса к Соединенным Штатам или переход власти к различным коммунистическим режимам в Восточной Европе после окончания Второй мировой войны, фактически попадают в неопределенную область между войной и революцией.

2. Члены ранее подчиненной политической системы, такие как группа соперников, обладающих властью в региональном правительстве, утверждают суверенитет. В этом случае на ум приходят слова «восстание» и «бунт». Однако в последнее время стало довольно распространено называть такие события антиколониальными или национально-освободительными революциями — особенно если результатом последних является независимость.

3. Соперники, не являющиеся членами существующей политической системы, мобилизуются в блок, успешно осуществляя контроль над какой-то частью государственного аппарата. Несмотря на привлекательность этой версии для лидеров обездоленных, она редко, если вообще когда-либо, осуществляется в чистом виде.

4. Более обычным обстоятельством является фрагментация существующей политической системы на два или более блока, каждый из которых осуществляет контроль над той или иной частью государства. Подобная фрагментация часто подразумевает появление коалиций между признанными членами политической системы и мобилизующимися нечленами.

Каким образом мы можем определить начало многовластия? Это куда более скользкий вопрос, чем кажется сначала. Ни наличие, ни расширение зон автономии или сопротивления со стороны подвластного населения не является надежным признаком. Все государства во все времена сталкивались с теми или иными видами сопротивления, и все государства обладают неполным контролем над своими подданными. В этом суть осуществленного ранее анализа репрессий, терпимости и помощи. Большинство государств сталкиваются с постоянными незначительными вызовами своему суверенитету изнутри: со стороны бандитов, членов «отрядов бдительности», религиозных общин, национальных меньшинств или бескомпромиссных сепаратистов. Извне в них внедряются могу-

пественные государства и посягают на их прерогативы. Все эти обстоятельства отдаленно сродни революции, однако они не конституируют революционной ситуации. Даже конкурентные притязания по отношению к существующей политической системе со стороны сторонников смещенных режимов, вооруженных движений или других государств являются вполне распространенным явлением. Но подобные притязания сами по себе не составляют революционной ситуации.

Вопрос в том, разделяет ли эти притязания значительная часть населения. Революционный момент наступает тогда, когда ранее молчаливо соглашавшиеся члены этого населения сталкиваются с совершенно несообразными требованиями государства и формируют альтернативный орган, претендующий на контроль над властью, или на то, чтобы *быть* властью... и те, кто раньше не сопротивлялся, теперь повинуются альтернативному органу. Они платят налоги, поставляют солдат в его армию, кормят его функционеров, почитают его символы, тратят время на служение этому альтернативному органу или поставляют другие ресурсы, пренебрегая запретами все еще существующей власти, которой они прежде подчинялись. С этого момента начинается многовластие. Когда останется только единственная политическая система, осуществляющая эксклюзивный контроль над государством и никакие конкуренты более успешно не продвигают свои требования — как бы это ни осуществилось — революционная ситуация окончена<sup>1</sup>.

## РЕЗУЛЬТАТЫ РЕВОЛЮЦИИ

«Революция, — пишет Самуэль Хантингтон, — это быстрая, фундаментальная и насильственная, произведенная внутренними силами общества смена господствующих ценностей и мифов этого общества, его политических институтов, социальной структуры, руководства, правительственной деятельности и политики. Революции, таким образом, необходимо отличать от восстаний, мятежей, бунтов, переворотов и войн за независимость» [Huntington,

---

<sup>1</sup> К сожалению, я должен констатировать, что в ранней версии этой главы [Tilly, 1975] я использовал термин «революция» для обозначения тех обстоятельств, которые здесь я называю «революционной ситуацией».

1968, р. 264; Хантингтон, 2004, с. 270]. Определение Хантингтона подчеркивает *результаты*, а не политические процессы, которые приводят к таким результатам. Подобные результаты редки. В зависимости от того, насколько широко интерпретируются понятия «стремительный» и «фундаментальный», было бы легко доказать, что ни одной революции никогда не было. И наоборот, трудно было бы доказать, что число настоящих революций перевалит за полдюжины. Определение революции Питера Калверта, к которому мы обращались выше, несколько менее требовательно по сравнению с определением Хантингтона. Оно требует лишь, чтобы власть была дискредитирована, чтобы новая группа захватила власть силой, чтобы новоявленные власти представили программу изменений, а также чтобы появился миф, легитимирующий переход власти в другие руки. За исключением дискредитации эти условия так же относятся к результатам; таким образом, не существует надежного способа узнать, происходит ли революция, до окончания всего процесса.

На данный момент я предлагаю еще менее требовательные критерии, чем даже Калверт. Результатом революции является смещение одной группы обладателей власти другой. Это простое определение оставляет много отправных точек: власть над средствами производства, власть над символами, власть над государством. На время возьмем власть над государством в качестве отправной точки. Результатом революции является смещение одной группы членов политической системы (*set of members of the polity*) другой. Очевидно, что революционная ситуация может сложиться без революционных результатов; в простейшем случае существующие члены политической системы побеждают претендентов на членство, после некоторого времени выдвижения эффективных, конкурентных, взаимоисключающих притязаний. И по крайней мере чисто логически возможно получение революционных результатов без революционной ситуации, путем постепенного добавления и(или) исключения членов политической системы.

В общем, вопрос состоит в том, каким образом происходит смещение одной группы власть имущих другой? Ответ частично зависит от того, какую временную перспективу мы принимаем. В краткосрочном плане этот вопрос касается тактики и баланса сил. Например, в анализе Октябрьской революции такие тактические задачи, как завоевание Петроградского гарнизона и, затем,

захват Зимнего дворца, видятся Троцкому чрезвычайно важными. В более общем плане для Троцкого контроль или нейтрализация имеющихся военных сил занимает центральное место среди краткосрочных условий перехода власти в новые руки.

В среднесрочной перспективе мы приходим к соображениям, которые доминируют в этой книге: наличие мобилизованных соперников в эффективных коалициях. В среднесрочной перспективе Троцкий анализирует крестьян, которые были мобилизованы в армию, организованных рабочих Петрограда и Москвы, партии и процессы, благодаря которым эти две общности мобилизовались и создали коалиции. В той же среднесрочной перспективе также фигурируют репрессии и помощь, особенно дискредитация и ослабление царского режима из-за войны. Именно в этой среднесрочной перспективе создание или возникновение революционной ситуации способствует — и, возможно, обуславливает — результаты революции. Без появления многовластия значимый переход власти или невозможен, или очень маловероятен.

В долгосрочной перспективе рассматриваются интересы и организации. В этой книге мы сталкиваемся с проблемой анализа долгосрочной перспективы лишь время от времени, бросая быстрый взгляд на последствия пролетаризации, развития капитализма, государственного строительства, урбанизации и индустриализации. Однако перед этими быстрыми взглядами предстает достаточно выразительная картина, для того чтобы проиллюстрировать фундаментальное значение находящихся под угрозой классовых интересов. В долгосрочной перспективе реорганизация производства создает главных исторических акторов, основные группировки интересов, основные угрозы этим интересам, а также главные условия перехода власти в новые руки.

## КОМБИНАЦИЯ СИТУАЦИЙ И РЕЗУЛЬТАТОВ

Наши понятия будут лучше работать, если превратить их в континуумы. Ситуация может быть более или менее революционной. Главный вопрос заключается в следующем: в тот момент времени, который мы рассматриваем, чего будет стоить ликвидировать раскол между альтернативными политическими системами? Насколько необратим этот раскол? Мы должны попытаться вынести суждение об этом, исходя из данных, имевшихся на тот момент време-

ни, о котором мы судим, а не из окончательных результатов. Если мы хотим вынести суждение о завершенной революции в целом, то можем зафиксировать средний раскол между политическими системами, максимальный раскол, первоначальный раскол или функцию зависимости раскола от времени как таковую. В любом случае одной крайностью является отсутствие многовластия вообще, другой — непреодолимый раскол. Между ними находятся те разделения, за устранение которых сторонам надо заплатить разную цену. Эта цена, безусловно, включает издержки репрессий для тех, кто репрессирует и кого репрессируют. Сумма всех выигрышей и упущенные выгоды также должны войти в это число. Если это так, то ожидаемая цена, очевидно, будет зависеть от временного периода, а также будет включать некоторые размышления о том, что было бы, если...

Результаты так же могут быть более или менее революционными. И здесь главный вопрос таков: насколько близко существующие члены политической системы подошли к тому, чтобы быть полностью смещенными? Мы могли бы согласиться на простой поголовный пересчет. Мы могли бы даже придать вес каждой голове в зависимости от власти, которой был наделен ее обладатель до изменения, но по-прежнему пойти на пересчет голов. Мы можем попытаться оценить власть всех ранее бывших членами политической системы до и после. В любом случае одной крайностью будет поддержание или восстановление прежнего *статус-кво*, другой — полное устранение прежних членов из политической системы. Между ними — различная степень устранения.

Таким образом, решение о том, называть ли событие революцией, выглядит теперь так, как это показано на рис. 7.1. Политика, осуществляемая в обычном порядке, включает незначительное смещение или полное отсутствие смещения существующих членов политической организации, и не более чем связанные с небольшими издержками расколы между альтернативными политическими системами. Перевороты предполагают расколы с более высокими издержками (хотя не бесповоротные), но выливаются в относительно небольшое смещение существующих членов. Тихие революции, если они происходят, приводят к значительному смещению, без или практически без развития революционной ситуации. Великие революции являются примером крайности в обоих отношениях: колоссальные расколы между альтернативными полити-

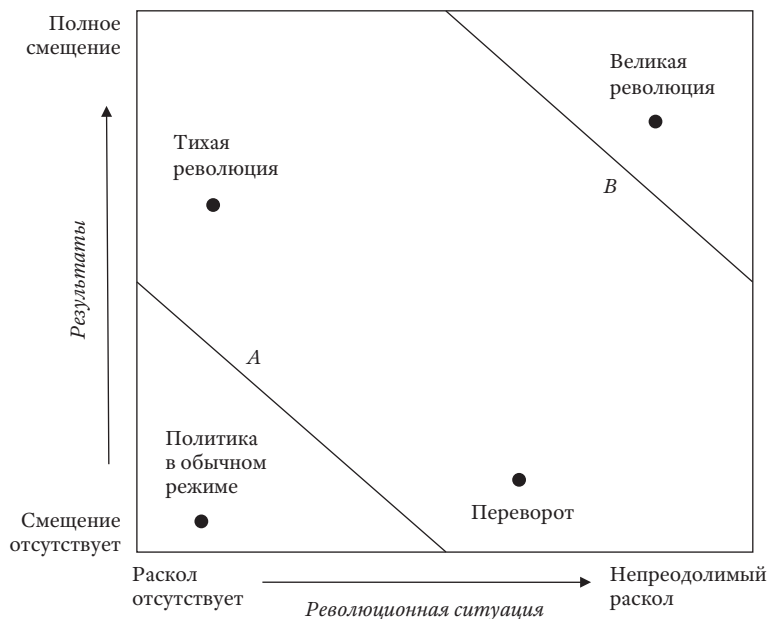


рис. 7.1. Различные комбинации революционных ситуаций с результатами революции

ческими системами, крупномасштабное смещение существующих членов политической организации. На рис. 7.1 линия *A* иллюстрирует расширенные определения революции: в них попадают все события справа от нее. Справа от линии *B* обозначены зауженные определения, под которые попадают только великие революции.

И хотя этот рисунок совершенно абстрактный, он помогает заострить внимание на некоторых чрезвычайно важных теоретических вопросах. Исследователи революций расходятся во мнениях относительно возможных на практике комбинаций результатов и революционных ситуаций. Ради упрощения сложного комплекса разногласий, давайте обратимся к трем идеализированным схемам возможного и невозможного: «синдикалистской», «марксистской» и «бринтонианской»<sup>2</sup>. Эти схемы изображены на рис. 7.2. Аргументация синдикалистов в самой упрощенной формулиров-

<sup>2</sup> Бринтонианцы — последователи идей Крейна Бринтона, автора известной в ранней американской социологии теории революции. — *Примеч. пер.*

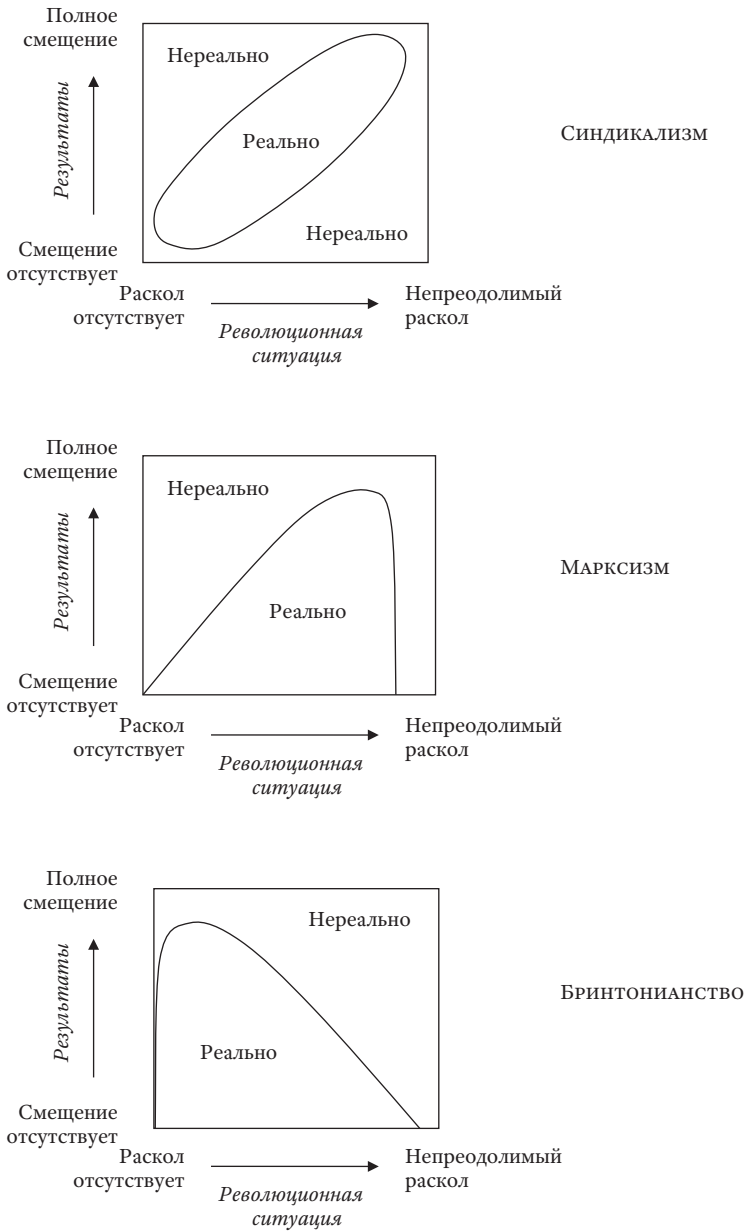


РИС. 7.2. Синдикалистская, марксистская и бринтонианская карты революционной реальности

ке гласит: чем обширнее размах революционной ситуации, тем радикальнее будут результаты революции. Это каузальный аргумент. Он говорит нам: создание непреодолимого раскола между альтернативными политическими системами само по себе порождает полное смещение нынешних держателей власти. Он так же добавляет: чем меньше размах революционной ситуации, тем менее масштабна передача власти.

Марксистская аргументация (особенно в ее формулировке такими теоретиками революции, как Грамши и Ленин) расходится с синдикалистской. Она утверждает, что многие революционные ситуации не в состоянии привести к революционным результатам в силу отсутствия авангарда, дисциплинированной революционной партии, надлежащей классовой коалиции и т.д. Но марксистская аргументация совпадает с синдикалистской в одном важном отношении: революционного перехода власти не осуществить без широкой революционной ситуации. Таким образом, получается такая двухчастная стратегия революция: создать (или дожидаться) революционной ситуации; организовать политические средства для революционных результатов.

Крейн Бринтон намеренно придерживался противоположной точки зрения. Он постулировал наличие важных внутренних ограничений на создание любой революционной ситуации; реакция на нее неизбежна. Более того, он полагал, что отношения между ситуацией и результатами описываются *обратной зависимостью*: чем более революционна ситуация, тем менее революционны результаты. Народ, прошедший через крупную революцию, возвращается, с облегчением, к более или менее исходной точке. А более благоразумные градуалисты, согласно Бринтону, как раз осуществляют важные изменения в структурах власти. Спор между синдикалистами, марксистами и бринтонианцами остается актуальным и по сей день.

На рис. 7.3 представлена пересмотренная классификация переходов власти в плане того, когда возникают революционные ситуации и(или) революционные результаты. Диаграмма призывает нас шире взглянуть на революцию, требуя лишь минимального сочетания революционной ситуации и революционных результатов, для того чтобы то или иное событие квалифицировать в качестве революции. Диаграмма также утверждает, что явления, которые мы называем «переворотами», «восстаниями», «гражданскими

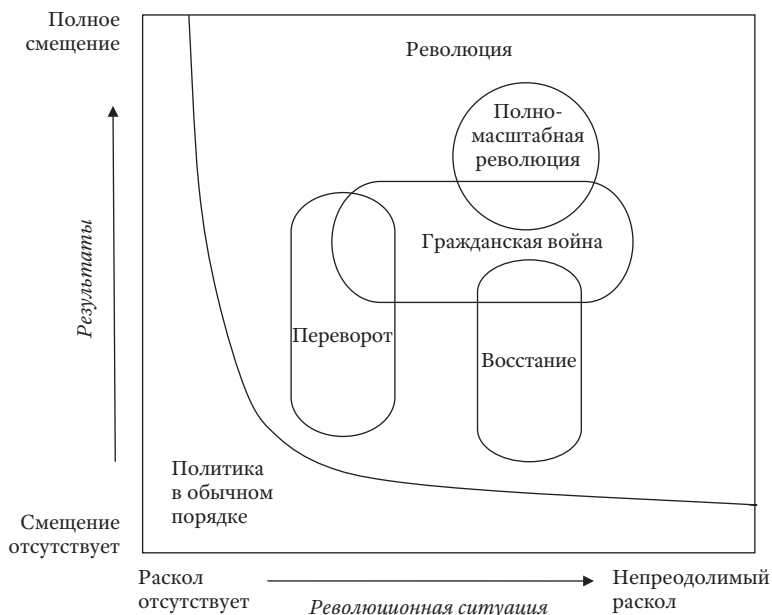


РИС. 7.3. Ситуации и результаты при различных типах силового перехода власти

войнами» и «полномасштабными революциями» пересекаются, но не полностью. Каждое из них имеет собственный характерный диапазон результатов и революционных ситуаций. Но основные различия между ними касаются идентичности сторон, участвующих в передаче власти: во время переворота члены одной политической системы сменяют друг друга; в случае полномасштабной революции господствующий класс или большая часть его теряет власть; и т.д.

Хотя схема не говорит это явно, овал «гражданской войны» выражает крайнюю форму революционной ситуации, непреодолимый раскол, тем самым напоминая нам, что обобщенным результатом гражданских войн является постоянное разделение территории, ранее контролируемой одним правительством, на две или более автономные территории. Диаграмма обозначает, что обширные, всеобъемлющие революционные результаты невозможны без обширной революционной ситуации. Но в то же время она отрицает обратное: крайне революционные ситуации не обяза-

тельно ведут к крайне революционным результатам. Дебаты по поводу определения революции, таким образом, приводят нас к дебатам о сущности политического конфликта и структуре революции.

Некоторые из наших наиболее ценных попыток анализа революций и бунтов рассматривают не достаточные условия того и другого, но местоположение различного рода групп на некотором эквиваленте этой диаграммы. Некоторые из исследований концентрируют внимание на мобилизуемости различного рода групп для разных видов действия: для революционной активности, для политики в обычном порядке и т.д. Эрик Вулф в своем сравнительном анализе аграрных восстаний XX в. делает акцент на относительной способности мобилизовать бедняков, середняков и зажиточных крестьян, хотя это также говорит важные вещи о том, как развивающийся капитализм наступает на сельские районы и ущемляет интересы различных групп крестьянства [Wolf, 1969].

Некоторые исследования уделяют много внимания соответствию между различными формами политического действия и различными конфигурациями интересов, в то же время относительно мало мобилизации или политическим процессам, приводящим к конкретным действиям и результатам. Они обычно принимают форму сравнения характерных форм действия людей в различных структурных условиях. Книга Джеффри Пейджа «Аграрная революция» является выдающимся примером подобного рода анализа. Пейдж подводит итог своим основным гипотезам следующим образом:

А. Сочетание зависимости и неземледельцев, и земледельцев от земли в качестве основного источника дохода приводит к аграрному восстанию...

Б. Сочетание зависимости неземледельцев от доходов с торгового капитала и земледельцев от доходов с земли приводит к движению товаропроизводителей за реформы...

В. Сочетание зависимости неземледельцев от доходов с капитала и земледельцев от зарплаты приводит к рабочему движению за реформы...

Г. Сочетание зависимости неземледельцев от доходов с земли и земледельцев от зарплаты приводит к революции [Paige, 1975, p. 70–71].

Далее Пейдж проводит два типа исследовательских процедур для проверки этих гипотез: сравнение сельских общественных движений в 135 экспортных отраслях 70 сравнительно бедных стран с 1948 по 1970 г., а также подробные кейс-стади, рассматривающие Перу, Анголу и Вьетнам. Данные выглядят подкрепляющими его аргументацию.

Обратите внимание, как работает эта аргументация: по сути, она строит перекрестные таблицы интересов земледельцев и неземледельцев, выводит характер и глубину конфликта интересов из каждой их комбинации, и предсказывает на основании конфликта интересов форму политического действия земледельцев. Суть гипотезы Г в том, что комбинация земли и зарплаты

включает некоторые формы сельскохозяйственной организации, которые сочетают негибкое поведение земледельцев поместья с сильными организациями земледельцев, принадлежащих корпорациям плантаций. Когда оба условия существуют одновременно, результатом, скорее всего, станет аграрная революция, в которой сильные крестьянские партизанские движения, организованные националистической или коммунистической партией, пытаются уничтожить и высший аграрный класс, и государственные институты и построить новое общество [Paige, 1975, p. 358–359].

Затем Пейдж предлагает дальнейшие различия относительно коррелятов революционных национально-освободительных и революционных социалистических движений. И хотя Пейдж в своих кейс-стади достаточно точен и информативен относительно мобилизации, коллективного действия и стратегического взаимодействия, его базовая теория предсказывает действие на основе интересов. В этом пункте в нашей работе мы, напротив, предполагаем интересы и рассматриваем политические процессы, которые ведут от организованных и конфликтующих интересов к революции.

## НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СИТУАЦИЙ

Давайте внимательнее присмотримся к следствиям из определения революционной ситуации как многовластия. По определению, существует три непосредственные причины многовластия:

1) появление соперников или коалиции соперников, выдвигающих исключительные претензии на контроль над властью, который в данный момент осуществляется членами определенной политической системы;

2) приверженность этим требованиям со стороны значительной части населения (особенно когда эта приверженность не просто признается в принципе, но активируется перед лицом запретов или противоположных указаний правительства);

3) неспособность или нежелание со стороны правительственных агентов подавить альтернативную коалицию и(или) приверженность ее требованиям.

Критическими признаками революционной ситуации в рамках данной перспективы являются признаки появления альтернативной политической системы. Эти признаки могут, возможно, быть соотнесены с условиями, которые другие исследователи предлагают в качестве катализаторов революции: рост недовольства, ценностный конфликт, фрустрация или относительная депривация. Эта связь, однако, должна быть доказана, а не только предполагаться. Даже если будет доказано, что недовольство, ценностный конфликт, фрустрация и относительная депривация изменяются в непосредственном соответствии с возникновением и исчезновением альтернативной политической системы — что явно удивило бы меня — наиболее важно наблюдение за тем, разделяет ли значительная часть населения, вне зависимости от своих мотивов, эксклюзивные альтернативные притязания на контроль над властью, ныне осуществляемый членами политической системы.

Так почему же Соединенные Штаты не погрязли в революции с началом депрессии после 1930 г.? Я не претендую на то, что обладаю каким-то особенным знанием. Тем не менее если считать рабочий класс главным кандидатом на контрмобилизацию, то данная линия аргументации выделяет следующие факторы: низкий начальный уровень мобилизации, отсутствие испытывающих отчуждение партнеров по коалиции в политической системе, перекладывание тяжести эксплуатации по меньшей мере относительное на плечи немобилизованных групп, таких как чернокожие, выторговывание у правительства относительно недорогих для него уступок (например, права на организацию отраслевых профсоюзов) в обмен на гарантию лояльности. Немецкие и итальянские фашисты пошли иным путем, намеренно демобилизовав рабочий класс. Дру-

гим народам мира пришлось заплатить по счетам этой демобилизации во Второй мировой войне.

В своем эссе, которое было написано по результатам его больших сравнительных исследований, Баррингтон Мур [Moore, 1969; Мур, 2016] выдвинул четыре предпосылки основных революций:

- 1) потеря элитой единого контроля над армией, полицией и другими инструментами насилия;
- 2) возникновение острых конфликтов интересов в рядах «господствующих классов»;
- 3) появление широкомасштабных вызовов преобладающему образу мышления, а также преобладающим объяснениям и оправданиям человеческих страданий;
- 4) мобилизация революционных масс, вероятнее всего, по причине внезапного нарушения нормального хода повседневной жизни в сочетании с ростом бедности.

Первые два, в сущности, представляют собой одно и то же условие: фрагментация политической системы на две или более коалиции, каждая из которых является потенциальным претендентом на эксклюзивный контроль над властью и потенциальным партнером по коалиции с претендентами, которые быстро мобилизуются. Третье условие вполне может реализоваться как внутри политической системы, так и за ее пределами, поскольку те, кто вне ее, выражают негодование по поводу своей невключенности, а некоторые из тех, кто внутри, отвечают на их жалобы симпатией или манипуляциями.

Мобилизация революционных масс описывает быстрое появление нового претендента. Ничто в моем анализе или моем осмыслении истории не ведет к допущению, что мобилизация должна быть внезапной или что она должна происходить от обнищания. Но молниеносная мобилизация, если она все же происходит, действительно значительно уменьшает шансы постепенно нарастающего вызова, испытаний и формирования коалиций, которые характеризуют рутинную форму прихода к власти, и концентрируют сопутствующее коллективное насилие в короткий промежуток времени.

Таким образом, мы значительно сузили фокус объяснения и предсказания. Теперь он сводится к определению и обнаружению обстоятельств, при которых имеют место три взаимосвязанных условия складывания революционной ситуации: 1) появление сопер-

ников, выдвигающих взаимоисключающие альтернативные притязания, 2) значительная приверженность этим притязаниям, 3) неспособность правительства к репрессиям. Краткосрочные условия, непосредственно предшествующие данным результатам, могут разительно отличаться от долгосрочных изменений, которые делают их возможными. Позвольте на некоторое время сконцентрировать внимание на краткосрочных условиях.

## АЛЬТЕРНАТИВЫ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

То, что я подразумеваю под «взаимоисключающими претензиями на контроль над властью», резко обозначено в статье, написанной примерно через год после Октябрьской революции, когда другие партии, примкнувшие к революционной коалиции, оттеснялись от власти:

А теперь ход мировых событий и жесточайшие уроки союза всех монархистов России с англо-французским и американским империализмом показывают *на деле*, что демократическая республика есть буржуазно-демократическая республика, которая уже устарела с точки зрения вопросов, поставленных империализмом в порядок дня истории; — что никакого *иного* выбора нет: *или* Советская власть побеждает во всех передовых странах мира, *или* самый реакционный, самый бешеный, душащий все мелкие и слабые народы, восстанавливающий реакцию во всем мире англо-американский империализм, великолепно научившийся использовать форму демократической республики.

Или — или.

Середины нет. Совсем недавно такой взгляд считали ослепленным фанатизмом большевиков.

*А вышло именно так* [Lenin, 1967a, p. 35; Ленин, 1969, с. 193].

Это заявляла партия, уже пришедшая к власти. Но эти слова были адресованы к революционным стратегам других стран, которые хотели продолжить имевший место в самой России подход, основанный на сотрудничестве.

Когда мы можем ожидать появление соперников (или коалиций соперников) с взаимоисключающими претензиями на контроль над властью, в настоящее время осуществляемый членами политической системы? Этот вопрос немного вводит в заблуждение, ибо

такие соперники почти всегда с нами в виде милленаристских культов, ячеек радикальных элементов или лишившихся властных позиций. Настоящий вопрос состоит в том, когда такие конкуренты множатся и(или) мобилизуются.

Существует два пути, ведущих к умножению и мобилизации конкурентов. Первый заключается в процветании групп, с самого начала придерживающихся целей осуществить изменения, которые несовместимы с сохранением власти членов политической системы. Действительно потусторонне-ориентированные и отшельнические группы, стремящиеся к полному уходу от современной жизни, не вполне подходят под такое определение, так как в принципе могут процветать, пока остальной мир оставляет их в покое. Подлинные радикалы, подлинные реакционеры, анархисты, проповедники теократии, монисты почти самого разного толка ближе ему соответствуют.

Второй путь заключается в переориентации соперников от целей, которые совместимы с выживанием существующей политической системы, к целям, которые несут с собой ее гибель: требование всей полноты власти, требование критериев членства, которые исчерпают все имеющиеся ресурсы или исключают всех нынешних членов.

Почему и как формируются группы первого рода — группы, изначально приверженные идее фундаментальной трансформации властных структур, — остается одной из загадок нашего времени. Макс Вебер учил, что такие группы формируются вокруг харизматических личностей, которые предлагают альтернативные видения мира — такие, которые придают смысл современному хаосу. Маркс полагал, что время от времени немногие индивиды могут так свободно отклониться от предписанных им мест в существующей классовой структуре, что смогут обозреть структуру в целом и исторический процесс, продуцирующий ее; они могли бы после обучить своим взглядам тех, кто все еще является пленниками структуры. Со времен Маркса и Вебера было предпринято несколько героических попыток концептуализации и каталогизации разновидностей революционных по своей сути групп (см.: [Smelser, 1963; Lipset, Raab, 1970; Gamson, 1968]). Но взлеты и падения различных движений протеста со времен Второй мировой войны доказали, что мы почти не в силах предугадать, где и когда появятся такие приверженные идее фундаментальной трансформации группы.

Переориентация соперников от совместимых целей покрыта тайной в гораздо меньшей степени, поскольку мы можем наблюдать возникновение подобной переориентации по мере того, как старые члены теряют положение в политической системе, и как претенденты получают отказ в доступе к власти. Первое относится к повторяющейся истории правого активизма, последнее является стандартным условием активизма левого. Сам Маркс дал классический анализ процесса радикализации от приспособления к существующей системе к эксклюзивной революционной позиции. Его аргументация состояла именно в том, что через повторяющуюся виктимизацию при буржуазной демократии (виктимизацию, конечно, продиктованную логикой капитализма) рабочие постепенно отвернутся от своих иллюзий и обратятся к классово сознательной активности. То, что он переоценивал поляризующую способность промышленного капитализма и недооценивал поглощающую способность поддерживаемой им политической системы, не умаляет точности его понимания соответствующих отношений. Для Маркса вновь формирующийся и растущий класс был единственным кандидатом для осуществления такой трансформации. На самом деле этот общий принцип также хорошо применим к национальным меньшинствам, половозрастным группам, населению регионов или к любой другой мобилизующейся группе, которая выдвигает повторяющиеся неудачные притязания на власть.

Разработка новых идеологий, верований, теорий мироустройства является неотъемлемой частью обоих путей к революционным позициям: появлению совершенно новых претендентов и переориентации существующих соперников. Вероятнее всего, артикуляция идеологий, содержащих и формулирующих проблемы таких соперников, сама по себе ускоряет их мобилизацию и изменение направленности; вопрос о том, насколько самостоятельное значение надо придавать идеологическим инновациям — это еще одна, все время возникающая, головоломка в исследованиях революции.

Необходимость разработки идеологий служит одной из основных причин исключительно важного значения интеллектуалов в революционных движениях. Ниже следуют откровенные размышления выдающегося французского марксистского интеллектуала по поводу текущей политической стратегии:

Способность революционной партии к гегемонии напрямую связана с широтой ее влияния в профессиональных и интеллектуальных кругах. Она может противостоять буржуазной идеологии в той степени, в какой она вдохновляет их вопросы и вовлекает их авангард в размышления об «альтернативной модели», уважая при этом независимость их вопрошания. Посредничество интеллектуального авангарда незаменимо в борьбе и уничтожении власти господствующей идеологии. Оно также необходимо для того, чтобы дать подчиненным классам язык и средства выражения, которые позволят им осознать реальность их эксплуатации и подчинения [Gorz, 1969, p. 241–242].

Эта подходящая для интеллектуалов доктрина. Тем не менее она соответствует жизненным реалиям: как полагает Баррингтон Мур, появление новых мыслей, артикулирующих несовместимые с дальнейшим существованием текущей политической системы цели, возможно, является самым надежным признаком того, что первое условие революционной ситуации выполняется.

#### ПРИНЯТИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ТРЕБОВАНИЙ

Вторым условием складывания революционной ситуации выступает приверженность требованиям со стороны значительной части населения. Первое и второе условие пересекаются, так как переориентация уже мобилизованного соперника на эксклюзивные альтернативные требования контроля над властью одновременно устанавливает эти требования и создает приверженность им. Однако расширение приверженности может происходить без выдвижения новых эксклюзивных требований посредством (а) дальнейшей мобилизации включенных соперников и (б) принятия этих требований другими индивидами и группами. Именно для объяснения такого рода «расширений и сжатий» приверженности, наилучшим образом подходит анализ установок, подобный тому, что проделывают Тед Гарр, Джеймс Дэвис и Нэйл Смелзер.

Есть две категории действий со стороны правительств, которые имеют тенденцию расширять приверженность революционным требованиям. Первой из них является внезапная неспособность исполнять те свои обязанности, которые подвластное им население рассматривает как глубоко укоренившиеся и жизненно важные для своего благополучия. Я имею в виду обязанности по

обеспечению занятости, социального обеспечения, защиты, доступа к правосудию и прочие основные функции государства.

Италия, например, пережила несколько серий кризисов такого рода в конце Первой мировой войны, несмотря на то что в конце войны она оказалась на «побеждающей» стороне. Демобилизация армии выбросила более двух миллионов мужчин на слабый рынок труда; нерешительность и ослабление контроля над поставками продовольствия и ценами на него опустошали карманы миллионов потребителей, и крестьяне (включая демобилизованных солдат) начали брать в свои руки перераспределение земли, утверждая, что в войну правительство им ее обещало. Последовавший отказ правительства от своих обещаний открыл дорогу фашизму. И правые, и левые мобилизовались в ответ на неспособность правительства выполнять свои обещания. В данном случае режим предпочел терпеть или поддерживать сильную руку в лице фашистских отрядов (*squadri*) в их усилиях по уничтожению наиболее эффективных организаций рабочего класса. По этой причине (а не благодаря какому-либо фундаментальному сходству их социальных баз) изначальная карта распространения итальянского фашизма напоминает карту территорий, где были сильны социалисты: долина реки По, северные промышленные города и т.д. Коалиция правых и крайне правых подавила, в большей или меньшей степени, организованные сегменты левых. Но тем самым она позволила фашистам почти самостоятельно контролировать значительную часть Италии: многовластие.

Опыт послевоенной Италии важен по трем причинам. Потому что он иллюстрирует процесс, который в то время был широко распространен (хотя, как правило, в менее острой форме) по всей Европе. Он отражает обычную картину того, как конец войны (победоносной или нет) приводит к кризису несостоятельности правительств. Наконец, он показывает, каким образом движения протеста, которые не являются отчетливо «правыми» или «левыми» по своей ориентации, иногда открывают путь к правому (или, если на то пошло, левому) захвату власти.

Ко *второму* классу действий власти, которые обычно приводят к расширению приверженности значимых слоев населения революционным целям, относится стремительный или неожиданный рост требований со стороны правительства по передаче ресурсов подвластного ему населения. Увеличение налогов — самый яркий тому

пример, но призыв на военную службу, реквизиция земель, урожая зерновых или сельскохозяйственных животных и наложение трудовых повинностей так же исторически играли свою роль в пробуждении оппозиции. Габриэль Ардан утверждает, приводя массу доказательств, что повышение налогов являлось самым важным стимулом для народных восстаний на протяжении всей истории Запада [Ardant, 1965]. Кроме того, он указывает, что характерными обстоятельствами налоговых бунтов в Европе с 1500 г. были не те, что думают большинство историков. Вместо того, чтобы быть последним средством тех, кто в такой бедности, что любое увеличение налогообложения уничтожит их, или первым средством привилегированных сторон, отказывающихся допустить, чтобы что-то от них ускользнуло, бунт против новых налогов чаще всего происходит тогда, когда сообщества не в состоянии продать на рынке достаточно своих товаров, чтобы получить денежные средства, необходимые для выполнения требований правительства.

Ардан считает, что «неспособность продать на рынке» означает или недостаточную коммерциализацию местной экономики, или сужение рынка для конкретной продукции данного сообщества. Осуществленный Эриком Вулфом анализ взаимосвязи между крестьянами и рынком тем не менее говорит о том, что «неспособность» относится в более общем плане к любым требованиям, которые делают невозможным для людей выполнение обязанностей, привязывающих их к местным сообществам и выполнение которых делает их уважаемыми людьми. Это непосредственно вытекает из аргумента Вулфа о том, что увеличение налогообложения в условиях малой коммерциализации или сокращения спроса на продукцию, уже продаваемую на рынке крестьянским сообществом, обычно имеет разрушительные последствия для структуры сообщества.

Другие типы сообществ сталкиваются с различными разновидностями того же рода проблем. Следствием быстрого увеличения изымаемых правительством ресурсов — которое в западных странах зачастую имело место при подготовке к войне — выступает регулярная убежденность некоторых частей населения в том, что правительство более не легитимно, а легитимны те, кто выступают против него.

Такой сдвиг в позиции иногда происходит быстро, и мало что его заранее предвещает. Это, по-видимому, наиболее вероятно

тогда, когда соперник или ряд соперников быстро мобилизуются в ответ на общую угрозу их позициям — вторжение, экономический кризис, серьезные усилия помещиков, государства или кого-то еще лишить их важнейших ресурсов. Мы видим, как жители северной Англии восстают в ходе «Благодатного паломничества»<sup>3</sup> против расформирования монастырей Генрихом VIII, мексиканские крестьяне объединяются против угрозы захвата их общих земель, японские селяне периодически присоединяются к кровавым восстаниям против введения новых налогов.

Подобная оборонительная мобилизация является не просто результатом накопления недовольств индивидов из-за бедствий или механическим ответом группы на депривацию. Как показывает Эрик Вулф и другие, вероятность подобной мобилизации в значительной мере зависит от угрозы исходным (pre-existing) структурам власти и солидарности среди населения. Более того, характер подобной мобилизации не является по своей природе «революционным» или «контрреволюционным»: это зависит в основном от тех коалиций, которые создают потенциальные мятежники. Подобная оборонительная мобилизация является самой изменчивой характеристикой революционной ситуации и потому, что она часто происходит быстро, и потому, что новые коалиции между быстро мобилизовавшейся группой и уже сложившимися соперниками в борьбе за власть могут внезапно породить значительную приверженность альтернативной политической системе.

Если это так, то что-то есть в распространенном представлении о том, что революции вероятнее всего могут произойти тогда, когда длительный период роста благосостояния сменяется его резким ухудшением. Джеймс Дэвис выдвинул идею под названием «гипотеза о J-кривой», и Тед Гарр рассматривает это в качестве одного из главных вариантов его общих условий для восстания: расширение разрыва между ожиданиями и достижениями. Все попытки проверить эти, делающие акцент на установках, разновидности теории всегда сталкивались с трудностями измерения изменений в ожиданиях и достижениях для больших групп населения в течение значительного промежутка времени. Проверка затруднена также

---

<sup>3</sup> «Благодатное паломничество» (Pilgrimage of Grace) — народное восстание 1536 г. в Йоркшире против разрыва Генриха VIII с Римско-католической церковью и расформирования монастырей. — *Примеч. пер.*

потому, что большинство исследователей имеют склонность идти от самого факта революции вспять к поиску доказательств депривации в краткосрочный период, и затем еще далее к поиску доказательств долгосрочных улучшений, не обязательно в плане тех же предполагаемых потребностей, желаний или ожиданий. Последняя процедура имеет то преимущество, что она почти всегда находит соответствие между данными и теорией, и тот недостаток, что она не является надежным средством проверки теории. Вопрос остается открытым.

Однако если допустить, что резкий спад после длительного подъема с исключительно высокой частотой *действительно* производит революционные ситуации, то развертываемая в этой книге линия аргументации приводит к интересному альтернативному объяснению феномена *J*-кривой. Оно состоит в том, что во время долгосрочного увеличения ресурсов, правительство обычно берет на себя обязательства по перераспределению ресурсов новым соперникам, и политическая система имеет тенденцию легче принимать претендентов, поскольку относительные издержки для существующих членов ниже за счет увеличения ресурсов. В случае быстрого сокращения правительство остается с большими обязательствами, новыми законными правами членов политической системы и выполняет частичные обязательства перед новыми соперниками, возможно, не являющимися членами политической системы, но с очень большой вероятностью формирующими коалицию с членами. Правительство оказывается перед выбором между: 1) значительно увеличить принуждение, применяемое к более уязвимым слоям населения, чтобы увеличить поступление ресурсов для перераспределения, или 2) нарушить те обязательства, которые будут вызывать наименее опасную оппозицию. Любой из этих шагов, вероятно, приведет к защитной мобилизации и, тем самым, создаст угрозу революции. Естественно, что подобная ситуация способствует разочарованию относительно выросших ожиданий. Но принципиальная связь между *J*-кривой и революционной ситуацией, в рамках этой гипотезы, заключается в изменении отношений между соперниками и правительством, которые вероятны в период увеличения ресурсов.

В более долгосрочном историческом плане изменения, которые чаще всего производят быстрые сдвиги в приверженности (лишая ее существующие правительства и сформировавшиеся

политические системы) — являются процессами, которые непосредственно влияют на автономию более мелких единиц в рамках государства: рост и падение централизованных государств, рост и сужение национальных рынков, концентрация и рассредоточение контроля над собственностью. Процветание и депрессия, урбанизация и дезурбанизация, индустриализация и деиндустриализация, сакрализация и секуляризация происходят рассредоточенным и постепенным образом.

Хотя государственное строительство, рост и сжатие рынков, а также сдвиги в плане собственности большую часть времени проходят постепенно, они легче всего порождают драматические столкновения прав, привилегий и принципов: этот сборщик налогов хочет забрать у семьи корову, этот купец предлагает купить деревенскую землю, этот князь не в состоянии защитить своих подданных от бандитов. Ш.Н. Эйзенштадт [Eisenstadt, 1963] выявил особую уязвимость огромных бюрократических империй к чрезмерному расширению и вреду, нанесенному центру; оба эти обстоятельства, согласно его теории, приводят к восстаниям, в которых периферийные агенты империи стремятся установить самостоятельный контроль над землями, людьми, организациями и богатствами, прежде концентрировавшимися империей. Фернан Бродель подчеркивал, насколько часто бандитизм и связанная с ним борьба за местную власть распространялись при сокращении территорий эфемерных государств Европы XVII в. [Braudel, 1966; Бродель, 2002–2003]. Во всех этих случаях представители крупномасштабных организаций и центростремительных процессов оказывались втянутыми в борьбу с защитниками локальной автономии.

Для того чтобы создать многовластие и, таким образом, стать революционной ситуацией, приверженность некоторому альтернативному претенденту должна активизироваться вопреки запретам или противоположным указаниям правительства. Революционная ситуация начинается в тот момент, когда людям, являющимся членами альтернативной коалиции, удастся захватить контроль над определенной частью государства и подчинить своим приказам других людей, ранее не принадлежавших к этой коалиции. Подобное принятие директив может, конечно, быть результатом принуждения или обмана в той же степени, что и обращения в сторонников. Часто имеет место смесь принуждения, обмана и обращения.

Наличие сплоченной революционной организации имеет очень важное значение именно в этот момент. Организация способствует первоначальному захвату контроля, распространению новостей, активизации обязательств уже принятых на себя определенными людьми. В этом смысле Ленин дает более надежное руководство к революционной стратегии, чем Сорель: строго дисциплинированная конспиративная партия Ленина резко контрастирует со стихийным и очищающим восстанием, на которое возлагал свои надежды Сорель. Но существование подобной организации также делает начало революции более зависимым от решений, принимаемых небольшой группой людей, и поэтому парадоксальным образом зависящим от случая и индивидуальных особенностей.

В итоге активизация революционной приверженности происходит посредством развития тех же процессов, которые создают эту приверженность. Конспиративная организация попросту оказывается той, что максимизирует возможности приверженцев рассчитать правильный момент, для того чтобы нанести удар по правительству. Внезапная неспособность правительства выполнять свои обязанности (как в ходе восстаний в Германии во время провала имперских военных усилий в 1918 г.) или нарушение устоявшихся прав подвластного населения (как во время восстаний 1640 г. в Португалии и Каталонии против Кастилии, которые последовали за попыткой Оливареса<sup>4</sup> выжать из этих сопротивляющихся провинций в исключительных масштабах ресурсы, необходимые для войны с Францией) может одновременно расширить и активизировать приверженность революционной оппозиции.

В случаях, подобных тайпинскому восстанию<sup>5</sup>, быстрая мобилизация соперника, предъявляющего эксклюзивные альтернативные требования контроля над государством, сама по себе быстро и неизбежно ведет к разлому и вооруженной борьбе. Драматичное ослабление способности к репрессиям со стороны правительства в результате войны, поражения или катастрофы может одновременно создать возможность революции и стимулировать революционеров добиваться своего; Французская революция 1870 г., бы-

<sup>4</sup> Фаворит испанского короля Филиппа VI во время восстания 1640 г., фактически управлявший страной. — *Примеч. пер.*

<sup>5</sup> Широкомасштабная гражданская война в Китае под предводительством новообращенного христианина Хун Сюцюаня против маньчжурской империи Цин и иностранных колонизаторов, с 1850 по 1864 г. — *Примеч. пер.*

стро последовавшая за поражением от императора Пруссии, попадает в эту категорию.

## БЕЗДЕЙСТВИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВ

*Третьим* условием складывания революционной ситуации является неспособность или нежелание агентов правительства подавить альтернативную коалицию или приверженность ее притязаниям. Здесь возможны три пути: (а) явный недостаток доступных средств принуждения, (б) неэффективное применение средств принуждения, (в) препятствия к их применению. Самые яркие примеры недостатка средств принуждения наличествуют тогда, когда баланс ресурсов принуждения между правительством и альтернативной коалицией внезапно склоняется в сторону последней, поскольку правительство пострадало от внезапного истощения своих ресурсов (например, в случае проигранной войны), так как альтернативной коалиции удалось произвести стремительную мобилизацию ресурсов (например, в случае объединения частных армий), или если к коалиции присоединился новый соперник с обильными ресурсами принуждения (например, в случае присоединения к коалиции дезертировавших солдат или иностранной интервенции). Однако скопление повстанцев в местах, отдаленных от центров концентрации сил принуждения, укоренение альтернативной коалиции в пересеченной и неизвестной местности и принятие тактики, непривычной для профессиональных сил правительства — все это также поднимает издержки подавления антиправительственного движения.

Тед Гарр развивает интересную аргументацию о балансе ресурсов принуждения между правительством и его оппонентами. По его словам, «вероятность внутренней войны возрастает по мере того, как соотношение ресурсов принудительного контроля у режима и диссидентов приближается к равенству» [Gurr, 1969, р. 235–236; Гарр, 2005, с. 307]. (Вместо «равенства» читай «единицы»; Вальтер Корпи расширил подобную аргументацию до общей модели конфликта.) Гарр напрямую указывает на вероятный размах коллективного насилия: где баланс в пользу правительства, там, согласно его аргументации, возможны лишь разрозненные акты восстаний; там, где баланс решительно склоняется в пользу оппонентов, правительство, как правило, является пешкой в их ру-

ках. Такой анализ даже более правдоподобно применим к вероятности революции, ибо альтернативная коалиция с большим количеством ресурсов принуждения, вероятнее всего, захватит власть, и будет иметь место самое большое некоторый момент многовластия, тогда как альтернативная коалиция с малым количеством ресурсов принуждения никогда и не достигнет начала многовластия.

*Неэффективность* в применении средств принуждения, которых в принципе достаточно, довольно трудно установить или объяснить; неэффективные почти всегда ссылаются на недостаток средств. Уильям Лангер утверждает, что если бы власти не провалили подавление различных народных движений, то европейских революций 1848 г. никогда бы не произошло [Langer, 1969, p. 321–322]. Чтобы проверить его заключение, необходимо оценить соотношение средств принуждения у правительств и народных движений, а также политические препятствия для репрессий. В дореволюционное время в 1848 г. правительства определенно обладали преимуществом в численности войск, а также в вооружении, запасах и технике принуждения. Однако твердая приверженность новой буржуазии (которая приобрела значительный вес в европейских государствах) некоторым видам гражданских свобод, а также различные движения рабочего класса препятствовали действиям правительств. С чисто инструментальной точки зрения все подобные препятствия «неэффективны». Тем не менее если не отличать их от явной некомпетентности египетского режима, свергнутого в 1952 г., или султанской Турции в 1919 г., то объяснение сущности подобных событий будет искажено.

Препятствия к применению имеющихся средств принуждения более интересны, чем их нехватка или неэффективность, поскольку именно препятствия с большой вероятностью проистекают из самого политического процесса. Огромное значение коалиций между признанными членами политической системы и революционными претендентами очень хорошо это иллюстрирует. В 1960-х годах США стали свидетелями постоянного формирования и перестройки коалиций между группами интеллектуалов, оппозиционными политиками, движениями за права чернокожих, студентов, борцов за мир, одни из которых входили в американскую политическую систему, а другие были за ее пределами. Суммарный эффект этих коалиций значительно не дотягивал до революции, но во время своего существования они защищали тех, чьи

принципы бросали наибольший вызов существующему распределению власти, защищали от того обращения, которое их отдельные части получали от полицейских, солдат и прочих репрессивных сил, когда действовали самостоятельно.

Однако, несмотря на следствия из данного примера, наиболее важными коалициями во всем диапазоне революций, несомненно, были те, что прямо соединяли претендентов с вооруженными силами. Египетская и турецкая революции находятся вблизи крайнего значения диапазона, на котором главные претензии на альтернативный контроль над государством исходят из самой армии; в обоих случаях коалиции с доминированием солдат объединяли политических диссидентов и местные движения сопротивления. В середине подобного диапазона находятся такие события, как русская революция, в которых роль армии далека от первостепенной, но важные сегменты армии дезертировали, дезинтегрировались или отказались репрессировать своих братьев. Чем обширнее дореволюционная коалиция между претендентами и подразделениями армии, тем больше вероятность того, что это произойдет.

В этом аспекте и во многих других война имеет решительное сходство с революцией. Уолтер Лакёр так говорит об этом:

Война, как представляется, была решающим фактором в возникновении революционных ситуаций современности; большинство современных революций, как удавшихся, так и неудавшихся, случались вслед за войнами (Парижская Коммуна 1871 г., Русская революция 1905 г., значительное количество революций произошло после двух мировых войн, в том числе китайские революции.) Они происходили не только в странах, которые потерпели поражение в войне. Всеобщие неурядицы, вызванные войной, материальные потери и человеческие жертвы создают климат, благоприятный для радикальных изменений. Значительная часть населения вооружена; человеческая жизнь ценится значительно ниже по сравнению с мирным временем. В стране, потерпевшей военное поражение, власть имеет тенденцию распадаться, а острое социальное недовольство получает дополнительный импульс от уязвленного чувства национальной гордости («младотурки»<sup>6</sup> в 1908 г., Нагиб и

---

<sup>6</sup> «Младотурки» — политическое движение в Османской империи, которое начиная с 1876 г. пыталось провести либеральные реформы и создать конституционное государственное устройство, переросшее в 1908 г. в младотурецкую революцию. — *Примеч. пер.*

Нассер<sup>7</sup> в 1952 г.). Старое руководство дискредитировано военным поражением, и призывы к радикальным социальным переменам и национальному возрождению, таким образом, падают на благоприятную почву [Laqueur, 1968, p. 501].

Без сомнения, данное заявление страдает от переизбытка объяснений. Тем не менее оно указывает на существенные отношения между войной и репрессивным потенциалом власти.

Хотя война временно ставит под контроль правительства крупные ресурсы принуждения, это не гарантирует того, что они будут адекватны требованиям, предъявляемым к ним, что они будут эффективно использованы или даже что они останутся под жестким контролем правительства. Поражение и(или) демобилизация создают особо благоприятные условия для революции, поскольку они сочетают в себе актуальное наличие большого количества ресурсов принуждения с неуверенным контролем их использования.

Война также значима и в совершенно ином смысле. Войны в большинстве своем представляют собой главную причину, по которой государства стремительно увеличивают поборы с собственного населения. Воинская повинность в этом случае есть самоочевидный пример. Налоговые сборы, принудительные займы, продукты питания, тыловой труд, промышленные продукты и сырье — все идет по тому же сценарию. Увеличение поборов почти всегда встречает широкое сопротивление, с которым агенты государственного принуждения борются убеждением и силой.

Несмотря на преимущества в виде наличия обширных поместий и богатых земель церкви для экспроприации, Тюдоры сильно давили на свою Англию, чтобы поддерживать армию, используемую ими в войнах XVI в. Они столкнулись с серьезными восстаниями в 1489, 1497, 1536, 1547, 1549, 1553 и 1569 гг. Последние три — восстания Кета, Вьятта и Северное восстание — были сосредоточены на династических вопросах и состояли в основном из мятежей, организованных региональными магнатами. Тогда как первые четыре были народными; каждое из них начиналось с внезапных попыток короны наложить руку на ресурсы, которые прежде находились за пределами ее контроля. Общая картина такая же, как я уже

---

<sup>7</sup> Мухаммед Нагиб — первый президент Египетской республики, наряду с Гамалем Абдель Насером был лидером Египетской революции 1952 г. — *Примеч. пер.*

описывал для налоговых бунтов: быстрая мобилизация всего населения, которое затем бросает вызов самой несправедливости королевских требований солдат, денег или товаров.

## НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИОННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

Остановимся на краткосрочном и среднесрочном планах, оставляя за собой право вернуться после этого к долгосрочным условиям революционных результатов. Существует три комплекса условий, которые кажутся достаточно весомыми непосредственными причинами значительных переходов власти: 1) наличие революционной ситуации — многовластие; 2) революционные коалиции между претендентами и членами существующей политической системы; 3) контроль над существенной силой со стороны революционной коалиции.

В какой степени развитие революционной ситуации является симптомом, а не причиной революционного результата — решить нелегко. В долгосрочной перспективе разделение политической системы происходит в зависимости от тех же условий, которые определяют, состоится ли принципиальный переход власти: формирование коалиции мобилизованных соперников, организованных вокруг интересов, которые выставляют их против власти и значимую часть населения против господствующих членов политической системы. В этой долгосрочной перспективе не имеет большого значения произойдет ли переход власти через раскол политической системы, посредством угрозы такого раскола или станет результатом более постепенного процесса. Тем не менее я рискнул бы сделать следующее обобщение: чем масштабнее революционная ситуация, тем больше вероятность решительного перехода власти. Действительно, это один из неявных выводов, который можно сделать из рис. 7.3, классифицирующего переходы власти.

Полномасштабная революционная ситуация — связанный с большими издержками раскол между существующей политической системой и эффективной альтернативной коалицией — увеличивает вероятность решительного перехода власти в нескольких направлениях. Чем масштабнее революционная ситуация, тем труднее для любой организованной группы или сегмента населения избежать приверженности одной или другой стороне. Такая

приверженность затрудняет для любого из соперников восстановление его старых множественных альянсов в ходе постреволюционного урегулирования. Чем масштабнее революционная ситуация, тем больше у революционной коалиции будет опыта по формированию своих собственных инструментов управления, независимых от ныне существующих обладателей власти. Партия, армия или повстанческий комитет становится основой (или, возможно, проектом, или и тем, и другим) нового правительства. Чем масштабнее революционная ситуация, тем больше возможностей и оправданий будет иметь революционная коалиция, для того чтобы атаковать людей и ресурсы властей предрежащих, и тем самым исключить вероятность последующего возвращения их к власти.

Эти обобщения не новы. Они представляют собой стандартные элементы революционного здравого смысла. В декабре 1948 г. Мао Цзедун изложил их следующим образом:

Бурный подъем китайской революции вынуждает все слои общества определить свою позицию. Соотношение классовых сил в Китае претерпевает новые изменения. Народ массами высвобождается из-под влияния и контроля гоминьдана и становится на сторону лагеря революции. Китайские реакционеры оказались в совершенно безвыходном положении, они изолированы и лишены всякой поддержки. По мере приближения окончательной победы в Народно-освободительной войне весь революционный народ и все друзья народа будут еще теснее спланиваться воедино, будут решительно выступать под руководством Коммунистической партии Китая за полное уничтожение реакционных сил и всемерное развитие революционных сил и, наконец, создадут во всем Китае народно-демократическую республику, установят мир на началах единства и демократии [Мао, 1961, р. 305; Мао Цзедун, 1969, т. 4, с. 367].

Китайский опыт последующих лет подтверждает общую связь между масштабностью революционной ситуации и полнотой перехода власти.

#### КОАЛИЦИИ МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И ПРЕТЕНДЕНТАМИ

Однако вторая непосредственная причина значительных переходов власти в некоторой степени противодействует первой. Речь идет о формировании коалиций между членами существующей

политической системы и соперниками, выдвигающими альтернативные притязания на контроль над государством. На самом деле это отношение криволинейно: отсутствие подобных коалиций уменьшает вероятность победы революционной коалиции — вероятность какого-либо перехода власти вообще. Существование подобной коалиции увеличивает вероятность некоторого перехода власти. Однако если данные коалиции достаточно мощны, то в ходе постреволюционного урегулирования будет тенденция к реставрации изначального *статус-кво*. Мудрый революционер, желающий осуществить крупный переход власти, формирует минимально необходимую коалицию с имеющимися членами политической системы и вынуждает своих партнеров по коалиции бесповоротно порвать с другими членами этой политической системы.

Сущность такой коалиции для члена политической системы заключается в обмене ресурсами с претендентом, например, в обмене рабочих мест на электоральную поддержку. Такая коалиция всегда рискованна, так как претендент всегда будет находиться в невыгодном положении при данном обмене по сравнению с ценностью ресурсов, когда они обмениваются между членами политической системы и, следовательно, будет предрасположен к тому, чтобы переместить свои мощные мобилизованные ресурсы куда-нибудь еще. Тем не менее претендент, вероятно, примет коалицию там, где она предоставляет защиту от репрессий или от девальвации его ресурсов. В то же время член политической системы, вероятнее всего, прибегнет к коалиции в том случае, если система разделена практически поровну, или в случае, если его членство в ней в опасности из-за нехватки ресурсов.

Классическая революционная тактика также попадает под рубрику коалиций между претендентами и членами: проникновение в организацию, которая уже имеет прочное место в структуре власти. Уже в начале 1901 г. Ленин провозгласил следующий подход к профсоюзам:

Всякий социал-демократ-рабочий должен по мере возможности оказывать содействие и активно работать в этих организациях. Это так. Но вовсе не в наших интересах требовать, чтобы членами «цеховых» союзов могли быть только социал-демократы: это сузило бы размеры нашего влияния на массу. Пусть в цеховом союзе участвует всякий рабочий, понимающий необходимость объединения для

борьбы с хозяевами и с правительством. Самая цель цеховых союзов была бы недостижима, если бы они не объединяли всех, кому доступна хотя бы только одна эта элементарная ступень понимания, если бы эти цеховые союзы не были бы очень *широкими* организациями. И чем шире эти организации, тем шире будет и наше влияние на них, влияние, оказываемое не только «стихийным» развитием экономической борьбы, но и прямым, сознательным воздействием социалистических членов союза на товарищей [Lenin, 1967b, p. 191; Ленин, 1963, с. 114].

В этих случаях профсоюзы были нормальными признанными членами соответствующих политических систем, в то время как рассматриваемые социал-демократы были претендентами все еще вне политической системы. Это же размышление Ленин завершает рекомендацией контроля за большим, открытым, легальным профсоюзом со стороны секретной, закрытой, дисциплинированной революционной партии.

Отколовшиеся группы интеллектуалов, как представляется, имеют особую наклонность к формированию коалиций за пределами политической системы. Они обменивают идеологическую работу, предание гласности требованиям претендента, лидерские качества и доступ к лицам в высших эшелонах власти на различного рода поддержку: участников демонстраций, электоральную силу, защиту против других угрожающих претендентов и т.д. Исследователи революции, такие как Крейн Бринтон и Баррингтон Мур, рассматривали «дезертирство интеллектуалов» в качестве ключевого раннего предзнаменования революционной ситуации. «Дезертирство», конечно, может состоять в индивидуальном признании эксклюзивных альтернативных требований контроля над государством. Оно так же может принимать форму отказа от *всех* таких претензий в лучших традициях анархизма. Но сдвиги в приверженности интеллектуалов, наиболее способствующие подстегиванию революционной ситуации, на мой взгляд, состоят в установлении коалиций между революционными претендентами и группами интеллектуалов, обладающими членством в политической системе. Склонность французских левых интеллектуалов к формированию подобных коалиций — не вполне отказываясь при этом от собственных притязаний на власть и привилегии — является легендарной.

## КОНТРОЛЬ НАД СУЩЕСТВЕННЫМИ СИЛАМИ

Контроль над основными организованными средствами принуждения по отношению к населению имеет решающее значение для успеха или поражения любой попытки захвата власти. В современных государствах это означает контроль над вооруженными силами. Хотя дезертирство военных никоим образом не является достаточным условием захвата власти мятежниками, но никакого перехода власти вообще не произойдет, если государство сохранит полный контроль над армией с началом революционной ситуации [Chorley, 1943; Andreski, 1968; Russell, 1974].

Диана Э.Ч. Рассел рассматривает этот вопрос на примере 14 массовых восстаний XX в. Семь из них были удавшимися и семь неудавшимися:

<i>Удавшиеся</i>	<i>Неудавшиеся</i>
Афганистан 1929	Австрия 1934
Албания 1924	Бирма 1953
Боливия 1952	Колумбия 1948
Бразилия 1930	Куба 1912
Китай 1949	Гондурас 1933
Куба 1959	Италия 1949
Мексика 1911	Испания 1934

Под восстанием Рассел подразумевает «разновидность насильственной борьбы за власть, в ходе которой имеется угроза свержения режима при помощи средств, включающих применение насилия» [Russell, 1974, р. 56]. Под удавшимися восстаниями, которые она приравнивает к революциям, Рассел подразумевает те, в ходе которых повстанцы или выбранные ими представители занимают позиции во власти. Ее различие восстания и революции соответствует различию между революционной ситуацией и революционными результатами, за исключением возможности революции без восстания. Для вышеупомянутых 14 случаев Рассел разработала шкалу нелояльности правительственных войск. Шкала приведена в табл. 7.1. Как видно из таблицы, оценка неповиновения состоит из трех компонентов: степени нелояльности ( $D$ ), срока нелояльности ( $T$ ) и доли нелояльных в вооруженных силах ( $P$ ). Основная формула с поправкой на количество различных вооруженных сил и на различные фазы их действия является результи-

ТАБЛИЦА 7.1. Шкала нелояльности вооруженных сил Д.Э.Ч. Расселл

1. Степень нелояльности ( $D$ )

- 0 = полные боевого (willing) духа и энтузиазма бойцы
- 1 = подавленные (unwilling), к примеру, легко сдавались
- 2 = нейтральные, к примеру, оставались на месте, не оказывая сопротивления, бежали
- 3 = активно содействовали повстанцам, к примеру, передавали оружие, информировали повстанцев о маневрах войск и планах ведения боя
- 4 = воевали на стороне повстанцев

2. Срок нелояльности ( $T$ )

- 0 = никогда (в течение последних 5% времени)
- 1 = в самом конце (в последние 6–25% времени)
- 2 = примерно в середине (26–75% времени)
- 3 = практически с начала (в первые 6–25% времени)
- 4 = с самого начала (в первые же 5% начального времени)

3. Доля нелояльных в вооруженных силах ( $P$ )

- 0 = отсутствует (0–1%)
- 0,5 = немногие (2–10%)
- 1 = некоторые (11–25%)
- 2 = значительная часть (26–50%)
- 3 = большинство (51–95%)
- 4 = все (96–100%)

источник: [Russell, 1974, p. 74].

рующей всех трех компонентов:  $D \times T \times P$ . Рассел обнаруживает некоторое совпадение в распределениях показателей лояльности для удавшихся и неудавшихся восстаний. Например, восстание в Бирме 1954 г. потерпело поражение, несмотря на широкую поддержку со стороны военных. Еще одним примером является то, что дезертирство из вооруженных сил Батисты на сторону успешной кубинской революции Кастро было незначительным и запоздалым. И тем не менее удавшимся восстаниям в среднем соответствует гораздо более высокий балл нелояльности. Кроме того, ни в одном из случаев успех не приходил без некоторой нелояльности вооруженных сил задолго до окончания восстания. Последний вывод Рассел наиболее спорен, поскольку можно легко утверждать, что он показывает только то, что в конце концов и армейцы понимают, в какую сторону дует ветер революции. Однако поскольку Рассел открыто встраивает в свои расчеты временные характери-

стики нелояльности, то общие результаты в целом выглядят убедительно.

Из этого более или менее прямо следует, что чем больше ресурсов принуждения — включая частные армии, вооружения и сегменты национальных вооруженных сил — первоначально контролируется революционной коалицией, тем более вероятен переход власти. Подобным же образом — чем раньше средства принуждения перейдут в руки альтернативной коалиции, тем более вероятен переход власти. Мобилизация прочих ресурсов, вероятно, также значительно влияет на шансы получить власть, однако в меньшей степени, чем мобилизация средств принуждения. Из этого также следует, что наличие членов существующей политической системы в революционной коалиции увеличивает шансы некоторого перехода власти (хотя это обстоятельство снижает шансы *полного* вырывания власти из рук членов политической системы), как из-за того, что коалиция получает дополнительные ресурсы, так и из-за большей вероятности того, что армия будет дезертировать, колебаться или займет нейтральную сторону при столкновении с признанными членами политической системы.

#### РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ И КОЛЛЕКТИВНОЕ НАСИЛИЕ

Мы рассмотрели три непосредственные причины революционных ситуаций: 1) появление соперников или коалиций соперников, выдвигающих эксклюзивные альтернативные требования контроля над государством, которое в данный момент контролируется членами данной политической системы; 2) приверженность данным требованиям со стороны значительной части населения; 3) неспособность или нежелание агентов данного государства подавить альтернативную коалицию и(или) приверженность ее требованиям. Другая триада суммировала непосредственные причины революционных результатов: 1) наличие революционной ситуации; 2) революционная коалиция между претендентами и членами данной политической системы; 3) контроль над существенными силами со стороны революционной коалиции. Сложенные вместе эти элементы составляют рецепт революции.

Суммируя следствия данного рецепта, мы можем воссоздать идеализированную последовательность революционных событий:

1) постепенная мобилизация соперников, выдвигающих взаимноисключающие требования контроля над государством и(или) неприемлемые для членов существующей политической системы;

2) стремительное увеличение числа людей, разделяющих эти требования, и(или) стремительное расширение коалиции, включающей неприемлемых или выдвигающих эксклюзивные требования соперников;

3) безуспешные попытки государства (по поручению членов политической организации) пресечь альтернативную коалицию и(или) признание ее требований; это вполне может включать попытки насильственной демобилизации — захват, девальвацию или рассеяние ресурсов, находящихся в распоряжении соперников;

4) установление эффективного контроля над некоторой частью государства со стороны альтернативной коалиции — частью территории, функциональным подразделением, частью работников;

5) борьба альтернативной коалиции за сохранение или расширение этого контроля;

6) восстановление единой политической системы в результате победы альтернативной коалиции или в результате ее поражения, или путем создания временного соглашения (*modus vivendi*) между альтернативной коалицией и некоторыми или всеми членами прежней политической системы; фрагментация революционной коалиции;

7) восстановление рутинного государственного контроля над подвластным населением.

Я излагаю все это вовсе не для того, чтобы представить некую новую «естественную историю» революции, как обозначили это Лайфорд П. Эдуардз или Крейн Бринтон, а для того, чтобы обозначить логику предшествующего анализа [Edwards, 1927; Brinton, 1965].

Эта логика значительно отличается от распространенного представления о революции как некотором «снятии напряжения» (*tension-release*). Если бы модель революции как снятия напряжения была верна, то можно было бы ожидать, что уровень коллективного насилия будет неравномерно повышаться до предела — самой революционной ситуации, — а после быстро спадать. В этот момент, как предполагается, напряжение рассеивается. «Конкурентная» модель («*contention*» model), которой следовал я, гово-

рит о другой последовательности. Она не дает четких предсказаний о кривой насилия до революции, так как это зависит от конкретного характера мобилизации и конкуренции, которые привели к многовластию. Тем не менее она отвергает *необходимость* нарастания насилия до революции.

Но все-таки конкурентная модель делает вполне вероятным, что с началом многовластия широкое коллективное насилие будет сохраняться на высоком уровне еще долго после того, как основная проблема будет решена, и будет спадать постепенно. Схематично разница моделей изображена на рис. 7.4. Для данного общего прогноза есть несколько оснований. Во-первых, появление многовластия ставит под вопрос достигнутое положение каждого конкретного соперника, будь то член существующей политической системы или нет и, следовательно, имеет тенденцию инициировать всеобщий раунд взаимного тестирования среди соперников. Такая проверка сама по себе производит коллективное насилие.

Во-вторых, борьба конкретной политической системы против своего соперника равнозначна войне: борьба ведется неограниченными средствами. Поскольку на карту поставлен контроль над всем государством — высокие риски и высокие издержки оправданы. Высокие риски и высокие издержки включают уничтожение людей и имущества.

В-третьих, при первоначальном захвате контроля над центральным аппаратом государства, вероятнее всего, происходит фрагментация революционной коалиции, и подобная фрагментация сама по себе имеет тенденцию порождать дальнейшую борьбу с применением насилия. Революционная коалиция фрагментируется по нескольким причинам: для захвата власти требуется больше мобилизованных масс, чем для ее удержания; неизбежное расхождение некоторых основных целей соперников внутри коалиции выходит наружу, как только общая цель захвата власти достигнута; те соперники, которые быстро мобилизовались до революции, могут быстро демобилизоваться из-за недостаточного развития их организации для управления мобилизованными ресурсами и, таким образом, скорее теряют позиции в следующем раунде взаимных проверок на прочность.

В-четвертых, победоносная политическая система также может столкнуться с проблемой восстановления рутинного государственного контроля над населением даже после того, как с много-

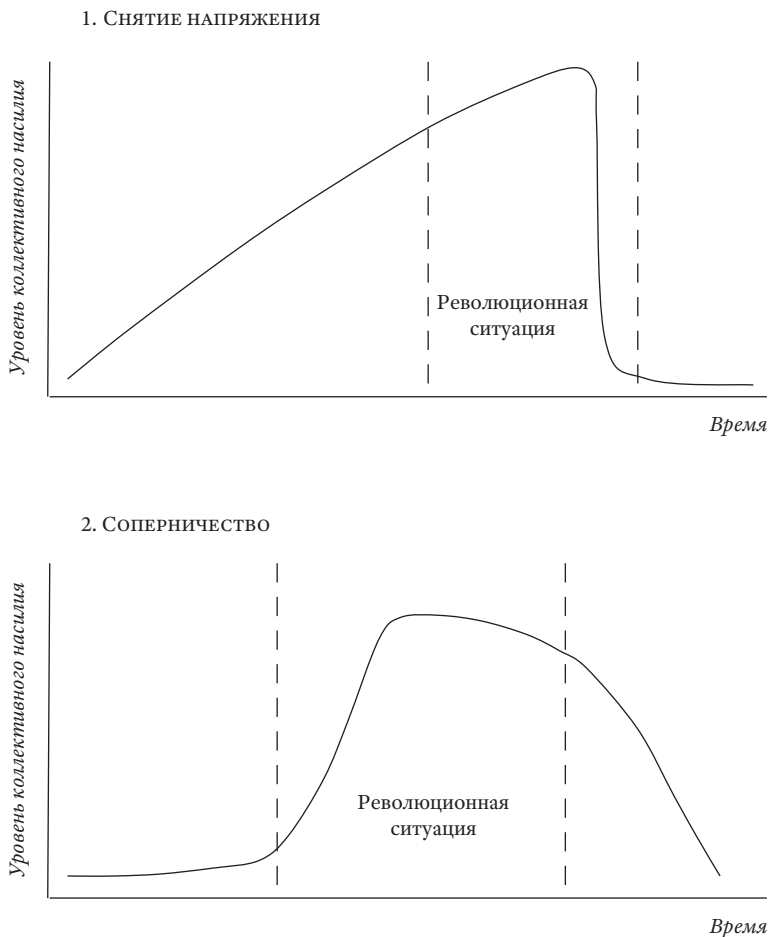


рис. 7.4. Временные характеристики коллективного насилия в моделях революции: «снятия напряжения» и «соперничества»

власти покончено. Как только государство возвращается к своей работе по извлечению и перераспределению ресурсов, оно сталкивается с людьми, сопротивляющимися уплате налогов, захвату их земель, мобилизации их сыновей на войну, трате времени на местное управление. Так начинается новый виток насильственного насаждения и насильственного сопротивления. Там, где первоначальный очаг революции ограничен, это, вероятнее всего, проявится как распространение коллективного насилия на другие части на-

селения. Поэтому в централизованных государственных системах наиболее вероятна такая последовательность: значительная и решительная борьба в центре, за которой следует более широкоохватный ряд менее решающих сражений на остальной территории.

В данных концептуальных рамках ряд условий, вероятно, влияет на общий уровень насилия, вызванного революцией. В целом чем больше соперников, участвующих в борьбе за власть (при неизменном количестве *людей*, вовлеченных в эту борьбу), тем выше уровень насилия, так как число взаимных проверок позиций между соперниками экспоненциально возрастает с увеличением числа соперников. Чем больше колебания в контроле над различными сегментами государства со стороны различных коалиций соперников, тем выше уровень насилия — и потому, что захват контроля сам по себе приносит насильственное сопротивление, и потому, что каждое изменение контроля запускает дальнейшее взаимное тестирование позиций.

Наконец, характер репрессивных средств в арсенале государственного контроля значительно влияет на степень насилия. Связи здесь очевидны, но сложны: использование смертоносного оружия для борьбы с беспорядками увеличивает смертность в ходе коллективного насилия, разделение труда между специалистами по внутреннему порядку (полицией) и ведению войны (армией), вероятно, уменьшает ее; связь репрессивного потенциала правительства с насилием, вероятно, криволинейна (незначительный ущерб людям и имуществу там, где государство обладает огромным репрессивным потенциалом, а также там, где репрессивный потенциал незначителен); уровень насилия, вероятно, возрастает там, где вооруженность правительства и его оппонентов приближается к равенству. Все эти отношения и прочие правдоподобны, но имеются не более чем фрагменты систематического подтверждения их реальной достоверности.

Если в этих обобщениях что-то есть, то степень коллективного насилия, производимого революцией, должна иметь лишь слабое и косвенное отношение к степени, в какой изменяется распределение власти. Нулевое перераспределение власти (которое большинство из нас назвали бы неудавшейся революцией) может произойти в качестве результата любого из идеализированных этапов, представленных ранее, хотя оно становится менее вероятным по мере продолжения этапов.

## РЕВОЛЮЦИОННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ДАЛЬНЕЙШИЕ СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

При каких условиях всеобъемлющие структурные изменения сопровождают революцию или являются ее результатом? Мы уже рассмотрели этот вопрос в той степени, в какой под структурными изменениями *подразумевается* переход власти от класса к классу, от партии к партии, от соперника к сопернику. Но если под структурными изменениями понимать дальнейшее перераспределение ресурсов, изменение в качестве жизни, урбанизацию, индустриализацию, моральное возрождение, то все зависит от масштабов используемой временной перспективы.

В действительности в ходе революции происходит относительно небольшое число постоянных изменений такого рода. Энгельс, Сорель и Фанон — все они возлагали надежды на огромное моральное возрождение во время самой революции: исторический опыт, к сожалению, свидетельствует об отсутствии подобных примеров. Другие структурные перестановки, происходящие в ходе революции, как правило, носят временный характер: мобилизация людей, лояльностей, организационных способностей и вооружений на национальном уровне, которая убывает, как только выкристаллизовывается новая структура власти, нарушение повседневной рутины празднествами, обсуждениями, чрезвычайными ситуациями, временным появлением комиссаров, комитетов управления, оперативных групп. Майкл Уолцер прекрасно изображает революционное мировоззрение Англии XVII в., Ричард Кобб — революционный менталитет Франции XVIII в. [Cobb, 1957; Walzer, 1970]; тем не менее для мировоззрения и менталитета большинства людей, революции — всего лишь преходящие явления.

Лишь немногие великие революции представляют собой исключение из этих примеров отсутствия краткосрочной трансформации; возможно, эта исключительность и позволяет называть их великими революциями. Несмотря на то что дворяне и духовенство восстановили часть своих позиций во Франции во время правления Наполеона и после него, конфискация и продажа аристократической и церковной собственности с 1790 по 1793 г. навсегда понизила вес этих двух могущественных классов. Советы пережили большевистскую революцию. Китайские коммунисты начали реорганизацию деревенских структур почти сразу же, как только поя-

вились на сцене. В отличие от скептических воззрений Бринтона, который утверждал, что революция ведет страну через огромные потрясения примерно к тому же положению, которое она в любом случае заняла бы после эквивалентного промежутка времени, возможно, что степень структурного изменения, происходящего в период многовластия, является лучшим показателем глубины постоянных перемен, которые будут созданы революцией.

В долгосрочной перспективе революции, по-видимому, меняют направление структурной трансформации в той степени, в какой они производят передачу власти. Где есть широкомасштабный переход власти между классами, там конкретная коалиция, которая выигрывает, глубоко меняет последующее политическое развитие страны. Сравнительное исследование Индии, Японии, Китая, США, Франции, Англии, Германии и России, осуществленное Баррингтоном Муром говорит именно об этом. Военные перевороты почти никогда не производят сколько-нибудь значимых структурных изменений — несмотря на заявления о национальном обновлении, которые ритуально сопровождают их в наши дни, — поскольку они связаны с незначительными перестановками среди предельно ограниченного набора соперников. Очевидные исключения из этого правила — революции сверху, подобные японской и турецкой — обычно имеют реформаторский сегмент правящей элиты, который эффективно отсекает своих собратьев от дальнейшего доступа к власти и формирует коалиции с классами, ранее не допускавшимися к власти.

Тем не менее организационные средства, доступные тем, кто получает власть после революции, влияют на степень структурных преобразований, осознанно запущенных государством в послереволюционный период. При обсуждении влияния «сдерживающих условий», при которых революционная коалиция захватила власть, на ее последующую способность трансформировать организацию общества, Отто Киркхаймер приходит к выводу о том, что чрезвычайные полномочия (которые получили государства в результате кризисов XX в., таких как Первая мировая война) резко сократили ограничения для властей предрежущих:

Революции XX в. стирают грань между чрезвычайной ситуацией и нормальной жизнью. Общественные движения плюс государство могут организовывать массы поскольку: (а) теперь в их руках находятся технические и интеллектуальные средства, позволяющие на-

править массы на значительные социальные программы, а не просто освободить их энергии от уз традиции; (б) у них есть средства для контроля жизни людей путем распределения работ и ступенчатой системы поощрений, что было недоступно для в основном сельскохозяйственных и ремесленных структур 1790-х годов и все еще недоступно для торгово-посреднических и мелкопредпринимательских экономик 1850–1860-х годов; (в) они унаследовали бесконечное количество технически совершенных способов пропаганды, пришедших на смену неопределенным отношениям между лидером и массой предыдущих периодов; и (г) они сталкиваются с государственными организациями, потрясенными военными неудачами и экономическим кризисом. При этих условиях Советская Россия могла одновременно осуществлять экономическую и политическую, буржуазную и постбуржуазную революцию, несмотря на очень узкую базу своей политической элиты. Тогда как преждевременное революционное объединение 1793–1794 гг. не только быстро распалось, но оставило своим наиболее передовым отрядам, санкюлотам (*sansculottes*), только один меланхолический выбор между отчаянным бунтом — Жерминаль 1795 г. — и возвращением в доорганизационное состояние полной беспомощности и страданий [Kirchheimer, 1965, p. 973].

На основании этого анализа можно сделать более общие выводы. Несмотря на «сдерживающие условия», с которыми столкнулись революционные коалиции во Франции 1789–1794 гг., они захватили государственный аппарат, который на тот момент был уже абсолютно централизованным и мощным по сравнению с теми, которые сложились в других странах по всему миру. Они смогли использовать эту большую власть, для того чтобы уничтожить юридическую структуру феодализма, осуществить значительную передачу богатств, подчинить церковь и построить массовую армию. Революционеры XIX в., которые неоднократно захватывали контроль над испанским государством, овладевали аппаратом, но его добывающих и репрессивных возможностей было недостаточно, для того чтобы осуществить какую-либо из задач национального преобразования.

Верно то, что мобилизация соперников, происходящая до и во время революции, может сама по себе способствовать дальнейшей национальной мобилизации, передав в распоряжение государства ресурсы, которые были просто недоступны до революции: собственность, энергию, информацию, лояльность. Это то, что дей-

ствительно характерно для стратегий современных национальных революций. Китайский опыт показывает, что в ходе длительной мобилизации революционеры иногда создают альтернативные институты, которые потенциально сильнее, чем существующее государство, и служат инфраструктурой нового сильного государства, когда революционеры приходят к власти. Однако большинство революционеров захватывают государственный аппарат без длительной предварительной подготовки организационной альтернативы. В этих случаях уже аккумулированная сила государства в куда большей степени, чем размах мобилизации во время революции, влияет на вероятность того, что революция приведет к фундаментальным структурным изменениям.

Признаюсь, эти поверхностные обобщения не дают достойного ответа на один очень важный вопрос. Ибо на нашей оценке долгосрочных последствий революций различных видов должно основываться наше суждение о том, стоила ли эта некая революция или революционная возможность своих издержек. Некоторые революции я оцениваю как стоящие. Но в настоящее время никто не располагает достаточным систематическим знанием вероятных структурных последствий той или иной разновидности революций, чтобы с уверенностью дать такую оценку.

За исключением, пожалуй, ретроспективы. Историки продолжают спорить о том, чего стоили английская, французская и русская революции, и о том, чего им удалось добиться. В этих случаях (по крайней мере, в принципе) они имеют дело с действительностью, а не с вероятностью. Эта потенциальная определенность, однако, имеет тенденцию к самоуничтожению; когда речь идет о таком радикальном событии, как английская революция, почти все предыдущие события, оставившие след в Англии XVII в., в некотором смысле могут рассматриваться как «причины», и почти каждое последующее событие, как в этой стране, так и в сопредельных, в некотором смысле является «результатом». Причинно-следственный анализ в этом контексте становится возможным при редуцировании революции до определенных существенных составляющих, выявлении достаточных условий для них, а затем определении последующих событий, которые были бы маловероятны без революционных составляющих. Таким образом, каузальный анализ реальных, исторических революций и революций вообще сходятся на вероятностных заключениях.

## Глава 8

### Заклучения и новые начинания

ВОЗВРАЩАЯСЬ К XVIII веку

Мы начали наше исследование с более чем двухвековой давности, с 1765 г. В Англии мы наблюдали, как народ громит работные дома. Мы путешествовали во времени, просто пытаясь понять структуру и смысл коллективного действия населения. После оказались в, скорее, вневременном мире, мире абстрактных моделей коллективного действия. Мы поднимались в нем по ступеням мобилизации, переходя от интересов к организации, от организации к мобилизации и далее к коллективному действию. Затем спустились по ступеням возможности, от репрессии/помощи к власти и к возможности/угрозе, только для того, чтобы вновь вернуться к коллективному действию. Далее, вооруженные нашими моделями, мы вновь ввели в расчет время. Мы сделали три больших витка: через основные изменения в репертуарах конкурентного коллективного действия, через различные формы коллективного насилия к турбулентностям революции и восстания. Здесь и сейчас мы снова возвращаемся к нашей исходной точке — к общим рассуждениям о структуре и смысле коллективного действия населения.

Предположим, что мы перенеслись обратно в 1765 г. Вооруженные знаниями, которые дала эта книга, что мы делали бы? Что мы *сможем* сделать, чего не могли бы, когда в первый раз оказались в Нектон Хите?

Первое, что мы проделали бы — это разбиение общей «турбулентности» 1765 г. на конкретные группы, интересы, действия и отношения между группами. Можно, например, начать с тщатель-

ного поиска различий между конфликтом вокруг рабочего дома в Сассексе и действиями, описанными в краткой заметке от 10 января в «Ежегодном регистре»:

Несколько тысяч ткачей вошли в полном составе в Вестминстер и представили петиции обеим палатам парламента от имени их самих и многочисленных членов их семей, большинство из них, как утверждалось, голодали из-за отсутствия работы; и умоляли для облегчения их страданий ввести на настоящей сессии парламента запрет на тканые шелка иностранного производства.

Нам хотелось бы отделить это от того, что сообщается в Регистре за 20 апреля:

...Десять подмастерьев-портных были судимы по обвинению в сговоре о повышении заработной платы и уменьшении рабочего времени, когда в порядке заседаний, в соответствии с принятым в этих целях актом парламента, было постановлено, чтобы девять из них, которые были главами и членами комитетов нескольких ассоциаций, которые создали фонд для поддержания друг друга в ходе таких незаконных собраний и которые были известны под именем Флинттов, были признаны виновными и получили наказание в соответствии с их проступками, а именно: двое были заключены на год в Ньюгейтскую тюрьму, пятеро — на срок шесть месяцев, и двое — на три месяца; и кроме того, были оштрафованы на один шиллинг каждый, и каждому было приказано предоставить поручительство за свое поведение.

30 июня мы обнаруживаем короткую заметку о том, что «девять Белых ребят<sup>1</sup> были недавно убиты, а 20 заключены под стражу в результате столкновения с отрядом драгун неподалеку от Дангэннона в Ирландии».

Бедняки в Нектон Хите, ткачи в Вестминстере, Флинты в Лондоне и Белые ребята в Дангэнноне — все они действовали коллективно. Это отсылает нас к возможности использования объяснительных схем, начиная с определения соответствующего населе-

---

<sup>1</sup> Белые ребята (White boys) — название одной из крестьянских организаций в Ирландии, боровшихся против насилия и произвола английских землевладельцев и властей с начала 60-х годов XVIII в. до конца XIX в. Закон 1765 г. официально предписывал карать за участие в этой организации смертной казнью. — *Примеч. пер.*

ния, интересов, организации, мобилизации, репрессии/помощи, власти и возможности/угрозы, а также тщательного рассмотрения специфических форм, интенсивности и результатов коллективного действия. Это также обращает наше внимание на важные различия между этими четырьмя группами.

С одной стороны, атаки на работные дома носят скорее реактивную окраску: попытка защитить приходских бедняков от лишения свободы. Марш ткачей с петицией и требования повышения зарплаты портным склоняются к проактивному направлению: хотя обе группы вполне могли также действовать в ответ на угрозу их средствам к существованию, *требования*, выдвигаемые ими, касались тех благ, которых они не имели. Короткая запись о Белых ребятах не содержит никакой информации об их требованиях. Но когда мы узнаем, что ирландские Белые ребята были известными партизанскими борцами против Британии, мы получаем свидетельство, что правильным будет поместить мотивы их борьбы где-нибудь в промежутке между коллективной конкуренцией и коллективной реакцией.

С другой стороны, контрастные описания создают представление о превалирующей схеме репрессий: отсутствие видимых наказаний за марш с подачей петиции, приговоры к тюремному заключению за мобилизацию портных, арест и расстрел атакующих работные дома в Сассексе, девять погибших среди Белых ребят. Четыре не полностью задокументированных примера представляют слабую базу для каких бы то ни было общих заключений, тем не менее они сразу же привлекают внимание к разнообразию репрессивных методов в зависимости от рассматриваемых групп и их действий. Они также заставляют задуматься о том, что менялось: марш тысяч ткачей с подачей петиции был значительной инновацией, тогда как практика тюремного заключения людей за согласованные требования увеличения зарплаты практически исчезнет в следующем столетии.

Наконец, даже эти фрагментарные газетные новости дают нам некоторое основание полагать, что репертуар коллективного действия, преваляровавший в Британии и Ирландии в 1765 г., значительно отличался от тех форм, которые доступны для обычных людей XX в. Хотя марш с подачей петиции занимает значимое место среди прародителей демонстрации, демонстрация сама по себе еще не входила в репертуар. Забастовка тогда не была легко доступным

для рабочих средством действий, отчасти, как мы видели, потому что репрессии сыпались на голову всех рабочих, пытавшихся выдвинуть согласованные требования относительно зарплаты. Репертуары варьировались от одной части Британии к другой, от одного социального класса к другому. Но это был отчетливо репертуар XVIII в.

Если же мы присмотримся внимательнее, то обнаружим изменения в этом репертуаре. Разумеется, ряд значительных трансформаций во всей структуре коллективного действия произошел в Британии в 1760-х и 1770-х годах. Например, 1766 г. принес с собой одну из самых широко распространившихся серий продовольственных бунтов из тех, что происходили в Британии Нового времени; в целом продовольственные бунты стали очень частым явлением в селах и маленьких городах Британии в середине XVIII в., и их окончательный спад начался только после 1830 г. В Лондоне (и, в определенной степени, в других крупных городах) мы становимся свидетелями иной тенденции. Здесь мы наблюдаем движение радикалов, формирующееся на базе среднего класса и создавшее важные альянсы с квалифицированными рабочими; помимо прочего, они объединяют требования внутренних политических реформ с критикой королевской политики в Америке. Такие квалифицированные рабочие, как ткачи шелка, которые пришли маршем в парламент, выстраивают крупномасштабные организации и осуществляют давление на национальной политической арене. Более того, радикалы, сторонники Джона Уилкса, ткачи шелка и прочие организованные соперники в борьбе за власть оформляют новые способы применения своей силы. Они требуют права собраний для подачи петиций и участия в выборах, выходящего за пределы прежних ограничений, а также начинают создавать прототип демонстраций XX в.

Десятилетие после 1765 г. подобным же образом стало важным переходным моментом в Америке. Американский транзит, конечно, значительно отличался от британского: он шел от огромной реакции против Акта о гербовом сборе к началу подлинно революционной ситуации — многовластия — во всех колониях. Возвращаясь к британской периодике 1765 г., «*The Gentleman's Magazine*» значительно расширил освещение американских новостей к концу года. Например:

*1 октября:* На этот день в Нью-Йорке, в Северной Америке, назначен общий конгресс всех колоний, с целью составления ноты протеста Его Величеству против гербового сбора и прочего бремени, которым обложил колонии последний акт британского парламента.

*5 октября:* ...в Филадельфию прибыли корабли с гербовыми марками на борту для Мэриленда, Нью-Джерси и Пенсильвании, когда несколько тысяч жителей собрались с целью обсудить пути и меры для предотвращения задеирования Акта о гербовом сборе в этих провинциях и, наконец, пришли к решению потребовать от распространителя подать в отставку; что распространитель после некоторых возражений и сделал, заверив своих соотечественников в том, что ни его действия, ни действия его представителей не будут принуждать к выполнению Акта о гербовом сборе в провинциях, за которые он отвечает, до тех пор пока то же не вступит в силу для соседних колоний. В то же время юристы пришли к соглашению не покупать никакие из этих гербовых марок, в качестве своего аргумента указывая на то, что невозможно оплачивать налог, предписанный им, золотом и серебром.

*4 ноября* [Нью-Йорк]: Некоторые особые приготовления в Форт-Джордже для охраны гербовой бумаги его гарнизоном вызвали неудовольствие жителей этого города, большое количество которых собрались в прошлую пятницу вечером и проследовали к стенам форта, где они взломали стойла вице-губернатора Кадволладера Колдена<sup>2</sup>, эсквайра; угнали его экипаж и после прогулки по главным улицам города, с триумфом отправились в поля, где была водружена виселица: на одной стороне ее висело чучело этого выдающегося человека, в правой руке которого был штампованный коносамент<sup>3</sup>, а на груди — записка следующего содержания: «Взбунтовавшийся барабанщик в 1715 г.» На его спине был прикреплен барабан, а на другом конце виселицы была подвешена фигура дьявола. Провисев значительное время, чучела были сняты, со всей виселицей водружены в экипаж и в сопровождении огромной процессии доставлены к воротам форта, откуда были перевезены в Боулинг Грин под дуло крепостных орудий, где был немедленно разведен костер, поглотивший барабанщика, дьявола, экипаж и остальное под бурное ликование нескольких тысяч зрителей. Затем все проследовали к Воксхоллу — так назывался дом майора Джеймса, который считался сторон-

<sup>2</sup> Кадволладер Колден — 54-й мэр Нью-Йорка. — *Примеч. пер.*

<sup>3</sup> Коносамент — документ, выдаваемый перевозчиком груза грузовладельцу и удостоверяющий право собственности на отгруженный товар. — *Примеч. пер.*

ником Акта о гербовом сборе, — откуда вынесли все вещи, в очень значительном количестве, и устроили другой костер, в огне которого сгорело все вынесенное.

Следующей ночью собравшаяся толпа потребовала, чтобы вице-губернатор передал гербовые марки. После чего под давлением он заявил, что сам не будет распределять марки и в итоге передал их в руки муниципальной корпорации в нью-йоркской мэрии. В 1765 г. «The Gentleman's Magazine» напечатал еще массу статей об американском сопротивлении Акту о гербовом сборе, не говоря уже о многочисленных эссе и комментариях по политическим вопросам.

У нас уже есть представление о том, что произошло в следующие 10 лет. В торговых городах американского побережья были сформированы антибританские коалиции с опорой особенно на торговцев, юристов, лавочников и ремесленников, но часто поддерживаемых такими группами, как моряки и докеры. В ходе комплексного взаимодействия между британскими властями и американскими колонистами американцы неравномерно переходили к общему бойкоту политических и экономических транзакций с Британией. Они двигались к установлению ряда государственных организаций (комитетов, ассамблей, судов и ассоциаций), параллельных британским колониальным институтам и независимых от них. Поскольку значительное число американцев начали принимать юрисдикцию этих параллельных институтов и отклонять приказы вице-губернаторов и других британских чиновников, возникала революционная ситуация. Результат также был по меньшей мере ограниченной революцией: тысячи влиятельных сторонников Британии покинули колонии, американцы обрели политическую независимость, а члены революционной коалиции из среднего класса получили исключительную власть в формировании новой политической системы.

Борьба 1760-х годов в Британии и Америке с очевидностью принадлежит к миру, который мы исследовали в этой книге: миру конкурентного коллективного действия. Другие часто изображают этот мир полным «толп», «беспорядков» и «массовых движений». Мы видели многие события, которые описываются этими словами, и в ходе этого неоднократно замечали, насколько эти слова ошибочны. Это слова властей и элит, описывающих действия дру-

гих людей, и зачастую такие действия, которые угрожают их собственным интересам. Мы применили низовой подход (bottom-up approach), чтобы продемонстрировать связи между коллективными действиями обычных людей и способами, которыми они организованы вокруг их повседневных интересов. Этот подход также позволяет прояснить, какая доля насилия, которое элитарные наблюдатели были склонны приписывать дезорганизации, отчаянию или агрессивным импульсам масс, на самом деле является побочным продуктом взаимодействия между группами, преследующими свои цели относительно рутинными способами, и их соперниками или властями, сопротивляющимися требованиям, воплощенным в этих относительно рутинных действиях.

#### ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЕ О КОЛЛЕКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЯХ

Теперь, если потребуется, мы можем формализовать исследование спиталфилдских ткачей, нектонских погромщиков работных домов, толп, сопротивляющихся Акту о гербовом сборе в Нью-Йорке. Эта формализация будет состоять из очерчивания интересов участников, оценки текущего уровня возможности и угрозы по отношению к этим интересам, проверки уровней мобилизации, измерения их властных позиций, оценки степени, в которой эти переменные объясняют интенсивность и характер коллективного действия. За шаг до этой формализации, мы находим себя оценивающими превалирующую структуру репрессии и помощи, влияние организации различных групп на их мобилизацию и на их интересы, влияние коалиций с прочими соперниками на их текущие властные позиции и т.д.

Это легкая часть: продемонстрировать, что такие понятия, как мобилизация и репрессия, указывают на примерно одни и те же процессы в разных условиях и хорошо применимы в этих разных условиях. Мы были бы удивлены и огорчены, если бы оказалось наоборот; в конце концов, и предполагалось, что эти понятия будут достаточно общими. Тем не менее и в легкой части есть свои удовольствия. Она позволяет осуществить некоторые неожиданные и потенциально плодотворные сравнения, например, между мобилизацией британских радикалов 1760-х и мобилизацией американских радикалов 1960-х годов. Она демонстрирует богатство

и релевантность исторического материала для исследования современных политических процессов. Эти два достоинства в сумме производят третье: осознание того, что исторический опыт является важным и доступным пространством для тестирования и усовершенствования аргументов и объяснений коллективного действия.

Теперь мы переходим к сложной части. Сложная часть — это программа исследования: сортировка населения на членов политической системы, претендентов и не являющихся акторами; достоверное определение их интересов; измерение степени и характера репрессии/помощи, которой они подвергаются; установление истинности того, что (как утверждалось ранее) богатые имеют тенденцию мобилизоваться наступательно, а бедные — оборонительно; правда ли то, что, как я постоянно твержу, общий эффект от продолжительной репрессии состоит не в повышении напряжения до точки огромного взрыва, но в понижении общего уровня коллективного действия.

Это трудная часть. Она такова не только потому, что включает множество различных переменных и взаимодействий между ними. Она трудна, поскольку проблемы с измерением необычайно велики: разработка общих сравнимых и значимых мер организации, мобилизации, власти, репрессии и тому подобного лежит за пределами текущих возможностей. Именно поэтому на страницах этой книги мы так часто обращались к проблемам измерения. В этом направлении предстоит сделать еще очень много.

Примеры коллективного действия в Британии и Америке, рассматриваемые нами, также напоминают о важной теоретической проблеме. В используемой в этой книге модели мобилизации коллективные интересы заданы *априори*. Мы объясняем их, исходя из общего исторического анализа (я отдаю предпочтение марксистскому анализу отношений различных сегментов населения к основным средствам производства), или определяем их эмпирически (я отдаю предпочтение вниманию к тому, что люди говорят по поводу своих недовольств, устремлений и прав). Теоретических сложностей масса. Мобилизация, коллективное действие и захват или потеря власти часто преобразуют интересы группы. Как учесть это преобразование? Приписываемые интересы и эмпирическое их выявление часто противоречат друг другу; последователи Ленина говорят о «ложном сознании». Оправдано ли это?

Еще одна проблема была с нами с самого начала и отказалась уйти: связь между каузальными и целевыми объяснениями коллективного действия. Мы колебались между ними без их твердой интеграции. Модель мобилизации служит краткосрочному анализу. Когда мы брали серии действий, такие как сопротивление Акту о гербовом сборе в Филадельфии и Нью-Йорке, мы сортировали наши наблюдения на интересы, организацию, мобилизацию, репрессию, власть, возможность и само коллективное действие. Но, в конце концов, мы представляем себе различные группы, включенные в него, как предпринимающие свои действия целенаправленно: стремясь реализовать свои интересы при помощи средств, которыми они располагают, в рамках заданных для них отношений со всем миром вокруг. Я уже отмечал ограничения модели мобилизации: недопущение неопределенности и стратегического взаимодействия; фокус скорее на количестве, а не на качестве; трудности измерения, присущие каждой из ее переменных. Даже если мы найдем способ преодолеть все эти ограничения, мы все равно будем иметь дело с целевой моделью.

Имея дело с долгосрочными изменениями в коллективном действии, мы обычно переходим от целевых к каузальным моделям. Модель политической системы служит нам в таком качестве: например, она предоставляет предварительное объяснение характерных отличий в коллективном действии групп, которые приходят к власти, групп, которые теряют власть, и групп, которые сохраняют свою власть. Претенденты, приходящие к политической власти, говорят одна часть объяснения, имеют тенденцию переходить к коллективному проактивному действию, но пониженного уровня; поскольку государственный аппарат защищает их от угроз, а сокращение издержек мобилизации и коллективного действия означает, что они могут реализовать тот же интерес с меньшими усилиями. Поэтому важнейшие изменения влияют на ограничения, а не намерения.

Иного рода каузальный аргумент также фигурирует в анализе, осуществленном в прошлых главах. Он касается воздействия очень больших общественных изменений, в частности, государственного строительства, пролетаризации и индустриализации. Здесь я неоднократно утверждал, что такого рода изменения одновременно воздействуют на интересы и организацию различных борцов за власть, и через это влияют на их мобилизацию и коллективное дей-

ствие. Случай крестьянского сопротивления повышению налогов, которым сопровождается государственное строительство, представлен на рис. 8.1.

Это не полное объяснение, поскольку государственное строительство также включает воздействие репрессии/помощи и власти. Тем не менее это объяснение явно отличается от стандартных аргументов сторонников Дюркгейма, в которых несоответствие между темпами структурного изменения и институционализацией социального контроля детерминирует вероятность конфликта и протеста. Хотя этот аргумент также имеет важные следствия для изменений в целях коллективного действия крестьян, это по своей сути каузальный аргумент.

Теоретически интегрирование целевого и каузального анализа не должно встретить больших сложностей. В принципе мы можем интегрировать их, продолжая осмыслять групповые правила принятия решений и тактические расчеты (целевая часть), которые разворачиваются в рамках жестких ограничений, заданных внутренней организацией соперника, его отношениями с другими группами и текущим состоянием возможностей и угроз в мире (каузальная часть). На практике это не так уж легко. Можно попытаться постепенно встроить время в базовую модель мобилизации: демонстрируя, например, как коллективное действие соперника в один из моментов времени меняет условия, которые релевантны для следующего раунда действия. В повестке дня, заданной этой моделью, это является демонстрацией того, как форма, интенсивность и результаты действия влияют на интересы, организацию и мобилизацию соперника, его властную позицию, новые возможности и угрозы, с которыми он сталкивается, а также репрессию/помощь, которой он подвергается. В очень краткосрочной перспективе мы можем игнорировать некоторые из этих отношений, поскольку они останутся по сути теми же. Однако в серии краткосрочных снимков их воздействие будет накапливаться и влиять на развитие ситуации в целом.

Серии многих подобных краткосрочных картинок необходимо интегрировать, как кино с множеством кадров, в последовательное описание процессов, посредством которых коллективное действие протекает и изменяется. Однако трудность очевидна: в исследовании каждого конкретного момента мы можем допустить рассмотрение действий других групп (а также отношений сопер-

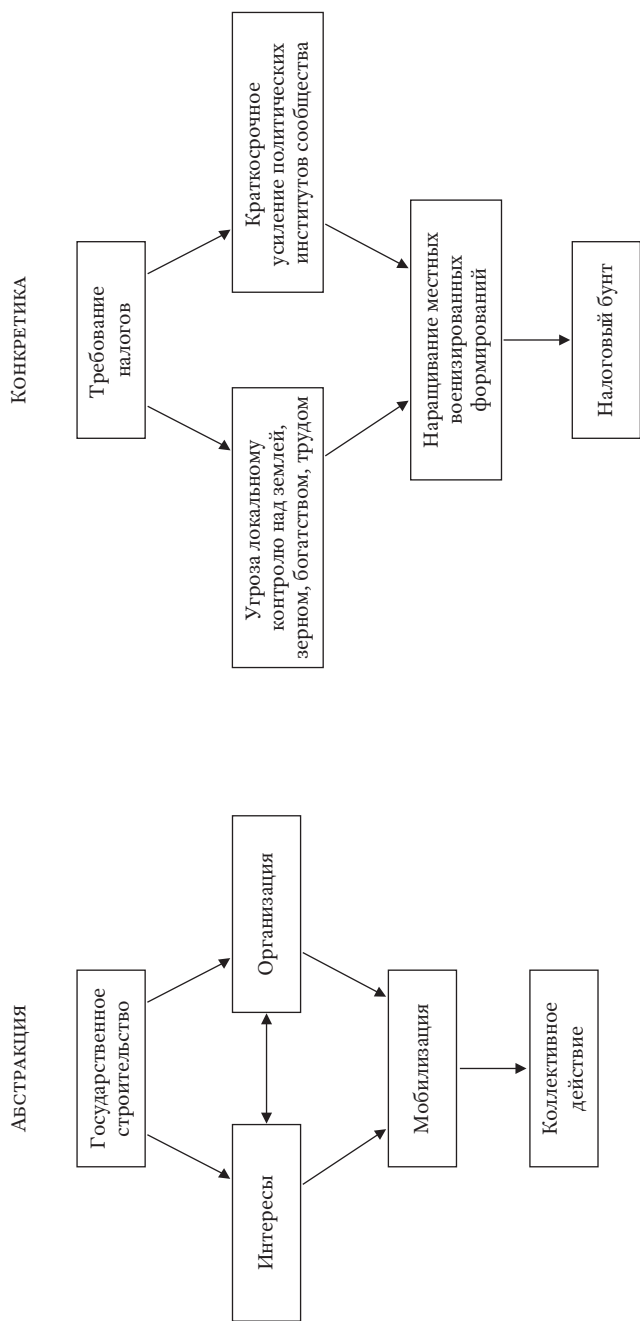


рис. 8.1. Абстрактные и конкретные каузальные объяснения крестьянских налоговых бунтов

ника с другими группами) в качестве характеристик среды. Как только время запущено, действия и реакции других приобретают решающее значение. В краткосрочной перспективе мы имеем стратегическое взаимодействие. В долгосрочной — трансформацию коалиций, структур власти и расколы. Модель политической системы, которую мы использовали в этой книге, выделяет лишь один аспект (взаимоотношений соперников с правительствами) комплексного набора изменений. Чтобы интегрировать каузальный и целевой аргументы, упомянутые в этой книге, необходимо большее. Необходим куда более полный анализ борьбы за власть, коалиций и других форм взаимодействия между соперниками. Для исследователей коллективного действия — это следующий вызов.

### ВАЖНОСТЬ ИСТОРИИ

Серьезный исторический анализ помогает нам разработать более адекватные модели борьбы за власть. Исторические свидетельства богаты и релевантны. Они позволяют нам следовать за множеством групп и их взаимодействиями в течение огромных промежутков времени. Коллективное действие, соперничество и борьба за политическую власть особенно вероятно оставляют свой след в сыром материале, с которым имеет дело историк.

История — это нечто большее, чем изобильный источник данных. Она значима сама по себе; она помещает наш собственный опыт в перспективу и иногда помогает объяснить его. История коллективного действия — это захватывающее исследование, которое ведет нас различными путями от истории политической мысли или истории властей предрежающих, хотя эти три рода истории часто пересекаются. Например, различные исторические траектории демонстраций и забастовок в западных странах помогают нам понять различие тех мест, которые они занимают в современных политических репертуарах, помогают понять такие специфические вещи, как относительно большая частота, с которой демонстрации нашего времени приводят к коллективному насилию; в конце концов, в большинстве западных стран забастовки некогда были очень обычной обстановкой для стрельбы, драк и атак на здания и оборудование.

Историки зачастую рассматривают историю коллективного действия как вспомогательную форму политической, социаль-

ной или экономической истории: забастовки и демонстрации служат моральным эквивалентом мемуаров государственных деятелей, предоставляют свидетельства о качестве жизни низших слоев, поддаются измерению воздействия экономических колебаний. Это все правомерное использование данных о забастовках и демонстрациях. Однако взятая сама по себе история коллективного действия пронизывает политическую историю, социальную историю, экономическую историю, как мы их обычно себе представляем. Категории и периоды истории коллективного действия не просто вытекают из соответствующих категорий и периодов политической, социальной или экономической истории. Коллективное действие следует своему собственному курсу. Наши периодические исторические экскурсии в этой книге предоставляют нам однозначные свидетельства воздействия коллективного действия на изменения во властных структурах и организации производства, но они также показывают, как существующие репертуары коллективного действия и предшествующий опыт коллективных акторов ограничивают их возможности совместного действия по достижению своих интересов, устремлений и устранению недовольств. Вместо того, чтобы рассматривать ее в качестве малозначительного усовершенствования политической или социальной истории (например, как тему, которую Джордж Руде озаглавил «Толпа в истории» [Rudé, 1964; Руде, 1984], мы предприняли попытку написать историю коллективного действия саму по себе.

Но прежде чем мы застолбим новое историческое поле, нам не следует только спрашивать мыслимо ли и интересно ли оно. Нам следует задаться вопросом, является ли оно цельным, стоящим изучения и доступным для него. В случае коллективного действия, как представляется, ответом на все три вопроса будет «да». Предмет является цельным в нескольких фундаментальных отношениях: каждое данное население обычно имеет вполне ограниченный и вполне установившийся набор средств для действий в общих интересах и обычно меняет эти средства понемногу; средства действия, результаты действия, интенсивность и локусы действия меняются доступным пониманию образом в ходе таких крупномасштабных изменений, как индустриализация и государственное строительство; разумно задать те же вопросы и относительно интересов, организаций, возможности и действия в весьма различных обстоятельствах, и мы даже можем ожидать, что сходные ответы на не-

которые вопросы будут даваться снова и снова, применительно к разным эпохам и местам.

Целесообразно ли изучение? В долгосрочной перспективе результаты исследований ответят нам на этот вопрос. Но уже заранее видно, что изучение коллективного действия подводит нас к проблемам, затрагивавшим обычных действующих лиц истории таким образом, каким не подводит почти ни одно другое исследование. Оно занимает свое место среди исторических исследований труда и семьи и касается логики, структуры и содержания повседневной жизни.

На вопрос о доступности для исследования ответить труднее. Было проведено слишком мало исследований, делающих доступными и постижимыми данные о коллективном действии. Интерес, возможность, организация, действие — все это нелегко реконструировать на расстоянии века или двух. Действие чуть легче остальных, поскольку наиболее точные и развернутые записи делались официальными властями. Власти пытались установить, что произошло, с целью наказать за это сейчас и предотвратить в будущем. Что касается интересов, возможности и организации, мы должны либо выводить их из самого действия, догадываясь о них на основе общих аргументов, либо собирать их воедино из кусочков хрупкого материала. Имея дело с действиями простых людей, большинство историков ограничивают себя первыми двумя решениями: описывают то, что люди делали, а после выводят из этого, какие интересы они преследовали, с какими возможностями реализации этих интересов они сталкивались и как они были организованы, исходя из того, что они говорили и делали в ходе действия, а также из общих аргументов относительно характера толп, природы крестьянской жизни, смысла сопротивления воинской повинности и тому подобных понятий.

В отсутствие прямых, надежных свидетельств относительно интереса, возможности и организации, косвенный подход, комбинирующий общие аргументы с наблюдениями из действия, может сослужить нам хорошую службу. Все что нужно — это здравые общие аргументы, хорошо задокументированные действия и сообразительность, позволяющая исправлять общие аргументы, когда акторы доказывают их ошибочность. В осуществленных Ив-Мари Берсе исследованиях действий мятежных крестьян XVII в., которые отражены в учебниках истории под такими причудливыми на-

званиями как «красные колпаки»<sup>4</sup>, «камизары»<sup>5</sup> и «кроканы»<sup>6</sup>, находим полезный аргумент. В то время, согласно Берсе, местное сообщество было основным локусом крестьянской солидарности и главным хранилищем прав, в которое сельское население вкладывало очень много. Экспансия государства при Людовике XIII и Людовике XIV угрожала и солидарности, и правам.

Каждой форме местной солидарности, по мнению Берсе, соответствовала форма восстания: бунты, вызванные отсутствием гарантий безопасности и опиравшиеся на институты общинной защиты от мародеров; продовольственные бунты, отстаивавшие общинные меры по снабжению продовольствием в трудные времена; силовая защита общинных прав на землю, основанная на предшествующих практике и признании этих прав; восстания против прямых налогов, базирующиеся на долгом участии местных сообществ в расчете величины этих налогов; вооруженное сопротивление косвенным налогам, апеллирующее к предшествующей практике местных каналов торговли вещами, которые теперь подлежали проверке, налогообложению и конфискации. Берсе пишет:

Приблизительно с 1660 по 1680 г. были безвозвратно демонтированы общинные власти, их военные, юридические и фискальные прерогативы были задушены или аннулированы, их установленные права и привилегии сокрушены. Хронология великих народных восстаний следует этому же ритму. Затем и эти реакции коллективного насилия ушли в прошлое по мере успешного государственного строительства [Berse, 1974a, p. 117].

<sup>4</sup> «Красные колпаки» (Bonnets rouges) — крестьяне, участники Восстания красных колпаков, или Восстания гербовой бумаги, во Франции XVII в. в ответ на введение Людовиком XIV налога на гербовую бумагу, а также в ответ на воровство со стороны королевских сборщиков налогов, известных как «Генеральный откуп». — *Примеч. пер.*

<sup>5</sup> «Камизары» (Camisard) — протестантские крестьяне-горцы Севени, поднявшие восстание против французского правительства во время войны за испанское наследство в 1702 г. Восставших называли камизарами (рубашечниками), поскольку они были одеты в белые рубашки поверх доспехов во время боевых действий ночью. — *Примеч. пер.*

<sup>6</sup> Восстание «кроканов» (Croquants, букв. «грызунов») — крестьянское восстание 1636 г. на юго-западе Франции, спровоцированное удвоением прямых налогов на крестьян с целью сбора средств для войны с Испанией.

Выводы Берсе недооценивают значимости экспансии капитализма. Тем не менее они точно определяют темы, снова и снова всплывавшие в ходе восстаний XVII в.: сокрушение давно установленных прав, отмена издавна соблюдавшихся привилегий. Это во многом проявилось в самом действии, как в 1636 г., когда крестьяне Сентонжа заявляли, «...что они хорошие французы и скорее умрут, чем будут дальше жить под тиранией парижан, доведших их до отчаянья и крайней бедности, в которых теперь находится их провинция из-за огромного увеличения налогов и нового бремени, которые были на них взвалены и изобретены в это царствование...» [Berce, 1974b, p. 736].

Эта жалоба из Сентонжа иллюстрирует и перспективы, и тяготы исследовательской работы коллективного действия самого по себе. Перспективы состоят в том, что люди, которые действуют совместно, обычно имеют собственное мнение о недовольствах, надеждах и интересах, которые их мотивируют, а также представление о своих шансах на успех. Если жалобы на «тиранию парижан» возникают снова и снова, у нас есть некоторые основания поверить, что люди Сентонжа были искренне недовольны внешними требованиями. Однако трудность состоит в том, что риторика восставших не открывает происхождения или фактических основ недовольства: например, как отличить долгосрочные условия, которые лишь недавно стали нестерпимыми из-за изменения устремлений или самоидентификации, от новых лишений, которые нарушают права, существующие издавна?

Решение этой проблемы отчасти состоит в том, чтобы уделять внимание всей структуре действий и жалоб: во Франции старого режима, почти всякий, кто публично выражал недовольство, жаловался на «крайнюю бедность»; если вы поступали иным образом — это был шанс для сборщика налогов увеличить сумму, которую он потребует в следующий раз. Тогда как жалобы на «новое бремя» и «тиранию парижан» различаются от одного периода времени к другому, от одного места к другому, от одной группы к другой. В этой вариации относительно времени, места и группы мы имеем возможность испытать наши идеи об интересах, возможностях и организации, которые кроются за коллективным действием. Относительно аргументации Берсе, мы можем определить, существовала ли на самом деле тенденция для регионов, только что попавших под жесткий контроль короны, поднимать

крупные движения сопротивления, и позже впадать в покорность по мере того, как государство одерживало верх. (Так и было, хотя связи носили более комплексный характер, чем предписывает схема Берсе.)

Тем не менее общая связь между ритмом государственного строительства и ритмом восстаний оставляет пространство для множества альтернативных интерпретаций задействованных интересов, возможностей и организаций. В итоге нам придется попытаться подробно рассмотреть их. Здесь применимы две, по-видимому, несовместимые стратегии. Первая из них более очевидна: зарыться в свидетельства, касающиеся обстановки, в которой происходило коллективное действие. Прodelав значительную подготовительную работу, часто можно обнаружить интересы, возможности и организацию, имевшие место в ходе великих эпизодов действия. Но в итоге нам будут необходимы сравнения с местами, эпохами и группами, в рамках которых коллективное действие было незначительным или не происходило вовсе: если мы зафиксируем «крайнюю бедность» в качестве условия для каждого восстания XVII в., означает ли это, что крестьяне, которые не бунтовали, были менее бедны? Вопросы подобного рода приводят нас ко второй стратегии: широкому сравнению мест, эпох и групп, которые различались по своим интересам, возможностям и организации. Варьировало ли в соответствии с этим их коллективное действие (или его отсутствие)?

При написании истории коллективного действия у нас есть выбор между историческим партикуляризмом и попыткой сравнения и обобщения. Согласно одному из мнений, все подобные сравнения весьма одиозны, во-первых, поскольку они неизбежно искажают интерпретацию прошлого, чтобы соответствовать злободневности настоящего; во-вторых, потому что они вырывают события из единственного контекста, который наполняет их содержанием. «Бургундец XVII в., — говорит нам Гастон Рупнель, — не носил на себе отпечатка современности. В глубине его души было нечто настолько древнее, как если бы галлы все еще окружали его на современной ему земле, куда история еще не добрались» [Roupnel, 1955, р. xxx]. Если так, то, вероятно, ни бургундец, ни американец наших дней не смогут восстановить или объяснить события в Бургундии XVII в. без того, чтобы мысленно перенестись через пропасть, отделяющую настоящее от предшествующих веков. Сравнения будут

служить только тому, чтобы картографировать глубину и очертания этой пропасти.

Однако глубина и ширина этой пропасти — это вопрос фактов, а не веры. В некоторой степени мы можем определить, дают ли структуры и объяснения, помогающие упорядочить коллективные действия XVII в., какое-либо понимание действий XX в. — представляют ли применимые категории для наших наблюдений, выявляют ли неясные связи, предвосхищают ли особенности, которые не очевидны на первый взгляд. Моменты, в которых категории XVII в. не срабатывают, являются ключевыми для понимания перемен, сигналами о том, что появилось нечто новое, нуждающееся в объяснении. Наша попытка пройти по векам может привести к заключению о том, что различные эпохи требуют фундаментально различных подходов к коллективному действию. Тогда этот вывод, и очерчивание сущностных разрывов между одной формой коллективного действия и другой будут достижениями сами по себе.

#### ИСТОРИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

Тогда каким же образом мы можем поместить конкретный исторический опыт в выстроенные в этой книге теоретические схемы? Историческая работа состоит в группировке действий в рамках исторического опыта в государства, соперников, политические системы, коалиции, процессы мобилизации и т.п. Прочие фундаментальные феномены, такие как изменения представлений, демографические изменения, или демографический кризис, принимаются во внимание только в той степени, в какой они воздействуют на формы преследования интересов и борьбы за власть.

В случае Франции после 1500 г. самые масштабные рамки исследования демонстрируют взаимодействие постепенно урбанизирующегося, индустриализующегося и пролетаризирующегося населения с национальным государством, которое сначала возникает, затем устанавливает свой приоритет и затем консолидирует свое господство над населением. Эти две группы процессов в определенной степени зависели друг от друга — например, то, как расширение налогообложения толкало крестьян к продаже продуктов, которые они в противном случае хранили бы дома, или то, как степень коммерциализации труда, земли и сельскохозяйственной про-

дукции устанавливала твердые ограничения для доходов от налогов на землю, подоходных налогов, акцизных сборов и проч. Однако периоды их протекания различаются. Эпичные периоды становления французского государства — времена Людовика XIII и Людовика XIV. Эти периоды имели свою долю экономических потрясений. Более того, эти периоды были отмечены ростом влияния Парижа и нескольких прочих крупных городов на жизнь Франции в целом и распространением торговли и мелкомасштабных производств в городах и деревнях по всей стране. Тем не менее в плане продуктивности, организации и общего количества вовлеченных индивидов урбанизация, индустриализация и пролетаризация XIX и XX вв. произвели несравнимо бóльшие изменения. Чрезмерно упрощая, можно сказать, что эта драма состояла из двух актов: воздействие стремительно растущего государства на медленно меняющиеся население и экономику; затем стремительно меняющееся население и экономика воздействуют на консолидирующееся государство.

Исследуя это взаимодействие, необходимо для различных мест и моментов времени снова и снова задаваться вопросом о том, каким борцам за власть (потенциальным и реальным) социальная структура позволила появиться, а также за какую власть та или иная стадия государственного строительства предоставляла им бороться. Например, наиболее активные текущие дискуссии относительно истории бурного французского XVII в. вращаются, во-первых, вокруг того, в какой степени национальное правительство выдавило своих провинциальных соперников и обрело прочный контроль над французской общественной жизнью; во-вторых, даже более энергично, вокруг того, в какой степени подразделения населения, с которыми мы оперируем, были социальными классами, близкими к марксистскому пониманию этой категории (см.: [Mousnier, 1970; Lebrun, 1967; Porchnev, 1963; Поршневу, 1948; Lublinskaya, 1968; Люблинская, 1965]).

Аналитическая схема, изложенная мною, не предоставляет готовых ответов на эти серьезные вопросы; в противном случае, можно было бы подозревать, что ее главные положения верны по определению. Она действительно говорит о том, что отслеживание актуальных проблем, локаций и участников ожесточенных столкновений во Франции XVII в. даст критически важные данные о темпе и степени политической централизации, а также о приро-

де групп, вовлеченных в борьбу за власть. Основные исследования еще предстоит осуществить. Тем не менее вновь и вновь проявляющаяся важность новых налогов в ходе восстаний XVII в., явная убыль этих восстаний к концу века, частая вовлеченность всех крестьянских сообществ в сопротивление требованиям короны — все это свидетельствует о решающей битве XVII в. между местной и национальной политическими системами.

Не то чтобы вся борьба закончилась тогда. Как давным-давно заявил Токвиль, революция 1789 г. столкнула централизаторов с защитниками автономии провинций. Борьба между короной и провинциальными парламентами, приведшая к созыву Генеральных Штатов, которые, в свою очередь, стали местом многовластия в 1789 г., стала продолжением борьбы XVII в. На самом деле на протяжении революции вопрос о доминировании Парижа и национального правительства оставался открытым, сопровождаясь налоговыми бунтами, движениями против воинской повинности и сопротивлением призывам нации о поставках продовольствия, которые периодически повторялись, когда центр ослабевал и когда его требования резко возрастали. Большинство событий так называемого крестьянского восстания 1789 г. приняли форму продовольственных бунтов и прочих классических локальных конфликтов XVIII в.

Тем не менее они не были бóльшим количеством того же самого, поскольку имело место их необычное скопление в условиях многовластия, а также поскольку участники начинали формировать коалиции с другими соперниками в борьбе за власть. Сегодня точные контуры основных соперников и точная природа их меняющихся альянсов выступают ключевыми проблемами больших дебатов об истории революции (см., например: [Cobban, 1964; Mazaucis, 1970]). Но по крайней мере приблизительно верным будет сказать, что рыхлая коалиция между крестьянами, чиновниками, городскими торговыми классами и маленькими, но сыгравшими ключевую роль группами городских ремесленников и лавочников осуществляла революцию в первые ее несколько лет, но начала необратимо разваливаться на части в 1792 и 1793 гг. Если смотреть с точки зрения формирования коалиций и многовластия, то революция распадается на целую серию революционных ситуаций, начиная от первой декларации суверенитета третьего сословия в 1789 г., вплоть до финального разгрома Наполеона в 1815 г.

Опять же, исходя из такой перспективы, мы начинаем схватывать значимость вещественно тривиальных событий, таких как взятие Бастилии. Ибо атака парижан на старую крепость наконец однозначно противопоставила толпу режиму, выявила неполную лояльность части вооруженных сил правительству, привела короля к его первому обращению к народному движению (его прибытие на Национальное собрание 15 июля и его поездка в Париж 17-го) и стимулировала серию малых переворотов в провинциях:

До 14 июля горстка революционных институтов, созданных в провинциях, была разрозненной и изолированной. Отныне же большинство городов и множество деревень Франции будут подражать Парижу с необыкновенной быстротой. В течение нескольких недель, последовавших за падением Бастилии, повсюду возникли революционные городские советы, состоящие из постоянных комитетов, а также ополчения граждан, вскоре получившие название национальной гвардии [Godechot, 1970, p. 273].

Таким образом, если вести отсчет многовластия от клятвы в зале для игры в мяч<sup>7</sup> не расходиться вопреки запретам короля, мы по-прежнему должны будем рассматривать 15 июля и немедленно последовавшие за ним события в качестве огромного расширения революционной коалиции.

Очевидно, что три непосредственных условия революционной ситуации, приведенных ранее (коалиции соперников, выдвигающие альтернативные взаимоисключающие требования, приверженность этим требованиям, неспособность правительства подавить их) появились во Франции в 1789 г. Что не может быть очевидно ясным только из хроники событий, так это то, как долго каждое из условий уже существовало, что привело к их появлению, а также были ли они достаточны для краха старого режима. Это по крайней мере поддающиеся изучению вопросы, в отличие от попыток напрямую установить были ли подъем буржуазии, увеличение относительной депривации или упадок старой элиты «причиной» революции. Более того, они обращают внимание на вероятную значимость подвижных коалиций между юристами, чиновниками,

---

<sup>7</sup> Клятва в зале для игры в мяч (фр. Serment du jeu de paume) — первое открытое выступление третьего сословия против короля в самом начале Великой французской революции, произошедшее в версальском зале для игры в мяч. — *Примеч. пер.*

провинциальными магнатами, крестьянами и рабочими в политических маневрах национального масштаба с 1787 по 1789 г., а также на воздействие «защитной» мобилизации крестьян и рабочих в ответ на давление с разных сторон, оказываемое на них в 1789 г.

Революция привела к великой передаче власти. Она оформила новую и особенную политическую систему. Несмотря на реставрацию 1815 г., дворянство и духовенство никогда не смогли вернуть своих дореволюционных позиций, некоторые сегменты буржуазии значительно увеличили свою власть над национальным правительством, и приоритет национального правительства над всеми другими постоянно возрастал. В анализе Баррингтона Мура, основную линию которого я нахожу правильной, доминирование коалиции чиновников, буржуазии и крестьян на решающих ранних стадиях революции способствовало развитию слабой парламентской демократии, которая характеризует постреволюционную Францию ([Moore, 1966, ch. II; Мур, 2016, гл. 2]; объяснение и критику см.: [Rokkan, 1969; Rothman, 1970; Stone, 1967]). В таком масштабе и в частностях государственного управления, образования, идеологии и стиля жизни революция оставила прочное наследие.

И все-таки ни один из старых конфликтов не исчез бесследно с завершением революции. Контрреволюционная Вандея, подвергнутая почти полному уничтожению в 1793 г., вновь и вновь поднималась в восстаниях 1794, 1795, 1799, 1815 и 1832 гг. Последующие революции сотрясали Францию в целом в 1830, 1848 и 1870 гг. Большинство характерных форм сопротивления требованиям центра (продовольственные бунты, налоговые бунты, движения против призыва на военную службу и т.п.) длительное время сохранялось и в XIX в. Действительно, эти реактивные формы коллективного действия достигли своей кульминации примерно во время революции 1848 г., прежде чем стремительно сократиться до незначимых.

Начиная с кризиса середины века, мы можем датировать решительное сокращение более мелких политических систем, в рамках которых французы некогда осуществляли большую часть своей политической деятельности, практическое исчезновение базирующихся на сообществе борцов за власть, переход всех соперников к ассоциативным организациям и действиям на национальном уровне. Массивная урбанизация и индустриализация Франции, набравшая ход после 1830 г., трансформировали имеющихся борцов за власть, особенно благодаря созданию многочисленного ново-

го городского рабочего класса, сосредоточенного на фабриках и в других больших организациях. С этого момента и далее демонстрации, митинги, забастовки были привычными формами коллективного насилия, а также той сценой, на которой в основном проходила борьба за власть. Коллективное действие развивалось вместе с организацией общественной жизни.

#### В КАЧЕСТВЕ ПОСЛЕДНЕГО ПРИМЕРА: СЕЛЬСКОЕ КОЛЛЕКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ В БУРГУНДИИ

Если этот широкий эскиз эволюции коллективного действия справедлив для Франции в целом, то он все еще может потерять свое правдоподобие при сравнении с опытом конкретного местного населения. Согласно мнению Гастона Рупнеля, которое было приведено ранее, житель Бургундии времен старого режима настолько отличался от своего современного собрата, что историк должен применять иные объяснительные принципы к его поведению.

Вызов Рупнеля нам состоит в том, способны ли мы понять и объяснить коллективное действие бургундцев старого режима в терминах, релевантных их времени и месту, но все же сохраняющих смысл в иных — и особенно более поздних — временах и местах. Я полагаю, что способны. Бургундцы старого режима столкнулись с воздействием двух значительных процессов: экспансией капитализма и концентрацией власти в руках французского национального государства. Они чувствовали на себе экспансию капитализма конкретно в виде роста сельскохозяйственного пролетариата, перехода к выращиванию товарных культур, упадка общинных прав собственности в пользу индивидуальной собственности и в некоторых других отношениях. Они чувствовали концентрацию государственной власти в росте значения королевских чиновников в регионе, в упадке автономии регионального парламента и муниципалитета Дижона, в увеличении контроля, налогообложения, в продаже местных должностей короной и в некоторых иных отношениях.

Конфликты вокруг государственного строительства наиболее заметны в XVII в., особенно во времена Фронды<sup>8</sup> 1640-х и 1650-х годов, когда Бургундия была местом крупных восстаний против коро-

---

<sup>8</sup> Фронда — дворянское движение против абсолютизма и политики кардинала Мазарини во Франции 1648–1653 гг. — *Примеч. пер.*

ны. Конфликты вокруг капитализма наиболее отчетливы в XVIII в., когда сражения вокруг контроля над землей, трудом и зерновыми культурами постоянно вспыхивали в этой провинции. Обратимся коротко к истории борьбы XVIII в., рассматривая ее связь с экспансией капитализма, и затем сравним ее с крестьянским коллективным действием XIX в.

В сельской Бургундии XVIII в. борьба носила отчетливо антикапиталистический характер. Это был золотой век продовольственных (голодных) бунтов. Кризисы 1709, 1758 и 1775 гг. принесли свои множества конфликтов, а остальные возникали в промежутках между этими великими кризисами. В этом смысл эдикта парламента Бургундии от 1770 г., который запрещал, как и столь многие другие эдикты того же периода,

...собираться и останавливать повозки, нагруженные пшеницей или другим зерном на дорогах, в крупных и малых городах или селах под страхом особого уголовного преследования... (Archives Départementales Côte d'Or [Dijon] C 81).

Эта блокада провоза зерна выражала требование обычных людей о том, чтобы нужды сообщества обладали приоритетом по отношению к требованиям рынка. Рынка и, тем самым, также и торговцев.

Вторая обычная форма антикапиталистического действия была менее рутинной и более ироничной. Это было местное сопротивление консолидации земли и прав на нее со стороны помещиков. Ирония состоит в нашей обычной готовности поместить самих этих помещиков в антикапиталистический лагерь. Как продемонстрировал великий историк региона Пьер де Сен-Жакоб, помещики Бургундии указанного периода (включая и «старую» знать, и возведенных в дворянское достоинство чиновников и купцов) играли в капиталистические игры, захватывая леса, узурпируя общинные земли, огораживая поля и настаивая на уплате всех сборов за пользование землей, на которые им давали право их поместья. Селяне сражались против этого. Иски против помещиков умножались, факт, который Сен-Жакоб интерпретирует как доказательство не только агрессии сеньоров, но также и прогрессирующего освобождения крестьян от традиционного уважения к ним.

Там, где судебные иски были невозможны или неэффективны, крестьяне сопротивлялись захвату земель общин, занимая их, со-

противлялись огораживанию, ломая изгороди или заборы. Пьер де Сен-Жакоб описывает это так:

Охранники Ати были атакованы людьми Висерни за попытку преградить вход пастуху. На земли Бернара де Фонтетт Пьер Сезар дю Крес, владелец Сен-Обэна, организовал необычную экспедицию. Он пришел в сопровождении 17 человек, вооруженных «ружьями, колами и дубинами», чтобы сломать ограждения. Они ввели 40 голов рогатого скота под защитой двух охранников «с пистолетами и охотничьими собаками» и воспрепятствовали арендаторам Бернара де Фонтетт привести свой скот. В Шармуа, по наущению двух женщин, группа крестьян разрушила забор, установленный смотрителем Гренана, которому более ничего не оставалось, как только смотреть и выслушивать насмешки толпы. В Пантье торговец хотел огородить свой луг; он получил на это разрешение от местного суда. Люди собрались на площади и решили сломать изгородь, которая была установлена ночью. Они привели лошадей. Купец хотел выгнать их прочь, но молодые люди, их защищавшие, остановили его, «отвечая, что они на своей собственной земле, на общественном лугу, что они сломали ограждения и сделают это снова...» [Saint-Jacob, 1960, p. 370–371].

Как мы можем видеть, сопротивление не было направлено непосредственно против земельной знати, но против землевладельцев любого класса, покушавшихся на коллективные права сельского сообщества. Если в Лонжкуре в 1764 г. своей доли общинных земель потребовал помещик, который претендовал на собственную часть земель общины, то в Даруа два года спустя каноники церкви Сент-Шапель в Дижоне пытались забрать часть общинных лесов, а в Вилли-ле-Брюль в 1769 г. это был занимающийся сельским хозяйством нотариус, который огородил луг канавами, только затем, чтобы увидеть их закопанными местными жителями (A.D. Côte d'Or C 509, C 1553).

Какой контраст с сельским коллективным действием после революции! Продовольственные бунты сохранились до середины XIX в. Например, в апреле 1829 г. толпа в Шатийон принудила М. Бодуана, владельца мельницы, продавать свое зерно по 5 франков и 25 сантимов за двойную бушель, тогда как он установил цену в 5 франков и 30 сантимов (A.D. Côte d'Or M 8 II 4). На следующий рыночный день были подняты несколько бригад жандармов, чтобы предотвратить подобные «беспорядки» (A.D. Côte d'Or 8 M 27).

Хотя продовольственные бунты продолжали процветать, в после-революционной сельской борьбе вряд ли оставался и след сопротивления помещикам. Вместо этого она сосредоточилась на политике и, особенно, на налоговой политике государства.

Активистские группы XIX в. были выходцами из мелких землевладельцев и рабочих коммерциализированных, полностью капиталистических виноградников. Робер Лоран изображает протест такого рода, имевший место сразу после революции 1830 г.:

...в сентябре объявление о возобновлении инвентаризации вина в домах виноградарей положило начало бурным демонстрациям, почти бунтам, в Бон. 12 сентября, во время смотра национальной гвардии, «гневные крики против Администрации доходов [la Régie] раздавались из самих ее рядов». Получив сообщения о том, что жители пригородов планируют идти в налоговые управления с целью сжечь учетную документацию, как они уже это сделали в 1814 г., мэр счел благоразумным призвать к оружию артиллерийский расчет и собрать часть национальной гвардии к 5 часам утра следующего дня. 13-го числа к 8 утра «огромная толпа виноградарей и рабочих» с криками «долой волков» и «долой акцизы», заняла площадь перед ратушей. Чтобы успокоить демонстрантов, мэр вынужден был отпустить по домам национальную гвардию. «Тогда постепенно толпа разошлась» [Laurent, 1957, I, p. 484–485].

Несмотря на мирное завершение, власти были вынуждены отложить инвентаризацию вина. В Мерсо все прошло не так мирно: виноградары прогнали сборщиков налогов.

Более того, движение против налогов непосредственно соединялось с политическими движениями. Области виноградарства были известны своим республиканизмом; это было особенно верным для отдаленных районов Дижона и Бона. Учитывая все обстоятельства, мы наблюдаем значительную трансформацию репертуара коллективного действия в Бургундии. Если сравнивать со способами действия, доминировавшими до революции, то способы XIX в. были менее привязаны к общинной базе, в большей степени относились к национальной политике. Ассоциации, клубы, общества играли все большую роль. Тем не менее здесь была и важная преемственность: уцелели шаривари, продовольственные бунты и классические восстания против налогов; упорная ориентация на защиту местных интересов против требований государства и рынка, а не на создание лучшего будущего. Старый репертуар коллек-

тивного действия пережил революцию. Сами формы действия изменились, приспособились к новым условиям; среди прочего, мы обнаруживаем некоторую политизацию всех форм. Возникли новые формы коллективного действия; забастовки и демонстрации стали привычным делом в Бургундии. Это столетие, охватывающее революцию, было периодом трансформации и роста различных способов коллективного действия.

Каково собственное место революции в этой трансформации и развитии способов коллективного действия? Революция принесла с собой невиданный прежде уровень коллективного действия, политизацию всех интересов (а через это и почти всех способов действия), централизацию власти (а тем самым и борьбы за власть), безумное умножение ассоциаций (а через это и действие на основе ассоциаций), создание условий для развития капитализма и гегемонии буржуазии (а через это и рост угрозы для некапиталистических, небуржуазных интересов). Если это заключение верно, то революция выступила фундаментальной стадией в ходе намного более длительного и масштабного, чем она сама, процесса трансформации. Как консолидация национального государства в XVII в. революционные перемены привели к значительному изменению преобладающих способов коллективного действия.

Однако эволюция коллективного действия на этом не оканчивается. Хотя демонстрации дижонских виноградарей 1830-х годов, несомненно, показывают намного больше знакомых черт, чем региональные налоговые бунты 1630-х годов, в них также проявляется специфика их собственной эпохи. Современные преемники тех виноградарей обычно собираются на улицах столицы департамента, сгруппировавшись вокруг плакатов и знамен, указывающих на их организации и суммирующих их требования. Классические шаривари и продовольственные бунты исчезли, вместе с некоторым числом других форм действия, сохранявшихся и в XIX в. Сегодня крупномасштабные действия даже в большей степени сконцентрированы в Дижоне, Боне и других городах, чем в 1830-х годах. В этих действиях часто участвуют профсоюзы и политические партии. Хотя цены и налоги все еще продолжают быть частой причиной недовольства, такие экзотические проблемы, как война Америки во Вьетнаме и будущее студентов на факультетах спорта и физической подготовки, так же собирают большие толпы. Поскольку изменяется мир, то изменяется и коллективное действие в нем.

# Приложение I

## Процедуры исследования забастовок и коллективного насилия во Франции

### ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Если коротко, то стратегия исследования Франции заключалась в том, чтобы поместить каждое конкретное событие во временные, пространственные и социальные рамки не столько для того, чтобы объяснить каждое конкретное событие, сколько для того, чтобы определить, насколько крупное социальное изменение и перестройка структуры власти воздействовали на форму коллективного действия. Забастовки и насильственные события мы рассматривали по отдельности, хотя сопровождающиеся насилием забастовки фигурировали в обеих частях исследования. Забастовки представляют собой часто случающуюся, важную, хорошо задокументированную и обычно ненасильственную форму коллективного действия. Насильственные события, как правило, лучше задокументированы, чем их ненасильственные аналоги, и поэтому являются более пристрастными, но полезными регистраторами коллективного действия в целом.

Основные компоненты исследования следующие:

1. Составление перечня забастовок с 1830 по 1968 г. и описание каждой забастовки, для которой мы могли собрать стандартный корпус информации, в общей сложности около 110 тыс. забастовок; наиболее подробному анализу подверглись 36 тыс. забастовок, о которых рассказывают «Statistique des Grèves» с 1890 до 1935 г.

2. Составление перечня с 1830 до 1969 г. и описание каждого насильственного события, отвечающего определенным стандартам, которые вскоре будут обсуждены; наше исследование имеет дело примерно с 2 тыс. насильственных событий.

3. Индексирование изменений в социальной организации Франции в целом и в ее географических подразделениях — коммунах, округах и особенно 85–95 департаментах в период с 1830 по 1960 г.

4. Сбор информации (куда менее полной, куда более предварительной) о политической структуре и деятельности для Франции в целом и для некоторых мест и периодов ее истории с 1830 по 1960 г.

5. Использование всех трех видов данных в анализе различий в форме, интенсивности, местоположении, социальном составе и условиях, способствующих забастовкам и насильственным событиям; этот анализ подчеркивает определение долгосрочных сдвигов в формах коллективного действия, а также верификацию или фальсификацию альтернативных теорий, касающихся воздействия долгосрочных социальных изменений на коллективное действие.

Обстоятельный отчет об исследованиях забастовок присутствует в работе Эдварда Шортера и Чарльза Тилли «Забастовки во Франции 1830–1968 гг.» [Shorter, Tilly, 1974]. Самое общее резюме исследований французского коллективного насилия представлено во второй главе «Века волнений» Чарльза Тилли, Луизы Тилли и Ричарда Тилли [Tilly, Tilly, Tilly, 1975]. «Век волнений» также суммирует наши исследования Италии и Германии. За более подробными деталями результатов исследования Франции, Германии и Италии обращайтесь к отчетам, включенным в библиографию. Поскольку «Забастовки во Франции» содержат широкое обсуждение источников и процедур, тогда как «Век волнений», скорее, кратко их суммирует; последующее обсуждение будет сфокусировано на исследовании коллективного насилия, а не забастовок.

Хотя в принципе наша работа могла быть выполнена и по-другому, мы в основном опирались на высокоскоростные компьютеры для составления таблиц и количественного анализа. Кодовые словари, приведенные здесь, к примеру, по сути своей выступают наборами инструкций для подготовки сравнимых перфокарт из первичных описаний насильственных событий, содержащихся в архивных документах, газетах и политических историях.

Основные данные для исследования, действительно, поступили из (а) документов французских архивов, в основном отчетов по коллективным конфликтам и реакции правительства на них; (б) опубликованных серий правительственных отчетов и статисти-

ки по отправлению правосудия, переписям населения, забастовкам, специальным опросам, рабочим организациям и т.п.; (в) ряда политических ежегодников, таких как «Année politique»; (г) большого ряда французских газет, в частности «Moniteur universel», «Le Constitutionnel», «La Gazette des Tribunaux», «Journal des Débats», «Le Temps», «Le Monde»; (д) обычных вторичных источников, включая региональные научные и антикварные журналы. Мы работали в основном с микрофильмированными копиями этих источников.

Рассматривались четыре пересекающиеся выборки событий. Первая включала каждую забастовку, описанную в «Statistique des Grèves», «Statistique annuelle», «Revue française de Travail», «Associations professionnelles ouvrières» и некоторые другие публикации за любой год с 1830-го по 1960-й. Вторая состояла из бессистемного набора конфликтов и коротких периодов, о которых, как оказалось, мы имеем исключительно детализированные свидетельства — свидетельства, делающие возможным тщательное изучение участников и последовательности действий: июньские дни 1848 г., сопротивление перевороту Луи Наполеона 1851 г. и ряд других. Третья — наша «общая выборка» — содержит каждое событие, отвечающее минимуму определенных критериев (которые ниже будут обсуждены), встреченное при последовательном, день за днем, просмотре газет за каждый год, начиная с 1830-го по 1860-й, за три случайно выбранных месяца в год с 1861 по 1929 г., и за каждый год с 1930-го по 1960-й; были две различные ежедневные газеты для каждого дня в большинстве лет, три газеты в немногочисленных случаях с ошибочным освещением некоторых событий. Четвертая — наша «интенсивная выборка», составлена из каждого события из общей выборки, которое, по оценкам, включало по меньшей мере 1 тыс. человеко-дней (1 тыс. человек за один день или 500 за два дня: 700 в первый день плюс 300 во второй и т.д.), плюс каждое десятое событие из остальных. Общая выборка включала около 2 тыс. событий, интенсивная выборка — примерно 400.

Действительное *описание* событий в этих двух выборках основывалось не только на газетных сообщениях, но также на архивных материалах, работах историков и других источниках, перечисленных ранее. Интенсивная выборка получила широкую проверку и очень детальное кодирование, общая выборка обрабатывалась не так подробно. Систематическое и по большей части количествен-

ное исследование этих закодированных сообщений было направлено на изучение:

- 1) частоты, формы, участников и географического охвата насильственных событий за каждый из исследуемых основных периодов;
- 2) отношения между этими характеристиками коллективного насилия и природы социальных изменений, происходящих в их условиях;
- 3) ковариации характеристик отдельных событий, включая определение общих причин, стандартных последовательностей событий, обычных результатов;
- 4) связи между характером индустриального конфликта и формой коллективного насилия в той или иной области и(или) в тот или иной период;
- 5) изменений этих форм со временем.

Разумеется, эти исследования используют стандартные индексы различных социальных изменений по области и году, а также закодированные описания насильственных событий.

#### НЕКОТОРЫЕ НЮАНСЫ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ<sup>1</sup>

Внутренняя последовательность исследования Франции также опирается на набор стандартных определений. Основным было определение «насильственного события». Не отстаивая его, я должен буду представить это определение и практические методы, которые мы разработали для его применения. Каждый, кто уже работал с описаниями коллективных конфликтов, быстро заметит две вещи относительно этих практических методов. Во-первых, они являются мостом между абстрактным определением и конкретным временем и местом; другие периоды и иные места, без сомнения, потребуют несколько иных мостов. Во-вторых, даже в случае Франции, практические методы оставляют достаточно свободы для суждений и значительное количество неоднозначных случаев. Я всего лишь утверждаю, что эти критерии обычно позволяют вполне чет-

<sup>1</sup> Я заимствую большую часть последующего раздела из вступления к кодовому словарю интенсивной выборки, которое, в свою очередь, черпает много из аналитических записок для исследовательской группы, написанных Лутцем Брекнером и Чарльзом Тилли.

ко определить, является ли некоторый ряд событий «насильственным событием» на основе информации, которая уже имеется.

Общее определение таково:

*«Насильственное событие» — это случай взаимного и коллективного принуждения внутри автономной политической системы, в ходе которого происходит захват или нанесение физического ущерба людям или объектам.*

## КОЛЛЕКТИВНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ

Должно присутствовать формирование, состоящее по меньшей мере из 50 человек, представляющее собой или силы повстанцев, или силы репрессии. Это было сделано в основном в качестве практической меры, поскольку мы чувствуем, что о более крупных группах с большей вероятностью будут существовать упоминания и что релевантная информация о них будет доступна в источниках. Однако для более чем половины наших событий нет упоминания о точном или приблизительном количестве участников. Мы решили принять список слов, которые зачастую использовались, для того чтобы описать эти события, и гипотетически *допустили*, что они означают включенность большой группы людей, т.е. более 50 человек.

масса (multitude)	куча (troupe)	столкновение (échauffourée)
скопление (rassemblement)	бунт (révolte)	потасовка (bagarre)
сборище (réunion)	мятеж (rébellion)	волнения (tumulte)
толпа (foule)	восстание (insurrection)	нарушение порядка (désordre)
скопище (attroupement)	беспорядки (émeute)	возмущения (trouble)

Если происшествие отвечало критериям ущерба или насилия (представленным ниже) и количество участников не было известно, мы включали его в выборку, при условии, что оно описывалось одним из этих терминов. Это не означает, что данные термины единственные, которые вообще могут быть использованы (напри-

мер: инцидент (incident), манифестация (manifestation), волнение (agitation), возмущение (séditation), потасовка (rixе), ниспровержение (bouleversement), разгул (fête)), но отобранные нами подразумевают участие относительно большой группы людей. Мы *не* используем эти термины, для того чтобы установить степень насилия, а только в качестве индикатора участия.

Прилагательные (характеризующие размер), используемые с этими терминами, важны. Поэтому любое прилагательное, предполагающее большой размер — многолюдное собрание (assembléments nombreux), огромная толпа (foule immense) — означало включение в выборку. Уменьшительные прилагательные (небольшая толпа (petite foule) и т.п.) исключали событие из выборки.

Это *исключает* любые независимые насильственные действия, предпринятые индивидом или небольшой группой индивидов. Поэтому мы не включали в выборку убийства, кражи или прочие преступления, совершенные менее чем 50 людьми (или группой, определенной при помощи отличных от наших коллективных терминов). Однако включали насилие, совершенное группой на периферии более крупной демонстрации. Кроме того, исключались действия неизвестных людей, такие как саботаж, бомбометание или поджоги. Мы принимали их во внимание, но не включали в базовую выборку.

### *Взаимное*

Это означает, что в принуждении должны участвовать по меньшей мере два антагонистических формирования. Однако одно может быть включено через посредство своей собственности или символов. Мы включаем любое сопротивление символам или представителям власти или другой группы. Насилие должно быть направлено на кого-то другого; тем самым рабочие, атакующие редакции газет, включаются в выборку, в то время как фермеры уничтожающие свою собственную продукцию в качестве протеста против государственной аграрной политики, не включаются.

### *Захват или физический ущерб людям или объектам*

Любое убийство или ранение приводит к включению данного инцидента в выборку. Основная проблема — случаи с сопротивлени-

ем полиции, когда неясно, получил ли кто-нибудь увечья (например, камни, бросаемые в солдат, или конные жандармы, окруженные толпой). Захват людей или объектов без нанесения физических травм также составляет проблему. В целом, если люди или объекты были захвачены вопреки сопротивлению, этого уже достаточно. Если захватывающая группа отгоняет другую группу или прорывается через физические барьеры какого бы то ни было рода, то имеет место сопротивление.

Нами учитывался любой ущерб, нанесенный одной группой чьей-либо собственности в ходе нападения или захвата контроля над ней. Кроме существенных разрушений это подразумевает также разбитые стекла или незначительный символический ущерб. Но к нашим случаям не относится ущерб собственной собственности (фермеры, уничтожающие свои собственные посевы; купцы, сжигающие свои собственные учетные документы в качестве протеста), к тому же этот ущерб должен быть нанесен группой — что исключает саботаж, пожары, бомбометание неизвестного происхождения. Захват объектов включает «народное налогообложение» («*taxation populaire*») — силовой захват зерна или иного продовольствия, за которым следует его публичная продажа по провозглашенной «справедливой цене». Эти случаи также предполагают и ненасильственный захват зданий, такой как сидячая забастовка. Для работы с огромным количеством сидячих забастовок в 1936, 1937 и 1938 гг. мы сгруппировали их в сводки по департаментам за каждый месяц.

Эти критерии четко *исключают* любые крупные политические собрания, не оканчивающиеся насилием, или толпы, выкрикивающие угрозы насилия, но не приступающие к действиям.

### *Внутри автономной политической системы*

Эта часть определения исключает войны и приграничные инциденты. Она также исключает любое насилие внутри закрытых институтов за пределами общей политической сферы, такие как тюрьмы, психиатрические лечебницы и больницы. Однако если насилие выходит за пределы этих институтов, то его случаи должны быть включены в выборку. Мы включаем армейские бунты, поскольку члены вооруженных сил являются частью политического сообщества.

*Границы насильственных событий*

Когда происходит одно из только что обсужденных действий, мы должны установить некоторые границы во времени, пространстве и составе участников для событий, которые будут регистрироваться и исследоваться. Когда происходят два или более подобных действия, нам необходимо решить, являются ли они частями «одного и того же» события или связанными событиями. Событие начинается, когда по меньшей мере два формирования, принимающих участие в насильственном действии, вступают в непрерывное взаимодействие, и заканчивается, когда последние два формирования прекращают свое непрерывное взаимодействие. Оно занимает все пространство, на котором зритель может непосредственно наблюдать взаимодействие, не прибегая к механическим устройствам. Участниками являются все индивиды, которые выполняют критически важное(ые) действие(я), все индивиды, которые взаимодействуют с ними непосредственно в ходе этого действия, плюс все индивиды, которые коллективно действуют с членами одной из двух первых категорий в потоке деятельности, включая ключевое(ые) действие(я). Наконец, подмножества участников попадают в отдельные формирования в той степени, в какой они действуют коллективно, осуществляют внутреннюю коммуникацию, противостоят другим подмножествам участников, а также обладают отличающимися идентичностями с точки зрения наблюдателей. В тех случаях, когда у нас недостаточно информации, чтобы применить эти определения с какой-либо строгостью (а таких случаев была масса) мы применяем конвенциональную идентификацию наблюдателями акторов, стадии и действия.

Когда два насильственных действия происходят в один и тот же день или дни, следующие друг за другом, в одной и той же коммуне или в соседних коммунах (в Париже, Лионе или Марселе: один и тот же квартал или соседние) и имеет место разумное предположение о совпадении состава равное 10% или более участников в меньшем действии, оба действия учитываются как части одного и того же волнения, и все промежуточное время считается относящимся к этому одному событию. Три или более насильственных действия с подобного рода связями могут составлять события, охватывающие более продолжительные периоды и более протяженные территории. Два события являются различными, но *связанными* в

случае, если они происходят в один и тот же или следующие друг за другом месяцы и удовлетворяют следующим условиям: а) согласованное действие по меньшей мере одного формирования в одном событии с по меньшей мере одним формированием в другом; б) убедительные данные о частичном совпадении состава участников; в) убедительные данные об оказании материальной помощи участниками одного события участникам другого; г) открытое подражание действию в ходе одного события при формировании другого; д) открытая реакция, засвидетельствованная требованиями, лозунгами или ритуальными действиями. Три или более событий могут быть связаны таким образом.

В результате процедура исследования сводилась к следующему:

1. Тщательное изучение источников о насильственных действиях.
2. При обнаружении насильственного действия, анализ того, попадает ли событие, частью которого оно является, под определение «насильственное событие».
3. Если да, то установление его границ в пространстве, времени и составе участников.
4. Идентифицирование формирований, участвующих в событии.
5. Определение, было ли оно связано с любым другим событием.
6. Кодировка.

Схема, представленная в конце данного приложения, отображает всю эту сложную процедуру.

## РЕЗЮМЕ

### *А. Насилие:*

1. Один человек убит.
2. Один человек ранен.
3. Какой-либо ущерб объектам.
4. Захват контроля над объектами.

### *Б. Коллективное:*

1. По меньшей мере 50 человек в одном формировании (прямое подтверждение этого через количество раненых или арестованных участников).

2. Опосредованное свидетельство о большой группе через использование нижеследующей коллективной терминологии:

масса (multitude)	куча (troupe)	столкновение (échauffourée)
скопление (rassemblement)	бунт (révolte)	потасовка (bagarre)
сборище (réunion)	мятеж (rébellion)	волнения (tumulte)
толпа (foule)	восстание (insurrection)	нарушение порядка (désordre)
скопище (attroupement)	беспорядки (émeute)	возмущения (trouble)

*В. Взаимное:*

1. Два конфликтующих формирования.
2. Формирование против индивида.
3. Формирование против объектов или символов, представляющих другую группу.

*Г. Исключая:*

1. Диверсии, бомбометание, поджоги, осуществленные неизвестными.
2. Политические убийства, убийства, преступления отдельных индивидов.
3. Большие собрания, в ходе которых не было вспышек насилия, даже если была его угроза.
4. Бунты в закрытых институтах: тюрьмах, больницах, психиатрических лечебницах.
5. Символический ущерб чьей-либо собственности.

*Д. Границы:*

1. Начинается с непрерывного взаимодействия по меньшей мере двух формирований.
2. Заканчивается с прекращением непрерывного взаимодействия последних двух формирований.

3. Занимает пространство, на котором наблюдатель может непосредственно видеть взаимодействие.

4. Участники: те, кто осуществляют насильственные действия; другие, непосредственно взаимодействующие с ними; плюс действующие коллективно вместе с одной из двух первых групп; они разделены на формирования.

*Е. Множественные насильственные действия, составляющие одно событие:*

1. Один и тот же день или дни, следующие друг за другом.
2. Одна и та же коммуна или соседние коммуны (в Париже, Лионе или Марселе: один и тот же квартал или соседние кварталы).
3. Совпадение в составе участников на 10% или более от общего состава участников меньшего действия.

*Ж. Отдельные, но связанные события:*

1. Один и тот же месяц или месяцы, следующие друг за другом.
2. Согласованное действие формирований.  
Или
3. Совпадение в составе участников.  
Или
4. Предоставление материальной помощи.  
Или
5. Открытое подражание.  
Или
6. Открытая реакция, выраженная требованиями, лозунгами, ритуальными действиями.

Вся эта система определений и процедур довольно хорошо работает там, где есть хорошие (и достаточно унифицированные) свидетельства о многих политических волнениях, а также там, где имеет место четко определяемая «автономная политическая система» с единой центральной властью, которая, как правило, монополизирует легитимный контроль над средствами коллективного принуждения. В самой Франции она ослабевала во время длительных периодов междуцарствия, таких как оккупация и сопротивление во время Второй мировой войны. В Италии и Германии серьезную проблему представляют периоды до объединения. Вся система, вероятно, нуждается в переделке применитель-

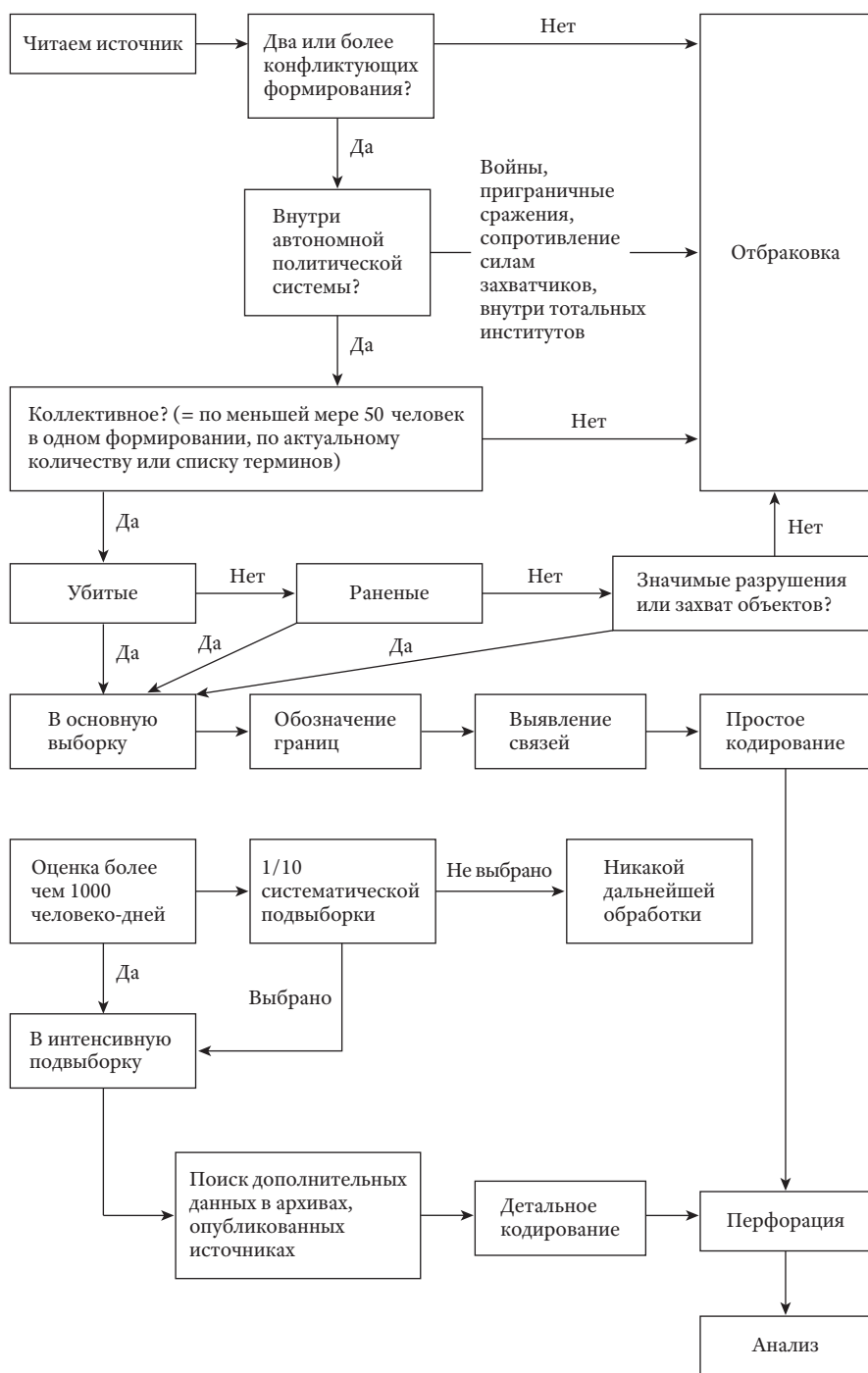


рис. ПІ.1. Процедура формирования выборки

но к таким примерам, как Заир (бывшее бельгийское Конго) после 1960 г., Соединенные Штаты с 1860 по 1865 г. или сама Западная Европа до XVII в. Эта схема также обладает двумя вполне намеренно приданными ей чертами, делающими ее особенно подходящей для того рода анализа, который мы предпринимаем, но непригодной для некоторых других целей: 1) она игнорирует политические *последствия* этих событий, не придавая особенного веса, к примеру, тем восстаниям, которые опрокидывали режимы; 2) хотя критерий «насилия» довольно универсален, эта схема не принимает во внимание случаи ненасильственного принуждения, если только они не сопровождаются насилием. Ни дворцовые революции, ни неосуществленные угрозы массового бунта не могут быть квалифицированы как насильственные события при таком их ограничении. Это те жертвы, на которые мы идем в силу их преимуществ экономии и точности; для других исследователей и других целей, эти жертвы могут оказаться слишком большими.

## Приложение II

### Материалы исследования коллективного насилия во Франции

#### ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Этот материал прослеживает отдельное, достаточно хорошо задокументированное, событие из повествовательных источников посредством кодирования и перевода в читаемую машиной форму для его интеграции в количественное исследование. Вторжения в леса этого рода (хотя и не такого масштаба) были частыми событиями в Пиренеях с конца 1820-х годов до революции 1848 г. Лесной кодекс, принятый французским правительством в 1828 г., ограничил общие права на выпас скота и сбор съестного и хвороста в пользу консолидации буржуазной собственности на леса. Бедные жители горных районов боролись с этим кодексом 25 лет, особенно в моменты, когда правительство ослабевало, как во время революций 1830 и 1848 гг. Конфликт в регионе Ла-Барусс произошел всего месяц спустя после февральской революции 1848 г.

При разработке процедуры создания выборки и кодировки насильственных событий в середине 1960-х годов, я использовал для описания исследуемых событий термин «политические беспорядки». По мере работы с материалом я понял, что это выражение содержит неоправданные предположения и ошибочную метафору. Поскольку мы перечисляем события на основе размера и наличия насилия безотносительно к политическому контексту или содержанию, термин «политические» предполагает, что необходимо было доказать: большая часть коллективного насилия действительно вырастает из политических процессов. Термин «беспорядки» предполагает дисфункциональность, ненормальность, разрыв с обыкновенной жизнью, чему обычно противоречит наше

исследование свидетельств. Теперь я предпочитаю нейтральное «насильственное событие», «насильственный инцидент» или даже «коллективное действие, производящее насилие». Однако старым словарем пропитан весь наш материал; было бы нечестно вычеркнуть его.

Насильственные события, изучавшиеся во Франции, включали все, отвечающие нашим критериям (некоторый ущерб или захват людей или объектов по меньшей мере одним формированием, состоящим из 50 человек и более, с по крайней мере одним формированием невоенных), которые встречались нам при чтении двух ежедневных национальных газет за каждый день с 1830 по 1860 г. и с 1930 по 1960 г., плюс три случайно выбранных месяца в году с 1861 по 1929 г. Общая выборка включала все эти события. Интенсивная выборка за периоды 1830–1860 гг. и 1930–1960 гг. включала только события, в которых, по нашим оценкам, было не менее 1000 человеко-дней плюс систематически 10% остальных событий. Кодированная информация поступала из газетных источников, из работ по истории, из политических ежегодников и из французских архивных документов.

Пункты этого ряда включали:

1. Выписки из отчетов о конфликте между войсками и «захватчиками лесов» в Ла-Барусс в марте 1848 г.
2. Отчеты о политических беспорядках, используемые для составления рефератов из газет, архивных документов и вторичных источников и в качестве сопроводительных записок для фотокопий фрагментов из этих источников.
3. Фрагменты из кодировочной книги интенсивной выборки, используемые при кодировке события в Ла-Барусс.
4. Фрагменты из закодированной версии события с полным набором комментариев кодировщика.
5. Сегменты компьютерных распечаток с неполным списком представленной в виде перфокарт версии закодированной интенсивной выборки.
6. Сегменты компьютерных распечаток с полным списком OSIRIS версии закодированной интенсивной выборки.
7. Машинная версия табл. 15 из: *Tilly Ch. How Protest Modernized in France* // *The Dimensions of Quantitative Research in History* / W. Aydelotte, A. Bogue, R. Fogel (eds). Princeton: Princeton University Press, 1972.

8. Таблица 4 из: *Tilly Ch. The Chaos of the Living City / Ch. Tilly (ed.). An Urban World. Boston: Little; Brown, 1974.*

9. График, изображающий пятилетнюю скользящую среднюю наших оценок общего количества участников в коллективном насилии во Франции 1830–1960 гг.

#### ФРАГМЕНТЫ ИЗ ОТЧЕТОВ ПО СОБЫТИЮ 848 02 29 01

«Письма из Сен-Годен, написанные 4 марта, свидетельствуют, что порядок был восстановлен... Банда грабителей состояла почти из 2 тыс. человек; при приближении линейных войск и национальной гвардии они отступили к горам Ла-Барусс, но, прибыв в ущелье, они возобновили наступление. Передовые отряды, вооруженные огнестрельным оружием, открыли огонь; солдаты ответили и мужественно устремились к врагу. Затем преступники скрылись в различных направлениях пересеченной гористой местности и их было невозможно преследовать. Судя по всему, многие из них были застрелены, когда пытались войти в пещеры в горах...» (Le Siècle, 11.03.1848).

«Беды, которые разразились в долине Ла-Барусс, начались в результате незаконного использования лесов. Обитатели этой долины в большом количестве пришли к главному смотрителю лесов, которому было предписано выполнить выданные против них судебные распоряжения, и в его отсутствие сожгли все бумаги. Затем они отправились в контору сборщиков пошлин с государственных земель, где подобным же образом уничтожили всю учетную документацию и принудили должностных лиц выплатить определенную сумму денег в качестве компенсации за последние штрафы, которые те собрали. Наконец, те же самые люди нанесли некоторый ущерб замку Люссан, принадлежащему М. Гулару, бывшему депутату коммуны Баньер, который конфликтует по поводу собственности на некоторые леса с коммунами в долине. Мы узнали, что довольно большое количество смутьянов были арестованы и доставлены в Баньер» (Le Moniteur, 10.03.1848).

«Банда, насчитывающая до 10 тыс. человек, большинство из которых были вооружены, была создана в Верхних Пиренеях... В ночь со 2 на 3 марта это полчище вторглось в кантоны Сен-Бертран и Сен-Беа в административном округе Сен-Годен (Верхняя Гаронна), ограбила замок М. Гулара, бывшего депутата, в Люсса-

не, а также замок герцога Ровиго в Барбазоне и, наконец, собрали что-то вроде дани с немногочисленных преуспевающих землевладельцев в той же области. Национальная гвардия из разных коммун соединилась с регулярными войсками, посланными из Тулузы и Тарба, чтобы восстановить порядок. Отряды, отправленные за злоумышленниками, обнаружили их. Нам рассказывают, что 25 были взяты под стражу, 3 убиты и 6 или 7 ранены» (Archives Nationales BB 18 1461, отчет генерального прокурора апелляционного суда Тулузы 4 марта 1848 г.).

«Смена режима вызвала довольно серьезные беспорядки в административном округе Сен-Годен. Банда крестьян с гор Ла-Барусс (Верхние Пиренеи) опустилась в низины в надежде, что падение монархии может вызвать экономический переворот, который едва ли будет для них невыгодным. 2 марта экипаж из Баньер-де-Люшон был ограблен между Бертран и Бажири, и вскоре распространилась новость о том, что 1500 или 1800 крестьян, вооруженных дубинками, вилами, пиками и охотничьими ружьями грабят дома и замки области, и удерживают их обитателей, требуя выкупа...» (Cayré A. Des journées de février aux journées du juin // La Révolution de 1848 à Toulouse et dans la Haute-Garonne / J. Godechot (ed.). Toulouse, 1948). (Самый полный перечень см.: *Clarenc J.* (ed.). Les troubles de la Barousse en 1848 // *Annales du Midi*. 1951. Vol. 65. P. 329–348.)

#### ЗАМЕЧАНИЕ О ФОРМИРОВАНИЯХ

Некоторые насильственные действия (убийство или нанесение ранений людям, нанесение ущерба или захват собственности) перемещают рассматриваемые события в выборку беспорядков. Участники беспорядков включают всех индивидов, которые осуществляли насильственное действие, всех индивидов, которые непосредственно с ними взаимодействовали в ходе этого действия, и всех индивидов, действующих коллективно с членами любой из первых двух категорий в непрекращающемся потоке деятельности, которая содержит в себе насильственное действие.

Мы разделяем участников на формирования. Подмножества участников принадлежат к различным формированиям в той степени, в которой они действуют коллективно, осуществляют внутреннюю коммуникацию, противостоят другим подмножествам участников, и(или) их наделяют специфическими идентичностями.

## ОТЧЕТ О ПОЛИТИЧЕСКИХ БЕСПОРЯДКАХ (4–65)

1. Название \_\_\_\_\_ 2. № \_\_\_\_\_ 3. Регистратор \_\_\_\_\_

4. Дата \_\_\_\_\_ 5. Источник \_\_\_\_\_

6. Место	7. Зачинщики / Предполагаемые истоки
----------	--------------------------------------

8. Предшествующие события \_\_\_\_\_

9. Описание \_\_\_\_\_

10. Цели: отсутствуют ☐ предположение наблюдателя ☐ эксплицитные ☐

11. Пострадавшие \_\_\_\_\_

12. Ущерб собственности \_\_\_\_\_ 13. Продолжительность \_\_\_\_\_

14. Участники \_\_\_\_\_

15. Репрессивные силы \_\_\_\_\_

16. Связь с другими беспорядками	17. Последствия
----------------------------------	-----------------

18. Источники \_\_\_\_\_

- ☐ Отметки на обороте ☐ Дополнительные листы, касающиеся этого беспорядка  
☐ Дальнейшая информация на последующих листах

рис. ПII.1. Образец отчета о политических беспорядках

ми, имеющими смысл за пределами самого беспорядка (например, «социалисты», «крестьяне», «жандармы»), другие наблюдатели. Однако многие формирования объединяют несколько различных категорий людей — например, мастера и подмастерья (*maitres and compagnons*); мы не приписываем их к различным формированиям, если только о них не сообщается, что они действуют независимо или заметно различающимися способами.

Большинство беспорядков включают два или три легко различимых формирования. В крайнем случае формирование может состоять только из одного члена — например, жертвы линчевания. Противоположной крайностью может быть беспорядок, в котором участвует только одно формирование — например, единодушно действующие разрушители замка. В очень сложных беспорядках, где эти принципы позволили бы различить 10 или более различных формирований, мы объединяем участников в девять или менее формирований, представляющих наиболее важные подразделения в коллективном действии. Например, если ювелиры, краснодеревщики и торговцы золотыми и серебряными изделиями имеют собственные баррикады, они появляются в качестве отдельных формирований при кодировании маленького беспорядка, но в очень большом они могут быть объединены в единое формирование. В таком случае выберите код в колонках 37–38 с большой тщательностью и *прокомментируйте*.

Даже в небольших беспорядках группы, специализирующиеся в поддержании и восстановлении общественного порядка (которые эта книга кодирования будет для краткости именовать Репрессивными), всегда могут быть объединены в одно формирование до той степени, при которой их действия неразличимы. Таким образом, когда Национальная гвардия и регулярные войска под единым командованием разгоняют группу демонстрантов, мы рассматриваем их в качестве единого формирования, если только они не начинают действовать существенно различными способами. Обязательно *прокомментируйте*, если кодирование оставляет хоть малейшее сомнение относительно того, как и что вы объединили.

В любом случае, определите формирования до того, как начнете кодировать. Когда формирование обладает публичной идентичностью более конкретной, чем передают термины типа «массы», «толпа», «народ» и т.п., зафиксируйте (например, «протестанты», «полицейские силы для подавления мятежа», «жители N», «анархисты») дословно эту идентичность в колонках 12–36.

# КАРТОЧКИ 31–39:

## ВВОДНАЯ ИНФОРМАЦИЯ О ФОРМИРОВАНИИ

колонки	<i>НОМЕР КАРТОЧКИ</i>
1–2	ПРОНУМЕРУЙТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОИЗВОЛЬНО И ОТМЕТЬТЕ В ФАЙЛЕ 31 Формирование 1 32 Формирование 2 ... 39 Формирование 9
колонки	<i>ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДАННЫХ</i>
3–11	НЕ КОДИРУЕТСЯ — БУДУТ ДУБЛИРОВАНЫ АВТОМАТИЧЕСКИ ИЗ ПЕРВОЙ КАРТОЧКИ
колонки	<i>ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ: БУКВЕННОЕ</i>
12–36	Если у формирования нет определенной публичной идентичности, бланк остается пустым. Если название есть, оно записывается сюда
колонки	<i>ТИП ФОРМИРОВАНИЯ</i>
37–38	01 Толпа (дополнительная идентификационная информация отсутствует) 10 Толпа с общей идеологией 11 Толпа с общей политической принадлежностью 12 Толпа с общей религиозной принадлежностью 20 Группа активистов 21 Политические кадры, наемные работники 22 Террористы 23 Криминальные группы (разбойники) 24 Повстанцы-партизаны 25 Частная (партийная) армия 26 Тайное общество 30 Военные и вооруженные группы 31 Национальная гвардия 32 Гражданская гвардия (Civil guard) 33 Регулярная армия 34 Резервные жандармские подразделения 35 Гражданская милиция (Milice bourgeoise) 36 Дворцовая охрана 37 Добровольцы-дружинники (Bons citoyens) (добровольцы) 39 Любая военная группа плюс государственные чиновники: <i>комментарий обязателен</i> 40 Полиция 41 Жандармы 42 Полицейские силы для подавления мятежа (CRS) 43 Военная полиция 48 Полицейская и военная группа: предполагается комментарий

- 49 Полиция плюс государственные чиновники: *комментарий обязателен*
- 50 Профессиональная группа
  - 51 Рабочие одной отрасли
  - 52 Рабочие одной фабрики
  - 53 Рабочие одной местности
  - 54 Профсоюз
  - 55 Студенты
- 60 Внешние (группы, представляющие местность)
  - 61 Группы, происходящие непосредственно из другой страны
  - 62 Группы, происходящие из другой области
  - 63 Группы мигрантов во Францию извне
  - 64 Группы мигрантов из других областей Франции
- 70 Потребительская группа
  - 71 Пользователи одного и того же рынка
  - 72 Пользователи одного и того же источника воды
- 80 Представители власти (государственные служащие)
- 90 Объединение групп: *комментарий обязателен*
  - 91 Целенаправленное объединение из соображений упрощения кодировки: *комментарий обязателен*
  - 99 Другие: *комментарий обязателен*

СВЕДЕНИЯ О ФОРМИРОВАНИИ

Содержание кодировки	Пункт №	КАРТА 31	КАРТА 32	КАРТА 33	КАРТА 34	КАРТА 35	КАРТА 36	КАРТА 37	КАРТА 38	КАРТА 39	Комментарий
Номер перфокарты кодируется 31-39	1	3	3	3	3	3	3	3	3	3	
	2	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
ИДЕНТИФИКАТОР НЕ КОДИРОВАТЬ	3	X	X	X	X	X	X	X	X	X	
	4	X	X	X	X	X	X	X	X	X	
	5	X	X	X	X	X	X	X	X	X	
	6	X	X	X	X	X	X	X	X	X	
	7	X	X	X	X	X	X	X	X	X	
	8	X	X	X	X	X	X	X	X	X	
	9	X	X	X	X	X	X	X	X	X	
	10	X	X	X	X	X	X	X	X	X	
	11	X	X	X	X	X	X	X	X	X	
	12	B	V	R							
	13	R	I	E							
ОБЩЕПРИНЯТОЕ ИМЯ ФОРМИРОВАНИЯ Введите побуквенно название формирования	14	I	C	P							
	15	G	T	R							
	16	A	I	E							
	17	N	M	S							
	18	D	E	S							
	19	S	S	I							
	20		V								
	21		D	E							
	22		E								
	23		F								
	24		B	O							
	25		R	R							
	26		I	C							
	27		G	E							
	28		A	S							
	29		N								
	30		D								
	31		A								
	32		G								
	33		E								
34											
35											
36											
Тип формирования	37	5	9	9							32/32 Многочисленные
	38	3	1	0							случаи разбоя и разорения
	39	1	1	1							произошли в различных
	40	2	2	2							коммунах. Для краткости

Возраст, пол

32 Разбойники

33 Жертвы разбоя

34 Карательные отряды

я сгруппировал всех жертв вместе. Данные жертвы включают государственных чиновников (кондуктор дилижанса, мэры, сборщики налогов и т.д.), помещиков, домовладельцев и ростовщиков.  
32/33 Национальная гвардия, военные, жандармы и несколько священников.

## СВЕДЕНИЯ О ФОРМИРОВАНИИ

Содержание кодировки	Пункт №	КАРТА 31	КАРТА 32	КАРТА 33	КАРТА 34	КАРТА 35	КАРТА 36	КАРТА 37	КАРТА 38	КАРТА 39	Комментарий
Место рождения	41	0	0	0							
Место жительства	42	1	2	1							
Профессиональный состав	43	0	0	0							43/32 Администрация, employees
Политические пристрастия	44	1	2	2							налоговые работники,
Предшествующие события	45	0	0	0							собственники и ростовщики
Кодировать по два пункта	46	0	0	1							43/33 Полиция, военные,
Законность 1-го действия	47	0	0	0							национальная гвардия и
Спровоцировавший фактор	48	1	1	3							сближенные
Тип насилия	49	0	0	0							
Ответ на насилие других форм участия	50	0	0	0							
Согласованные действия	51	7	1	1							
Явное подражание	52	5	2	4							52/31 Новости о смене режима
Цели	53	3	6	4							дают разбойникам повод для
Кодировать по два пункта	54	0	0	0							восстания + неурегулированная
Ясность целей	55	3	2	7							ситуация позволяет совершать
Согласованность целей	56	1	1	7							насилие без риска немедленных
Однородность целей	57	4	1	1							ответных репрессий
Автономность целей	58	2	0	0							56/31 В первые 30 дней
Сосредоточенность	59	1	1	1							математики не отвечали на
Контролируемая территория	60	1	1	1							насилие. Однако 3-го марта они
Изменения контролируемой территории	61	1	1	1							сотиско в сражении с
	62	3	8	8							с репрессивным формированием,
	63	2	1	3							обе стороны использовали
	64	4	8	7							огнестрельное оружие. Однако
	65	0	3	4							это не была преобладающая
	66	2	8	0							форма насилия, используемая
	67	0	5	0							математиками или
	68	2	1	0							применяемая против них
	69	1	0	1							62/31 Лесной кодекс
	70	4	5	3							69/31 Условия ростовщиков +
	71	1	0	1							огораживание
	72	2	2	2							66/31 Уничтожение частного
	73	0	0	0							владения в отношении собственникам +
	74	2	2	6							+ ростовщиками
	75	3	1	1							
	76	5	0	0							76/31 "Контролировали" — неточный
	77	4	1	2							термин. Разбойники грабили, не
	78	6	1	3							встречая заметного сопротивления,
	79	1	0	0							однако они не оккупировали данную
	80										территорию, что обычно
											подразумевается под "контролем".

## ПРИЛОЖЕНИЕ II. МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАСИЛИЯ

848 02 29 01

регион Ла-Барусс

- 21/12. Двенадцать коммун. Не перечисленные три – это коммуны Вертрен (департамент Верхние Пиренеи), Трубат (Верхние Пиренеи) и Бажири (Верхняя Гаронна). Информация о данных коммунах такая же, как для остальных перечисленных на перфокартах.
- 21 – 29/27. Не замечено каких-либо политических тенденций или апатии. Кларанк утверждает, что данные беспорядки не были связаны с политикой.
- 21 – 29/39. Изменение режима создало неопределенность касательно того, законно ли пребывание в должности предыдущих чиновников. Восставшие утверждали, что нет, и относились к ним соответственно. Эта неопределенность также может объяснить, почему репрессивные действия были начаты только 3 марта.
- 31 – 29/39. Возмущение принятием Лесного кодекса и действиями по его применению. Выступления против государства и отдельных собственников, которых считали узурпаторами законных прав.
- 21 – 29/42. Выступления против ростовщиков.
- 21 – 29/45. Действия национального правительства, передавшего в руки отдельных собственников землю, которая считалась общественной.
- 21 – 29/48. Многочисленные судебные иски против нарушителей Лесного кодекса.
- 32/37. Многочисленные случаи разбоя и уничтожения собственности в различных коммунах. Я сгруппировал всех пострадавших вместе. Они включают государственных служащих (кондуктор дилижанса, сборщик налогов и т.д.), собственников и ростовщиков.
- 33/37. Национальная гвардия, военные, жандармы и несколько священников.
- 32/43. Администрация, налоговые работники, собственники и т.д.
- 33/43. Полиция, военные, национальная гвардия и священники.
- 31/52. Новости о смене режима дают разбойникам повод для восстания и возможность воспользоваться неопределенностью ситуации.
- 31/56. В первые три дня восставшие не отвечали на насилие. 3-го марта они приняли бой с репрессивным формированием, в котором обе стороны использовали огнестрельное оружие.
- 31/62. Лесной кодекс.
- 31/64. Условия ростовщиков.
- 31/66. Уничтожение частной собственности в отместку.
- 41/43. По оценкам, от 15 до 1800 и 2000.
- 42/43. Разные личности по всему региону; приблизительная оценка.
- 43/43. Около 50 солдат и жандармов (Кларанк). Остальные были национальной гвардией из пяти городов общей численностью более 11 тыс. жителей. Численность национальной гвардии выведена из характера действий и размера городов.
- 41/55. Формирование обычно разрастается. Человеко-дни =  $1 \times 200 + 1 \times 800 + 2 \times 1800 = 4600$ .
- 42/55. Каждый участник этого формирования участвовал только в течении одного дня.
- 42/67. Кларанк не упоминает раненых и утверждает, что никто не был убит. Газеты упоминают от одного до семи раненых и от одного до трех убитых.
- 41/72. Некоторые оценки несколько ниже (97 и 81), однако число 98 часто повторяется, и оно же приводится Кларанком. 10 отданы под суд и признаны виновными.
- 51–52/13. Указанная между двумя кодами XX последовательность событий не является действительно имевшей место – это воссоздание типичного инцидента. От 10 до 12 инцидентов похожего характера имели место между 29 февраля и 3 марта, однако у нас не хватает места, чтобы закодировать их последовательно. После второго XX, сражение 3-го марта закодировано как обычно.
- 51/17. Захват мэрии, контор сборщиков налогов и главного лесничего с последующим сожжением регистрационных записей и насилием над чиновниками.
- 52/31. Необычный пострадавший: владелец шато.
- 51–53/43. 3 марта, полдень, коммуна Антишан. Взятие пленных продолжается до 5 вечера.

65/14. Смена режима.

65/44. Формирование 53 – это силы правопорядка. Разделение на формирования 51 и 52 тем не менее соединяет различия в профессии и владением собственностью.

66/51. Значительная часть государственных документов уничтожена практически в каждом городе, в большинстве относящихся к Лесному кодексу и административным делам, штрафам и материалам обвинения (proces-verbaux). Также уничтожены реестры должников. Незначительные повреждения государственных зданий. В коммуне Молеон-Барусс у пристава (huissier) разграблен дом и угнана лошадь. В коммуне Сост похищены свинья, немного свинины и немного вина; у местного лесничего украдено оружие и должностные знаки. Мародерство в коммуне Лур-Барусс захвачен и разграблен дом в коммуне Антишан, захвачены для выкупа шесть человек в коммунах Бертрен и Трубат, провизия и деньги похищены в коммуне Анла. Сожжен флаг в коммуне Изаурт. Самый большой ущерб нанесен собственнику Шато-де-Люскан, где были повалены деревья, сломаны решетки, сломаны двери, сломана или украдена мебель и уничтожено или похищено белье.

66/55. Это нижняя оценка. Ущерб 30 тыс. франков только в Шатеде-Люскан.

66/73. Хотя оно было полностью подавлено, это восстание мотивировало более поздние происшествия, в частности заговор с целью убийства сборщика налогов (Receveur de l'enregistrement), беспорядки 17 апреля в коммуне Синьяк и происшествия в коммунах Биз и Нистос в конце апреля.

70/18. MC 1848-03-10 (582-583)

LS 1848-03-11

71-78. Комментарии

Очень трудно кодировать из-за большого количества незначительных происшествий. См. модель кодирования последовательных событий для данной ситуации, в которую включены 12 коммун.

79. Библиография

79...01 Clarenc J. (ed.). Les Troubles de la Barousse // Annales du Midi. 1951. Vol. 65. P. 329-348.

79...02 Cayne, in Godechot, La Revolution de 1848 à Toulouse, 153-154. Les troubles de la Barousse en 1848. Louis Clarenc / Annales du Midi Année. 1951. Vol. 63-16. P. 329-348.

<[https://www.persee.fr/doc/anami\\_0003-4398\\_1951\\_num\\_63\\_16\\_5851](https://www.persee.fr/doc/anami_0003-4398_1951_num_63_16_5851)>.

# ПРИЛОЖЕНИЕ II. МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАСИЛИЯ

LL	IIIIIIIIIIII	SSSSSSSSSS	TTTTTTTTTT
LL	IIIIIIIIIIII	SSSSSSSSSSSS	TTTTTTTTTT
LL	II	SS	TT
LL	II	SS	TT
LL	II	SSS	TT
LL	II	SSSSSSSSSS	TT
LL	II	SSSSSSSSSS	TT
LL	II	SSS	TT
LL	II	SS	TT
LL	II	SS	TT
LL	II	SS	TT
LLLLLLLLLLLL	IIIIIIIIIIII	SSSSSSSSSSSS	TT
LLLLLLLLLLLL	IIIIIIIIIIII	SSSSSSSSSS	TT

21848022901 65115221 001224000810510100620710001SOST  
 22848022901 65080428 001224000810510100620710001MAULEON BAROUSSE  
 23848022901 65010638 001224000810510100620710001ANTICHAN  
 24848022901 65010418 001224000810510100620710001IANLA  
 25848022901 31076213 001224000810510100620710001LUSCAN  
 26848022901 65111028 001224000810510100620710001ISARP  
 27848022901 31016037 001224000810510100620710001BARBAZAN  
 28848022901 65066209 001224000810510100620710001IZNAOURT  
 29848022901 65075413 001224000810510100620710001LOURES BAROUSSE  
 31848022901BRIGANDS 5312010100010073303142111324020214120235461  
 32848022901VICTIMES DE BRIGANDAGE 9112020200010012602110111818385105020210110  
 33848022901REPRESSIVE FORCES 9012010201030014407710111837400013120610230  
 41848022901114312120BANDE CONSIDERABLE 0180020477430460005200000005300981118  
 42848022901000000010NO KEY WORDS 0003090172430003001400000005600000011  
 43848022901446113120DEUX COLONNES 008009040511008000410000000000000011  
 51848022901 ..11833582814035648385828164..264545535199  
 52848022901 ..02513551575151575151530202..020202020202  
 53848022901 020202020202020202020202020225453834040  
 60848022901 000305050606050511050505050511030405071213  
 6584802290131330121023.1028103 ..21535JACQUERIE GRAVES DESORDRES  
 6684802290100026303057743000543006200000001030098190..3431125420150123471711110  
 7084802290140100313001399660719660817755028 VERY DIFFICULT TO CODE  
 71848022901BECAUSE OF GREAT NUMBER OF SMALL INCIDENTS. SEE THE MODEL  
 72848022901SEQUENCE CODE DEVISED TO HANDLE THIS AND NOTE THAT THERE ARE 12  
 73848022901COMMUNES INVOLVED  
 7984802290101CLARENC, TROUBLES DE BAROUSSE, ANNALES OU MIDI. 1951 329-346  
 7984802290102CAYNE, IN GODECHOT, LA REVOLUTION DE 1848 A TOULOUSE. 153-154  
 8084802290101211212 COMMUNES. THE THREE NOT LISTED ARE BERTREN %H-G<.  
 808480229010221122AND BAGIRY %H-G<. THE COMMUNAL INFORMATION FOR THEM IS THE  
 808480229010321123SAME AS FOR THOSE COMMUNES LISTED ON THE CARDS  
 808480229010421271NO POLITICAL TENDENCY OR APATHY NOTED. CLARENC STATES THAT  
 808480229010521272THIS DISTURBANCE HAD NOTHING TO DO WITH POLITICS.  
 808480229010622271NO POLITICAL TENDENCY OR APATHY NOTED. CLARENC STATES THAT  
 808480229010722272THIS DISTURBANCE HAD NOTHING TO DO WITH POLITICS.  
 808480229010823271NO POLITICAL TENDENCY OR APATHY NOTED. CLARENC STATES THAT  
 808480229010923272THIS DISTURBANCE HAD NOTHING TO DO WITH POLITICS.  
 808480229011024271NO POLITICAL TENDENCY OR APATHY NOTED. CLARENC STATES THAT  
 808430229011124272THIS DISTURBANCE HAD NOTHING TO DO WITH POLITICS.  
 808480229011225271NO POLITICAL TENDENCY OR APATHY NOTED. CLARENC STATES THAT  
 808480229011325272THIS DISTURBANCE HAD NOTHING TO DO WITH POLITICS.  
 808480229011426271NO POLITICAL TENDENCY OR APATHY NOTED. CLARENC STATES THAT  
 808480229011526272THIS DISTURBANCE HAD NOTHING TO DO WITH POLITICS.  
 808430229011627271NO POLITICAL TENDENCY OR APATHY NOTED. CLARENC STATES THAT  
 808480229011727272THIS DISTURBANCE HAD NOTHING TO DO WITH POLITICS.  
 808480229011828271NO POLITICAL TENDENCY OP APATHY NOTED. CLARENC STATES THAT  
 808480229011928272THIS DISTURBANCE HAD NOTHING TO DO WITH POLITICS.  
 808480229012029271NO POLITICAL TENDENCY OR APATHY NOTED. CLARENC STATES THAT  
 808480229012129272THIS DISTURBANCE HAD NOTHING TO DO WITH POLITICS.

808480229012221391CHANGE IN REGIME CREATED UNCERTAINTY AS TO WHETHER FORMER  
808480229012321392OFFICIALS WERE STILL LEGALLY IN OFFICE. INSURGENTS CLAIMED  
808480229012421393THAT THEY WERE NOT AND TREATED THEM AS SUCH. THIS  
808480229012521394UNCERTAINTY MAY ALSO EXPLAIN WHY REPRESSIVE ACTION WAS NOT  
808480229012621395TAKEN UNTIL MARCH 3  
808480229012722391CHANGE IN REGIME CREATED UNCERTAINTY AS TO WHETHER FORMER  
808480229012822392OFFICIALS WERE STILL LEGALLY IN OFFICE. INSURGENTS CLAIMED  
808480229012922393THAT THEY WERE NOT AND TREATED THEM AS SUCH. THIS  
808480229013022394UNCERTAINTY MAY ALSO EXPLAIN WHY REPRESSIVE ACTION WAS NOT  
808480229013122395TAKEN UNTIL MARCH 3  
808480229013223391CHANGE IN REGIME CREATED UNCERTAINTY AS TO WHETHER FORMER  
808480229013323392OFFICIALS WERE STILL LEGALLY IN OFFICE. INSURGENTS CLAIMED  
808480229013423393THAT THEY WERE NOT AND TREATED THEM AS SUCH. THIS  
808480229013523394UNCERTAINTY MAY ALSO EXPLAIN WHY REPRESSIVE ACTION WAS NOT  
808480229013623395TAKEN UNTIL MARCH 3  
808480229013724391CHANGE IN REGIME CREATED UNCERTAINTY AS TO WHETHER FORMER  
808480229013824392OFFICIALS WERE STILL LEGALLY IN OFFICE. INSURGENTS CLAIMED  
808480229013924393THAT THEY WERE NOT AND TREATED THEM AS SUCH. THIS  
808480229014024394UNCERTAINTY MAY ALSO EXPLAIN WHY REPRESSIVE ACTION WAS NOT  
808480229014124395TAKEN UNTIL MARCH 3  
808480229014225391CHANGE IN REGIME CREATED UNCERTAINTY AS TO WHETHER FORMER  
808480229014325392OFFICIALS WERE STILL LEGALLY IN OFFICE. INSURGENTS CLAIMED  
808480229014425393THAT THEY WERE NOT AND TREATED THEM AS SUCH. THIS  
808480229014525394UNCERTAINTY MAY ALSO EXPLAIN WHY REPRESSIVE ACTION WAS NOT  
808480229014625395TAKEN UNTIL MARCH 3  
808480229014726391CHANGE IN REGIME CREATED UNCERTAINTY AS TO WHETHER FORMER  
808480229014826392OFFICIALS WERE STILL LEGALLY IN OFFICE. INSURGENTS CLAIMED  
808480229014926393THAT THEY WERE NOT AND TREATED THEM AS SUCH. THIS  
808480229015026394UNCERTAINTY MAY ALSO EXPLAIN WHY REPRESSIVE ACTION WAS NOT  
808480229015126395TAKEN UNTIL MARCH 3  
808480229015227391CHANGE IN REGIME CREATED UNCERTAINTY AS TO WHETHER FORMER  
808480229015327392OFFICIALS WERE STILL LEGALLY IN OFFICE. INSURGENTS CLAIMED  
808480229015427393THAT THEY WERE NOT AND TREATED THEM AS SUCH. THIS  
808480229015527394UNCERTAINTY MAY ALSO EXPLAIN WHY REPRESSIVE ACTION WAS NOT  
808480229015627395TAKEN UNTIL MARCH 3  
808480229015728391CHANGE IN REGIME CREATED UNCERTAINTY AS TO WHETHER FORMER  
808480229015828392OFFICIALS WERE STILL LEGALLY IN OFFICE. INSURGENTS CLAIMED  
808480229015928393THAT THEY WERE NOT AND TREATED THEM AS SUCH. THIS  
808480229016028394UNCERTAINTY MAY ALSO EXPLAIN WHY REPRESSIVE ACTION WAS NOT  
808480229016128395TAKEN UNTIL MARCH 3  
808480229016229391CHANGE IN REGIME CREATED UNCERTAINTY AS TO WHETHER FORMER  
808480229016329392OFFICIALS WERE STILL LEGALLY IN OFFICE. INSURGENTS CLAIMED  
808480229016429393THAT THEY WERE NOT AND TREATED THEM AS SUCH. THIS  
808480229016529394UNCERTAINTY MAY ALSO EXPLAIN WHY REPRESSIVE ACTION WAS NOT  
808480229016629395TAKEN UNTIL MARCH 3  
808480229016721391RESENTMENT AGAINST CODE FORESTIER AND ENFORCEMENT OF IT.  
808480229016821392RESENTMENT AGAINST STATE AND CERTAIN PROPRIETAIRES WHO WERE  
808480229016921393FELT TO BE USURPATEURS DE DROITS IEGITIMES  
808480229017022391RESENTMENT AGAINST CODE FORESTIER AND ENFORCEMENT OF IT.  
808480229017122392RESENTMENT AGAINST STATE AND CERTAIN PROPRIETAIRES WHO WERE  
808480229017222393FELT TO BE USURPATEURS DE DROITS LEGITIMES  
808480229017323391RESENTMENT AGAINST CODE FORESTIER AND ENFORCEMENT OF IT.  
808480229017423392RESENTMENT AGAINST STATE AND CERTAIN PROPRIETAIRES WHO WERE  
808480229017523393FELT TO BE USURPATEURS DE DROITS LEGITIMES  
808480229017624391RESENTMENT AGAINST CODE FORESTIER AND ENFORCEMENT OF IT.  
808480229017724392RESENTMENT AGAINST STATE AND CERTAIN PROPRIETAIRES WHO WERE  
808480229017824393FELT TO BE USURPATEURS DE DROITS LEGITIMES  
808480229017925391RESENTMENT AGAINST CODE FORESTIER AND ENFORCEMENT OF IT.  
808480229018025392RESENTMENT AGAINST STATE AND CERTAIN PROPRIETAIRES WHO WERE  
808480229018125393FELT TO BE USURPATEURS DE DROITS LEGITIMES  
808480229018226391RESENTMENT AGAINST CODE FORESTIER AND ENFORCEMENT OF IT.  
808480229018326392RESENTMENT AGAINST STATE AND CERTAIN PROPRIETAIRES WHO WERE  
808480229018426393FELT TO BE USURPATEURS DE DROITS LEGITIMES  
808480229018527391RESENTMENT AGAINST CODE FORESTIER AND ENFORCEMENT OF IT.  
808480229018627392RESENTMENT AGAINST STATE AND CERTAIN PROPRIETAIRES WHO WERE  
808480229018727393FELT TO BE USURPATEURS DE DROITS LEGITIMES  
808480229018828391RESENTMENT AGAINST CODE FORESTIER AND ENFORCEMENT OF IT.  
808480229018928392RESENTMENT AGAINST STATE AND CERTAIN PROPRIETAIRES WHO WERE  
808480229019028393FELT TO BE USURPATEURS DE DROITS LEGITIMES  
808480229019129391RESENTMENT AGAINST CODE FORESTIER AND ENFORCEMENT OF IT.  
808480229019229392RESENTMENT AGAINST STATE AND CERTAIN PROPRIETAIRES WHO WERE  
808480229019329393FELT TO BE USURPATEURS DE DROITS LEGITIMES

808480229019421421 RESENTMENT AGAINST USURPERS  
808480229019522421 RESENTMENT AGAINST USURPERS  
808480229019623421 RESENTMENT AGAINST USURPERS  
808480229019724421 RESENTMENT AGAINST USURPERS  
808480229019825421 RESENTMENT AGAINST USURPERS  
808480229019926421 RESENTMENT AGAINST USURPERS  
808480229019927421 RESENTMENT AGAINST USURPERS  
808480229019928421 RESENTMENT AGAINST USURPERS  
808480229019929421 RESENTMENT AGAINST USURPERS  
808480229019921451 ACTIONS BY NATIONAL GOVT WHICH DELIVERED INTO HANDS OF  
808480229019921452 PROPRIETAIRES LAND WHICH WAS FELT TO BE COMMON  
808480229019922451 ACTIONS BY NATIONAL GOVT WHICH DELIVERED INTO HANDS OF  
808480229019922452 PROPRIETAIRES LAND WHICH WAS FELT TO BE COMMON  
808480229019923451 ACTIONS BY NATIONAL GOVT WHICH DELIVERED INTO HANDS OF  
808480229019923452 PROPRIETAIRES LAND WHICH WAS FELT TO BE COMMON  
808480229019924451 ACTIONS BY NATIONAL GOVT WHICH DELIVERED INTO HANDS OF  
808480229019924452 PROPRIETAIRES LAND WHICH WAS FELT TO BE COMMON  
808480229019925451 ACTIONS BY NATIONAL GOVT WHICH DELIVERED INTO HANDS OF  
808480229019925452 PROPRIETAIRES LAND WHICH WAS FELT TO BE COMMON  
808480229019926451 ACTIONS BY NATIONAL GOVT WHICH DELIVERED INTO HANDS OF  
808480229019926452 PROPRIETAIRES LAND WHICH WAS FELT TO BE COMMON  
808480229019927451 ACTIONS BY NATIONAL GOVT WHICH DELIVERED INTO HANDS OF  
808480229019927452 PROPRIETAIRES LAND WHICH WAS FELT TO BE COMMON  
808480229019928451 ACTIONS BY NATIONAL GOVT WHICH DELIVERED INTO HANDS OF  
808480229019928452 PROPRIETAIRES LAND WHICH WAS FELT TO BE COMMON  
808480229019929451 ACTIONS BY NATIONAL GOVT WHICH DELIVERED INTO HANDS OF  
808480229019929452 PROPRIETAIRES LAND WHICH WAS FELT TO BE COMMON  
808480229019921481 NUMEROUS PROCES-VERBAUX ETC AGAINST VIOLATORS OF CODE  
808480229019921482 FORESTIER  
808480229019922481 NUMEROUS PROCES-VERBAUX ETC AGAINST VIOLATORS OF CODE  
808480229019922482 FORESTIER  
808480229019923481 NUMEROUS PROCES-VERBAUX ETC AGAINST VIOLATORS OF CODE  
808480229019923482 FORESTIER  
808480229019924481 NUMEROUS PROCES-VERBAUX ETC AGAINST VIOLATORS OF CODE  
808480229019924482 FORESTIER  
808480229019925481 NUMEROUS PROCES-VERBAUX ETC AGAINST VIOLATORS OF CODE  
808480229019925482 FORESTIER  
808480229019926481 NUMEROUS PROCES-VERBAUX ETC AGAINST VIOLATORS OF CODE  
808480229019926482 FORESTIER  
808480229019927481 NUMEROUS PROCES-VERBAUX ETC AGAINST VIOLATORS OF CODE  
808480229019927482 FORESTIER  
808480229019928481 NUMEROUS PROCES-VERBAUX ETC AGAINST VIOLATORS OF CODE  
808480229019928482 FORESTIER  
808480229019929481 NUMEROUS PROCES-VERBAUX ETC AGAINST VIOLATORS OF CODE  
808480229019929482 FORESTIER  
808480229019932371 NUMEROUS INCIDENTS OF BRIGANDAGE AND DESTRUCTION OCCURRED IN  
808480229019932372 VARIOUS COMMUNES. I HAVE GROUPED ALL VICTIMS TOGETHER.  
808480229019932373 THESE INCLUDE PUBLIC OFFICIALS & CONDUCTEUR DU DILIGENCE,  
808480229019932374 MAIRIES, RECEVEUR DE L'ENREGISTREMENT ETC< PROPRIETAIRES  
808480229019932375 AND USURERS  
808480229019933371 GARDE NATIONAUX, MILITAIRES, GENDARMES. AND SOME PRIESTS  
808480229019932431 ADMINISTRATION, EMPLOYES DES CONTRIBUTION, PROPRIETAIRES ETC  
808480229019933431 POLICE, MILITAIRES, NATIONAL GUARD, AND PRIESTS  
808480229019931521 NEWS OF CHANGE IN REGIME GIVES BRIGANDS A PRETEXT FOR REVOLT  
808480229019931522 AND AN UNSETTLED SITUATION TO TAKE ADVANTAGE OF  
808480229019931561 FOR THE FIRST 3 DAYS, THE REBELS RESPONDED TO NO VIOLENCE.  
808480229019931562 ON MARCH 3 THEY MET THE REPRESSIVE FORMATION IN BATTLE. BOTH  
808480229019931563 SIDES USING FIREARMS  
808480229019931621 CODE FORESTIER  
808480229019931641 CONDITIONS OF USURY  
808480229019931661 DESTRUCTION OF PRIVATE PROPERTY IN REVENGE  
808480229019941431 ESTIMATES ARE 1500-1800, AND 2000  
808480229019942431 DIFFERENT INDIVIDUALS THROUGHOUT AREA. A ROUGH ESTIMATE  
808480229019943431 ABOUT 50 SOLDIERS AND GENDARMES \*CLARENCE<. THE REST WAS  
808480229019943432 NATIONAL GUARD OF 5 TOWNS OF OVER 11000 INHABITANTS TOTAL.  
808480229019943433 NATIONAL GUARD STRENGTH INFERRED FROM NATURE OF ACTION AND  
808480229019943434 SIZES OF TOWNS  
808480229019941551 INFORMATION GENERALLY EXPANDING. MANDAYS # 1x200 & 1xR00 &  
808480229019941552 2x1800 \* 4600  
808480229019942551 EACH PARTICIPANT IN THIS FORMATION WAS INVOLVED DURING ONLY  
808480229019942552 ONE DAY  
808480229019942671 THERE WERE SOME OFFICIALS MALTRAITED OR STONED. THIS FIGURE

808480229019942672IS A GUESS  
808480229019941671CLARENC MENTIONS NO WOUNDED AND STATES THAT NONE WERE KILLED.  
808480229019941672NEWSPAPERS VARY FROM 1 TO 7 WOUNDED AND 1 TO 3 KILLED  
808480229019941721SOME ESTIMATES ARE LOWER %97 AND 81< BUT 98 IS OFTEN PEPEATED  
808480229019941722AND USED BY CLARENC. 10 WERE PROSECUTED ANO FOUND GUILTY  
808480229019951131THE SEQUENCE PRESENTED BETWEEN THE TWO XX COOES IS NOT A TRUE  
808480229019951132SEQUENCE BUT A RECREATION OF A TYPICAL INCIDENT. 10-12  
808480229019951133INCIDENTS OF SIMILAR NATURE TOOK PLACE BETWEEN FEB 29 AND  
808480229019951134MAR 3, AND THERE IS NO ROOM TO CODE THEM SEQUENTIALLY. AFTER  
808480229019951135THE SECOND XX. THE BATTLE OF MAR 3 IS CODED AS USUAL  
808480229019952131THE SEQUENCE PRESENTED BETWEEN THE TWO XX COOES IS NOT A TRUE  
808480229019952132SEQUENCE BUT A RECREATION OF A TYPICAL INCIDENT. 10-12  
808480229019952133INCIDENTS OF SIMILAR NATURE TOOK PLACE BETWEEN FEB 29 AND  
808480229019952134MAR 3. ANO THERE IS NO ROOM TO CODE THEM SEQUENTIALLY. AFTER  
808480229019952135THE SECOND XX. THE BATTLE OF MAR 3 IS CODED AS USUAL  
808480229019951171INVASION OF MAIRIE, BUREAU DE L'ENREGISTREMENT OR BUREAU OF  
808480229019951172THE FORESTIER. SUBSEQUENT BURNING OF RECORDS ANO MISTREATING  
808480229019951173OFFICIALS  
808480229019952311A DIFFERENT VICTIM - A CHATEAU OWNER  
808480229019951431MARCH 3, NOON, AT ANTICHAN. ROUNDING UP OF PRISONERS  
808480229019951432CONTINUES UNTIL 5PM  
808480229019953431MARCH 3 NOON AT ANTICHAN. ROUNDIN' UP OF PRISONERS CONTINUES  
808480229019953432UNTIL 5PM  
808480229019965141CHANGE IN REGIME  
808480229019965441FORMATION 53 IS LAW ENFORCEMENT FORCE. HOWEVER DIVISION  
808480229019965442BETWEEN 51 AND 52 COMBINES DIFFERENCES OF OCCUPATION AND  
808480229019965443PROPERTY  
808480229019966511A GREAT NUMBER OF PUBLIC RECORDS BURNED IN ALMOST EVERY TOWN.  
808480229019966512MOSTLY PERTAINING TO CODE FORESTIERS. LISTS OF OFFENCES. FINE  
808480229019966513AND PROCES-VEPBAX. RECORDS OF DEBTS ALSO BURIED. MINOR  
808480229019966514PROPERTY DAMAGE TO PUBLIC BUILDINGS. A HUISSIER'S HOUSE WAS  
808480229019966515PILLAGED AND HORSE STOLEN IN MAULEEN-BAROUSSE. A PIG, SOME  
808480229019966516PORK AND SOME WINE WAS TAKEN IN SOST. ARMS AND INSIGNIA  
808480229019966517OF ADMINISTRATEUR FORESTIER STOLEN. PILLAGE IN LOURES-  
808480229019966518BAROUSSE. HOUSE INVADED AND PILLAGED IN ANTICHAN, 6 MEN  
808480229019966519RANSOMED IN TROBAT AND BERTREN, MONEY AND PROVISIONS STOLEN  
808480229019966519IN ANLA. FLAG TORN IN IZAOURT. LARGEST DAMAGE AT A  
808480229019966519PROPRIETAIRE'S CHATEAU IN LUSCAN WHERE TREES WERE CUT,  
808480229019966519AND LINEN AND BOOKS DESTROYED OR TAKEN  
808480229019966511THIS IS A LOW ESTIMATE. 30,000 FRANCS DAMAGE ALONE AT CHATEAU  
808480229019966552DE LUSCAN  
808480229019966731ALTHOUGH COMPLETELY STIFLED, THIS DISTURBANCE STIMULATED  
808480229019966732LATER INCIDENTS, NOTABLY A PLOT TO ASSASSINATE RECEVEUR DE  
808480229019966733L'ENREGISTREMENT, THE APRIL 17 DISTURBANCE AT SIGNAC, AND  
808480229019966734THE INCIDENT AT BIZE-NISTOS AT THE END OF APRIL  
808480229019970181MO 1848-03-10%582-583<,LS 1848-03-11

\*\*\*\*\*  
-----393364-----393364-----393364-----3  
JOB NO. 393364 UNIVERSITY OF MICHIGAN TERMINAL SYSTEM CARD LIST

## ПРИЛОЖЕНИЕ II. МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАСИЛИЯ

[illegible][illegible][illegible][illegible][illegible][illegible][illegible]

[illegible]

ПРИЛОЖЕНИЕ II. МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НАСИЛИЯ

ПРОХОД VII -- ТИП ФОРМАЦИИ -- ТАБЛИЦА КОНТИНГЕНТНОСТИ С ПОПРАВКОЙ  
ГРУППИРОВКА ПО КАТЕГОРИЯМ (QUALIFYING DATA)  
ОБЩАЯ ВЫБОРКА С 1830 ПО 1960

ЧИСЛО  
ТИПОВ ФОРМИРОВАНИЙ  
ПО ГОДАМ, 1845-51

СТРОКИ = ТИП ФОРМИРОВАНИЯ.

СТОЛБЦЫ = АНАЛИЗИРУЕМЫЙ ГОД.

	1845	1846	1847	1848	1849	1850	1851	ВСЕГО	КЛЮЧ
ОБЫЧНАЯ ТОЛПА	2 2 1	7 8 1.14	29 29 1	40 42 1.05	4 4 1	5 5 1	16 18 1.12	103 108 1.04	НЕОБР ВЗВЕШ СРЕДН
ИДЕОЛОГИЧ. МОТИВИР. ТОЛПА		3 5 1.66		32 39 1.21	16 18 1.12	5 5 1	26 27 1.03	82 94 1.14	НЕОБР ВЗВЕШ СРЕДН
ПАРТИЗАНЫ РАЗБОЙНИКИ НАЕМНИКИ				1 1 1			25 26 1.04	26 27 1.03	НЕОБР ВЗВЕШ СРЕДН
ДРУГИЕ АКТИВНЫЕ СТОРОННИКИ				3 3 1			26 26 1	29 29 1	НЕОБР ВЗВЕШ СРЕДН
ГОСУДАРСТ. ЧИНОВНИКИ		2 2 1	1 1 1	24 25 1.04	4 4 1	2 2 1	8 8 1	41 42 1.02	НЕОБР ВЗВЕШ СРЕДН
ГОСУДАРСТ. ГВАРДИЯ ПОЛИЦИЯ	2 2 1	4 4 1	4 4 1	16 16 1	4 4 1	5 5 1	26 28 1.07	61 63 1.03	НЕОБР ВЗВЕШ СРЕДН
РЕГУЛЯРНАЯ АРМИЯ		1 1 1		8 10 1.25	6 6 1	1 1 1	12 12 1	28 30 1.07	НЕОБР ВЗВЕШ СРЕДН
ДРУГИЕ ВОЕННЫЕ		6 6 1	2 2 1	44 46 1.04	6 9 1.5	2 3 1.5	5 6 1.2	65 72 1.1	НЕОБР ВЗВЕШ СРЕДН
ПОЛИЦИЯ И ВОЕННЫЕ		9 9 1	3 3 1	9 9 1	3 3 1	2 2 1	12 12 1	38 38 1	НЕОБР ВЗВЕШ СРЕДН
ПОЛИЦИЯ	2 2 1	2 2 1	13 13 1	12 12 1	8 8 1	3 3 1	19 20 1.05	59 60 1.01	НЕОБР ВЗВЕШ СРЕДН

# ОТ МОБИЛИЗАЦИИ К РЕВОЛЮЦИИ

ПРОХОД VII -- ТИП ФОРМАЦИИ -- ТАБЛИЦА КОНТИНГЕНТНОСТИ С ПОПРАВКОЙ  
 ГРУППИРОВКА ПО КАТЕГОРИЯМ (QUALIFYING DATA)  
 ОБЩАЯ ВЫБОРКА С 1830 ПО 1960

ЧИСЛО  
 ТИПОВ ФОРМИРОВАНИЙ  
 ПО ГОДАМ, 1845-51

СТРОКИ = ТИП ФОРМИРОВАНИЯ.

СТОЛБЦЫ = АНАЛИЗИРУЕМЫЙ ГОД.

	1845	1846	1847	1848	1849	1850	1851	SUM	KEY
ПРОФЕССИЯ	1	4	1	13				19	НЕОБР
ТА ЖЕ	1	4	1	15				21	ВЗВЕШ
МЕСТНОСТЬ	1	1	1	1.15				1.1	СРЕДН
ПРОФЕССИЯ	1	3	2	18	3	4	2	33	НЕОБР
ТА ЖЕ	1	4	2	22	5	5	2	41	ВЗВЕШ
ОТРАСЛЬ	1	1.33	1	1.22	1.66	1.25	1	1.34	СРЕДН
ДРУГИЕ	1	3	15	16	5	1	1	42	НЕОБР
ГРУППЫ	2	2	16	16	5	1	1	41	ВЗВЕШ
	2	1	1.06	1	1	1	1	1.04	СРЕДН
ГРУППА				12			1	13	НЕОБР
З/ГРАНИЦЕЙ				12			1	13	ВЗВЕШ
ПРОИСХОЖД.				1			1	1	СРЕДН
ПОЛЬЗОВАТ.		11	1	2		1	1	16	НЕОБР
ОДНОГО		12	1	2		1	1	17	ВЗВЕШ
РЕСУРСА		1.09	1	1		1	1	1.06	СРЕДН
ДРУГИЕ	1	6	12	18	4	3	14	58	НЕОБР
	1	6	19	20	4	3	15	68	ВЗВЕШ
	1	1	1.58	1.11	1	1	1.07	1.17	СРЕДН
СУММА	10	61	83	268	63	34	194	713	НЕОБР
	11	66	91	290	70	36	203	767	ВЗВЕШ
	1.1	1.08	1.09	1.08	1.11	1.05	1.04	1.07	СРЕДН

\*\*\*\*\*ИТОГО ПО ТАБЛИЦЕ... НЕОБР= 713

ВЗВЕШ= 767

ТАБЛИЦА ПII.1. Участники коллективного насилия  
на 100 тыс. населения по городам департамента, 1830–1859 гг.,  
скорректированная на ежегодные уровни

Доля населения в городах с численностью жителей 10 тыс. или более	1830–1834	1835–1839	1840–1844	1845–1849	1850–1854	1855–1859
0,0	17	4	40	25	152	0
0,1–5,0	23	22	16	70	70	0
5,1–10,0	53	22	48	68	43	9
10,1–15,0	104	19	10	81	15	2
15,1+	731	57	64	689	86	0
Общее количество	147	22	37	210	56	3
Общее количество участников (в тыс.)	240	41	64	371	101	5

Количество беспорядков

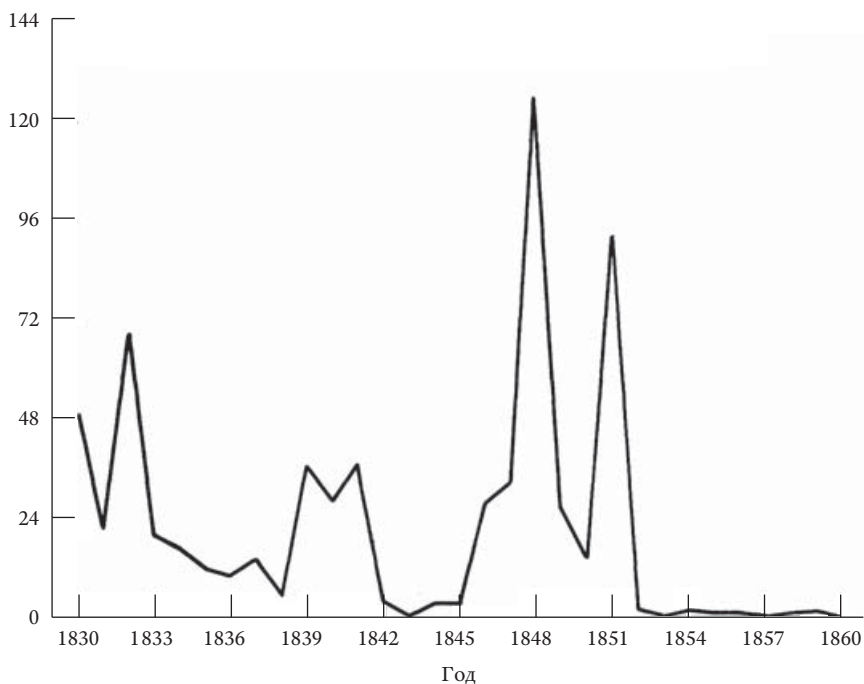


РИС. ПII.1. Участники коллективного насилия во Франции, 1830–1860 гг.

## Приложение III

# Процедуры исследования конкурентных собраний в Великобритании

### ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Наш новый крупный проект — исследование конфликтов в Великобритании с 1828 по 1833 г. У нас есть несколько различных мотивов, для того чтобы предпринять новое исследование. Во-первых, наше исследование насильственных событий в Италии, Германии и Франции было направлено на подтверждение предположения о том, что насилие в целом было побочным продуктом вмешательства дополнительных заинтересованных сторон в действия, которые не были по сути своей насильственными и зачастую происходили без существенного насилия. В частности, мы интересовались частотой, с которой насилие начинается с вмешательством армии, полиции и прочих специализированных репрессивных сил. Но поскольку единственными ненасильственными событиями, полноценный и систематический учет которых мы вели для некоторых из тех же периодов и мест, были забастовки, у нас не хватает свидетельств, для того чтобы более пристально взглянуть на эту связь между насильственными и ненасильственными коллективными действиями.

Во-вторых, представлялось стоящим делом осуществление продолжительного сравнения форм конфликта в Британии XIX в. и тех, что были обнаружены нами на континенте. Исследователи Европы Нового времени часто считают опыт Британии XIX в. своего рода историей успеха — по крайней мере в «избегании» революций, которые произошли во Франции, Германии, Италии и прочих странах. Тщательное исследование конфликта в Британии должно дать нам средства переосмыслить этот вопрос. Что важнее, оно

обеспечит твердую почву для выбора между очевидными альтернативами объяснения различий между Британией и континентом: что в Британии было меньше той категории людей, которые совершали революции и восстания XIX в.; что наиболее вероятные повстанцы испытывали меньше недовольства; что репрессии были более эффективны в Британии и т.п.

Первоначально мы надеялись исследовать изменение форм конфликта в Британии на протяжении XIX в. Однако, учитывая огромный спектр ненасильственных событий, которые пришлось бы рассмотреть, это потребовало бы колоссальных усилий — многократно превосходящих те внушительные усилия, которые затрачивались нами каждый год в исследованиях Франции и Германии. После некоторых предварительных подсчетов за отдельные годы с конца XVIII по конец XIX в., мы сузили наш фокус до периода 1828–1833 гг. Этот период интересен для изучения по нескольким причинам. Во-первых, это было время крупных движений, конфликтов и коллективных действий: эмансипация католиков, агитация за реформу, индустриальный конфликт, атака на выборные приходские советы, великие аграрные бунты 1830 г. Во-вторых, существуют прекрасные исторические исследования некоторых конфликтов этого периода — например, «Капитан Свинг» Э. Хобсбаума и Джорджа Руде [Hobsbawm, Rudé, 1969] — с которыми мы можем сравнить наши собственные результаты. В-третьих, у нас были некоторые основания полагать, что этот период служил в качестве исторической осевой точки примерно в том же смысле, в каком революции 1848 г. во Франции и в Германии: маркировавшей и, вероятно, создавшей сдвиг от реактивного к проактивному, от «ретроспективного» к «перспективному» коллективному действию со стороны простого народа.

В этот период мы пытались сосчитать, описать и проанализировать огромную часть всех «конкурентных собраний», которые произошли в Англии, Шотландии и Уэльсе. Грубо говоря, конкурентное собрание — это ситуация, когда 10 или более индивидов, не относящихся к правительству, собираются в одном месте и артикулируют требования, которые, в случае их удовлетворения, повлияют на интересы некоторых конкретных людей (человека) или групп(ы), не входящих в число собравшихся. В принципе, такие собрания включают практически все события, охваченные нашим

прежним подсчетом забастовок и коллективного насилия. Они также предполагают огромное множество прочих событий: демонстраций, митингов с целью подачи петиций, делегаций, групповых браконьерств и др. Проведение общих и систематических границ является тонкой и трудоемкой задачей.

Мы все еще приспосабливаем исследовательские процедуры для этой задачи. Произведя первичный подсчет и суммарное кодирование некоторых событий с 1830 г., мы провели предварительное исследование 30 случайно выбранных 10-дневных блоков из всего шестилетнего периода, затем продолжили систематический счет с начала 1828 г. и завершили предварительный подсчет событий за 1828 г. При этом события вычленились через полное, выпуск за выпуск, прочитывание газет «Morning Chronicle», «Times», «Gentlemen's Magazine», «Hansard's Parliamentary Debates», «The Mirror of Parliament» и ежегодного альманаха «Annual Register». Как только события были отобраны, мы запланировали поиск большей информации о них в бумагах министерства внутренних дел (из которых мы уже составили существенные подборки в виде фотокопий и микрофильмов), в других периодических изданиях и вторичных работах по истории. Мы все еще предполагаем кодировать информацию в доступной для машинной обработки форме. Файл за шестилетний период, вероятно, будет описывать порядка 25 тыс. событий.

Мы также постепенно строим планы по сбору данных по населению и областям, «подверженным риску» конкурентных собраний. Единицы наблюдения, несомненно, будут включать все графства Англии, Шотландии и Уэльса. Они, вероятно, будут распространяться на все множества сотен приходов внутри выбранных графств. Если это будет возможным, сбор данных коснется конкретного населения потенциальных акторов, например, ткачей Ланкашира и сельскохозяйственных рабочих Лестершира. В итоге выбор единиц и типов данных, их касающихся, подразумевает, что эти единицы будут результатом компромисса между аргументами, которые мы намереваемся проверить, и издержками получения релевантных свидетельств.

### *События, которые необходимо учесть*

Событиями являются «конкурентные собрания» (КС), случаи, когда 10 или более индивидов, не относящихся к правительству, со-

бираются в одном месте и артикулируют требования, которые, в случае их удовлетворения, повлияют на интересы некоторых конкретных людей (человека) или групп(ы), не входящих в число собравшихся. Большинство КС за исследуемый нами период попадают в следующие категории: 1) коллективное насилие, 2) митинги, 3) демонстрации, 4) парады, 5) ассамблеи, 6) съезды, 7) празднества, 8) делегации, 9) забастовки, 10) деятельность профсоюзов. Более точно эти события включали все случаи:

- 1) описанные в газетах «London Times», «Morning Chronicle», «Hansard's Parliamentary Debates», «Annual Register», «Gentlemen's Magazine» и(или) «The Mirror of Parliament»;
- 2) произошедшие в Англии, Шотландии или Уэльсе;
- 3) начавшиеся в любой день с 1 января 1828 г. по 31 декабря 1834 г.;
- 4) с участием 10 или более индивидов, не относящихся к правительству, которые:
  - а) собрались в одном месте,
  - б) артикулировали требования, которые, в случае их удовлетворения, повлияют на интересы некоторых конкретных людей (человека) или групп(ы), не входящих в число собравшихся.

*Понятия, которым, таким образом, необходимо дать рабочие определения:*

описанные  
 произошедшие в Англии, Шотландии или Уэльсе  
 начавшиеся  
 индивиды  
 не входящие в состав правительства  
 собравшиеся в одном месте  
 артикулированные требования, оказывающие влияние на интересы определенных индивидов или групп

#### ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРАВИЛА ОТБОРА

##### *Описанные*

Любое упоминание в любом контексте. Если, к примеру, какой-нибудь член парламента кладет на стол петицию «от многочислен-

ных митингующих в Олдеме», которая удовлетворяет всем остальным нашим критериям, то этот митинг включается в выборку. В парламентских дебатах упоминания митингов для их включения в выборку не нуждаются в количественной информации. Например, если «The Mirror of Parliament» рассказывает о собрании прихожан Престона для подачи петиции в парламент, но не упоминает, сколько людей участвовало в митинге, мы будем условно предполагать, что по меньшей мере 10 человек принимали в нем участие.

*Произошедшие в Англии, Шотландии  
или Уэльсе*

Десять или более индивидов должны собраться в пределах политических границ (включая территориальные воды) Англии, Шотландии или Уэльса. Если какая-либо часть действия происходит внутри этих границ, то все событие попадает в выборку.

Иногда трудно определить, как много людей вовлечены в событие или действие. В неопределенных случаях используются следующие термины для обозначения по меньшей мере 10 человек

нарушение общественного спокойствия	общий сбор/сбор
собрание	банда
свалка	масса
сборище	многочисленное
скопление	
толпа	съезд
демонстрация	бунт
волнение	шумное собрание
шайка	массовая толча
сборище	возбужденное собрание

*Начавшиеся в любой день с 1 января 1828 г. по 31 декабря 1834 г.*

Событие начинается в тот момент, когда по меньшей мере 10 человек, которые в конечном счете артикулируют требования, соберутся без дальнейшего рассеивания до того, как они выдвинут требования. День начинается в полночь.

*Индивиды*

Любые люди, о которых можно сделать рациональное предположение, что они сознательно участвуют в выдвигании требований.

### *Не входящие в состав правительства*

Когда должностные лица действуют в соответствии с полномочиями, которые дает им их должность, и никакой группы из 10 или более не-должностных лиц не действует вместе с ними, мы *исключаем* такое действие. Если 10 или более должностных лиц действуют вместе, но под их собственную ответственность, мы *включаем* их действие в выборку. Среди групп людей, обычно упоминаемых при обсуждении английских правительств в XIX в., мы на самом деле различаем три категории: (а) должностные лица, (б) общественные комитеты и (в) граждане. В качестве *должностных лиц* нами рассматриваются:

Члены муниципалитетов	Члены больших следственных жюри	Приходские попечители бедных
Бейлифы	Попечители бедных	Казначей
Судебные посыльные	Конная гвардия	Полиция
Главы муниципалитетов	Судьи	Полицейские констебли
Члены парламента от городов с самоуправлением	Члены Верховного суда	Члены Тайного совета
Церковные старосты	Мировые судьи	Члены школьного совета
Члены муниципальных советов	Лорды-наместники	Шерифы
Констебли	Магистраты	Шотландская гвардия
Коронеры	Мэры	Специальные констебли
Управляющие благотворительными заведениями	Члены парламента	Инспекторы
	Военные <sup>1</sup>	Члены городского совета
	Милиция	Йомены
	Министры	

и прочие, занимающие в сущности сходные должности.

В качестве *публичных комитетов* мы рассматриваем городские собрания, собрания представителей налогоплательщиков прихода, собрания членов гильдий, комиссии по благоустройству городских территорий, полицейские комиссии и схожие организации.

<sup>1</sup> Военные: кавалерия, пехота, драгуны, гусары, морская пехота, конная гвардия, шотландские гвардейские драгуны.

В качестве сегментов *гражданского населения* мы рассматриваем фригольдеров, домовладельцев, жильцов, землевладельцев, плательщиков местных налогов в пользу бедных, арендаторов, прихожан, налогоплательщиков, плательщиков десятины и по сути своей схожие группы. Однажды мы вполне сможем захотеть обратиться к исследованию действий публичных комитетов, сегментов граждан и прочих групп (таких как представители определенных профессий, ассоциаций, половозрастных групп или семей) по отдельности. На настоящий момент ключевым различием выступает различие между должностными лицами и остальными. Должностные лица часто появляются как стороны в коллективных действиях, включающих публичные комитеты, сегменты граждан и(или) прочие группы. Но единственное обстоятельство, при котором их согласованное действие учитывается само по себе, это когда они принимают участие в группе из 10 или более индивидов, которые под собственную ответственность собираются, чтобы артикулировать заявление, требование или жалобу.

В качестве *граждан* мы рассматриваем всех остальных.

### *Собравшиеся в одном месте*

Десять или более индивидов, встретившиеся, собравшиеся или любое из ключевых слов (упомянутых выше) для обозначения сбора вместе. Место определяется нами как:

- а) конкретное место — церковь, постоялый двор, поле;
  - б) вторичная локация — небольшой городок, приход, город;
  - в) область расположения — графство, округ графства и т.д.
- или любая комбинация (а), (б) и (в).

### *Артикулированные требования, оказывающие влияние на интересы определенных индивидов или групп*

Мы пытаемся подготовить исчерпывающий перечень ситуаций, в которых люди, не входящие в состав правительства, собираются, чтобы публично артикулировать заявление, требование или жалобу. В том или ином случае мы используем все следующие слова, чтобы описать то, что нам нужно: заявления, требования, жалобы, недовольства, стремления, интересы, неудовлетворенность. Некоторые из этих слов, такие как «требования», явно имеют своей це-

люю нечто за пределами самой группы. Другие, такие как «неудовлетворенность», не обязательно соотносятся с внешними целями; кто-то легко может быть недоволен собой. Мы хотим сконцентрироваться на действиях, которые действительно имеют внешнюю по отношению к действующей группе цель. Будем говорить о *требованиях и целях (объектах) требований*. Мы пытаемся выстроить выборку собраний, в ходе которых (или посредством которых) люди артикулируют требования к акторам, находящимся за пределами их группы.

Какого рода требования? В основном любое ожидание, которое, в случае его реализации, потребует от другого актора затрат ценных ресурсов: денег, рабочей силы, информации и т.п. Какого рода акторов? В принципе, любого другого множества реальных людей. Это исключает требования группы по отношению к самой себе, требования группы, обращенные к сверхъестественным или воображаемым существам. Но это не исключает обращение к воображаемым «властным структурам», если группа идентифицирует некоторых реальных людей с этой структурой. Это также не исключает требований к реальным людям в качестве самопровозглашенных агентов сверхъестественных существ или воображаемых групп: священникам, предсказателям, шарлатанам, членам вымышленного заговора. Это не исключает требований к реальным людям, присутствующим на том же собрании, пока существует разделение на мы—они между акторами и целями, которые являются не просто внутренним разделением действующей группы и которые более продолжительны, чем само это собрание. На самом деле, «любое другое множество реальных людей» не исключает какого-либо индивида где бы то ни было до тех пор, пока существует собрание, в котором достаточно людей артикулируют требования к этому индивиду.

Когда мы описываем возможное содержание таких требований, мы перечисляем:

- а) подачу петиции или обращение к местному или национальному правительству, будь то в пользу правительства или против него;
- б) оппозицию политике правительства, форме правления или частным его функционерам;
- в) поддержку правительству;
- г) поддержку врагу правительства;

- д) контроль над местным правительством или институтом;
- е) другие недовольства и неудовлетворенность, включая религиозные, социальные или экономические проблемы, обсуждение жалоб на зарплаты, продолжительность рабочего дня или условия труда.

Вот некоторые правила отбора для выявления требований, соответствующих и не соответствующих нашим критериям.

1. В отсутствие противоречащей информации коллективное насилие *в первом приближении* представляет собой свидетельство о наличии требования. Если 10 или более индивидов действуют совместно для атаки, причинения ущерба или силового захвата индивида или объекта, это временное свидетельство о каком-то требовании.

2. Даже если финальной целью деятельности является выдвижение некоторого рода требования, чисто организационные усилия сами по себе недостаточны. Например, создание местной Ассоциации реформ само по себе не составляет требования. Однако, если 10 или более индивидов, которые организуют ассоциацию, формулируют соответствующее нашим критериям требование в процессе ее создания, это требование учитывается.

3. Благотворительные ужины, балы, выставки и т.п. сами по себе не соответствуют, независимо от причины, по которой они проводились. Однако если мы получаем дальнейшее свидетельство о выдвижении требования (например, прокламация с требованием от организаторов благотворительного мероприятия или широко приветствуемая речь, содержащая требование в ходе этого события), то благотворительность соответствует критериям точно так же, как любое другое собрание.

4. Речь одного индивида, который делает заявление, артикулирует недовольство или выдвигает требование, составляет свидетельство о коллективном требовании при следующих условиях: а) группа формально принимает взгляды оратора в петиции, резолюции или меморандуме; б) сообщающий о событии явно приписывает одобрение требований участникам собрания; в) группа демонстративно выражает мнение одобрительными восклицаниями, насмешками или иным звуковым образом.

5. Если собрание включает две или более фракции, по крайней мере одна из которых состоит из 10 или более участников, требования, выдвигаемые одной из фракций к другой, соответству-

ют критериям в том случае, если обсуждаемые проблемы или разногласия выходят за пределы этого конкретного собрания и этого конкретного набора участников. Например, когда Генри Хант и его сторонники появляются на собрании прихожан и бросают вызов полномочиям местной элиты по контролю над выборами новых приходских служащих, само разногласие выходит далеко за рамки этого собрания, и требование соответствует.

6. Эксплицитная поддержка правительства или отказ от поддержки правительства соответствуют. Она может принимать форму поддержки институтов (парламента, существующего правительства, конституции) или поддержки конкретных правительственных служащих: членов муниципалитета, бейлифов, глав муниципалитетов и т.п. из перечисленных ранее. Она может принимать форму сознательного отказа от поддержки этих институтов или служащих. Эти институты или служащие должны в тот момент находиться при исполнении служебных обязанностей (например, праздничный банкет в честь лица, избранного в парламент, сам по себе не учитывается). Свидетельства такой поддержки или отказа в ней включают: а) участие в событиях, в том числе праздниках и торжествах, осознаваемой всеми целью которых является демонстрация поддержки, например, парад лорда-мэра; б) фиксацию репортерами поддержки или отказа от нее; в) артикуляцию чувств через аплодисменты, высмеивание и т.п. Однако простой тост (например: «За короля!») сам по себе не учитывается, даже несмотря на аплодисменты участников.

7. Собрания, эксплицитно проводящиеся с целью поддержки или осуждения некоторого действия правительства, констатируют учитываемые требования, если участники артикулируют заявления, принимая резолюции, одобряя речи и т.п.

8. Простое выражение поддержки или отказ от нее не учитываются, если целью выступают: а) неправительственные институты или служащие в Британии или где бы то ни было еще; б) правительственные институты или служащие за пределами Британии. Но если собрание выдвигает дальнейшие требования по любой из этих категорий целей, то такие требования уже учитываются. Например, банкет в честь низложенного короля Испании не учитывается до тех пор, пока участники напрямую не начинают требовать его восстановления на престоле.

## ГРАНИЦЫ КОНКУРЕНТНЫХ СОБРАНИЙ

Большинство конкурентных собраний происходит в один день в одном месте; однако многие длятся дольше и(или) происходят в нескольких местах, поэтому необходимо очертить границы во времени и пространстве. Действия будут рассматриваться в качестве части одного и того же конкурентного собрания, если:

- 1) они произошли в один и тот же день или дни, следующие друг за другом, *и*
- 2) существуют убедительные данные о совпадении участников в формировании(ях) граждан, такие как продолжительное взаимодействие между двумя или более формированиями, выявленными при рассмотрении первоначального действия, *и*
- 3) эти действия касаются тех же самых проблем или некоторых непосредственно связанных с ними проблем (например, эскалация требований).

Действия, которые отвечают указанным выше критериям, будут определяться как одно конкурентное собрание, даже если они происходят в разных местах (например, в разных городах).

Если событие учитывается на основе типа действия и типа вовлеченной группы, но у нас недостает информации для определения его места и времени в Британии с 1828 по 1834 г., мы исключаем это событие, пока не найдем дополнительной информации. Если только один из этих элементов (время или место) не определен, мы *включаем* это событие в ожидании получения дополнительной информации.

## ОБЩИЕ ПРАВИЛА КОДИРОВАНИЯ

Это предварительный набор планов для подготовки описания каждого соревновательного собрания на языке машинных кодов. Запись для каждого события будет включать следующие разделы:

1. Событие в целом, включая идентификацию и общее описание всех основных характеристик.
2. Место: один раздел на место, в котором это событие произошло.
3. Формирование: один раздел на формирование, участвующее в событии.

4. Фаза действия: один раздел на действие какого-либо формирования.

5. Источник: один раздел на источник, из которого была взята информация, касающаяся этого события.

6. Комментарии: один раздел на комментарий. Все соотнесены с конкретными локациями в разделах 1–5.

## 1. Раздел *Событие*

Идентификационный номер: дата начала + порядковый номер этой даты

Точность даты начала события

День или неделя, в которую началось событие

Дата, в которую событие закончилось

Точность даты окончания

Продолжительность: дни

Продолжительность: часы

Наименьшая оценка общего количества участников

Наибольшая оценка общего количества участников

Наилучшая оценка общего количества участников

Наилучшая оценка человеко-дней + допустимая величина ошибки

Наилучшая оценка человеко-часов + допустимая величина ошибки

Наилучшая оценка арестов во время события + допустимая величина ошибки

Наилучшая оценка арестов после события + допустимая величина ошибки

Наилучшая оценка раненых во время события + допустимая величина ошибки

Наилучшая оценка убитых во время события + допустимая величина ошибки

Количество формирований

Краткие сведения о типе(ах) формирования

Краткие сведения об участии властей

Краткие сведения о репрессиях, проведенных во время события

Краткие сведения о репрессиях, проведенных после события

Краткие сведения об основной цели(ях) действия

Широкий тип события  
 Краткие сведения о предпосылках  
 Краткие сведения о результате

## 2. Раздел *Место*

Один раздел на место, в котором это событие произошло. «Место» — это любая именованная локация плюс любая неименованная локация, относительно которой у нас есть существенные основания предполагать, что там произошла определенная часть действия. Мы создаем раздел для «приблизительного места» в двух случаях: 1) мы не можем определить расположение действия в по крайней мере одном определенном приходе; 2) у нас есть существенные основания полагать, что определенная часть действия произошла за пределами тех мест, для которых упоминание содержит конкретные названия. «Название» может быть очень общим: у реки, на дороге, на рынке и т.д.

### *а) для первоначального кодирования*

Главное название места — буквами. Приоритет отдается приходам. Если его установить невозможно, то название графства, если невозможно установить графство, то страна. Предполагаемые места помещайте в скобки. Таким образом, «ОКСФОРД» означает, что в описании имеется конкретное упоминание Оксфорда (ОКСФОРД) и мы выводим эту локацию из описания или его контекста.

Детализированное название места — буквами. Пустое место оставляется, если у нас есть название прихода и нет другой информации о месте. «ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОЕ МЕСТО» — если основным местом выступает графство или страна (Англия, Шотландия, Уэльс) и у нас нет дополнительной информации о месте внутри графства или страны; более специальное обозначение, такое как «неподалеку от Норвича» (в скобках, если это выводится) обладает приоритетом над «ПРИБЛИЗИТЕЛЬНЫМ МЕСТОМ». «ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОЕ МЕСТО» для дополнительных мест специально не называется.

### *б) для кодирования после буквенных видов разделов о месте*

Номер по порядку для расположения в квадрате координатной сетки: 0 — если некоторая часть определенно произошла в этом

квадрате координатной сетки; от 1 до 9 — если это один из возможных кластеров от 1 до 9, непрерывно расположенных в квадрате координатной сетки, используемых для описания нерегулярных форм, например улицы, города, берега реки, дороги. *Примечание:* это означает, что одна единственная запись о месте может содержать от 1 до 9 подзаписей для расположения в квадрате координатной сетки.

Расположение в квадрате координатной сетки по географическому справочнику: две буквы плюс пять цифр.

Вертикальное расположение в квадрате координатной сетки: 0 — если неизвестно; от 1 до 9 — если известно.

Горизонтальное расположение в квадрате координатной сетки: 0 — если неизвестно; от 1 до 9 — если известно.

Допустимая величина ошибки для расположения в квадрате координатной сетки.

Расположение в британской переписи 1831 г.: девять цифр.

*Примечание* к разделу места. Это не единственная информация о местах, которой мы в итоге будем располагать для исследования. Мы планируем разработать отдельный файл для мест, который включал бы по меньшей мере все приходы, где происходили события, а также все графства, вне зависимости от того, происходили ли в них события или нет. Добавление дополнительных мест, если таковые будут обнаружены, будет зависеть от издержек, удобства и исследовательской необходимости. Вероятные пункты информации в таком файле:

название административной единицы (приход, и т.д.);

правильное название самого места;

позиция в административно-территориальной иерархии: приход, округ (с судом), графство и т.д.;

расположения в квадрате координатной сетки по географическому справочнику;

расположение в переписи 1831 г.;

население в 1832 г.;

прочие характеристики этого места: наличие или отсутствие рынка, степень промышленного развития и т.д.;

характеристики специфической локации внутри этого места: трактир, церковь, городская площадь, мастерская и т.д.;

перечисление всех событий, произошедших в этом месте.

### 3. Раздел *Формирование*

Один раздел на формирование, о присутствии которого известно. Каждый участник должен быть приписан по меньшей мере к одному формированию. То же касается каждого действия: если мы знаем, что некоторое действие произошло, но не можем приписать его к определенному формированию, мы создаем формирование, обозначенное «НЕКТО». Возможно наличие более чем одного «НЕКТО». В таком случае мы называем их «НЕКТО 1», «НЕКТО 2»...

Формирование — это группа людей, которые действуют совместно и(или) взаимно с другим формированием в ходе события. Первое названное формирование должно насчитывать более 10 членов. Мы разделяем остальные на возможно меньшее число формирований: обычно одно формирование для каждого множества людей, которые различимо действуют в ходе события.

Численность формирования: две цифры.

Пересечение с другими формированиями: список численности другого формирования.

Отношение этого формирования к событию: участник, наблюдатель и т.д.

Название(я) формирования: буквенное, включая «НЕКТО» (в круглых скобках если название выводится, а не дано эксплицитно).

Социальный состав формирования: буквенное, включая DK, т.е. неизвестно (don't know).

Прочие слова, описывающие формирование: буквенное, включая «ОТСУТСТВУЕТ» [в круглых скобках если выводится из описания, например: (ВОЗГЛАВЛЯЕМОЕ ПОРТНЫМ)].

Место происхождения или обычного проживания: буквенное, включая DK.

Слова, используемые для описания размеров формирования: буквенное, включая «ОТСУТСТВУЕТ» [в круглых скобках, если выводится из описания, например: (ГРУППА ЗАПОЛНИЛА ПЛОЩАДЬ)].

Число участников: нижняя оценка (50+ = по меньшей мере 50, 101+ = более 100 и т.д.)

Число участников: верхняя оценка.

Число участников: лучшая оценка.

Источник лучшей оценки: код (когда доступные сведения содержат более одной оценки, пишется КОММЕНТАРИЙ).

Количество человеко-дней: лучшая оценка (00 = неизвестно, 01 = участие продлилось меньше, чем один день).

Количество человеко-часов: лучшая оценка (00 = неизвестно, 01 = менее одного часа). Человеко-дни и человеко-часы взаимодополнительны. Например, 025, 075 означает 25 человеко-дней + + 75 человеко-часов, разумная оценка для формирования из 25 человек, которые непрерывно действовали в течение одного дня плюс еще трех часов. 01, 0,75 означает 0 человеко-дней + + 75 человеко-часов (альтернативные оценки отмечаются как КОММЕНТАРИИ).

Источник лучшей оценки: код.

Лучшая оценка числа арестованных (альтернативные оценки отмечаются как КОММЕНТАРИИ).

Источник лучшей оценки: код.

Лучшая оценка числа раненых (альтернативные оценки отмечаются как КОММЕНТАРИИ).

Источник лучшей оценки: код.

Лучшая оценка числа убитых (альтернативные оценки отмечаются как КОММЕНТАРИИ).

Источник лучшей оценки: код.

Примечание: лучшие оценки человеко-дней, человеко-часов, арестованных, раненых, убитых должны суммироваться каждая, совпадая в итоге с общим количеством, приведенным в разделе события.

#### 4. Раздел *Фаза действия*

Событие начинается в тот самый момент, когда по меньшей мере 10 человек в конечном счете артикулируют требование, которое будет квалифицировать событие для включения в нашу выборку; собрались и не рассеиваются до того, как провозгласят требование. Это событие заканчивается тогда, когда последняя группа людей, которые артикулировали подобное требование в ходе события, рассеялась. Если в ходе события возникнут новые требования от более чем 10 человек, которые будут независимо квалифицировать это событие для включения в выборку, то таковые будут являться продолжением события.

Новая фаза действия начинается тогда, когда *любое* формирование начинает новое действие. По меньшей мере одна фаза должна характеризовать действие до того, как событие начнется; по возможности один такой элемент должен наличествовать для каждого формирования, присутствующего в начале события. По крайней мере одна фаза должна характеризовать действие после окончания события; по возможности один такой элемент должен наличествовать для каждого формирования, уцелевшего до конца событий.

Если более чем одно формирование меняет действие в одно и то же время, мы должны выделить элемент фазы для каждого формирования и приписать каждый элемент одному и тому же времени.

Минимальная запись содержит по меньшей мере одну фазу: 1) до начала события; 2) в начале события; 3) в ходе события; 4) в конце события; 5) после события.

Каждое обозначенное формирование должно фигурировать по меньшей мере в одной из фаз действия.

Порядковый номер: первая новая фаза в это время. Две цифры; 00 = «НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ».

Порядковый номер для множества фаз, которые начинаются одновременно: одна цифра.

Дата: год, месяц, день.

Точное время: 2400 = полночь; 0000 = неизвестно.

Отношение к событию: 1 = до начала события; 2 = действие, иницирующее событие; 3 = в ходе события; 4 = действие, завершающее событие; 5 = после окончания события.

Номер формирования: 00 = некто (если такой код используется, мы должны учесть формирование «НЕКТО»; 99 = все формирования).

Действие: буквами, включая DK (определенно разрешает такие фразы, как «ПОПЫТКА К...»; в скобках — если это наше резюме или вывод, и без скобок — если прямое копирование слов из источника).

Цель действия: буквами, включая DK, «ОТСУТСТВУЕТ», «ФОРМИРОВАНИЕ 23» и т.д.

Непосредственные последствия для цели: буквами, включая DK, «ОТСУТСТВУЕТ» (последствия, происходящие только в течение одной и той же фазы; используйте фазы после события для позднейших последствий).

## 5. Раздел *Источник*

Один раздел на источник. В принципе должен быть один раздел источников на сопроводительный лист и один сопроводительный лист на раздел источников.

Название источника: буквами. Стандартные аббревиатуры для основных источников.

Расположение внутри источника: информация будет варьировать вместе с типом источника. Для газет, к примеру, местом обычным является дата, страница, расположение на странице.

Дальнейшая идентификационная информация: включая «ОТСУТСТВУЕТ». Может цитироваться заголовок, обозначаться расположение в примечании и т.п.

Комментарии по источнику: буквами, включая «ОТСУТСТВУЕТ». Может упоминаться качество, противоречие с другими источниками, использование при кодировании.

## 6. Раздел *Комментарии*

Один раздел на комментарии. Может быть встроен в любое расположение внутри разделов: СОБЫТИЕ, МЕСТО, ФОРМИРОВАНИЕ, ЭТАП ДЕЙСТВИЯ или ИСТОЧНИК. В некоторых случаях для книги шифров требуется кодировщик, который использует определенный код, чтобы сделать КОММЕНТАРИЙ.

Расположение в записи: цифровой код.

Комментарий: буквами.

## Приложение IV

### Материалы исследования конкурентных собраний в Великобритании

Материалы по февралю 1828 г. Сначала идет примерный перечень всех соревновательных собраний о которых рассказывают наши шесть источников («London Times», «Morning Chronicle», «Hansard's Parliamentary Debates», «Annual Register», «Gentlemen's Magazine», «The Mirror of Parliament») за этот месяц.

Предварительный список конкурентных собраний в феврале 1828 г.

Тип конкурентного собрания	Место	Дата	Проблема
Митинг	Уэймут	02-02	Парламентские выборы
Митинг	Лондон	02-03	Защита продовольственной торговли
Митинг	Поултри	02-04	Проверка корпоративных законов
Митинг	Эдинбург	02-04	Петиция королю о политическом покровительстве
Собрание	Ливерпуль	02-05	Выборы в парламент
Собрание	Дарем	02-05	Местные выборы
Собрание	Дувр	02-06	Выборы в парламент
Насилие	Лондон	02-06	Толпа атакует информатора
<i>Парад<sup>1</sup></i>	<i>Уэймут</i>	<i>02-07</i>	<i>Выборы</i>
Митинг	Шеффилд	02-07	Собрание прихожан, церковное обложение
Насилие	Ньюбери	02-07	Толпа атаковала информатора

Тип конкурентного собрания	Место	Дата	Проблема
Демонстрация	Уэймут	02-09	Выборы
Митинг	Виндзор	02-10	Налог на повозки
Собрание толпы	Уэймут	02-11	Выборы
Собрание толпы	Лондон	02-13	Угрозы информатору
Собрание толпы	Дарем	02-13	Выборы в графстве
<i>Митинг<sup>1</sup></i>	<i>Лондон</i>	<i>02-15</i>	<i>Продавцы с лицензией против продавцов без лицензии</i>
Насилие	Азерстоун	02-16	Драка браконьеров
Митинг	Лестер	02-18	Законы о монетах
Собрание	Уэймут	02-18	Празднование победы на выборах
Митинг	Мэрилебон	02-20	Приходские налоги
Насилие	Скарборо	02-28	Драка контрабандистов
Митинг	Шеффилд	Фев. (прибл.)	Законы о проверках и корпорациях
Митинг	Ислингтон	Фев. (прибл.)	Законы о проверках и корпорациях
Митинг	Лондон	Фев. (прибл.)	Законы о проверках и корпорациях
Митинг	Хонитон	Фев. (прибл.)	Законы о проверках и корпорациях
Митинг	Дорчестер	Фев. (прибл.)	Законы о проверках и корпорациях
Митинг	Манчестер	Фев. (прибл.)	Гербовые сборы

<sup>1</sup> Отчеты об этом событии приводятся ниже.

--	--	--	--	--	--	--	--

Дата заполнения 01-06 1977

( ) Швейцер  
(\*) Лорд ( ) Гест  
( ) Келли ( ) Санчес  
( ) Грей ( ) Стюарт  
( ) Жикка ( ) Блумингдейл  
( ) Шор ( ) Тейшейра  
( ) Берк ( ) Петерсон

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ — ОБЛОЖКА СОБЫТИЯ

( ) LONDON TIMES стр. 3 колонка 2 Верх Середина  
(\*) MORNING CHRONICLE дата 02-11-1828 день Пн Низ ( ) Берк ( ) Петерсон

Первая строка: ВЕЙМУТ

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ: ОТМЕТЬТЕ ВСЕ ПРИМЕНИМЫЕ (см. замечание 6)

(1) НАСИЛИЕ ( )  
ущерб собственности ( ), захват собственности, пространств, людей ( ),  
телесные повреждения ( ), угрозы вышеперечисленного ( ).

(2) ЗАСЕДАНИЯ ( )  
( ) Выборы ( ) поддержка врагов правительства  
( ) Собрание приюжан ( ) контроль местной власти/институтов  
( ) Гильдия (Liveгу) ( ) другие жалобы/недовольство  
( ) Обед ( ) сопротивление другим людям или группам  
( ) Политическая партия/клуб ( ) с неясными целями  
( ) с петицией, обращением и т.п. ( ) сообщения и просьбы (для следующих заседаний)  
( ) сопротивление правительству ( ) другие (перечислите) \_\_\_\_\_  
( ) поддержка правительства

(3-8) СБОРИЩА  
демонстрации (\*), парады ( ), собрания, толпы, агрессивные массы (обведите одно) (\*),  
собрания ( ), съезды ( ), особые празднования ( ),  
другое (перечислите) \_\_\_\_\_

(9) ДЕЛЕГАЦИИ ( )

(10) ПРОТЕСТЫ РАБОТНИКОВ ( )  
забастовка ( ), локаут ( ), комбинация либо упоминается профсоюз ( ),  
угрозы прекратить работу ( ), прекращение работ ( ), возврат к работе ( ),  
делегации рабочих ( ).

(11) СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ( )  
аресты ( ), расследования ( ), досудебные отчеты ( ), судебные решения, приказы ( ),  
приговоры, казни и т.п. ( ). Пожалуйста, отметьте выше соответствующие  
действия, которые привели к арестам или судам.

-----

Цель действия ВЫБОРЫ В ПАРЛ.

Участники ДРУЗЬЯ М-РА САГДЕНА

Число "БОЛЬШОЕ СТЕЧЕНИЕ" Лидеры М-Р САГДЕН

Дата 07 фев. 1828 Четв. Длительность (если известно) \_\_\_\_\_  
Вчера, на неделе, несколько дней назад один день или меньше, несколько дней, больше

Место "У ТРИУМФАЛЬНОЙ АРКИ", ВЕЙМУТ, \_\_\_\_\_  
Местность, гостиница, поле и т.п. деревня, город \_\_\_\_\_ церковный приход

HD

КОММЕНТАРИЙ НА ОБОРОТЕ? ( ) 4-76, Rev. 4-77 Bobbi/CML округ

**ВЕЙМУТ, пятница 8 февраля**

М-р Сагден публично прибыл в данный город вчера днем. Около пяти часов, большая толпа его друзей и почитателей собралась у триумфальной арки (почти четверть мили в длину), где они ожидали его прибытия под звуки военного оркестра. Когда карета подъехала, лошадей отвели в сторону и оркестр заиграл марш «Узрите пришествие героя-победителя», которому многие подпевали. Как только шеренги двинулись, фиолетовые огни осветили торжество и, бросая яркие лучи на собравшиеся массы и отсвечивая всполохами на поверхность залива справа, явили взор приятный и даже романтический. Карету прокатили через город под шумные приветствия фиолетовой команды; однако иногда они прерывались неприятными выкриками «синих», которым немало в этом помогли пронзительные голоса женщин и тонкие голоса детей, которые все являются преданными «синими». Собрание остановилось у отеля Льюси'з, затем м-р Сагден сошел и взобрался на кучерскую будку, чтобы обратиться к народу. «Я обещал прибыть, — сказал ученый джентльмен, — и вот я здесь [громкие аплодисменты]. Ни один “синий” не превзойдет меня в преданности жителям этого города, благополучие которых меня искренне заботит. . Если и в самом деле любовь к людям и уважение их прав — это черты каждого истинного “синего”, я немедленно встану в их ряды [бурные аплодисменты и выкрики “Давай, малый!”]. Я верю, что с вашей помощью предстоящая гонка окончится полным успехом; но каков бы ни был результат, вы можете положиться на мое торжественное обещание, что я не сдамся, пока не проголосует последний домовладелец [продолжительные аплодисменты, выкрики “Ура, выиграй парень!”] Примите мою искреннюю благодарность за теплый прием, оказанный мне этим вечером». [Последовавший за окончанием этой краткой речи рев был весьма оглушительным.] После этого М-р Сагден, принимая наилучшие пожелания, с другом пробрался ко входу в отель.

ОТ МОБИЛИЗАЦИИ К РЕВОЛЮЦИИ

--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

Дата заполнения 7 - 9 1977

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ — ОБЛОЖКА СОБЫТИЯ

( ) LONDON TIMES стр. 1 колонка 1 Верх

(\*) MORNING CHRONICLE дата 02-18-1828 день Пн Середина  
Низ

( ) Швейцер  
(\*) Лорд ( ) Гест  
( ) Келли ( ) Санчес  
( ) Грей ( ) Стюарт  
( ) Жижка ( ) Блумингдейл  
( ) Шор ( ) Тейшейра  
( ) Берк ( ) Петерсон

Первая строка: НА ВЕСЬМА МНОГОЧИСЛЕННОМ

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ: ОТМЕТЬТЕ ВСЕ ПРИМЕНИМЫЕ (см. замечание 6)

(3) НАСИЛИЕ ( )

ущерб собственности ( ), захват собственности, пространства, людей ( ),  
телесные повреждения ( ), угрозы вышеперечисленного ( ).

(4) ЗАСЕДАНИЯ (\*)

( ) Выборы	( ) поддержка врагов правительства
( ) Собрание прихожан	( ) контроль местной власти/институтов
( ) Гильдия (Livegu)	(*) другие жалобы/недовольство
( ) Обед	(*) сопротивление другим людям или группам
( ) Политическая партия/клуб	( ) с неясными целями
( ) с петицией, обращением и т.п.	(*) сообщения и просьбы (для следующих заседаний)
( ) сопротивление правительству	( ) другие (перечислите)
( ) поддержка правительства	

(3-8) СБОРИЩА

демонстрации ( ), парады ( ), собрания, толпы, агрессивные массы (обведите одно) (\*),  
собрания ( ), съезды ( ), особые празднования ( ),  
другое (перечислите)

(9) ДЕЛЕГАЦИИ ( )

(10) ПРОТЕСТЫ РАБОТНИКОВ ( )

забастовка ( ), локаут ( ), комбинация либо упоминается профсоюз ( ),  
угрозы прекратить работу ( ), прекращение работ ( ), возврат к работе ( ),  
делегации рабочих ( ).

(11) СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ( )

аресты ( ), расследования ( ), досудебные отчеты ( ), судебные решения, приказы ( ),  
приговоры, казни и т.п. ( ). Пожалуйста, отметьте выше соответствующие  
действия, которые привели к арестам или судам.

Цель действия ПРОТИВ НЕЛИЦЕНЗИРОВАННЫХ ПРОДАВЦОВ

Участники ЛИЦЕНЗИРОВАННЫЕ ВЛАДЕЛЬЦЫ ПАБОВ

Число "МНОГОЧИСЛЕННЫЕ" Лидеры Чар. БЛИДЕН

Дата Пн: 15-02-1828 Длительность (если известно)

Вчера, на неделе, несколько дней назад один день или меньше, несколько дней, больше

Место ЛОНДОН-ТАВЕРН, ЛОНДОН

Местность, гостиница, поле и т.п. деревня, город

церковный приход

МИДЛСЕКС

КОММЕНТАРИЙ НА ОБОРОТЕ? ( )

4-76, Rev. 4-77 Bobbi/CML

округ

На весьма многочисленном

СОБРАНИИ ЛИЦЕНЗИРОВАННЫХ владельцев пабов,

прошедшем в Лондон-таверн в пятницу 18 февраля 1828 года,

**ЧАРЛЬЗ БЛИДЕН**, эсквайр, был назначен председателем.

Было принято единогласно [заявление], что по мнению данного Собрания, привилегиям и бизнесу лицензированных владельцев пабов печальным образом мешает и наносит ущерб деятельность разных лиц, открывающих и организовывающих увеселительные заведения без лицензии магистрата;

что, по мнению данного Собрания, законодатель при принятии и формулировании Лицензии на иностранные вина явным образом запретил нелицензированным лицам дозволить употребление любых подакцизных товаров в своих помещениях;

что, по мнению данного Собрания, ни один индивидуум не может открывать и организовывать любые увеселительные заведения без лицензии магистрата на таковое [заведение];

что, по мнению данного Собрания, требования магистрата для заведений лицензированных владельцев вынуждают большую часть членов данного Собрания платить существенные суммы [Магистрату] и высокие арендные платежи за занимаемые ими дома, которые перестанут приносить какую-либо дополнительную прибыль по сравнению с другими сопоставимыми по площади зданиями, если любые лица смогут открывать увеселительные заведения без лицензии магистрата;

что данное Собрание, с удовлетворением одоблив прошедшие слушания под управлением Комитета, постановляет продолжить слушания Комитета по его дальнейшему усмотрению, и Комитету предоставляется право набрать дополнительных членов, которые должны сформировать четыре Районных комитета, как только это потребует;

что благодарность данного Собрания выражается Казначей и Комитету за оказанные услуги, и что Собрание просит их продолжать деятельность в этом качестве. ЧАРЛЬЗ БЛИДЕН, председатель.

И также благодарность данного Собрания выражается Чарльзу Блидену, эсквайру, за его исключительное и весьма ценное ведение к деятельности Ассоциации и за превосходное исполнение обязанностей председателя на данном Собрании.

8	2	8	0	2	0	7	0	1
---	---	---	---	---	---	---	---	---

Дата заполнения 7- 22 1977

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ – ОБЛОЖКА СОБЫТИЯ

(\*) LONDON TIMES стр. 3 колонка 3 Верх

( ) MORNING CHRONICLE дата 11-02-1828 день Пн

- Середина
- Низ
- ( ) Швейцер  
( ) Лорд (\*) Гест  
( ) Келли ( ) Санчес  
( ) Грей ( ) Стюарт  
( ) Жижка ( ) Блумингдейл  
( ) Шор ( ) Тейшейра  
( ) Бёрк ( ) Петерсон

Первая строка: ВЕЙМУТ, ПЯТНИЦА, 8 ФЕВРАЛЯ

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ: ОТМЕТЬТЕ ВСЕ ПРИМЕНИМЫЕ (см. замечание 6)

- (5) НАСИЛИЕ ( )  
ущерб собственности ( ), захват собственности, пространств, людей ( ),  
телесные повреждения ( ), угрозы вышеперечисленного ( ).
- (6) ЗАСЕДАНИЯ ( )  
( ) Выборы ( ) поддержка врагов правительства  
( ) Собрание прихожан ( ) контроль местной власти/институтов  
( ) Гильдия (Livery) ( ) другие жалобы/недовольство  
( ) Обед ( ) сопротивление другим людям или группам  
( ) Политическая партия/клуб ( ) с неясными целями  
( ) с петицией, обращением и т.п. ( ) сообщения и просьбы (для следующих заседаний)  
( ) сопротивление правительству ( ) другие (перечислите)  
( ) поддержка правительства
- (3-8) СБОРИЩА  
демонстрации (\*), парады ( ), собрания, толпы, агрессивные массы(обведите одно) (\*),  
собрания ( ), съезды ( ), особые празднования ( ),  
другое (перечислите)
- (9) ДЕЛЕГАЦИИ ( )
- (10) ПРОТЕСТЫ РАБОТНИКОВ ( )  
забастовка ( ), локаут ( ), комбинация либо упоминается профсоюз ( ),  
угрозы прекратить работу ( ), прекращение работ ( ), возврат к работе ( ),  
делегации рабочих ( ).
- (11) СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ( )  
аресты ( ), расследования ( ), досудебные отчеты( ), судебные решения, приказы ( ),  
приговоры, казни и т.п. ( ). Пожалуйста, отметьте выше соответствующие  
действия, которые привели к арестам или судам.

Цель действия ОБРАЩЕНИЕ К ДОМОВЛАДЕЛЬЦАМ НА ВЫБОРАХ

Участники ДРУЗЬЯ М-РА САГДЕНА

Число HD Лидеры

Дата 07-02-1828 Длительность (если известно)

Вчера, на неделе, несколько дней назад один день или меньше, несколько дней, больше

Место HD ВЕЙМУТ

Местность, гостиница, поле и т.п. деревня, город церковный приход

КОММЕНТАРИЙ НА ОБОРОТЕ? ( )

4-76, Rev. 4-77 Bobbi/CML

округ

ВЕЙМУТ, пятница 8 февраля

М-р Сагден публично прибыл в данный город вчера днем. Около пяти часов большая толпа его друзей и почитателей собралась у триумфальной арки (почти четверть мили в длину), где они ожидали его прибытия под звуки военного оркестра. Когда карета подъехала, лошадей отвели в сторону и оркестр заиграл марш «Узрите пришествие героя-победителя», которому многие подпевали. Как только шеренги двинулись, фиолетовые огни осветили торжество и, бросая яркие лучи на собравшиеся массы и отсвечивая всполохами на поверхность залива справа, явили взор приятный и даже романтический. Карету прокатили через город под шумные приветствия фиолетовой команды; однако иногда они прерывались неприятными выкриками «синих», которым немало в этом помогли пронзительные голоса женщин и тонкие голоса детей, которые все являются преданными «синими». Собрание остановилось у отеля Льюси'з, затем м-р Сагден сошел и взобрался на кучерскую будку, чтобы обратиться к народу. «Я обещал прибыть, — сказал ученый джентльмен, — и вот я здесь. (Громкие аплодисменты.) Ни один “синий” не превзойдет меня в преданности жителям этого города, благополучие которых меня искренне заботит. Если и в самом деле любовь к людям и уважение их прав — это черты каждого истинного “синего”, я немедленно встану в их ряды. (Бурные аплодисменты и выкрики “Давай, малый!”) Я верю, что с вашей помощью предстоящая гонка окончится полным успехом; но каков бы ни был результат, вы можете положиться на моё торжественное обещание, что я не сдамся, пока не проголосует последний домовладелец. (Продолжительные аплодисменты, выкрики “Ура, выиграй парень!”) Примите мою искреннюю благодарность за теплый прием, оказанный мне этим вечером». Последовавший за окончанием этой краткой речи рёв был весьма оглушительным. После этого М-р Сагден, принимая наилучшие пожелания, с другом пробрался ко входу в отель.

Вечером ученый джентльмен снова обратился к своим сторонникам; поблагодарив их за усердие и помощь и вновь высказав надежду на благополучный исход, он попросил их соблюдать мир и порядок и не вредить своему делу неповиновением и беспорядками. Тем же вечером такое-же мнение пылко высказал майор Вейланд; однако хотя мы страстно желаем, чтобы их усилия увенчались успехом, я по-прежнему опасаясь повторения случаев насилия и беззакония, которыми омрачились прошлые выборы.

8	2	8	0	2	0	7	0	1
---	---	---	---	---	---	---	---	---

Дата заполнения 4-16 1977

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ - ОБЛОЖКА СОБЫТИЯ

(\*) LONDON TIMES стр. 3 колонка 3 Верх

( ) MORNING CHRONICLE дата 02-11-1828 день Пн Середина Низ

- ( ) Швейцер
- ( ) Лорд ( ) Гест
- ( ) Келли ( ) Санчес
- (\*) Грей ( ) Стюарт
- ( ) Жижка ( ) Блумингдейл
- ( ) Шор ( ) Тейшейра
- ( ) Бёрк ( ) Петерсон

Первая строка: ВЕЙМУТ, ПЯТНИЦА, 8 ФЕВ

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ: ОТМЕТЬТЕ ВСЕ ПРИМЕНИМЫЕ (см. замечание 6)

- (7) НАСИЛИЕ ( )
  - ущерб собственности ( ), захват собственности, пространств, людей ( ),
  - телесные повреждения ( ), угрозы вышеперечисленного ( ).
- (8) ЗАСЕДАНИЯ ( )
  - ( ) Выборы ( ) поддержка врагов правительства
  - ( ) Собрание прихожан ( ) контроль местной власти/институтов
  - ( ) Гильдия (Livery) ( ) другие жалобы/недовольство
  - ( ) Обед ( ) сопротивление другим людям или группам
  - ( ) Политическая партия/клуб ( ) с неясными целями
  - ( ) с петицией, обращением и т.п. ( ) сообщения и просьбы (для следующих заседаний)
  - ( ) сопротивление правительству ( ) другие (перечислите)
  - ( ) поддержка правительства
- (3-8) СБОРИЩА
  - демонстрации ( ), парады ( ), сборища, толпы, агрессивные массы(обведите одно) (\*),
  - собрания (\*), съезды ( ), особые празднования ( ),
  - другие (перечислите)
- (9) ДЕЛЕГАЦИИ ( )
- (10) ПРОТЕСТЫ РАБОТНИКОВ ( )
  - забастовка ( ), локаут ( ), комбинация либо упоминается профсоюз ( ),
  - угрозы прекратить работу ( ), прекращение работ ( ), возврат к работе ( ),
  - делегации рабочих ( ).
- (11) СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ( )
  - аресты ( ), расследования ( ), досудебные отчеты( ), судебные решения, приказы ( ),
  - приговоры, казни и т.п. ( ). Пожалуйста, отметьте выше соответствующие
  - действия, которые привели к арестам или судам.

-----

Цель действия ВСТРЕЧА М-РА САГДЕНА

Участники ДРУЗЬЯ И ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

Число БОЛЬШОЕ СБОРИЩЕ Лидеры НД

Дата ПЯТНИЦА 02-08 Длительность (если известно)

Вчера, на неделе, несколько дней назад один день или меньше, несколько дней, больше

Место ВЕЙМУТ, церковный приход

Местность, гостиница, поле и т.п. деревня, город

КОММЕНТАРИЙ НА ОБОРОТЕ? (\*), 4-76, Rev. 4-77 Bobbi/CML округ

ВЕЙМУТ, пятница 8 февраля

М-р Сагден публично прибыл в данный город вчера днем. Около пяти часов, большая толпа его друзей и почитателей собралась у триумфальной арки (почти четверть мили в длину), где они ожидали его прибытия под звуки военного оркестра. Когда карета подъехала, лошадей отвели в сторону и оркестр заиграл марш «Узрите пришествие героя-победителя», которому многие подпевали. Как только шеренги двинулись, фиолетовые огни осветили торжество и, бросая яркие лучи на собравшиеся массы и отсвечивая всполохами на поверхность залива справа, явили взор приятный и даже романтический. Карету прокатили через город под шумные приветствия фиолетовой команды; однако иногда они прерывались неприятными выкриками «синих», которым немало в этом помогли пронзительные голоса женщин и тонкие голоса детей, которые все являются преданными «синими». Собрание остановилось у отеля Люиси'з, затем м-р Сагден сошел и взобрался на кучерскую будку, чтобы обратиться к народу. «Я обещал прибыть, — сказал ученый джентльмен, — и вот я здесь. (Громкие аплодисменты.) Ни один “синий” не превзойдет меня в преданности жителям этого города, благополучие которых меня искренне заботит. Если и в самом деле любовь к людям и уважение их прав — это черты каждого истинного “синего”, я немедленно встану в их ряды. (Бурные аплодисменты и выкрики “Давай, малый!”) Я верю, что с вашей помощью предстоящая гонка окончится полным успехом; но каков бы ни был результат, вы можете положиться на мое торжественное обещание, что я не сдамся, пока не проголосует последний домовладелец. (Продолжительные аплодисменты, выкрики “Ура, выиграй парень!”) Примите мою искреннюю благодарность за теплый прием, оказанный мне этим вечером». Последовавший за окончанием этой краткой речи рев был весьма оглушительным. После этого М-р Сагден, принимая наилучшие пожелания, с другом пробрался ко входу в отель.

Вечером ученый джентльмен снова обратился к своим сторонникам; поблагодарив их за усердие и помощь и вновь высказав надежду на благополучный исход, он попросил их соблюдать мир и порядок и не вредить своему делу неповиновением и беспорядками. Тем же вечером такое-же мнение пылко высказал майор Вейланд; однако хотя мы страстно желаем, чтобы их усилия увенчались успехом, я по-прежнему опасаясь повторения случаев насилия и беззакония, которыми омрачились прошлые выборы.

--	--	--	--	--	--	--	--

Дата заполнения 6 - 29 1977

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ — ОБЛОЖКА СОБЫТИЯ

(\*) LONDON TIMES стр. 1 колонка 2 Верх

( ) MORNING CHRONICLE дата 02-18-1828 день Пн Средин

- (\*) Швейцер  
( ) Лорд ( ) Гест  
( ) Келли ( ) Санчес  
( ) Грей ( ) Стюарт  
( ) Жижка ( ) Блумингдейл  
( ) Шор ( ) Тейшейра  
( ) Бёрк ( ) Петерсон

Первая строка: НА ВЕСЬМА МНОГОЧИСЛЕННОМ СОБРАНИИ

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ: ОТМЕТЬТЕ ВСЕ ПРИМЕНИМЫЕ (см. замечание 6)

- (9) НАСИЛИЕ ( )  
ущерб собственности ( ), захват собственности, пространств, людей ( ),  
телесные повреждения ( ), угрозы вышеперечисленного ( ).
- (10) ЗАСЕДАНИЯ (\*)  
( ) Выборы ( ) поддержка врагов правительства  
( ) Собрание прихожан ( ) контроль местной власти/институтов  
( ) Гильдия (Livegu) (\*) другие жалобы/недовольство  
( ) Обед (\*) сопротивление другим людям или группам  
( ) Политическая партия/клуб ( ) с неясными целями  
( ) с петицией, обращением и т.п. ( ) сообщения и просьбы (для следующих заседаний)  
( ) сопротивление правительству ( ) другие (перечислите)  
( ) поддержка правительства
- (3-8) СБОРИЩА  
демонстрации ( ), парад ( ), сборища, толпы, агрессивные массы(обведите одно) (\*),  
собрания ( ), съезды ( ), особые празднования ( ),  
другие (перечислите)
- (9) ДЕЛЕГАЦИИ ( )
- (10) ПРОТЕСТЫ РАБОТНИКОВ ( )  
забастовка ( ), локаут ( ), комбинация либо упоминается профсоюз ( ),  
угрозы прекратить работу ( ), прекращение работ ( ), возврат к работе ( ),  
делегации рабочих ( ).
- (11) СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ( )  
аресты ( ), расследования ( ), досудебные отчеты ( ), судебные решения, приказы ( ),  
приговоры, казни и т.п. ( ). Пожалуйста, отметьте выше соответствующие  
действия, которые привели к арестам или судам.

-----  
Цель действия ПРЕКРАТИТЬ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ  
Участники ЛИЦЕНЗИРОВАННЫЕ ВЛАДЕЛЬЦЫ ПАБОВ  
Число "МНОГОЧИСЛЕННЫЕ" Лидеры Чарльз БЛИДЕН  
Дата ПТ 02-15-1828 Длительность (если известно)  
Вчера, на неделе, несколько дней назад один день или меньше, несколько дней, больше  
Место ЛОНДОН-ТАВЕРН, ЛОНДОН, церковный приход  
Местность, гостиница, поле и т.п. деревня, город  
МИДЛСЕКС  
КОММЕНТАРИЙ НА ОБОРОТЕ? ( ) 4-76, Rev. 4-77 Bobbi/CML округ

**На весьма многочисленном СОБРАНИИ ЛИЦЕНЗИРОВАННЫХ владельцев пабов, прошедшем в Лондон-таверн в пятницу 18 февраля 1828 года,**

ЧАРЛЬЗ БЛИДЕН, эсквайр, был назначен председателем.

Было принято единогласно [заявление], что по мнению данного Собрания, привилегиям и бизнесу лицензированных владельцев пабов печальным образом мешает и наносит ущерб деятельность разных лиц, открывающих и организовывающих увеселительные заведения без лицензии магистрата;

что по мнению данного Собрания, законодатель при принятии и формулировании Лицензии на иностранные вина явным образом запретил нелицензированным лицам дозволять употребление любых подакцизных товаров в своих помещениях;

что по мнению данного Собрания, ни один индивидуум не может открывать и организовывать любые увеселительные заведения без лицензии магистрата на таковое [заведение];

что по мнению данного Собрания, требования магистрата для заведений лицензированных владельцев вынуждают большую часть членов данного Собрания платить существенные суммы [Магистрату] и высокие арендные платежи за занимаемые ими дома, которые перестанут приносить какую-либо дополнительную прибыль по сравнению с другими сопоставимыми по площади зданиями, если любые лица смогут открывать увеселительные заведения без лицензии магистрата;

что данное Собрание, с удовлетворением одобрив прошедшие слушания под управлением Комитета, постановляет продолжить слушания Комитета по его дальнейшему усмотрению, и Комитету предоставляется право набрать дополнительных членов, которые должны сформировать четыре Районных комитета, как только это потребуется;

что благодарность данного Собрания выражается Казначей и Комитету за оказанные услуги, и что Собрание просит их продолжать деятельность в этом качестве. ЧАРЛЬЗ БЛИДЕН, председатель.

И также благодарность данного Собрания выражается Чарльзу Блидену, эсквайру, за его исключительное и весьма ценное ведение к деятельности Ассоциации и за превосходное исполнение обязанностей председателя на данном Собрании.

# ОТ МОБИЛИЗАЦИИ К РЕВОЛЮЦИИ

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Секция событий

Бобби 5-77 Форма 76-03

КОДИРОВЩИК

День недели

Номер (9 цифр)

--	--	--	--	--	--	--	--	--

S M T W T F S NA

Точность начальной даты: ☐ точная. пригл. в диап.

Дата окончания: ☐ та же, как нач. пригл. в диап.

Длительность: дней  НД ☐ предполож. ☐ часов  НД ☐ предполож. ☐

Тип события: ☐ беспорядки ☐ собрание ☐ сборище ☐ делегация ☐ другое

Проблема или требование:

№ кода местоположения

Место:

	/
	/
	/
	/
	/
	/
	/

Источник: ☐ MC ☐ LT ☐ GM ☐ AR ☐ HPD ☐ MOR Другой

Всего участников: от

до

Наиболее вероятно

Невозможно определить ☐

Как получено: ☐ предп. ☐ дано в сообщ. ☐ др. (перечислить)

Человеко-дней: приблизительно

погрешность ±

Человеко-часов: приблизительно

погрешность ±

Арестов во время события:

погрешность ±

Арестов после события:

погрешность ±

Раненых во время события:

погрешность ±

Убитых во время события:

погрешность ±

Сборщик

Дата / /

Кодировщик

Дата / /

Проверяющий

Дата / /

Набито

Дата / /

Закодирована секция: ☐ A ☐ B ☐ C ☐ D ☐ E ☐ F ☐ G

Общее число упомянутых формирований

Число формирований, напрямую принимавших участие в событии

Для использования кодировщиком

# ПРИЛОЖЕНИЕ IV. МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОБРАНИЙ

Секция формирований: заполнить один лист. Кодировщик №

	Год	Месяц	День	№	Общее число
Событие	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	формирований <input type="text"/>

Номер этого формирования	<input type="text"/>	Название этого формирования	<input type="text"/>
--------------------------	----------------------	-----------------------------	----------------------

Это формирование перекрывается с каким-то другим в этом же событии?

☐ Нет ☐ Да: С какими? Укажите номера формирований

Какова связь между этим формированием и данным Конкурентным собранием?

- ☐ Участники, выдвигающие требования
- ☐ Участники, объект требований
- ☐ Участники, как выдвигающие, так и получающие требования
- ☐ Наблюдатель, свидетель
- ☐ Действовал только до или после КС:

как?

☐ другое:

Название(я) данного формирования, указанные в описании события: ☐ отсутствуют

1 <input type="text"/>	4 <input type="text"/>
2 <input type="text"/>	5 <input type="text"/>
3 <input type="text"/>	6 <input type="text"/>

Если описание содержит имена отдельных участников формирования, укажите их:

1 <input type="text"/>	6 <input type="text"/>
2 <input type="text"/>	7 <input type="text"/>
3 <input type="text"/>	8 <input type="text"/>
4 <input type="text"/>	9 <input type="text"/>
5 <input type="text"/>	10 <input type="text"/>

☐ Отсутствуют

## ОТ МОБИЛИЗАЦИИ К РЕВОЛЮЦИИ

Имена отдельных участников (продолжение):

11	<input type="text"/>	16	<input type="text"/>
12	<input type="text"/>	17	<input type="text"/>
13	<input type="text"/>	18	<input type="text"/>
14	<input type="text"/>	19	<input type="text"/>
15	<input type="text"/>	20	<input type="text"/>

Если больше 20 имен, используйте другую страницу.

Обычное местонахождение данного формирования:

☐ информация отсутствует, предположить невозможно.

<input type="text"/> конкретное место	<input type="text"/> город
<input type="text"/> приход	<input type="text"/> графство

☐ другое  для предположений используйте скобки.

Слова в описании, указывающие на географический охват этого формирования:

☐ отсутствуют

1	<input type="text"/>	3	<input type="text"/>
2	<input type="text"/>	4	<input type="text"/>

Описание содержит число (точное или приблизительное) для данного формирования?

☐ Нет

☐ Да

☐ Да, несколько сообщений

## ПРИЛОЖЕНИЕ IV. МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОБРАНИЙ

Ваша оценка числа участников данного формирования:

от

до

Наиболее вероятно

Невозможно определить ☐

Источник (и) для предположения:

☐ нет предположений ☐ число в тексте

☐ слова в тексте

☐ подразумевается как?

Ваша оценка количества человеко-дней для данного формирования:

00 = невозможно  
определить  
01 = КС длилось  
менее 1 дня

Ваша оценка количества человеко-часов для данного формирования:

00 = невозможно  
определить  
01 = КС длилось  
менее 1 часа

Источник для оценки:

☐ невозможно определить (указать 00,00 выше)

☐ число в тексте

☐ слова в тексте

☐ подразумевается как?

☐ даты в тексте указывают, что менее одного дня, количество часов НД:

указать 00,00 выше.

Сколько участников данного формирования было:

Основания для предположительной оценки:

	Число	Нет данных	Никто	Текст	Подра- зумеается	Источник
Арестовано:	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Ранено:	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Убито:	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>

Другие слова в сообщении, описывающие данное формирование: ☐ Отсутствуют


## ОТ МОБИЛИЗАЦИИ К РЕВОЛЮЦИИ

### СЕКЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

1. Название источника

Ссылка:      дата                      
                                  месяц    день    год    стр.    кол.  
  
                                                
                                  верх    серед.    низ    номер тома (если необходимо)

Тип сообщения:

- ☐ редакторская статья/письмо в газете    ☐ судебный (прокурорский) отчет  
☐ реклама или заметка    ☐ парламентский отчет  
☐ рассказ свидетеля    ☐ статья  
☐ сообщение в другой газете    ☐ другое

Название списка  Список

2. Название источника

Ссылка:      дата                      
                                  месяц    день    год    стр.    кол.  
  
                                                
                                  верх    серед.    низ    номер тома (если необходимо)

Тип сообщения:

- ☐ редакторская статья/письмо в газете    ☐ судебный (прокурорский) отчет  
☐ реклама или заметка    ☐ парламентский отчет  
☐ рассказ свидетеля    ☐ статья  
☐ сообщение в другой газете    ☐ другое

Название списка  Список

Дополнительные материалы, относящиеся к данному событию в общем или частности:

- ☐ диссертация    ☐ отсутствуют  
☐ доклад на тему: укажите название   
☐ книга: укажите название   
☐ другое: укажите

Комментарии

☐ Отсутствуют

## ПРИЛОЖЕНИЕ IV. МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОБРАНИЙ

СЕКЦИЯ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ: Заполните секцию для каждого места, где было событие.

1. Местность	А)
Укажите приход и затем графство.	
Точное место	Б)
2. Местность	А)
Укажите приход и затем графство.	
Точное место	Б)
3. Местность	А)
Укажите приход и затем графство.	
Точное место	Б)
4. Местность	А)
Укажите приход и затем графство.	
Точное место	Б)
5. Местность	А)
Укажите приход и затем графство.	
Точное место	Б)
6. Местность	А)
Укажите приход и затем графство.	
Точное место	Б)

## ОТ МОБИЛИЗАЦИИ К РЕВОЛЮЦИИ

ИВВ/ККС

СЕКЦИЯ КОММЕНТАРИЕВ (используйте только одно поле для каждого комментария)

1) Местоположение, секция (буква) \_\_\_\_\_ пункт № \_\_\_\_\_

2) Местоположение, секция (буква) \_\_\_\_\_ пункт № \_\_\_\_\_

3) Местоположение, секция (буква) \_\_\_\_\_ пункт № \_\_\_\_\_

## ПРИЛОЖЕНИЕ IV. МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОБРАНИЙ

ИВЕ/ККС

ИНФОРМАЦИЯ О КОДИРОВАНИИ.

1) Имя кодировщика: \_\_\_\_\_ 2) № кодировщика: \_\_\_\_\_

3) Дата кодирования: \_\_\_\_\_

4) Общие комментарии по кодированию этого события:

1) Имя проверяющего: \_\_\_\_\_ 2) № проверяющего: \_\_\_\_\_

4) Общие комментарии о проверке:

# Библиография<sup>1</sup>

## РАБОТЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ<sup>1</sup>

- Арендт Х.* О революции. М.: Европа, 2011.
- Арендт Х.* О насилии. М.: Новое издательство, 2014.
- Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. I–III. М.: Языки славянской культуры, 2002–2003.
- Бьюкенен Дж., Талло Г.* Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии // Бьюкенен Дж. Соч. М.: Таурус Альфа, 1997.
- Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Т. 1. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016.
- Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют? СПб.: Питер, 2005.
- Дюверже М.* Политические партии. М.: Академический Проект, 2000.
- Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.
- Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд. СПб.: Союз, 1998.
- Ленин В.И.* Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. М.: ГИЗ политической литературы, 1963. С. 1–192.
- Ленин В.И.* Ценные признания Питирима Сорокина // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. М.: ГИЗ политической литературы, 1969.
- Льюкс С.* Власть: Радикальный взгляд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010.
- Люблинская А.Д.* Французский абсолютизм в первой трети XVII века. М.; Л.: Наука, 1965.
- Мао Цзедун.* Довести революцию до конца // Мао Цзедун. Избранные произведения. Т. 4. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1969. С. 367.
- Мао Цзедун.* Избранные произведения: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. лит., 1952.
- Маркс К.* Капитал. М.: ГИЗ политической литературы. Т. 3. 1955.
- Маркс К.* Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: ГИЗ политической литературы, 1956. Т. 7. С. 5–110.
- Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: ГИЗ политической литературы, 1957. Т. 8. С. 115–217.

---

<sup>1</sup> Библиография разделена на восемь разделов, соответствующих восьми главам книги. В каждом разделе вы найдете описания работ, процитированных в соответствующих главах, некоторые дополнительные материалы и литературу для дальнейшего чтения. В русском издании в самом начале дан список опубликованных в России переведенных трудов зарубежных авторов.

- Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: ГИЗ политической литературы, 1960. Т. 17. С. 317–370.
- Милль Дж.С. Рассуждения о представительном правлении. Челябинск: Социум, 2006.
- Мур-мл. Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016.
- Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение. М.: Наука, 1970.
- Олсон М. Логика коллективных действий. М.: ФЭИ, 1995.
- Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1948.
- Руде Дж. Народные низы в истории. 1730–1848. М.: Прогресс, 1984.
- Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.
- Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры: народное движение и революционное правительство, 2 июня 1793 года — 9 термидора II года. М.: Прогресс, 1966.
- Сорель Ж. Размышления о насилии. М.: Фаланстер, 2013.
- Сорокин П. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.
- Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2009.
- Токвиль А. де. Старый порядок и революция. 6-е изд. М.: ИД «Социум», 2017. (Библиотека ГВЛ).
- Троцкий Л. История русской революции. М.: Терра, 1997.
- Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
- Хиришман А.О. Выход, голос и верность: реакция на упадок фирм, организаций и государств. М.: Новое издательство, 2009.
- Эрроу К.Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004.
- Юм Д. Эссе // Юм Д. Малые произведения. М.: Канон, 1996. С. 7–180.

## ГЛАВА 1. ВВОДНАЯ

- Carden M.L. The New Feminist Movement. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1974.
- Clark S.D., Grayson L.P., Grayson L.M. (eds). Prophecy and Protest: Social Movements in Twentieth-Century Canada. Toronto: Gage, 1975.
- Coleman J.S. The Mathematics of Collective Action. Chicago: Aldine, 1973.
- Feuer L.S. The Conflict of Generations: The Character and Significance of Student Movements. N.Y.: Basic Books, 1969.
- Hume D. Essays. Moral, Political and Literary. 2 vols. L.: Longmans, Green, 1875 [1740].
- Klapp O.E. Collective Search for Identity. N.Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1969.
- Kriesberg L. The Sociology of Social Conflict. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1973.
- Kuczynski J. The Rise of the Working Class. N.Y.: McGraw-Hill, 1967.
- Landsberger H.A. (ed.). Rural Protest: Peasant Movements and Social Change. L.: Macmillan, 1974.
- Lipset S.M. Revolution and Counter-Revolution: Change and Persistence in Social Structures. Rev. ed. Garden City; N.Y.: Doubleday Anchor, 1970.
- Macpherson C.B. The Political Theory of Possessive Individualism. Oxford: Clarendon Press, 1962.
- Mann M. Consciousness and Action among the Western Working Class. L.: Macmillan, 1973.
- Mühlmann W.E. Chiliasmus und Nativismus. Berlin: Dietrich Reimer, 1961.

- Nordunger E.A.* Conflict Regulation / Occasional Papers in International Affairs. Divided Societies; Cambridge, Mass.: Harvard University Center for International Affairs. 1972. No. 29.
- Ohngren B.* Folk i rörelse. Samhällsutveckling, flyttningsmönster och folkrörelser i Eskilstuna 1870–1900 // *Studia Historica Upsaliensia*. Uppsala, Sweden: Almqvist & Wiksell, 1974. No. 55.
- Pereira de Q., Isaura M.* Réforme et révolution dans les sociétés traditionnelles. Historie et ethnologie des mouvements messianiques. Paris: Anthropos, 1968.
- Pickvance C.G.* On the Study of Urban Social Movements // *Sociological Review*. 1975. Vol. 23. P. 29–49.
- Ranulf S.* Moral Indignation and Middle Class Psychology. N.Y.: Schocken, 1964 [1938].
- National Advisory Commission on Civil Disorders / Report. Washington: U. S. Government Printing Office. Known informally as «The Kerner Report». 1968.
- Richardson L.F.* Statistics of Deadly Quarrels. Pittsburgh: Boxwood Press, 1960.
- Ridker R.* Discontent and Economic Growth // *Economic Development and Cultural Change*. 1962. Vol. 10. P. 1–15.
- Rosenau J.N.* (ed.). International Aspects of Civil Strife. Princeton: Princeton University Press, 1964.
- Schwartz M.* Radical Protest and Social Structure. N.Y.: Academic Press, 1976.
- Sharp G.* The Politics of Nonviolent Action. Boston: Porter Sargent, 1973.
- Smith A.* The Wealth of Nations. 2 vols. L.: J.M. Dent, 1910 [1776].
- Spielberg J., Whiteford S.* (eds). Forging Nations: A Comparative View of Rural Ferment and Revoit. East Lansing: Michigan State University Press, 1976.
- Thompson E.P.* The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // Past and Present. 1971. Vol. 50. P. 76–136.
- Tilly Ch.* Do Communities Act? // *Sociological Inquiry*. 1974. Vol. 43. P. 209–240.
- Tilly R.* Popular Disorders in Nineteenth Century Germany: A Pre-luminary Survey // *Journal of Social History*. 1970. Vol. 4. P. 1–40.
- Wallace A.F.C.* Revitalization Movements // *American Anthropologist*. 1956. Vol. 58. P. 264–281.
- Webb S., Webb B.* English Poor Law Library. Part 1: The Old Poor Law. Vol. I of English Local Government. Hamden, Connecticut: Archon Books, 1963 [1927].

## ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ И ПОДХОДЫ К КОЛЛЕКТИВНОМУ ДЕЙСТВИЮ

- Alberoni F.* Statu nascenti. Studi sui processi collettivi. Bologna: Il Mulino, 1968.
- Allan G.* A Theory of Millennialism: The Irvingite Movement as an Illustration // *The British Journal of Sociology*. 1974. Vol. 25. P. 296–311.
- Anderson B.* Revitalization Movements: An Essay on Structure and Ideology in a Class of Exclusive Underdog Systems // *Acta Universitatis Upsaliensis*. 1968. Vol. 17. P. 347–375.
- Arrow K.J.* Social Choice and Individual Values. 2nd ed. N.Y.: Wiley, 1963.
- Ash R.* Social Movements in America. Chicago: Markham, 1972.
- Ashenfelter O., Johnson G.E.* Bargaining Theory, Trade Union and Industrial Strike Activity // *American Economic Review*. 1969. Vol. 59. P. 35–49.
- Banks J.A.* Marxist Sociology in Action. A Sociological Critique of the Marxist Approach to Industrial Relations. L.: Faber & Faber, 1970.
- Berk R.A.* A Gaming Approach to Crowd Behavior // *American Sociological Review*. 1974. Vol. 39. P. 355–373.
- Boulding K.E.* Conflict and Defense. A General Theory. N.Y.: Harper & Row, 1962.
- Breton A., Breton R.* An Economic Theory of Social Movements // *American Economic Review, Papers and Proceedings*. 1969. Vol. 59. P. 198–205.

- Buchanan J.M., Tullock C.* The Calculus of Consent. Logical Foundations of Constitutional Democracy. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962.
- Chevalier L.* Classes laborieuses et classes dangereuses à Paris pendant la première moitié du XIXe siècle. Paris: Plon, 1958.
- Cobb R.* Les armées révolutionnaires, instrument de la Terreur dans les départements. 2 vols. Paris: Mouton, 1961–1963.
- Cobb R.* Terreur et subsistances, 1793–1795. Paris: Clavreuil, 1964.
- Cobb R.* The Police and the People. French Popular Protest, 1789–1820. Oxford: Clarendon Press, 1970.
- Coleman J.S.* The Mathematics of Collective Action. Chicago: Aldine, 1973.
- Coleman J.S.* Power and the Structure of Society. N.Y.: W.W. Norton, 1974.
- Cooper M.N.* A Reinterpretation of the Causes of Turmoil: The Effects of Culture and Modernity // Comparative Political Studies. 1974. Vol. 7. P. 267–291.
- Daumard A.* La bourgeoisie parisienne de 1815 à 1848. Paris: SEVPEN, 1963.
- Duncan G.* Marx and Mill. Two Views of Social Conflict and Social Harmony. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
- Durham W.H.* Resource Competition and Human Aggression, Part I: A Review of Primitive War // Quarterly Review of Biology. 1976. Vol. 51. P. 385–415.
- Durkheim E.* The Division of Labor in Society. N.Y.: Macmillan, 1933.
- Durkheim E.* Suicide. A Study in Sociology. Glencoe, Ill.: Free Press, 1951.
- Durkheim E.* The Elementary Forms of the Religious Life. N.Y.: Collier Books, 1961.
- Feldman A., Kirman A.* Fairness and Envy // American Economic Review. 1974. Vol. 59. P. 995–1005.
- Fireman B., Gamson W.A.* Utilitarian Logic in the Resource Mobilization Perspective / Working Paper 153. Center for Research on Social Organization, University of Michigan, 1977.
- Fishburn P.* Mathematics of Decision Theory. The Hague: Mouton, 1973.
- Foster J.* Class Struggle and the Industrial Revolution. Early Industrial Capitalism in Three Towns. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1974.
- Frolich N., Oppenheimer L.A., Young O.R.* Political Leadership and Collective Goods. Princeton: Princeton University Press, 1971.
- Frolich N. et al.* Individual Contributions for Collective Goods // Journal of Conflict Resolution. 1975. Vol. 19. P. 310–329.
- Furet F.* Pour une définition des classes inférieures à l'époque moderne // Annales; Economies, Sociétés, Civilisations. 1963. Vol. 18. P. 459–474.
- Furet F., Mazauric C., Bergeron L.* Les sans-culottes et la Révolution française // Annales. Economies, Sociétés, Civilisations. 1963. Vol. 18. P. 1098–1127.
- Gossez R.* Les Ouvriers de Paris. I. L'Organisation, 1848–1851. La Roche-sur-Yon: Imprimerie Centrale de l'Ouest, 1967.
- Gurr T.R.* A Causal Model of Civil Strife: A Comparative Analysis Using New Indices // American Political Science Review. 1968. Vol. 62. P. 1104–1124.
- Gurr T.R.* Why lei Rebel. Princeton: Princeton University Press, 1969.
- Gurr T.R., Duvall R.* Civil Conflict in the 1960s: A Reciprocal System with Parameter Estimates // Comparative Political Studies. 1973. Vol. 6. P. 135–169.
- Gusfield J.R.* Symbolic Crusade. Status Politics and the American Temperance Movement. Urbana: University of Illinois Press, 1966.
- Hauser P.* The Social, Economic and Technological Problems of Rapid Urbanization // Industrialization and Society / ed. by B. Hoselitz, W. Moore. The Hague: Mouton for UNESCO, 1963.
- Hibbs D.A., Jr.* Mass Political Violence. A Cross-National Causal Analysis. N.Y.: Wiley, 1973.
- Hirschman A.O.* Exit, Voice and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge: Harvard University Press, 1970.
- Hobsbawm E.J., Rudé G.* Captain Swing. L.: Lawrence & Wishart, 1969.
- Holsti K.J.* Underdevelopment and the 'Gap' Theories of International Conflict // American Political Science Review. 1975. Vol. 69. P. 827–839.

- Huntington S.P.* Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968.
- Johnson Ch.* Revolutionary Change. Boston: Little, Brown, 1966.
- Kramer G.H., Hertzberg J.E.* Formal Theory // Handbook of Political Science / ed. by F.I. Greenstein, N. Polsby. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1975. Vol. 7.
- Lefebvre G.* Les paysans du Nord pendant la Révolution française. Lille: Robbe, 1924.
- Lefebvre G.* Etudes orléanaises. 2 vols. Paris: Commission d'Histoire Economique et Sociale de la Révolution, 1962–1963.
- Lowy M.* La théorie de la révolution chez le jeune Marx. Paris: Maspéro, 1970.
- Marx G.T., Wood J.L.* Strands of Theory and Research in Collective Behavior // Annual Review of Sociology, I. Beverly Hills, California: Sage, 1975.
- Marx K.* The Civil Wars in France. N.Y.: International Publishers, 1935.
- Marx K.* The Class Struggles in France, 1848–1850; The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte // K. Marx, F. Engels. Selected Works. M.: Foreign Languages Publishing House, 1958.
- McCarthy J.D., Zald M.N.* The Trend of Social Movements in America: Professionalization and Resource Mobilization. Morristown, N.J.: General Learning Corporation, 1973.
- McPhail C.* Civil Disorder Participation: A Critical Examination of Recent Research // American Sociological Review. 1971. Vol. 36. P. 1058–1073.
- Mill J.S.* Utilitarianism, Liberty, and Repressive Government. L.: J.M. Dent, 1950.
- Moore B., Jr.* Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston: Beacon, 1966.
- Namier L.* The Structure of Politics at the Accession of George II. L.: Macmillan, 1961.
- Nelson J.* The Urban Poor: Disruption or Political Integration in Third World Cities? // World Politics. 1970. Vol. 22. P. 393–414.
- Oberschall A.* Social Conflict and Social Movements. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1973.
- O'Brien D.L.* The Public Goods Dilemma and the 'Apathy' of the Pair Toward Neighborhood Organization // Social Service Review. 1974. Vol. 48. P. 229–244.
- Olson M., Jr.* The Logic of Collective Action. Cambridge: Harvard University Press, 1965.
- Parsons T.* Durkheim's Contribution to the Theory of Integration of Social Systems // Essays on Sociology and Philosophy / ed. by K.H. Wolff. N.Y.: Harper & Row, 1960.
- Plamenatz J.* Mill's Utilitarianism, Reprinted with a Study of the English Utilitarians. Oxford: Basil Blackwell, 1949.
- Price R.* The French Second Republic. A Social History. L.: B.T. Batsford, 1972.
- Przeworski A.* Institutionalization of Voting Patterns, or Is Mobilization the Source of Decay? // American Political Science Review. 1975. Vol. 69. P. 49–67.
- Riker W.H., Ordeshook P.C.* A Theory of the Calculus of Voting // American Political Science Review. 1968. Vol. 62. P. 25–42.
- Rudé G.* The Crowd in the French Revolution. Oxford: Oxford University Press, 1959.
- Rudé G.* The Crowd in History. A Study of Popular Disturbances in France and England. 1730–1848. N.Y.: Wiley, 1964.
- Rummel R.I.* Dimensions of Conflict Behavior within Nations // Journal of Conflict Resolution. 1966. Vol. 10. P. 65–74.
- Scott M.B., Lyman S.M.* The Revolt of the Students. Columbus, Ohio: Charles E. Merrill, 1970.
- Shils E.* Political Development in the New States. The Hague: Mouton, 1962.
- Soboul A.* Les sans-culottes parisiens en l'an II. La Roche-sur-Yon: Potier, 1958.
- Taylor M.* The Theory of Collective Choice // Handbook of Political Science / ed. by F.I. Greenstein, N. Polsby. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1975. Vol. 3.
- Thompson E.P.* The Making of the English Working Class. L.: Gollancz, 1963.
- Tønnesson K.* La défaite des sans-culottes. Paris: Clavreuil, 1959.
- Turner R.H.* Types of Solidarity in the Reconstituting of Groups // Pacific Sociological Review. 1967. Vol. 10. P. 60–68.

- Useem M.* Conscript, Protest, and Social Conflict. The Life and Death of a Draft Resistance Movement. N.Y.: Wiley, 1973.
- Useem M.* Protest Movements in America. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1975.
- Neumann J. von, Morgenstern O.* Theory of Games and Economic Behavior. 2nd. ed. Princeton: Princeton University Press, 1947.
- Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. 5th ed. Tübingen, Germany: J.C.B. Mohr, 1972 (engl. transl.: Economy and Society. 3 vols / ed. by G. Roth, C. Wittich. N.Y.: Bedminster Press, 1968).
- Weller J.M., Quarantelli E.L.* Neglected Characteristics of Collective Behavior // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 79. P. 665–685.
- White L.* Rational Theories of Participation // Journal of Conflict Resolution. 1976. Vol. 20. P. 255–278.
- Wilkinson P.* Social Movement. L.: Pall Mail, 1971.
- Wilson K.L., Orum A.* Mobilizing People for Collective Political Action // Journal of Political and Military Sociology. 1976. Vol. 4. P. 187–202.
- Wolf E.* Peasant Wars of the Twentieth Century. N.Y.: Harper & Row, 1969.

### ГЛАВА 3. ИНТЕРЕСЫ, ОРГАНИЗАЦИЯ И МОБИЛИЗАЦИЯ

- Agulhon M.* La sociabilité méridionale. 2 vols. Aix-en-Provence: La Pensée Universitaire, 1966.
- Alapuro R.* On the Political Mobilization of the Agrarian Population in Finland: Problems and Hypotheses // Scandinavian Political Studies. 1976. Vol. 11. P. 51–76.
- Aminzade R.* Revolution and Collective Political Violence: The Case of the Working Class of Marseille, France, 1830–1871 / Working Paper 86. Center for Research on Social Organization, University of Michigan. 1973.
- Cameron D.R.* Toward a Theory of Political Mobilization // Journal of Politics. 1974. Vol. 36. P. 138–171.
- Coin N.* The Pursuit of the Millennium. Fairlawn, N.J.: Essential Books, 1957.
- Dahl R.A.* The American Oppositions: Affirmation and Denial // Political Oppositions in Western Democracies / ed. by R.A. Dahl. New Haven: Yale University Press, 1966 (cited from paperback edition).
- Deutsch K.* Nationalism and Social Communication. Cambridge: MIT Press, 1953.
- Dowe D.* Aktion und Organisation. Arbeiterbewegung, sozialistische und kommunistische Bewegung in der preussischen Rheinprovinz 1820–1852. Hannover: Verlag für Literatur und Zeitgeschichte, 1970.
- Edmonson M.S.* Status Terminology and the Social Structure of North American Indians. Seattle: University of Washington Press, 1958.
- Etzioni A.* The Active Society. N.Y.: Free Press, 1968.
- Fiaz M.* Interindustry Propensity to Strike in France, 1891 to 1930 / Unpublished Ph.D. dissertation in sociology. University of Toronto. 1973.
- Fireman B. et al.* Catalyzing Rebellion: An Introduction to the Mobilization in Miniature Project / Working Paper 138. Center for Research on Social Organization, University of Michigan, 1976.
- Gamson W.A.* Power and Discontent. Homewood, Ill.: Dorsey, 1968a.
- Gamson W.A.* Stable Unrepresentation in American Society // American Behavioral Scientist. 1968b. Vol. 12. P. 15–21.
- Gamson W.A.* The Strategy of Social Protest. Homewood, Ill.: Dorsey, 1975.
- Geschwender B.A., Geschwender J.A.* Relative Deprivation and Participation in the Civil Rights Movement // Social Science Quarterly. 1973. Vol. 54. P. 403–411.
- Gurr T.R.* Why Men Rebel. Princeton: Princeton University Press, 1969.
- Hanagan M.* The Logic of Solidarity: Social Structure in a French Town // Journal of Urban History. 1976 (forthcoming).
- Hirschman A.O.* Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge: Harvard University Press, 1970.

- Jacobson A.* Some Theoretical and Methodological Considerations for Measuring Intra-societal Conflict // *Sociological Methods and Research*. 1973. No. 1. P. 439–461.
- Kanter R.M.* Commitment and Community. Communes and Utopias in Sociological Perspective. Cambridge: Harvard University Press, 1972.
- Kerr C., Siegel A.* The Inter-Industry Propensity to Strike // *A. Kornhauser et al. Industrial Conflict*. N.Y.: Wiley, 1954.
- Kornhauser W.* The Politics of Mass Society. Glencoe, Ill.: Free Press, 1959.
- Kriegel A.* La Croissance de la C. G. T., 1918–1921: Essai Statistique. Paris: Mouton, 1966.
- Kuhnle S.* Social Mobilization and Political Participation: The Nordic Countries, c. 1850–1870. Bergen: Institute of Sociology, 1973.
- Laumann E.O., Pappi F.U.* Networks of Collective Action. A Perspective on Community Influence Systems. N.Y.: Academic, 1976.
- Leggett J.C.* Class, Race, and Labor: Working-Class Consciousness in Detroit. N.Y.: Oxford University Press, 1968.
- Lind J.* Foreign and Domestic Conflict: The British and Swedish Labor Movements, 1900–1950 / Unpublished Ph.D. dissertation in sociology. University of Michigan. 1973.
- Lind J.* Political Power and Collective Action: British and Swedish Labor Movements, 1900–1950 // Working Paper 100. Center for Research on Social Organization University of Michigan. 1974.
- Lipset S.M., Trow M., Coleman J.S.* Union Democracy. Glencoe, Ill.: Free Press, 1956.
- Macpherson C.B.* The Political Theory of Possessive Individualism. Oxford: Clarendon Press, 1962.
- Marx K.* Surveys from Exile. Political Writings. L.: Allen Lane, 1973. Vol. 2.
- McPhail C., Miller D.L.* The Assembling Process. A Theoretical and Empirical Examination // *American Sociological Review*. 1973. Vol. 38. P. 721–735.
- Michels R.* Political Parties. Glencoe, Ill.: Free Press, 1949 [1915].
- Morgan W.R., Clark T.N.* The Causes of Racial Disorders: A Grievance-Level Explanation // *American Sociological Review*. 1973. Vol. 38. P. 611–624.
- Nettl J.P.* Political Mobilization. A Sociological Analysis of Methods and Concepts. L.: Faber & Faber, 1967.
- Oberschall A.* Social Conflict and Social Movements. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1973.
- Olson M., Jr.* The Logic of Collective Action. Cambridge: Harvard University Press, 1965.
- Prost A.* La C. G. T. à l'époque du Front Populaire, 1934–1939: Essai de description numérique. Paris: Colin, 1964.
- Roy W.* Inter-industry Vesting of Interests in a National Polity over Time: The United States, 1886–1905 / Unpublished doctoral dissertation in Sociology. University of Michigan. 1977.
- Sewell W.* La classe ouvrière de Marseille sous la Seconde République. Structure sociale et comportement politique // *Le Mouvement Social*. 1971. Vol. 76. P. 27–66.
- Shorter E., Tilly Ch.* Strikes in France, 1830–1968. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.
- Smith A.* The Wealth of Nations. 2 vols. L.: J.M. Dent, 1910.
- Snyder D.* Determinants of Industrial Conflict: Historical Models of Strikes in France, Italy and the United States / Unpublished Ph.D. dissertation in sociology. University of Michigan. 1974.
- Snyder D., Kelly W.R.* Industrial Violence in Italy, 1878–1903 // *American Journal of Sociology*. 1976. Vol. 82. P. 131–162.
- Sorokin P.A.* Social and Cultural Dynamics. III. Fluctuation of Social Relationships, War and Revolution. N.Y.: Bedminster, 1962.
- Sugimoto Y.* Equalization and Turbulence: The Case of the American Occupation of Japan / Unpublished Ph.D. dissertation in sociology. University of Pittsburgh. 1973.

- Taylor Ch.L.* Toward an Explanation of the Rise of Political Activity among English Working Men, 1790–1850 / Unpublished paper presented to the annual meeting of the American Political Science Association. 1966.
- Tilly Ch., Tilly L., Tilly R.* The Rebellious Century, 1830–1930. Cambridge: Harvard University Press, 1975.
- Uhen L.* Gruppenbewusstsein und informelle Gruppenbildungen bei deutschen Arbeitern im Jahrhundert der Industrialisierung. Berlin: Duncker & Humblot, 1964.
- Verdery K.* Ethnicity and Local Systems: The Religious Organizations of Welshness // Regional Analysis. Vol. II: Social Systems / ed. by C.A. Smith. N.Y.: Academic, 1976.
- Volkman H.* Die Krise von 1830: Form, Ursache und Funktion des sozialen Protests im deutschen Vormärz / Unpublished Habilitationsthesis. Free University of Berlin. 1975.
- White H.* Notes on the Constituents of Social Structure / Unpublished paper. Harvard University. N.d.
- Wolf E.* Peasant Wars of the Twentieth Century. N.Y.: Harper & Row, 1969.
- Young F.W.* A Proposal for Cooperative Cross-Cultural Research on Intervillage Systems // Human Organization. 1966. Vol. 25. P. 46–50.
- Zwahr H.* Zur Strukturanalyse der sich konstituierenden deutschen Arbeiterklasse // Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung. 1976. Bd. 4. S. 605–628.

#### ГЛАВА 4. ВОЗМОЖНОСТЬ СОВМЕСТНОГО ДЕЙСТВИЯ

- Bailey F.G.* Stratagems and Spoils. Oxford: Blackwell, 1969.
- Balbus I.D.* The Concept of Interest in Pluralist and Marxist Analysis // Politics and Society. 1971. No. 1. P. 151–177.
- Beattie J.M.* The Pattern of Crime in England, 1660–1800 // Past and Present. 1974. Vol. 62. P. 47–95.
- Bossevain J.* Of Men and Marbles: Factionalism Reconsidered / Unpublished paper. European-Mediterranean study Group. University of Amsterdam, 1976.
- Bonnefous G.* Histoire politique de la Troisième République. Paris: Presses Universitaires de France, 1956. Vol. I.
- Brill H.* Why Organizers Fail. The Story of a Rent Strike. Berkeley: University of California Press, 1971.
- Chapman B.* Police State. L.: Pall Mail, 1970.
- Chazel F.* Pouvoir, cause et force // Revue française de sociologie. 1974. Vol. 15. P. 441–457.
- Connolly W.* On 'Interests' in Politics // Politics and Society. 1972. Vol. 2. P. 459–477.
- Davies J.C.* Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review. 1962. Vol. 27. P. 5–19.
- Davies J.C.* The J-Curve of Rising and Declining Satisfaction as a Cause of Some Great Revolutions and a Contained Rebellion // Violence in America / ed. by H.D. Graham, T.R. Gurr. Washington: U.S. Government Printing Office, 1969.
- Fenno R.F., Jr.* The Power of the Purse. Boston: Little, Brown, 1966.
- Gamson W.A.* Power and Discontent. Homewood, Ill.: Dorsey, 1968.
- Gamson W.A.* The Strategy of Social Protest. Homewood, Ill.: Dorsey, 1975.
- Groh D.* Negative Integration und revolutionärer Attentismus. Die deutsche Sozialdemokratie am Vorabend des ersten Weltkrieges. Frankfurt/M.: Ullstein, 1973.
- Gould J.P.* The Economics of Legal Conflicts // Journal of Legal Studies. 1973. No. 2. P. 279–300.
- Hay D.* Property, Authority and the Criminal Law // D. Hay et al. Albions Fatal Tree. Crime and Society in Eighteenth-Century England. N.Y.: Pantheon, 1975.
- Heirich M.* The Spiral of Conflict: Berkeley, 1964. N.Y.: Columbia University Press, 1971.

- Hirschman A.O.* Exit, Voice and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge: Harvard University Press, 1970.
- Jenkins C., Perrow Ch.* Protest and Power: Farm Worker Insurgency (1945–1972) / Unpublished paper. Department of Sociology. State University of New York, Stony Brook. 1974.
- Laponce J.* Canadian Party Labels: An Essay in Semantics and Anthropology // Canadian Journal of Political Science. 1969. No. 2. P. 141–157.
- Laurie B.G.* Fire Companies and Gangs in Southwark: The 1840s // The Peoples of Philadelphia. A History of Ethnic Groups and Lower-Class Life, 1790–1940 / ed. by A.F. Davis, M.H. Haller. Philadelphia: Temple University Press, 1973.
- Leites N., Wolf Ch. (Jr.)*. Rebellion and Authority. An Analytic Essay on Insurgent Conflicts. Chicago: Markham, 1970.
- Levett A.* Centralization of City Police in the Nineteenth Century United States / Unpublished Ph.D. dissertation in sociology. University of Michigan. 1974.
- Lipsky M.* Protest in City Politics: Rent Strikes, Housing and the Power of the Poor. Chicago: Rand McNally, 1970.
- Lowi T.* The Politics of Disorder. N.Y.: Basic, 1971.
- Lukes S.* Power: A Radical View. L.: Macmillan, 1974.
- Mayhew A.* A Reappraisal of the Causes of Farm Protest in the United States, 1870–1900 // Journal of Economic History. 1972. Vol. 32. P. 464–475.
- Miliband R.* The State in Capitalist Society. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1969.
- Nagel L.H.* The Descriptive Analysis of Power. New Haven: Yale University Press, 1975.
- O'Donnel G.A.* Modernización y autoritarismo. Buenos Aires: Paidiós, 1972.
- Payne J.L.* Labor and Politics in Peru. New Haven: Yale University Press, 1965.
- Pearson J.* On Watching the State and Contenders in a Parliamentary Context / Unpublished paper. Center for Research on Social Organization. University of Michigan. 1970.
- Pennings J.M.* The Relevance of the Structural-Contingency Model for Organizational Effectiveness // Administrative Science Quarterly. 1975. Vol. 20. P. 393–410.
- Penrose L.S.* The Objective Study of Crowd Behavior. L.: Lewis, 1952.
- Perrow CH.* A Framework for the Comparative Analysis of Organizations // American Sociological Review. 1967. Vol. 32. P. 194–208.
- Radzinowicz L.* A History of English Criminal Law and its Administration from 1750. IV: Grappling for Control. L.: Stevens, 1968.
- Roy W.G.* Integration of a National Business Elite: The U.S. 1890–1905 / Working Paper 120. Center for Research on Social Organization. University of Michigan. 1975.
- Rudé G.* Protest and Punishment in Nineteenth-Century Britain // Albion. 1973. Vol. 5. P. 1–23.
- Russett B.M.* Inequality and Instability: The Relation of Land Tenure to Politics // World Politics. 1964. Vol. 16. P. 442–454.
- Samaha J.* Law and Order in Historical Perspective. N.Y.: Academic, 1974.
- Shelton W.L.* English Hunger and Industrial Disorders. A Study of Social Conflict during the First Decade of George III's Reign. L.: Macmillan, 1973.
- Simon H.* Notes on the Observation and Measurement of Political Power // Models of Man, Social and Rational. N.Y.: Wiley, 1957.
- Spielman J.V.* Labor Disputes on Rights and Interests // American Economic Review. 1939. Vol. 29. P. 299–312.
- Stinchcombe A.* Social Structure and Organizations // Handbook of Organizations / ed. by J. March. Chicago: Rand McNally, 1965.
- Stinchcombe A.* Creating Efficient Industrial Administrations. N.Y.: Academic, 1974.
- Stinchcombe A.* Social Structure and Politics // Handbook of Political Science / ed. by F.I. Greenstein, N. Polsby. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1975. Vol. 3.
- Storch R.D.* The Policeman as Domestic Missionary: Urban Discipline and Popular Culture in Northern England, 1850–1880 // Journal of Social History. 1976. No. 9. P. 481–509.
- Thompson E.P.* Whigs and Hunters. The Origin of the Black Act. N.Y.: Pantheon, 1975.

- Tilly Ch., Levett A., Lodhi A.Q., Munger F.* How Policing Affected the Visibility of Crime in Nineteenth-Century Europe and America / Working Paper 115. Center for Research on Social Organization. University of Michigan. 1975.
- Tudesq A.-J.* Les Grands Notables en France. Paris: Presses Universitaires de France, 1964.
- Wickberg E.* The Taiwan Peasant Movement, 1923–1932: Chinese Rural Radicalism under Japanese Development Programs // Pacific Affairs. 1975. Vol. 48. P. 558–582.
- Wilson J.Q.* Political Organizations. N.Y.: Basic, 1973.
- Wolf E.* Peasant Wars of the Twentieth Century. N.Y.: Harper & Row, 1969.
- Yuchtman E., Seashore S.E.* A System Resource Approach to Organizational Effectiveness // American Sociological Review. 1967. Vol. 32. P. 891–903.

## ГЛАВА 5. ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМ КОЛЛЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

- Accati L.* Vive le roi sans taille et sans gabelle: una discussion sulle rivolte contadine // Quaderni Storici. 1972. Vol. 7. P. 1071–1104.
- Aguet J.-P.* Contribution à l'histoire du mouvement ouvrier français: les grèves sous la Monarchie de Juillet (1830–1847). Geneva: Droz, 1954.
- Agulhon M.* La République au village. Paris: Plon, 1970.
- Alapuro R.* Peasants, States and the Capitalist World System: A Review / Working Paper 103. Center for Research on Social Organization. University of Michigan. 1974.
- Aminzade R.* Breaking the Chains of Dependency: From Patronage to Class Politics // Journal of Urban History. 1976. No. 3. P. 485–506.
- Amsden J., Brier S.* Coal Miners on Strike: The Transformations of Strike Demands and the Formation of a National Union // Journal of Interdisciplinary History. 1977. Vol. 7. P. 583–616.
- Ashenfelter O., Johnson G.E.* Bargaining Theory, Trade Unions and Industrial Strike Activity // American Economic Review. 1969. Vol. 59. P. 35–49.
- Bendix R.* Nation-Building and Citizenship. N.Y.: Wiley, 1964.
- Bercé Y.-M.* Histoire des Croquants. 2 vols. Paris: Droz, 1974.
- Black E.C.* The Association. British Extraparliamentary Political Organization, 1769–1793. Cambridge: Harvard University Press, 1963.
- Blok A.* The Mafia of a Sicilian Village. N.Y.: Harper & Row, 1974.
- Britt D., Galle O.* Industrial Conflict and Unionization // American Sociological Review. Vol. 37. P. 46–57.
- Britt D., Galle O.* Structural Antecedents of the Shape of Strikes: A Comparative Analysis // American Sociological Review. 1974. Vol. 39. P. 642–651.
- Carter A.* Direct Action and Liberal Democracy. L.: Routledge & Kegan Paul, 1973.
- Cavalli A., Martinelli A.* Il campus diviso. Padua: Marsilio, 1971.
- Cannon J.* Parliamentary Reform, 1640–1832. Cambridge: Cambridge University Press, 1973.
- Cederqvist J.* Collective Behavior in Stockholm 1850–1910 / Unpublished Paper. University of Stockholm. 1975.
- Chirot D.* Social Change in a Peripheral Society. The Creation of a Balkan Colony. N.Y.: Academic, 1976.
- Dahl R.A.* Governments and Political Oppositions // Handbook of Political Science / ed. by F.L. Greenstein, N. Polsby. Reading, Massachusetts: Addison-Wesley, 1975. Vol. 3.
- Davis C.S.L.* The Pilgrimage of Grace Reconsidered // Past and Present. 1968. Vol. 41. P. 54–76.
- Davis C.S.L.* Révoltes populaires en Angleterre (1500–1700) // Annales. Economies, Sociétés, Civilisations. 1969. Vol. 24. P. 24–60.

- Davis N.Z.* Society and Culture in Early Modern France. Berkeley: University of California Press, 1975.
- Deutsch K.* Nationalism and Social Communication. Cambridge: MIT Press, 1953.
- Dodds M.H., Dodds R.* The Pilgrimage of Grace. 1536–1537, and the Exeter Conspiracy, 1538. Cambridge: Cambridge University Press, 1915.
- Dunabin J.P.D.* Rural Discontent in Nineteenth-Century Britain. N.Y.: Holmes & Meier, 1974.
- Dunlop J.T.* Industrial Relations Systems. N.Y.: Holt, 1958.
- Durand C., Dubois P.* La grève. Enquête sociologique. Paris: Colin, 1975.
- Duverger M.* Political Parties. N.Y.: Wiley, 1963.
- Eisenstadt S.N.* Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966.
- Eisinger P.K.* The Conditions of Protest Behavior in American Cities // American Political Science Review. 1973. Vol. 67. P. 11–68.
- Eldridge I.E.T.* Industrial Disputes: Essays in the Sociology of Industrial Relations. L.: Routledge & Kegan Paul, 1968.
- Etzioni A.* The Active Society. N.Y.: Free Press, 1968.
- Fraser D.* The Agitation for Parliamentary Reform // Popular Movements, c. 1830–1850 / ed. by J.T. Ward. L.: Macmillan, 1970.
- Gaignebet C.* Le combat de Carnaval et de Carême de P. Bruegel (1559) // Annales. Economies, Sociétés, Civilisations. 1972. Vol. 27. P. 313–345.
- Gillis J.* Youth and History. Tradition and Change in European Age Relations, 1770-present. N.Y.: Academic, 1974.
- Groh D.* La Grève de masse, arme politique de la social-démocratie allemande en 1905/1906: mais à quoi sert une épée, si elle n'a pas de poignée? // Revue belge d'histoire contemporaine. 1974. Vol. 5. P. 339–359.
- Gurr T.R.* Rogues, Rebels, and Reformers. A Political History of Urban Crime and Conflict. Beverly Hills, Cal.: Sage, 1976.
- Hanagan M.* Artisans and Industrial Workers: Work Structure, Technological Change, and Worker Militancy in Three French Towns: 1870–1914 / Unpublished Ph.D. dissertation in history. University of Michigan. 1976.
- Heers J.* Fêtes, jeux et joutes dan les sociétés d'Occident à la fin du Moyen Age. Paris: Vrin, 1971.
- Hibbs D.A., Jr.* Industrial Conflict in Advanced Industrial Societies // American Political Science Review. 1976a. Vol. 70. P. 1033–1058.
- Hibbs D.A., Jr.* Long-Run Trends in Strike Activity in Comparative Perspective / Paper C/76–18. Center for International Studies. Massachusetts Institute of Technology. 1976b.
- Hobsbawm E.J.* Primitive Rebels. Manchester: Manchester University Press, 1959.
- Hobsbawm E.J.* Peasant Land Occupations // Past and Present. 1974. Vol. 62. P. 120–152.
- Hoerder D.* People and Mobs: Crowd Action in Massachusetts during the American Revolution. 1765–1780. Berlin: Privately published, 1971.
- Ingram G.K.* Strikes and Industrial Conflict. Britain and Scandinavia. L.: Macmillan, 1974.
- Kaelble H., Volkmann H.* Konjunktur und Streik in Deutschland während des Übergangs zum organisierten Kapitalismus // Zeitschrift für Wirtschafts- und Sozialwissenschaften. 1972. Bd. 92. S. 513–544.
- Karlsson R.* Hungerupplopp och strejker, 1793–1867. Lund: Gleerup, 1967.
- Kay M.L.M.* The North Carolina Regulation, 1766–1776: A Class Conflict // The American Revolution / ed. by A.F. Young. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1976.
- Knowles K.G.L.C.* Strikes: A Study in Industrial Conflict with Special Reference to British Experience. 2nd. ed. Oxford: Basil Blackwell, 1952.
- Kornhauser A. et al.* (eds). Industrial Conflict. N.Y.: McGraw-Hill, 1954.
- Lafferty W.* Economic Development and the Response of Labor in Scandinavia. Oslo: Universitets forlaget, 1971.

- Lammers C.* Strikes and Mutinies: A Comparative Study of Organizational Conflicts between Rulers and Ruled // *Administrative Science Quarterly*. 1969. Vol. 14. P. 448–472.
- Laubier P. de.* Esquisse d'une théorie du syndicalisme // *Sociologie du Travail*. 1968. Vol. 10. P. 362–392.
- Lind J.* Foreign and Domestic Conflict: The British and Swedish Labor Movements 1900–1950 / Unpublished Ph.D. dissertation in sociology. University of Michigan. 1973.
- Lorwin V.* Working-Class Politics and Economic Development in Western Europe // *American Historical Review*. 1958. Vol. 63. P. 338–351.
- Lundkvist S.* Folkrörelserna i det svenska samhället, 1850–1920. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1977.
- Maravall J.A.* Estado moderno y mentalidad social. Siglos XV a XVII. 2 vols. Madrid: Ediciones de la Revista de Occidente, 1972.
- Marx G.T.* Civil Disorder and the Agents of Social Control // *Racial Conflict* / ed. by G.T. Marx. Boston: Little, Brown, 1971.
- Marx G.T.* Thoughts on a Neglected Category of Social Movement Participant: The Agent Provocateur and the Informant // *American Journal of Sociology*. 1974. Vol. 80. P. 402–442.
- Marx K.* Capital. 3 vols. L.: Lawrence & Wishart, 1970–1972.
- McCarthy J.D., Zald M.N.* The Trend of Social Movements in America: Professionalization and Resource Mobilization. Morristown, N.J.: General Learning Corporation, 1973.
- Merriman J.* Radicalisation and Repression: A Study of the Demobilization of the 'Democ-Socs' during the Second French Republic // *Revolution and Reaction. 1848 and the Second French Republic* / ed. by R. Price. L.: Croom Helm, 1975.
- Michels R.* Political Parties. Glencoe, Ill.: Free Press, 1949 [1915].
- Moore S.F., Myerhoff B.G.* Symbol and Politics in Communal Ideology. Ithaca: Cornell University Press, 1975.
- Mottez R.* Systèmes de salaire et politiques patronales. Essai sur l'évolution des pratiques et des idéologies patronales. Paris: Editions du Centre Nationale de la Recherche Scientifique, 1966.
- Nipperdey T.* Verein als soziale Struktur in Deutschland im späten 18. und frühen 19. Jahrhundert // H. Boockman et al., *Geschichtswissenschaft und Vereinswesen im 19. Jahrhundert*. Göttingen, Germany: Vandenhoeck & Ruprecht, 1972.
- Ozouf M.* Space and Time in the Festivals of the French Revolution // *Comparative Studies in Society and History*. 1975. Vol. 17. P. 372–384.
- Parker G.* Mutiny and Discontent in the Spanish Army of Flanders 1572–1607 // *Past and Present*. 1973. Vol. 58. P. 38–52.
- Pencavel J.H.* An Investigation into Industrial Strike Activity in Britain // *Economica*. 1970. Vol. 37. P. 239–256.
- Perrot M.* Les ouvriers en grève. 2 vols. Paris: Mouton, 1974.
- Rees A.* Industrial Conflict and Business Fluctuations // *Journal of Political Economy*. 1952. Vol. 60. P. 371–382.
- Rimunger G.V.* The Legitimation of Protest: A Comparative Study in Labor History // *Comparative Studies in Society and History*. 1960. No. 2. P. 329–343.
- Rokkan S.* Citizens, Elections, Parties. Approaches to the Comparative Study of the Processes of Development. Oslo: Universitets forlaget, 1970.
- Ross A.M., Hartman G.W.* Changing Patterns of Industrial Conflict. N.Y.: Wiley, 1960.
- Rudé G.* Wilkes and Liberty. L.: Oxford University Press, 1962.
- Rudé G.* Hanoverian London. L.: Secker & Warburg, 1971.
- Shorter E., Tilly Ch.* Les vagues de grèves en France, 1890–1968 // *Annales. Economies, Sociétés, Civilisations*. 1973. Vol. 28. P. 857–887.
- Shorter E., Tilly Ch.* Strikes in France, 1830–1968. Cambridge: Cambridge University Press, 1974.
- Skeels J.W.* Measures of U.S. Strike Activity // *Labor and Industrial Relations Review*. 1971. Vol. 24. P. 515–525.

- Smith A.W.* Some Folklore Elements in Movements of Protest // *Folklore*. 1966. Vol. 77. P. 241–252.
- Snyder D.* Determinants of Industrial Conflict: Historical Models of Strikes in France, Italy and the United States / Unpublished Ph.D. dissertation in sociology. University of Michigan. 1974.
- Snyder D.* Institutional Setting and Industrial Conflict: Comparative Analyses of France, Italy and the United States // *American Sociological Review*. 1975. Vol. 40. P. 259–278.
- Thompson E.B.* The Making of the English Working Class. L.: Gollancz, 1963.
- Thompson E.B.* 'Rough Music': Le Charivari anglais // *Annales. Economies, Sociétés, Civilisations*. 1972. Vol. 27. P. 285–312.
- Tilly Ch., Tilly L., Tilly R.* The Rebellious Century, 1830–1930. Cambridge: Harvard University Press, 1975.
- Tilly R., Tilly Ch.* An Agenda for European Economic History in the 1970s // *Journal of Economic History*. 1971. Vol. 31. P. 184–197.
- Vanderkamp J.* Economic Activity and Strikes in Canada // *Industrial Relations*. 1970. No. 9. P. 215–230.
- Varagnac A.* Civilisation traditionnelle et genres de vie. Paris: Albin Michel, 1947.
- Weintraub A.* Prosperity versus Strikes: An Empirical Approach // *Industrial and Labor Relations Review*. 1966. Vol. 19. P. 231–238.

## ГЛАВА 6. КОЛЛЕКТИВНОЕ НАСИЛИЕ

- Adams G., Jr.* The Age of Industrial Violence. N.Y.: Columbia University Press, 1966.
- Africa T.W.* Urban Violence in Imperial Rome // *Journal of Interdisciplinary History*. 1971. No. 2. P. 3–22.
- Amiot M. et al.* La violence dans le monde actuel. Paris: Desclée de Brouwer for Centre d'Etudes de la Civilisation Contemporaine, 1968.
- Arendt H.* On Violence. N.Y.: Harcourt, Brace and World, 1970.
- Bergesen A.L.* White or Black Riots? A Reconsideration of the Sources of Violence during the Detroit and Newark Race Riots of 1967 / Unpublished paper presented to the annual meeting of the American Sociological Association. 1976.
- Bernoux Ph. et al.* Violences et société. Paris: Editions Economie et Humanisme/Edition Ouvrières, 1969.
- Bienen H.* Violence and Social Change: A Review of Current Literature. Chicago: University of Chicago Press, 1968.
- Blumenthal M. et al.* Justifying Violence: Attitudes of American Men. Ann Arbor: Institute for Social Research, University of Michigan, 1972.
- Bohstedt J.* Riots in England, 1790–1810, with Special Reference to Devonshire / Unpublished Ph.D. Dissertation in history. Harvard University. 1972.
- Brown R.M.* Strain of Violence. Historical Studies of American Violence and Vigilantism. N.Y.: Oxford University Press, 1975.
- Calhoun D.* Studying American Violence // *Journal of Interdisciplinary History*. 1970. No. 1. P. 163–185.
- Conant R.W., Levin M.A.* (eds). Problems in Research on Community Violence. N.Y.: Praeger, 1969.
- Connery R.* (ed.). Urban Riots: Violence and Social Change // *Proceedings of the Academy of Political Science*. 1968. Vol. 29. Entire issue.
- Conot R.* Rivers of Blood, Years of Darkness. N.Y.: Bantam, 1968.
- Countryman E.* 'Out of the Bounds of the Law': Northern Land Rioters in the Eighteenth Century // *The American Revolution* / ed. by A.F. Young. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1976.
- Critchley T.A.* The Con quest of Violence: Order and Liberty in Britain. L.: Constable, 1970.

- Díaz del M.J.* Historia de las agitaciones campesinas andaluzas—Córdoba. 2nd. ed. Madrid: El Libro del Bolsillo, 1967.
- Ellul J.* Violence. L.: S. C. M. Books, 1970.
- Farré Morego J.M.* Los atentados sociales en España. Madrid: Artes Gráficas, 1922.
- Feagin J.R., Hahn H.* Ghetto Revolts. N.Y.: Macmillan, 1973.
- Feierabend I.K., Feierabend R.L.* Aggressive Behaviors within Politics, 1948–1962: A Cross-National Study // Journal of Conflict Resolution. 1966. Vol. 10. P. 249–271.
- Fischer W.* Social Tensions at Early Stages of Industrialization // Comparative Studies in Society and History. 1966. Vol. 9. P. 64–83.
- Fogelson R.M.* Violence as Protest: A Study of Riots and Ghettos. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1971.
- Gamson W.A.* Stable Unrepresentation in American Society // American Behavioral Scientist. 1968. Vol. 12. P. 15–21.
- Gamson W.A.* The Strategy of Social Protest. Homewood, Ill.: Dorsey, 1975.
- Geertz C.* Is America by Nature a Violent Society? // New York Times Magazine. 1968. April 28.
- Girard L.* Etude comparée des mouvements révolutionnaires en France en 1830, 1848, et 1870–71. 3 parts. Paris: Centre de Documentation Universitaire, 1961.
- Graham H.R., Gurr T.R.* (eds). Violence in America: Historical and Comparative Perspectives. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1969.
- Grimshaw A.D.* Racial Violence in the United States. Chicago: Aldine, 1969.
- Grofman B.N., Muller E.N.* The Strange Case of Relative Gratification and Potential for Political Violence: The V-Curve Hypothesis // American Political Science Review. 1973. Vol. 67. P. 514–539.
- Grundy K.W., Weinstein M.* The Ideologies of Violence. Columbus, Ohio: Charles E. Merrill, 1974.
- Gurr T.R., Grabosky P.N., Hula R.C.* The Politics of Crime and Conflict. A Comparative History of Four Cities. Beverly Hills, Cal.: Sage, 1977.
- Guzmán G. et al.* La violencia en Colombia. 2 vols. Bogota: Universidad Nacional, 1962.
- Hechter M.* Internal Colonialism. The Celtic Fringe in British National Development, 1536–1966. Berkeley: University of California Press, 1975.
- Hirsch H., Ferry D.* (eds). Violence as Politics. N.Y.: Harper & Row, 1973.
- Hobsbawm E.J.* Bandits. N.Y.: Delacorte, 1969.
- Hofstadter R.* Reflections on Violence in the United States // American Violence: A Documentary History / ed. by R. Hofstadter, M. Wallace. N.Y.: Knopf, 1970.
- Holmberg J.C.* The Rush to Violence in Social Analysis: A Review Essay // Historical Methods Newsletter. 1971. No. 4. P. 88–99.
- Hudson M.C.* Conditions of Political Violence and Instability / Sage Professional Papers, 01–005. Beverly Hills, Cal.: Sage, 1970.
- Jobu R.M.* City Characteristics and Racial Violence // Social Science Quarterly. 1974. Vol. 55. P. 52–64.
- Kirkham J.F., Sheldon G.L., Crotty W.J.* Assassination and Political Violence. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1970.
- Lodhi A.Q., Tilly Ch.* Urbanization, Criminality and Collective Violence in Nineteenth Century France // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 79. P. 296–318.
- Lupsha P.* On Theories of Urban Violence // Urban Affairs Quarterly. 1969. No. 4. P. 273–296.
- Lupsha P.* Explanation of Political Violence: Some Psychological Theories versus Indignation // Politics and Society. 1971. No. 2. P. 89–104.
- McHale V.E., Johnson E.A.* Urbanization, Industrialization and Crime in Imperial Germany, Part I // Social Science History. 1976. No. 1. P. 45–78.
- Mehden F. von der.* Comparative Political Violence. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1973.

- Nardin T.* Theories of Conflict Management // *Peace Research Reviews*. 1971a. No. 4. P. 1–93.
- Nardin T.* Violence and the State: A Critique of Empirical Political Theory / *Sage Professional Papers, Comparative Politics Series*. 01-020. Beverly Hills, Cal.: Sage Publications, 1971b. Vol. 2.
- Nardin T.* Conflicting Conceptions of Political Violence // *Political Science Annual* / ed. by C.P. Cotter. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1972. Vol. 4.
- Nesvold B.A.* Scalogram Analysis of Political Violence // *Comparative Political Studies*. 1969. No. 2. P. 172–194.
- Oberschall A.* The Decline of the 1960's Social Movements // *Research in Social Movements, Conflict, and Change* / ed. by L. Kriesberg. Greenwich, Conn.: JAI Press, 1977.
- Paket P., Sity J.W.* Guerrillas in the 1960s. N.Y.: Praeger, 1964.
- Porter R.C., Nagel J.H.* Declining Inequality and Rising Expectations: Relative Deprivation and the Black Urban Riots / *Fels Discussion Paper 96*. Philadelphia: School of Public and Urban Policy. University of Pennsylvania. 1976.
- Price R.N.* The Other Face of Respectability: Violence in the Manchester Brickmaking Trade, 1859–1870 // *Past and Present*. 1975. Vol. 66. P. 110–132.
- Richter D.* Public Order and Popular Disturbances in Great Britain, 1865–1914 / Unpublished Ph.D. dissertation in modern history. University of Maryland. 1965.
- Richter D.* The Role of Mob Riot in Victorian Elections, 1865–1885 // *Victorian Studies*. 1971. No. 14–15. P. 19–28.
- Rubenstein R.E.* Rebels in Eden: Mass Political Violence in the United States. Boston: Little, Brown, 1970.
- Rumpf E.* Nationalismus und Sozialismus in Irland. Meisenheim: Hain, 1959.
- Sheppard F.* London 1808–1870: The Infernal Wen. L.: Secker & Warburg, 1971.
- Shorter E., Tilly Ch.* Le déclin de la grève violente en France de 1890 à 1935 // *Le mouvement social*. 1971. Vol. 79. P. 95–118.
- Skolnick J.* The Politics of Protest: Violent Aspects of Protest and Confrontation. Washington: U.S. Government Printing Office, 1969.
- Snyder D., Kelly W.R.* Industrial Violence in Italy, 1878–1903 // *American Journal of Sociology*. 1976. Vol. 82. P. 131–162.
- Snyder D., Kelly W.R.* Conflict Intensity, Media Sensitivity and the Validity of Newspaper Data // *American Sociological Review*. 1977. Vol. 42. P. 105–123.
- Snyder D., Tilly Ch.* Hardship and Collective Violence in France, 1830 to 1960 // *American Sociological Review*. 1972. Vol. 37. P. 520–532.
- Spilerman S.* Structural Characteristics of Cities and the Severity of Racial Disorders // *American Sociological Review*. 1976. Vol. 41. P. 771–792.
- Stevenson J.* Food Riots in England, 1792–1818 // *Popular Protest and Public Order*. Six Studies in British History, 1790–1920 / ed. by J. Stevenson, R. Quinault. L.: George Allen & Unwin, 1974.
- Stohl M.* War and Domestic Political Violence. The American Capacity for Repression and Reaction. Beverly Hills, Cal.: Sage, 1976.
- Taft Ph., Ross Ph.* American Labor Violence: Its Causes, Character and Outcome // *Violence in America* / ed. by H.D. Graham, T.R. Gurr. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1969.
- Thompson E.P.* The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century // *Past and Present*. 1971. Vol. 50. P. 76–136.
- Tilly Ch.* The Changing Place of Collective Violence // *Essays in Social and Political History* / ed. by M. Richter. Cambridge: Harvard University Press, 1970.
- Tilly Ch.* Food Supply and Public Order in Modern Europe // *The Formation of National States in Western Europe* / ed. by Ch. Tilly. Princeton: Princeton University Press, 1975.
- Tilly L.A.* The Food Rut as a Form of Political Conflict in France // *Journal of Interdisciplinary History*. 1971. No. 2. P. 23–57.

- Tilly R.* Protest and Collective Violence in Germany During Modernization (1800–1914) / Unpublished manuscript. Institut für Wirtschafts- und Sozialgeschichte. Westfälische Wilhelms-Universität. 1975.
- Toch H.* Violent Men: An Inquiry into the Psychology of Violence. Chicago: Aldine, 1969.
- Walter E.V.* Terror and Resistance: A Study of Political Violence. N.Y.: Oxford University Press, 1969.
- Wernet D.R.* Political Violence and German Elections: 1930 and July, 1932 / Unpublished Ph.D. dissertation in sociology. University of Michigan. 1974.
- Wolfgang M.E., Ferracuti F.* The Subculture of Violence. L.: Tavistock, 1967.

## ГЛАВА 7. РЕВОЛЮЦИЯ И ВОССТАНИЕ

- Amann P.* Revolution: A Redefinition // *Political Science Quarterly*. 1962. Vol. 77. P. 36–53.
- Andreski S.* Military Organization and Society. Berkeley: University of California Press, 1968.
- Ardant G.* Théorie sociologique de l'impôt. 2 vols. Paris: S.E.V.P.E.N., 1965.
- Arendt H.* On Revolution. L.: Faber & Faber, 1963.
- Arendt H.* Thoughts on Politics and Revolution // *New York Review of Books*. 1971. Vol. 16. P. 8–20.
- Aya R.* The Missed Revolution. The Fate of Rural Rebels in Sicily and Southern Spain, 1840–1950 // *Antropologisch-Sociologisch Centrum. Papers in European and Mediterranean Societies*. University of Amsterdam. 1975. No. 3.
- Baechler J.* Les phénomènes révolutionnaires. Paris: Presses Universitaires de France, 1970.
- Bell D.V.I.* Resistance and Revolution. Boston: Houghton Mifflin, 1973.
- Bezucha R.* The Lyon Uprising of 1834. Social and Political Conflict in the Early July Monarchy. Cambridge: Harvard University Press, 1974.
- Braudel F.* La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. 2nd ed. Paris: Colin, 1966.
- Brenan G.* The Spanish Labyrinth: An Account of the Social and Political Background of the Civil War. Cambridge: Cambridge University Press, 1943.
- Brinton C.* The Anatomy of Revolution. Rev. ed. N.Y.: Knopf, 1965.
- Calvert P.* A Study of Revolution. Oxford: Clarendon Press, 1970.
- Cantor N.F.* The Age of Protest. Dissent and Rebellion in the Twentieth Century. L.: George Allen & Unwin, 1970.
- Chirot D., Ragin Ch.* The Market, Tradition and Peasant Rebellion: The Case of Romania in 1907 // *American Sociological Review*. 1975. Vol. 40. P. 428–444.
- Chorley K.* Armies and the Art of Revolution. L.: Faber & Faber, 1943.
- Clark M.* The Failure of Revolution in Italy, 1919–1920 / Occasional Papers No. 5. Centre for the Advanced Study of Italian Society. University of Reading. 1973.
- Cobb R.* The Revolutionary Mentality in France, 1793–1794 // *History*. 1957. Vol. 42. P. 81–96.
- Daly W.T.* The Revolutionary: A Review and Synthesis / Sage Professional Papers. Comparative Politics Series. 01–025. Beverly Hills, Cal.: Sage, 1972.
- Davies J.C.* Toward a Theory of Revolution // *American Sociological Review*. 1962. Vol. 27. P. 5–19.
- Debray R.* Revolution in the Revolution? Armed Struggle and Political Struggle in Latin America. N.Y.: Grove, 1967.
- Del Carria R.* Proletari senza rivoluzione: Storia delle classe subalterne italiane dal 1860 al 1954. 2 vols. Milan: Oriente, 1966.
- Dunn J.* Modern Revolutions. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Duweau G.* 1848. Paris: Gallimard, 1965.
- Eckstein H.* On the Etiology of Internal Wars // *History and Theory*. 1965. No. 4. P. 133–163.

- Eckstein S.* The Impact of Revolution: A Comparative Analysis of Mexico and Bolivia / Sage Professional Papers. Contemporary Political Sociology Series. 06–016. Beverly Hills, Cal.: Sage, 1976.
- Edwards L.P.* The Natural History of Revolution. Chicago: University of Chicago Press, 1927.
- Eisenstadt S.N.* The Political Systems of Empires. N.Y.: Free Press, 1963.
- Ellul J.* Autopsie de la révolution. Paris: Calmann-Levy, 1969.
- Engels F.* Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft. Zürich: Volksbuchhandlung, 1886.
- Fanon F.* The Wretched of the Earth. N.Y.: Grove, 1964.
- Fletcher A.* Tudor Rebellions. L.: Longmans, 1968.
- Friedrich C.J.* (ed.). Revolution. N.Y.: Atherton, 1966.
- Gamson W.A.* Power and Discontent. Homewood, Ill.: Dorsety, 1968.
- Gillis J.* Political Decay and the European Revolutions, 1789–1848 // World Politics. 1970. Vol. 22. P. 344–370.
- Gluckman M.* Order and Rebellion in Tribal Africa. N.Y.: Free Press, 1963.
- Gorz A.* Réforme et révolution. Paris: Seuil, 1969.
- Greene T.H.* Comparative Revolutionary Movements. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1974.
- Gurr T.R.* Why Men Rebel. Princeton: Princeton University Press, 1969.
- Gurr T.R.* The Revolution-Social Change Nexus. Some Old Theories and New Hypotheses // Comparative Politics. 1973. No. 5. P. 359–392.
- Hermass E.* Toward a Comparative Study of Revolutions // Comparative Studies in Society and History. 1976. Vol. 16. P. 211–235.
- Hilton R.* Bond Men Made Free. Medieval Peasant Movements and the English Rising of 1381. L.: Temple Smith, 1973.
- Hobsbawm E.L.* The Age of Revolution. Europe, 1789–1848. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1962.
- Hobsbawm E.L.* Revolutionaries. L.: Weidenfeld & Nicolson, 1973.
- Huizer G.* Peasant Rebellion in Latin America. Harmondsworth, England: Penguin, 1973.
- Huntington S.* Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968.
- Janos A.* Revolutionary Change. Boston: Little, Brown, 1966.
- Jessop B.* Social Order, Reform and Revolution. A Power, Exchange and Institutionalization Perspective. L.: Macmillan, 1972.
- Kautsky J.H.* Patterns of Modernizing Revolution: Mexico and the Soviet Union / Sage Professional Papers. Comparative Politics Series. 01–056. Beverly Hills, Cal.: Sage, 1975.
- Kim Kyung-Won.* Revolution and International System. N.Y.: New York University Press, 1970.
- Kirchheimer O.* Confining Conditions and Revolutionary Breakthroughs // American Political Science Review. 1965. Vol. 59. P. 964–974.
- Korpi W.* Conflict and the Balance of Power // Acta Sociologica. 1974a. Vol. 17. P. 99–114.
- Korpi W.* Conflict, Power and Relative Deprivation // American Political Science Review. 1974b. Vol. 68. P. 1569–1578.
- Kort F.* The Quantification of Aristotle's Theory of Revolution // American Political Science Review. Vol. 46. P. 486–493.
- Langer W.L.* Political and Social Upheaval, 1832–1852. N.Y.: Harper & Row, 1969.
- Laqueur W.* Revolution // International Encyclopedia of the Social Sciences. 1968. Vol. 13. P. 501–507.
- Larson R.* Theories of Revolution, from Marx to the First Russian Revolution. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1970.
- Leggett J.* Taking State Power. N.Y.: Harper & Row, 1973.
- Lenin V.I.* The Valuable Admissions of Pitirim Sorokin // Lenin V.I. Selected Works. N.Y.: International Publishers, 1967a.

- Lenin V.I.* What Is to Be Done? Burning Questions of Our Movement // Lenin V.I. Selected Works. N.Y.: International Publishers, 1967b.
- Lewis J.W.* (ed.). Peasant Rebellion and Communist Revolution in Asia. Stanford: Stanford University Press, 1974.
- Lida C.E.* Anarquismo y revolución en la España del XIX. Madrid: Siglo, 1972.
- Lipset S.M., Earl Raab.* The Politics of Unreason: Right-Wing Extremism in America, 1790–1970. N.Y.: Harper & Row, 1970.
- Lukes S.* Power: A Radical View. L.: Macmillan, 1974.
- Mao Tse-Tung.* Carry the Revolution through to the End // Mao Tse-Tung. Selected Works. Peking: Foreign Languages Press, 1961. Vol. 4.
- Mao Tse-Tung.* The Chinese Revolution and the Chinese Communist Party // Mao Tse-Tung. Selected Works. Peking: Foreign Languages Publishing House, 1965a. Vol. 2.
- Mao Tse-Tung.* On Protracted War // Mao Tse-Tung. Selected Works. Peking: Foreign Languages Publishing House, 1965b. Vol. 2.
- Melotti U.* Rivoluzione et società. Milan: La Culturale, 1965.
- Mitchell H.* The Vendée and Counterrevolution: A Review Essay // French Historical Studies. 1968. Vol. 5. P. 405–429.
- Mollat M., Wolff Ph.* The Popular Revolution of the Late Middle Ages. L.: George Allen & Unwin, 1973.
- Monnerot J.* Sociologie de la révolution. Paris: Artheme Fayard, 1969.
- Moore B., Jr.* Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston: Beacon, 1966.
- Moore B., Jr.* Revolution in America // New York Review of Books. 1969. January 30. P. 6–12.
- Noyes P.H.* Organization and Revolution. Working Class Associations in the German Revolution of 1848–49. Princeton: Princeton University Press, 1966.
- Paige J.* Agrarian Revolution. Social, Movements and Export Agriculture in the Underdeveloped World. N.Y.: Free Press, 1975.
- Pinkney D.* The Crowd in the French Revolution of 1830 // American Historical Review. 1964. Vol. 70. P. 1–17.
- Romano S.F.* Storia dei Fasci Siciliani. Bari: Laterza, 1959.
- Rule J., Tilly Ch.* 1830 and the Unnatural History of Revolution // Journal of Social Issues. 1972. Vol. 28. P. 49–76.
- Russell D.E.H.* Rebellion, Revolution, and Armed Force. N.Y.: Academic, 1974.
- Sabeau D.* Landbesitz und Gesellschaft am Vorabend des Bauernkriegs. Stuttgart: Gustav Fischer, 1972.
- Salert B.* Revolutions and Revolutionaries. Four Theories. N.Y.: Elsevier, 1976.
- Scheiner I.* The Mindful Peasant: Sketches for a Study of Rebellion // Journal of Asian Studies. 1973. Vol. 32. P. 579–591.
- Skocpol T.* France, Russia, China: A Structural Analysis of Social Revolution // Comparative Studies in Society and History. 1976. Vol. 16. P. 175–210.
- Smelser N.* Theory of Collective Behavior. N.Y.: Free Press, 1963.
- Soldani S.* Contadini, operai e 'popolo nella rivoluzione del 1848–49 in Italia // Studi Storici. 1973. Vol. 14. P. 557–613.
- Sorel G.* Reflections on Violence. N.Y.: Macmillan, 1961.
- Starbuck W.H.* Tadpoles into Armageddon and Chrysler roto Butterflies // Social Science Research. 1973. No. 1–2. P. 81–109.
- Stone L.* The Causes of the English Revolution, 1529–1642. L.: Routledge & Kegan Paul, 1972.
- Tanter R., Midlarsky M.* A Theory of Revolution // Journal of Conflict Resolution. 1967. Vol. 11. P. 264–280.
- Tilly Ch.* Reflections on the Revolutions of Paris: An Essay on Recent Historical Writing // Social Problems. 1964. Vol. 12. P. 99–121.
- Tilly Ch.* Does Modernization Breed Revolution? // Comparative Politics. 1973. No. 5. P. 425–447.
- Tilly Ch.* Revolutions and Collective Violence // Handbook of Political Science / ed. by F.I. Greenstein, N. Polsby. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1975. Vol. 3.

- Tilly Ch., Lees L.* Le peuple de juin 1848 // *Annales. Economies, Sociétés, Civilisations.* 1974. Vol. 29. P. 1061–1091.
- Tilly L.A.* I Fatti di Maggio: The Working Class of Milan and the Rebellion of 1898 // *Modern European Social History* / ed. by R.J. Bezucha. Lexington, Mass.: D.C. Heath, 1972.
- Trotsky L.* History of the Russian Revolution. 2 vols. L.: Gollancz, 1965.
- Wakeman F. (Jr.)*. Strangers at the Gate: Social Disorders in South China, 1839–1861. Berkeley: University of California Press, 1966.
- Waldman E.* The Spartacist Uprising of 1919. Milwaukee: Marquette University Press, 1958.
- Walzer M.* The Revolutionary Uses of Repression // *Essays in Theory and History: An Approach to the Social Sciences* / ed. by M. Richter. Cambridge: Harvard University Press, 1970.
- Wilkie J.W.* The Mexican Revolution. Federal Expenditure and Social Change since 1910. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1970.
- Wolf E.* Peasant Wars of the Twentieth Century. N.Y.: Harper & Row, 1969.
- Womack J. (Jr.)*. Zapata and the Mexican Revolution. Cambridge: Harvard University Press, 1969.
- Zagorin P.* Prolegomena to the Comparative History of Revolution in Early Modern Europe // *Comparative Studies in Society and History.* 1976. Vol. 18. P. 151–174.

## ГЛАВА 8. ЗАКЛЮЧЕНИЯ И НОВЫЕ НАЧИНАНИЯ

- Bercé Y.-M.* Croquants et Nu-Pieds. Les soulèvements paysans en France du XVIe au XIXe siècle. Paris: Gallimard/Juilliard, 1974a.
- Bercé Y.-M.* Histoire des Croquants. 2 vols. Paris: Droz, 1974b.
- Brown R.M., Fehrenbacher D.E.* (eds). Tradition, Conflict, and Modernization: Perspectives on the American Revolution. N.Y.: Academic Press, 1977.
- Cobban A.* The Social Interpretation of the French Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1964.
- Darvall F.O.* Popular Disturbances and Public Order in Regency England. Oxford: Oxford University Press, 1934.
- Godechot J.* The Taking of the Bastille. N.Y.: Scribner, 1970.
- Gratton Ph.* Les luttes de classes dans les campagnes. Paris: Anthropos, 1971.
- Hamburger J.* James Mill and the Art of Revolution. New Haven: Yale University Press, 1963.
- Hay D. et al.* Albion's Fatal Tree. Crime and Society in Eighteenth-Century England. N.Y.: Pantheon, 1975.
- Hindus M.S.* A City of Mobocrats and Tyrants: Mob Violence in Boston, 1747–1863 // *Issues in Criminology.* 1971. No. 6. P. 55–83.
- Hoerder D.* Crowd Action in a Revolutionary Society. Massachusetts 1765–1780. N.Y.: Academic, 1977.
- Hoffman R.* The 'Disaffected' in the Revolutionary South // *The American Revolution* / ed. by A.F. Young. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1976.
- Jones D.L.V.* Before Rebecca. Popular Protests in Wales, 1793–1835. L.: Allen Lane, 1973.
- Laurent R.* Les Vignerons de la 'Côte d'Or' au dix-neuvième siècle. 2 vols. Paris: Les Belles Lettres, 1957.
- Knollenberg B.* Origins of the American Revolution: 1759–1766. Rev. ed. N.Y.: Free Press, 1965.
- Lebrun F.* Le XVIIIe siècle. Paris: Colin. Collection "U", 1967.
- Le Goff T.L.A., Sutherland D.M.G.* The Revolution and the Rural Community in Eighteenth-Century Brittany // *Past and Present.* 1974. Vol. 62. P. 96–119.
- Lemisch J.* The American Revolution Seen from the Bottom Up // *Towards a New Past* / ed. by B.J. Bernstein. N.Y.: Vintage, 1968.

- Lemisch J., Alexander J.K.* The White Oaks, Jack Tar, and the Concept of the 'Inarticulate' // William and Mary Quarterly. 1972. Vol. 29. P. 109–142.
- Lockridge K.P.* The American Revolution, Modernization, and Man // Center for Research on Social Organization. University of Michigan. 1976. Working Paper 139.
- Lublinskaya A.D.* French Absolutism: The Crucial Phase, 1620–1629. Cambridge: Cambridge University Press, 1968.
- Lucas C.* The Structure of the Terror. The Example of Javogues and the Loire. L.: Oxford University Press, 1973.
- Maier P.* From Resistance to Revolution. Colonial Radicals and the Development of American Opposition to Britain, 1765–1776. N.Y.: Random House, 1972.
- Mather F.C.* Public Order in the Age of the Chartists. Manchester: Manchester University Press, 1959.
- Mazauric C.* Sur la révolution française. Paris: Editions Sociales, 1970.
- Merkiman J.* Social Conflict in France and the Limoges Revolution of April 27, 1848 // Societas. 1974. No. 4. P. 21–38.
- Merkiman J.* The Demoiselles of Ariège // 1830 in France / ed. by J. Merriman. N.Y.: Franklin Watts, 1975.
- Moore B., Jr.* Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston: Beacon, 1966.
- Mousnier R.* La plume, la faucille et le marteau. Paris: Presses Universitaires de France, 1970.
- Munby L.M.* (ed.). The Luddites and Other Essays. L.: Katanka, 1971.
- Munger F.W., Jr.* A Comparison of the Dissatisfactions and Collective Action Models of Protest: The Case of the Working Classes of Lancashire, England, 1793–1830 / Working Paper No. 105. Center for Research on Social Organization. University of Michigan. 1974.
- Munger F.W., Jr.* Popular Protest and its Suppression in Early Nineteenth Century Lancashire, England: A Study of Historical Models of Protest and Repression / Unpublished manuscript. University of Michigan. 1977.
- Nash C.B.* Social Change and the Growth of Prerevolutionary Urban Radicalism // The American Revolution / ed. by A.F. Young. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1976.
- Palmer R.R.* The Fading Dream: How European Revolutionaries Have Seen the American Revolution // The Walter Prescott Webb Memorial Lectures. Essays on Modern European Revolutionary History / ed. by B. Lackner, K.R. Philp. Austin: University of Texas Press, 1977.
- Peacock A.J.* Bread or Blood: The Agrarian Riots in East Anglia: 1816. L.: Gollancz, 1965.
- Pillorget R.* Les mouvements insurrectionnels de Provence entre 1596 et 1715. Paris: Pedone, 1975.
- Porchnev B.* Les soulèvements populaires en France de 1623 à 1648. Paris: Mouton, 1963.
- Powell G.B.* Incremental Democratization: The British Reform Act of 1832 // Crisis, Choice and Change. Historical Studies of Political Development / ed. by G.A. Almond, S.C. Flanagan, R.L. Mundt. Boston: Little, Brown, 1973.
- Rogers A.* Empire and Liberty. American Resistance to British Authority, 1755–1763. Berkeley: University of California Press, 1974.
- Rokkan S.* Models and Methods in the Comparative Study of Nation Building // Acta Sociologica. 1969. Vol. 12. P. 52–73.
- Rothman S.* Barrington Moore and the Dialectics of Revolution: An Essay Review // American Political Science Review. 1970. Vol. 64. P. 61–82.
- Roupnel G.* La Ville et la campagne au XVIIe siècle. Etude sur les populations du pays dijonnais. Paris: Colin, 1955.
- Rudé G.* The Crowd in History. A Study of Popular Disturbances in France and England, 1730–1848. N.Y.: Wiley, 1964.
- Rudé G.* English Rural and Urban Disturbances on the Eve of the First Reform Bill, 1830–1831 // Past and Present. 1967. Vol. 37. P. 87–102.
- Rudé G.* Paris and London in the 18th Century. L.: Collins, 1970.

- Ryerson R.A.* Political Mobilization and the American Revolution: The Resistance Movement in Philadelphia, 1765 to 1776 // *William and Mary Quarterly*. 1974. Vol. 31. P. 565–588.
- Saint-Jacob P. de.* Les Paysans du Bourgogne du Nord. Paris: Les Belles Lettres, 1960.
- Smith W.A.* Anglo-Colonial Society and the Mob, 1740–1775 / Unpublished Ph.D. dissertation in history. Claremont Graduate School and University Center. 1965.
- Stone L.* News from Everywhere // *New York Review of Books*. 1967. August 24. P. 31–35 (review of B. Moore, Jr. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*).
- Tocqueville A. de.* The Old Regime and the French Revolution. N.Y.: Doubleday Anchor, 1955.
- Vester M.* Die Entstehung des Proletariats als Lernprozeß. Die Entstehung anti kapitalistischer Theorie und Praxis in England 1792–1848. Frankfurt/M.: Europäische Verlagsanstalt, 1970.
- Williams G.W.* Artisans and Sans-Culottes: Popular Movements in France and Britain During the French Revolution. L.: Arnold, 1968.
- Wood G.S.* A Note on Mobs in the American Revolution // *The William and Mary Quarterly*. 3rd Series. 1966. Vol. 23. P. 635–642.
- Young A.F.* Pope's Day, Tar and Feathers and 'Cornet Jouce, Jun'. From Ritual to Rebellion in Boston, 1745–1775 / Unpublished paper presented to the Anglo-American Labor Historians Conference. Rutgers University, 1973.



СЕРИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ»  
основана в 2009 г. Валерием Анашвили

В серии вышли: <id.hse.ru/books/series/17870538>

*Научное издание*

Чарльз Тилли  
ОТ МОБИЛИЗАЦИИ К РЕВОЛЮЦИИ

Заведующая книжной редакцией ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА  
Редактор МАРИНА КОВАЛЕВА  
Верстка ЛЮБОВЬ МАЛИКИНА  
Корректор ВАЛЕРИЯ КАМЕНЕВА

Дизайн обложек серии: ABCdesign  
ПОЛИНА ЛАУФЕР,  
ТАТЬЯНА БОРИСОВА  
Дизайн блока серии: СЕРГЕЙ ЗИНОВЬЕВ

В оформлении обложки использована фотография  
из журнала *Bell telephone magazine* (1922)  
<[https://commons.wikimedia.org/wiki/File:  
Bell\\_telephone\\_magazine\\_\(1922\)\\_\(14569468819\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File: Bell_telephone_magazine_(1922)_(14569468819).jpg)>

Национальный исследовательский университет  
«Высшая школа экономики»  
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20,  
тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Формат 60×100/16. Усл. печ. л. 34,8  
Уч.-изд. л. 23,4. Печать струйная ролевая  
Тираж 1000 экз. Изд. № 2071. Заказ №

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»  
Филиал «Чеховский Печатный Двор»  
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1  
[www.chpd.ru](http://www.chpd.ru), e-mail: [sales@chpd.ru](mailto:sales@chpd.ru), тел.: 8 (499) 270-73-59